

**ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Марк Аркадьевич Юсим

ИСТОРИЯ И МОРАЛЬ

**Ценности и время.
Субъективный фактор в истории**

Москва, 2014

УДК 93
ББК 63.3
Ю – 895

Рецензенты:

Доктор исторических наук КСЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА ХВОСТОВА
Доктор философских наук АРКАДИЙ ИСААКОВИЧ ЛИПКИН

Юсим М.А.

История и мораль. Ценности и время. Субъективный фактор в истории. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2014. – 386 с. – ISBN 978-5-94067-418-4

Содержание и смысл истории как процесса, его описания и исследования рассматриваются, исходя из понятия субъективности как синонима оценочности и целеполагания. Применительно к человеческому обществу эти феномены, сущностные для всей живой природы, описаны через понятие «морали», которое в расширительном смысле охватывает всю сферу разумно и ценностно детерминированных выборов.

Подход к истории как к процессу развития, в котором взаимодействуют внешние факторы и познающий субъект, продемонстрирован через характеристики отдельных аспектов человеческой деятельности, через представление об экономической, социальной, политической культурной (духовной) эволюции общества. «Мораль» в конечном счете выступает в качестве механизма видового приспособления и совершенствования человека, воплощением и полем которого является история.

На лицевой стороне обложки:

Сизиф. Гравюра Франца Штобера по рисунку Маттеуса Лодера.
Первая половина XIX в. Университетская библиотека Зальцбурга.

ISBN 978-5-94067-418-4

© Юсим М.А., 2014
© Институт Всеобщей истории, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Вступительные пояснения.....	5
II. Мораль как условие истории. Значение субъективности в истории и ценностного подхода в исторической науке...68	
1. Научные понятия.....	68
2. История как наука. Условия и смысл истории.....	72
3. Понятие ценности и его связь с живым.....	97
4. Понятия морали и этического, их расширительное толкование с точки зрения ценностного подхода к истории.....	106
5. Мораль, логика и истина. (Истина как взаимоотношение между субъектом и объектом).....	112
6. Иерархия ценностей и природа (противоречивость ценностей).....	117
7. Природа и культура, их разнонаправленность.....	118
8. Предполагаемая нерасчлененность бытия и историческое конструирование.....	120
9. Идея прогресса и движения, ее противоречивость и необходимость.....	125
10. Общее и различное в истории человечества.....	133
11. Хронология и этапы развития – их условность и объективность.....	135
12. Субъективность, ценности, мораль и структура исторических знаний.....	138
13. (Само)ценность индивидуального. История как наука о повторяющемся неповторимом. Эмпирическое знание и научное описание вещей – роль определения понятий.....	143

III. Некоторые из существующих теорий и способов объяснения истории.....	148
IV. История хозяйственной эволюции человечества и субъективный фактор.....	177
V. История социальной эволюции человечества и мораль	235
VI. История политической эволюции и мораль.....	282
VII. История культурной (духовной) эволюции человечества и субъективный фактор.....	316
VIII. Заключение.....	363
Некоторые итоги.....	373
Подробное содержание	379

ИСТОРИЯ И МОРАЛЬ

Ценности и время. Субъективный фактор в истории.

I. Вступительные пояснения.

Прежде всего стоит сказать о цели написания этого текста, о его жанре и содержании. Он посвящен самому феномену исторического сознания и тем способам осмысления прошлого, которые, по мнению автора, значимы сегодня.

Оказывается, чтобы ответить на простой вопрос: как поступать правильно, нужно написать как минимум книгу. Правда, здесь обсуждается и то, что значит вообще «поступать правильно», и какое отношение все это имеет к истории. К суммарному ответу на эти вопросы мы вернемся в конце, а пока стоит сказать о предыстории нижеследующего текста.

Мои прежние публикации были связаны с изучением и переводами сочинений по истории и сопредельным дисциплинам. Чтение книг Макиавелли, Броделя, Парето и тому подобных рождало мысли, которые не всегда можно было высказать в порядке комментария к ним, а тем более привести в определенный порядок.

В данном случае эти мысли собраны воедино и представляют собой некоторую массу положений, высказанных часто в афористической форме, в виде выводов, снабженных сравнительно небольшим числом примеров и доказательств. Передо мной не стояла задача анализировать и комментировать конкретные тексты и изучать историю вопросов, такая задача была бы в этих масштабах невыполнимой. Известные имена служат скорее ориентирами при обращении к философским аспектам истории.

История не описывается строгими схемами, поэтому систематичность изложения сведена здесь до минимума: это в значительной мере замечания и заметки, краткие определения некоторых терминов и понятий. Разноречивость в этих определениях объясняется внутренней противоречивостью

предметов. Я старался сократить повторения, однако все же они остались, так как мысль идет по кругу. Конкретные примечания с цитированием сведены до минимума, но есть немало отсылок и скрытых цитат, авторство которых более или менее очевидно для читателя.

Смысл и жанр

О жанре. Отправной пункт в данном случае достаточно прост: вся история может быть представлена как взаимодействие двух полюсов, своего рода диалог между двумя сторонами – внешними обстоятельствами, факторами, потребностями, принуждениями – и волей субъектов, преломляющих их в соответствии со своими виртуальными (искусственными, вторичными по отношению к чувственным) моделями, построенными на основе тех же внешних данных.

В качестве принуждающих по отношению к человечеству выступают факторы природы и культуры¹.

Собственно человеческая культура начинается с того условного момента, когда философы и вообще люди стали рассматривать себя как особых животных, то есть отделили себя от животных. История человеческого рода – это история развития человеческой субъективности в тех рамках, которые заданы природой. В данном случае речь пойдет о механизмах этого развития, связанных с понятием «ценности» и производным от него понятием «морали».

Цель этой книги – показать, что вне времени не может быть ценностей, ценности рождаются из идеи перетекания

¹ Нужно сразу оговориться, что все, воспринимаемое сознанием как внешнее, объект, выступает в некотором смысле в качестве принуждающего фактора. При этом все, что отождествляется с «Я» и с возможностью выбора - субъективно. То есть все вещи в разных аспектах могут рассматриваться и как элементы объективного, и как элементы субъективного начала. Культура является одновременно и принуждением, и выражением субъективности человечества.

будущего в прошлое², из возможности влиять на этот процесс действиями в настоящем. Поэтому ценности преходящи, включая само время – бытие как вечное есть недостижимая ценность, но точка во времени обладает по-своему также непреходящей ценностью, уже в силу своей неповторимости, отсюда вытекают и важность, и возможность истории. Главный предмет настоящих рассуждений – роль ценностей в жизни и истории.

Одна из основных проблем, вытекающих из вопроса о ценностях и поступках – рациональность морали, доля совместимости морального выбора с разумностью, пользой, успехом, достигаемым результатом. Другая сторона – заданность поступков, вменяемость, ответственность, историческая необходимость и свобода выбора.

Вопрос о предмете и названии. Использование слова «мораль» в данном случае выходит за рамки узко традиционного понимания (как совокупности общепринятых норм поведения), поскольку круг подразумеваемых предметов гораздо шире – это «виртуальность» вообще, отражение, сознание и оценка. Имеется в виду оценка как порождающий, определяющий и вместе с тем субъективный фактор. Моральные суждения представляют собой частный случай оценочных, но для истории он самый существенный.

Эта оговорка чрезвычайно важна, так как применяемое здесь расширение значения слова «мораль» на все ценностные отношения – произвольное допущение, необходимое вследствие отсутствия более подходящих слов. Сам «научный» взгляд на мораль, взгляд со стороны не предполагает рекомендаций и оценочных суждений, его предмет можно обозначить и как мораль, и как аморальность, подобно тому,

² Будущее, то есть еще не случившееся, случившись, становится прошлым. Но «обыденному сознанию» этот процесс представляется прежде всего как становление будущего из прошлого, переход от прошедшего, случившегося, в будущее, то что случается сейчас или еще не случилось.

что рассуждение о знании является одновременно рассуждением о незнании.

Можно также сказать, что речь идет об идее Бога³. Как идея, исторически, Бог в этическом смысле это и есть мораль, и наоборот, мораль есть Бог, то есть идея Бога – это отвлеченная от материи ценность, непреходящая ценность, ценность бытия, не зависящего от времени; это логическая основа религии, непосредственно не связанная с культом.

Мораль – это правила и законы, которые управляют поступками индивида в интересах общества. Но круг побуждений отдельного человека гораздо шире морали в этом узком смысле слова. Для истории и ее понимания важны все побуждения, которые управляют людьми, в той или иной степени осознаются ими, имеют более или менее обязательный характер, принимаются и отвергаются, ощущаются как собственные или как навязанные, как внутренний закон или закон, действующий извне. Степень совпадения и соотношения внешнего и внутреннего может быть разной, но вся история совершается в рамках этого взаимодействия, в принятии массы решений и в оценке их результатов. Об этом и идет речь с точки зрения значения морали для истории.

Это также своего рода учение о становлении, о динамике истории – о связи между ее базовыми, неподвижными или почти неподвижными законами (и ржавыми механизмами) и зыбкой гладью событий – о том, как вечное (идеи) преломляется во временном и воплощается в плоть и кровь реальности.

У людей всегда есть представление о правильном, о том как должно быть, о том, к чему надо стремиться, и о том, что реально может наступить. История собственно рассказывает о том, что происходит в пространстве между должным, желаемым и реальным, то есть там, где человек может при-

³ С прописной Бог как персонализированная сущность, или единый бог в конкретной религии; со строчной - бог как отвлеченная идея, один из множества.

ложить свою волю и усилия. Это пространство деятельности и есть пространство морали.

Время и жизнь

Время – главнейший из законов и принуждающих факторов, важнейшая данность, которая противостоит человеку и одновременно используется им. Принцип органического развития (начало и конец, рождение, зрелость и смерть, жизнь клеток и организмов по заданной программе), заложенный в живой природе, сочетает в себе необходимость и целесообразность, безусловное принуждение и вариативность, иерархию целей и идею ценности. Эти же элементы сохраняют свое значение и в истории человеческого общества, поэтому они имеют прямое отношение к разговору о морали как исходные условия для ее появления на свет.

Ценность и время – так можно по-другому озаглавить этот текст. Существует ли ценность вне времени и не есть ли история осуществление самой идеи ценности с точки зрения текучести вещей (то есть времени)? Время есть синоним постоянного перехода начала в конец, между которыми есть предполагаемая точка настоящего – истинное бытие, вечность, которой вне времени, возможно, и нет. Указанная точка воспринимается сознанием как точка в вечности, но реальное историческое время мы мыслим как некую протяженность с размытыми краями – то есть точка превращается в пятно. Это пятно – это отрезок истории, который конструируется в мысли именно как дополнение к реальности. Отрезок некоего постоянства в потоке перемен. В этом конструировании, между прочим, заключается как смысл исторической периодизации, которая наделяет некий участок в пространстве времени постоянными свойствами, так и смысл истории вообще, которая фиксирует уже несуществующее, прошедшее, как некое подобие вечного, нечто, ставшее чистой идеей.

Жизнь и ее переживание в описании суть не что иное, как координаты пространства и времени плюс вектор направ-

ления движения. При этом перемещение в пространстве активно, а во времени – пассивно. Время – главная координата жизни и изменения, она не зависит от воли субъекта. Сущность жизни – нахождение между прошлым (бывшим, абсолютно истинным) и будущим (небывшим, вероятно истинным). Момент «сейчас» – переход второго в первое.

Время противоречиво, потому что в нем совпадают отрицающие друг друга жизнь и смерть. Оно не имеет цельности, потому что точки настоящего как бы не существует – она одновременно одной ногой в прошлом и другой в будущем, это две составляющие одной точки. Эта разделенность времени на две (или на три) части логически соответствует цикличности бытия вещей и ритму «космоса». (Она же повторяется и в периодизациях). Упомянутый ритм выражается и в таких разных и глобальных вещах, как дыхание, секс и музыка. С точки зрения неподвижного бытия человека можно мыслить мертвым или живым – это все равно. Если устранить время – я как бы мертв (неподвижен). Жизнь – это движение, но притом постоянное изменение, неравенство самому себе, неполноценность.

Ценности можно мыслить вне времени как части некоего древа или иерархии, где что-то расположено выше, а что-то ниже. Но это опять-таки пространственное представление, которое мы прилагаем и ко времени. Собственно во времени ценность есть само бытие, которого как бы и нет, нет в идеальном, чистом виде, есть только текучесть, которой мы приписываем условную устойчивость (в виде пятен, периодов). Цель, точка, к которой мы движемся, в конечном счете недостижима (вследствие абсолютной текучести). Живое существо хочет одновременно и сохранения, и изменения, хочет – не совсем то слово, потому что хотение вытекает из заданных условий. Чтобы оставаться на месте, нужно двигаться. Мы измеряем время, делим на равные отрезки, планируем по датам – это все условность, метафора. Настоящее – это одновременно и переживание бывшего – во всем, в жизни, в истории и в искусстве.

Историческое время существует лишь постольку, поскольку в нем протекает (осмысливается, понимается) целесообразная деятельность. Иначе говоря, история заключается в (записи) целесообразной деятельности людей, в записи поступков. Древние спрашивали, расследуя преступления, кому выгодно? Но это не универсальный мотив и ключ для понимания событий. Надо спрашивать: какова цель, это будет точнее. Речь идет, разумеется, об осмысливаемых поступках, не о чистых случайностях.

В исторической науке всякий факт ценен и сам по себе. Но это не значит, что она занимается просто собиранием и описанием фактов; она и все ее отрасли не лишены внешних целей, в частности, исследование экономической истории имеет целью понять смысл деятельности и действий людей определенной эпохи, а не только узнать количество чугуна, произведенного на душу населения. Точно так же сегодня цифры статистики обретают смысл лишь в контексте движения общества в каком-то направлении. Математика дает объективное внешнее описание этого движения, но без внутреннего устройства (принципа действия) оно бессмысленно. Как описание движения автомобиля только по внешним параметрам, сделанное наблюдателем извне: направление, скорость, цвет кузова и т.д.

Здесь не всегда подразумевается мораль как всеобщие правила, императивы, санкционированные ими выборы. Речь больше о хотении, волеизъявлении и возможности, о выборах, их мотивах и причинах вообще. Можно также сказать, что речь идет о свободе с точки зрения истории. Там, где есть цель, оценка, нет и не может быть свободы в полном и абсолютном смысле слова. Свобода заключается прежде всего в предпочтениях, которые человек делает, условно распоряжаясь равномерно тающим капиталом времени. Как животные ощущают время и ощущают ли его вообще? Возможно, они воспринимают главным образом текущий момент, но все равно ощущают вероятность развития ситуации – прогноз. Человеческие понятия о вещах, то есть отвлеченные от кон-

кретных вещей представления как бы неизменны и вечны, и вместе с тем дают возможность ухватить идею изменения. Это те рамки, которые человек сам выбирает из имеющихся вариантов. Сам феномен сознания (хотения) подразумевает устремленность в будущее, сознание – это проекция настоящего (повторяющегося, то есть общего) в будущее, как и в прошлое. Это отвлечение устойчивых черт от конкретных предметов. Поэтому сознание устремлено в будущее, «Я» ожидает перемен судьбы, планирует их и пытается на них как-то повлиять. Вирусы «знают», чего они хотят, и чего не хотят; наверное, такое же желание можно вложить (и вкладывается) в роботов. Исторически парадигма устремленности в будущее нарастает, и становится господствующей в Новое время; матрица сегодняшней жизни выглядит как механизм производства нового, идея движения, динамики, новизны достигает абсурда, который, однако, пока воспринимается не очень критически.

Эволюция идет по линии виртуального удвоения вещей и процессов их существования. Жизнь – форма приспособления (продления бытия) с помощью механизмов запоминания. Жизнь животных – переживание моментов уже путем сравнения, сопоставления с прошлым, запечатлевающимся в памяти, а не просто чувственного восприятия. Жизнь человека как особого вида отличается тем, что он переживает ее с помощью системы символического дублирования. Это не существование само по себе, как существование материальных предметов, не непосредственная реакция на ситуации, как у животных, а непрерывный поиск смысла, то есть цели действия в каждый данный момент в рамках общей иерархии целей. Эта иерархия задана извне и в то же время субъективна. Но отвлечение смысла от самой жизни – род раздвоенности. (Собственно, понятие смысла вытекает из разделения причины и следствия, цели и средств, то есть из идеи направленного, управляемого процесса). Слово, язык, тексты и литература суть проявления этой раздвоенности и поисков закрепления смысла.

Вещи могут одновременно быть чем-то и не быть этим же; это противоречие мы решаем с помощью разделения или уточнения понятий. Например, эволюции, как и прогресса, не существует – в том смысле, что нет следящего центра, который придает нужное направление. Но есть стихийные процессы, обладающие характеристиками правильности, то есть повторяемости, и закрепляющейся повторяемости. В живой природе к ним прибавляется целесообразность, а в обществе – деятельность по принятой осознанно (в соответствии с умственной моделью) программе. Целесообразные и осознанные действия основаны на оценке, а следовательно, в каком-то (расширительном смысле) моральны (или «аморальны»).

Мораль – это роскошь, которую могут позволить себе высокоразвитые общества и виды. Хотя одновременно это средство выживания.

В культуре жизнь и ее смысл переходят во вторичную реальность (виртуальную), порожденную системой символического дублирования первичной (физической) реальности. Проще говоря, жизнь воспринимается как текст и «Я» как текст, то есть некая запись или процесс записи. Движение/изменение происходит во времени; хотение, возможность, долженствование выражают отношение субъекта ко времени; слова продлевают мгновения и позволяют оставить нематериальный слепок реальных моментов. Слова нематериальны, но потому и в своем роде вечны. Материальные вещи изменчивы, о них остается только память. Поскольку человек – не чисто материальное и не чисто духовное существо, он использует память для продления своего бытия, своего уникального, хотя и все повторяющегося примера.

В жизни, поэтому, нет ничего кроме морали в широком смысле, то есть оценки переживаемых ситуаций, себя и других внутри них. Если убрать оценку, останется голое неосмысленное существование, существование в виде физически движущихся предметов. Жизнь – это переживание жизни как преходящей ценности.

История в самом широком определении занимается изменениями, протекающими во времени. (Понятно, что время и перемены – это синонимы, статичность есть отсутствие перемен). Феномен живой материи заключается в противостоянии индивидуального (конкретного, материального) этому закону неизбежности перемен. Цель живого – сохранение особой, индивидуальной формы данной частички – это принцип ее действия, как и принцип действия многих других частичек, это в своем роде ее «мораль». Человек как биологический организм и социальное существо является продуктом развития и усложнения этого принципа. Он действует под влиянием множества объективных принуждений, в том числе и ценностных, и под влиянием вторичных принуждений, культурных, созданных им самим, часто противоречивых, но в конечном счете восходящих к тому же принципу жизни – целесообразности и самосохранения. Эти вторичные принуждения, программы, существующие в сознании наряду с биологическими и созданные в процессе исторической эволюции, и названы здесь условно «моралью». С таким же правом их можно назвать и культурой, взятой в ее ценностном аспекте. История человечества представляет собой процесс выработки относящихся ко всем ситуациям жизни ценностных норм, которые, с одной стороны, заданы законами природы, а с другой, противостоят им. Поэтому значимость исторических фактов и того, что называется историческими событиями, определяется, с общечеловеческой точки зрения, их ролью в этом противостоянии. Проще говоря, если бы люди действовали только механически, под действием природных законов, история утратила бы смысл, ее предмет – индивидуальное бытие и индивидуальные поступки. Но и самые произвольные и внешне странные человеческие поступки не могут описываться как абсолютно свободные⁴, они детермини-

⁴ Всякое определение есть констатация данности, то есть уже принуждение и несвобода. Всякое слово выступает в двойном качестве – метафизического орудия вечной неподвижности или бесконечной

рованы, и в том числе – наверное, в первую очередь, – понятиями добра и зла, правильного и ошибочного, приемлемого и неприемлемого. То есть история в данном случае понимается как результат всесторонне обусловленной, но сознательной (точнее, фильтруемой сознанием) деятельности людей.

Законы – это схемы поведения вещей во времени. Вещи с управлением и обратной связью, то есть движущиеся целесообразно, обладают некоторыми степенями свободы, поэтому их конкретную траекторию предсказать нельзя. Но и случайные явления поддаются только вероятностному прогнозу. (Извержения вулканов, метеорологические изменения). Место и время стихийных событий можно предвидеть только с вероятностью. Место и время планируемых событий можно предвидеть точно, если владеть «информацией». Общие схемы («как бывает») всегда отличаются от того, как есть.

Предсказуемость и целесообразность. Смысл истории в ее непредсказуемости. Во-первых, конкретные проявления природных законов непредсказуемы (или лишь относительно предсказуемы) в своих индивидуальных характеристиках: характеристиках сроков, меры, количественных значений, вероятностей. Во-вторых, люди вносят в историю элемент осознаваемой целесообразности, действующий зачастую поперек природных законов и их конкретных проявлений – познание тех и других равнозначно изменению их действия. Познать будущее значит получить возможность его изменения, это парадокс, объясняющий невозможность «точного» предсказания будущего (в смысле сроков и персоналий).

Детерминизм и свобода.

К истории можно подходить с «естественнонаучных» позиций – наблюдая со стороны за состоянием среды и действующих в ней субъектов, делая обобщения на основе этих

повторяемости частных, и в качестве инструмента передачи бесконечно изменчивой общей картины.

наблюдений и повторяемости их результатов⁵. Но понимать историю, не зная, что человеческие субъекты действуют с помощью особого инструментария, с помощью культуры, детерминирующей определенные степени свободы, невозможно или неправильно. Люди располагают некими адаптивными программами, определяющими не только выбор средств для достижения заданных уже природой целей, но и изменение самих целей.

Отсюда вопрос о степени доступной для людей свободы и о смысле этого понятия. В природе есть разумное начало, из которого вытекает постоянство причинно-

⁵ Например, Фернан Бродель описывает события как внешние вехи внутренних процессов, рябь на воде, чтобы заменить их безликой массой повседневности, общего, структур, напоминающих метафизические идеи, но в их множественно-конкретном проявлении. («Все эти застывшие картины малоподвижных обществ, скованных непреодолимыми барьерами хозяйств, вековых цивилизаций; все эти дозволенные приемы погружения в глубины истории представляют, на мой взгляд, самое существенное в пошлом человечества, по крайней мере то, что сегодня, в в 1966 году, мы считаем существенным... События - это прах истории; они озаряют ее как молниеносные вспышки; едва блеснув, они тонут в крошечной тьме, подчас бесследно». *Бродель Ф.* Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 3. М.: Языки славянских культур, 2004. С.16. Здесь автор как раз делает оговорку: «Я отнюдь не противник событий»).

Бродель ставит события на второе место, потому что они уплощают случайность, но пытается строить выводы на анализе массы фактов, из которых каждый сам по себе также случаен, просто их много, и статистически они показывают необходимость через вероятность. Однако для этого не нужно знать *все* факты, к чему Бродель на самом деле стремится как историк. Все факты прошлого нужно знать только при условии, что ничего абсолютно неотвратимого или повторяющегося не бывает.

Мы описываем движущийся объект и снаружи, пытаюсь понять толкающие его силы, и изнутри, если он пропускает их через свои модели, культурные фильтры, обратные связи, реакцию на раздражители. Из истории нам известны только следствия, которые более или менее очевидны, о причинах можно только судить по аналогии и гадать.

Вступительные пояснения

следственных связей и возможность рационализации, то есть наличие выбора. Если нет причин, то нет и оценок, как и вообще разумного начала.

Живые существа имеют цель – существование, главную ценность, по отношению к которой все аспекты их деятельности являются средствами. Это придает элемент рациональности всем формам жизни. В живой природе, однако, проявления рациональности довольно жестко детерминированы. В ней есть кооперация, но господствует эгоизм. В человеческом обществе рациональность основана на накоплении знаний, на понимании общего, на сочувствии и сопереживании, на создании внеприродных ценностей.

Свобода, разум и мораль. Свобода людей ограничивается разумом и моралью, которые сходятся, но не во всем. Закон – это компромисс между реальностью, моралью и разумом.

Свобода в своей основе понятие неморальное – физическое. В моральном смысле свобода подразумевает наличие выбора, но если человек ищет наилучший выход, то его выбор всегда отчасти несвободен. Всякий, придерживающийся пути, принципа и цели, зависим от них. Только тот, у кого нет цели, стремлений, желаний, вполне свободен. Разумный поступок несвободен, но и «неразумный» поступок несвободен, если он совершается *вопреки* какому-то критерию, осознанно.

Есть свобода распоряжаться (позитивная) и свобода действий (негативная) – настоящая свобода, приближающаяся к полной пустоте, полной гибкости. Полная пустота – оксюморон, она равнозначна совершенной (абсолютной) заполненности. Свобода человека, ничего не имеющего, это полное владение собой, то есть ничем. Чем-то равнозначным всему.

Жизнь – это совокупность выборов, в этом заключается смысл ее свободы, но все выборы детерминированы; любой вариант подсказывается миром, обстоятельствами, предысторией и пр. Мистическая составляющая – предвидение «правильного», то есть неизбежно наступающего события

(Событие – это факт, имеющий субъективное значение. Всякий факт, поскольку он есть реальность, воспринимаемая людьми, субъективен и является событием, даже при видимой нейтральности, например, физическое показание величины чего-то в данный момент. Слово «величина» уже обозначает субъективное восприятие объективного феномена). Точное предсказание невозможно, так как события еще нет. Это гадание, всегда основанное на вероятности. Свобода живого субъекта – возможность выбора; свобода человека – возможность действовать в соответствии с избираемыми (а не стопроцентно заданными его «природой») критериями. Допустим, любовь – в человеческом обществе инстинкты (заданные цели) пропускаются через фильтры абстрагирования, отрицания – они взвешиваются на весах сомнения. Действие на основании моральных критериев, выработанных культурой исторически, есть акт свободы, проявление свободы человека *как вида*. Действие, отрицающее эти критерии, это проявление свободы *индивида*, но негативное для общества, аморальное.

Мораль, таким образом – это рациональность (или, соответственно, иррациональность), подсказываемая культурой. Это определение шире традиционного определения морали, так как включает в себя все ценностные аспекты сознания и психики. Аморальность или антиморальность, в том числе ее болезненные проявления также входят сюда, поскольку мораль – это сущностная характеристика человеческого существа. Человек, утративший все человеческое и даже превратившийся в «растение», все равно остается объектом, и в какой-то степени субъектом морального (этического, ценностного, обусловленного человеческой природой) суждения.

Мораль и рациональность сходятся в сфере объективных оснований морали, «природы» человека.

Человек не может быть вполне разумным или всегда рациональным. Для этого требовалось бы, чтобы его мыслительный аппарат соответствовал вселенной, обнимал ее целиком. Разумность состоит в отвлечении от частных, разумность человека предполагает и отвлечение от принципов ради

решения частного вопроса. Деятельный разум человека сознательно пренебрегает какими-то теоретическими возможностями ради практического, может быть, иррационального решения. Однако это особый тип рациональности.

Животные тоже разумны, но ими руководит разум, который стоит над ними. Они и оценивают по этому же принципу. Человек разумный есть человек знающий (и это более точный перевод слова *sapiens*, потому что люди не руководствуются непосредственно разумом и логикой), у него есть выработанные его предшественниками и им самим способности действия, знания и ум. Но в них заложена и целесообразность. Интеллект – это умение читать между строк (*interlego*), или умение вычитывать и вчитывать смысл в явления. Когда мысль опережает действие, бывает трудно на что-то решиться. Когда действие опережает мысль, выбора практически нет.

Мораль и рациональность, их единство. Рациональность состоит в сообразовании средств и поступков с целями, с желаемым состоянием по завершении действия. Цель – желаемое субъектом состояние, но для субъектов общие цели предопределены объективно (жизнь, питание и пр.). Субъективность заключается в возможности выбора средств и в приоритетах тех или иных целей. Мораль – общий для данного коллектива набор рецептов по приоритетности целей. Естественно, что «эффективность» и «нравственность» – разные вещи. Однако с точки зрения смысла жизни они сходятся, так как эффективность жизни определяется соответствием ее «высшим» целям. Если цель задается индивиду извне, то разумный подход к жизни заключается для него в следовании главной цели («человечности»). В чем сложность индивидуального выбора? Не в противоречии морали и эффективности, или общих и частных интересов, а в несоответствии самих моральных требований реальности. Они противоречат природе, поскольку в природе полное равенство и неизменность невозможны. Зло объективно заложено в природе, как жизнь и смерть, обновление и старение, разложение и вос-

становление. Болезнь – зло, поэтому деятельность лечащего моральна, хотя она направлена на «исправление» природы. Но это с точки зрения видовой, а в конкретных случаях или с точки зрения каких-то кодексов морали (фатализма, например), лечение может быть и аморальным. Принцип природы – обновление, жизнь вида через смену индивидов; старение всего и возрождение всего – в новом воплощении. Это «мораль» природы, продиктованная всему живому, в том числе и людям. Принцип человека и истории – обратное движение, сохранение «старого», ценность уже бывшего, это мораль человека.

Разум и правила. Правила суть общеобязательные предписания, искусственная необходимость, которая является достаточным оправданием для поступков. В обществе она фиксируется в праве. Это сугубая формальность, рациональность которой отчуждена, скрыта, это абстракция, которая в действительности воплощалась где-то и когда-то. Правила должны быть более или менее понятны и известны их пользователям. Это производное от некоей рациональности. Необходимость есть неизбежность, отсутствие выбора или единственно возможный выбор. Разумное действие, напротив, предполагает наличие выбора, который определяется поставленной (и заданной извне) целью. Есть три степени принуждения – неизбежность (вообще, не привязанная к месту и времени), разумность – приспособление к обстоятельствам места и времени, правило – предписанный образ действий, ограничение, запрет каких-то действий.

Люди способны приспособиться ко всему – это и есть подражание природе и ее разнообразию, о котором толковали во времена ренессансных гуманистов. Биологические виды приспособляются к условиям обитания путем эволюции. Человек сокращает этот путь с помощью разума – способности оценивать цели и выбирать кратчайшие пути к ним. Здесь

тоже есть своего рода эволюция⁶ – стихийность стереотипного поведения множества людей, их инстинктивная склонность к подражанию другим. Но в природе, или сверхприроде (собственно видовой, культурной природе) человека заложено

⁶ *Понятие эволюции.* Это форма «прогресса», то есть целенаправленного движения. В этом смысле рациональность/целесообразность феномена эволюции спорна, потому что нет необходимости в существовании стольких видов и стольких способов приспособиться к окружающей среде. Мы не видим обязательности в чередовании форм жизни – от низших к высшим. Сами эти определения /верх и низ/ условны и оценочны, хотя бы в пространственном и количественном смысле. Возможно, идет эволюционное усложнение – количественное и качественное наращивание элементов, но никто не закладывал его специально, с определенной целью. Развитие идет по возможному пути, даже по разумному пути, поскольку космос состоит из похожих вещей и события повторяются – а это и есть предпосылка разума. Но целесообразность есть случайная вариация на тему повтора – направленный повтор.

Жизнь всех видов живых существ является завершенной с точки зрения ее идеальных основ (соотношения потребностей и возможностей их удовлетворения). И вместе с тем представляет возможность улучшения, то есть изменения в какую-то сторону.

Наука показывает неочевидное и создает новые стереотипы («очевидности»). Самое трудное – увидеть в очевидном нечто незамеченное ранее, то что лежит на поверхности, но всеми проглядывается. В привычном нечто новое. Гораздо легче искать «неизведанное», мистическое, паранормальное, то что все объясняет через загадки. Но правильнее искать более простой и потому более сложный путь – как, например, путь человека к созданию летательных аппаратов – не прямое подражание природе. По сравнению с биологической эволюцией путь сознания короче, он другой.

Представление об эволюции заменяет собой идею о наличии управляющих всем линейных законов или высшего существа. Эволюция не лишена разумности, но в то же время стихийна. Через эволюцию осуществляется «хитрость разума», получающего предписанные результаты вопреки осмысливаемым целям, благодаря манипуляции поведением живых организмов, так идет процесс «совершенствования» их сообществ. Биология, как и история, и все науки о живом, показывает как именно идет этот процесс. Впрочем, доля описательности есть во всех, в том числе и «естественных» науках.

на также склонность преодолевать инстинкты, или критически относиться к целям и средствам, основанным на инстинкте, к рефлексивности поведения. Любопытство рождает новое знание (производство идей). Разум и знание суть средства приспособления к меняющимся условиям. Тупыми считают тех, кто негибок, неспособен меняться. Ошибка – это неумение учесть истину, глупость, в общем, – несоответствие реальности, (но есть и «умная глупость» – фольклорные дурачки, Швейки, олицетворяющие нежелание следовать глупости общих правил).

Необходимость и свобода, их связь с рациональностью. Свобода и бог. В двух словах, моральное поведение в обществе более рационально⁷, чем аморальное, так как оно соответствует главной цели – выживанию и общества и индивида. Однако история демонстрирует существенную иррациональность поступков и вообще развития стран и народов. В реальной истории преобладает природный тип рациональности, обоснованный борьбой за выживание. Следование морали вытекает из необходимости (или человеческой рациональности – формы осознания необходимости. Необходимость – автоматическое осуществление причинно-следственной связи, рациональность – то же осуществление, пропущенное через сознание, через обратную связь, через управление. Это необходимость, утратившая часть своей обязательности, абсолютности. Осознанная необходимость уже отчасти не является таковой). Свобода индивида заключается в выборе, противостоянии закону, но во имя другого, высшего закона. Абсолютная свобода равна ее (свободы) отсутствию или невозможности выбора (Буриданов осел)⁸. Бог абсо-

⁷ Вопрос о соотношении морального и рационального в поведении социального человека и его отдельные аспекты рассматриваются в сборнике: Мораль и рациональность / Под ред. Р.Г.Апресяна. М.: Институт философии РАН, 1995.

⁸ Поскольку в реальности у индивида всегда есть много вариантов, он вынужден выбирать один и отвергать другие, поэтому жизнь – это история упущенных возможностей.

лютно свободен, потому что он ничего не хочет, но в этом случае он превращается в ничто. Поэтому бог должен быть несвободен; если он тождествен благу, это благая воля, которая не может творить зло. Здесь уже заключается парадокс, так как благо невозможно мыслить без зла. (Отсюда и парадокс гётевского Мефистофеля – «Я часть той силы, что желает зла, но вечно совершает благо», потому что зло превращается в благо, и наоборот).

Оценка и физиология. В человеке можно обозначить два оценивающих начала – рационально-нравственное и инстинктивно-нравственное начало. Второе действует помимо воли (точнее, через слепую, не рассуждающую волю), наподобие физиологического механизма, как у животных. Эти два начала сказываются, например, на отношении к боли и смерти. Их соотношение – как у Сократовского коня и всадника, или у воли и интеллекта схоластов. Или у «личности» и «сущности». Разум управляет через осмысление, сомнение, выбор, рассмотрение противоречий, подчинение одних целей другим; инстинкт прямо толкает к цели с помощью более простых механизмов влечения и отталкивания, ощущений, чувств удовольствия и боли.

Моральная тупость, отсутствие сочувствия к страданиям (бесчувственность) и даже радость при виде страданий врагов (или садизм) – следствие определенных ценностных эгоистических установок. Они вытекают из физиологических механизмов оценки, но всё же не свободны от культурной окраски. Здесь есть доля воли и доля интеллекта.

Когда человек подрывает свое или общее с кем-то будущее благополучие ради ближайших своекорыстных интересов – это глупость. Логически неправильно жертвовать будущим ради настоящего, но надо соизмерять ценности. Ради спасения жизни сейчас можно пожертвовать многим завтра.

Ум и глупость. Есть еще разница между «внутренней» и внешней оценкой – я считаю, что поступаю умно, а выходит глупо. Выходит – результат – это *объективация* субъективного, намерений, совпадение или несовпадение идеально-

го плана, модели, понимания с реальностью. Понятия умного и глупого совмещают в себе рациональный и моральный планы. Понимание индивидуальных целей и одновременно учет их восприятия со стороны – и есть содержание истории. Иначе история выглядит бессмысленно, без оценки, как механические движения, хотя геометрически, возможно, и правильные.

Ценностное – это план идеала, модели, как должно быть. Но должное существует двояко: как неизбежно будущее и как то, что желательно. Истина и мораль сходятся где-то в бесконечности, истина есть объективная основа морали (ум, общечеловеческое, порождающее морального человека как лучшего по сравнению с тем, что есть). Но не всякая истина моральна, утешительна, а мораль бывает иррациональна или глупа.

Материальная сила может стереть любые моральные поползновения – полученный при этом результат необратим. (То есть чисто физическая картина механистична, равнодушна, безлика. Это уровень вне духовности). Мораль (оценка) – надстройка над безликой динамикой, это персонализированная, направленная целесообразно сила.

Подробнее о предмете и цели книги – моральный фактор и субъективность (близкие, но не синонимичные понятия) как содержание истории. Подразумевается, что история состоит из «событий», которые не сводятся к механическому перечислению «фактов», а объясняются определенными устремлениями действующих лиц и предполагают их реакцию.

Творчество и информация. Здесь речь идет о том, то история может и должна изучать в основном то небольшое, что «зависит от нас». На самом деле люди в своих поступках мало руководствуются чисто творческой частью сознания. (Притом, что, например, подметание улицы также имеет элементы творчества: оценки объемов, способов, качества). Работают готовые схемы, готовые шаблоны для оценки происходящего. Понятие «информации» вытекает из заданности схем: изменение параметров влечет за собой реакцию системы по установленным заранее правилам. Оно не предусмат-

ривает возможности изменения правил, нестандартной реакции. Информация привязана к сиюминутному, к данной ситуации. Чем обширнее выводы, тем меньше они могут претендовать на звание «информации». История не несет информации (информация для нее средство), поскольку не предполагает практических выводов, не предусматривает презренной пользы, как и искусство. Она рассказывает о том, как было, как бывает, почему было так, как должно было быть, как могло быть и почему было не так. В этом есть своего рода польза, но не поддающаяся количественной оценке.

Диалог. Что бы мы ни обсуждали, всегда всплывает вопрос о целесообразности – для чего это делается. Зачем пишут книги?

Книга пишется прежде всего для себя, но для себя не того, который пишет, а для себя как зеркала – который мог бы прочитать и понять мысли, рождающиеся в диалоге с самим собой, то есть с личностью, сформированной определенной культурой. Диалог, как и чтение, это процесс, это как воспроизведение музыки с повторяющимся переживанием. Но как исполнительство оно нуждается в партнере, в оценке, в ответе и одобрении. Я могу с удовольствием играть для себя, но еще с большим, наверное, удовольствием я сыграю в воспринимающем меня коллективе, где я заряжаюсь особой энергией «интеллектуального», а скорее эмоционального обмена. Кроме того, тексты пишутся с расчетом еще как минимум на один, а скорее на много разных – «референтных» образов, возможно, конкретных людей, княгиню Марью Алексевну. В том числе и на образ критика, который все отрицает. Это необходимое условие внутреннего диалога, в ходе которого возникает мысль. Отсутствие способности к диалогу – это своего рода культурная шизофрения, неспособность взглянуть на себя со стороны, увидеть сходство разных точек зрения, их взаимодополняемость. В думающем человеке несколько персонажей, но в норме они контролируются сознанием. Упертость, маниакальное преследование одной цели,

одержимость одной идеей – как минимум тупость, обрыв коммуникации.

Сознание и действие. Сами сознание и восприятие устроены так, что всегда отражают две или несколько конкурирующих точек зрения, перебор вариантов. Поведенческий акт в этом смысле имеет художественную, или игровую сторону. Всегда есть сцена, актер, (возможно, за кадром есть и режиссер), зритель. Есть внутренне принятая роль, сценарий, определяемые моделями поведения и целями.

О книге и жизни текста. Выбор какого-то предмета для книги (исследования, умозрительного или опытного, из головы – «теоретического», или на основании литературы и «источников») всегда ограничивает в отношении как области рассуждений, так и приемов, жанра, интенций. Обязывает. Но увы, нельзя писать обо всем. Хотя историк пишет всегда отчасти обо всем, то есть желательно, чтобы он помнил обо всем, поскольку частности отражают целое и исследование частного имеет смысл в сопоставлении с прочим.

Идеал выражения мысли – это формула. Но формула нуждается в пояснениях, расшифровке ее составляющих. Формулы есть и в гуманитарных сочинениях, это символические понятия, создаваемые авторами. Например, в книге Я. Буркхардта – сама идея Ренессанса, индивидуализм, искусство во всем. Одна формула распадается на несколько. Сегодня благодаря Интернету стирается грань между устной и письменной речью, между потоком мыслей и впечатлений и книгой. Книга – это умершая или возрожденная жизнь, тень жизни, но теперь и тень становится все короче.

В чем суть феномена книги? В том, что книга – законченный текст, готовый продукт умственных усилий, труда, который имеет свою судьбу, но как «послание» закончен. Устная традиция, видимо, тяготела к завершенности (допустим, запоминание поэм Гомера и наставлений философов), но предполагала возможность вариаций. Кстати, Сократ, не оставивший книг, – очевидное отрицание такой завершенности. Проблема процесса и результата – это проблема времени,

возможности и неизбежности постоянных изменений, итогового бессилия остановить время. Письменная история – это остановленное время, неизменность, хотя и она в наших глазах (в глазах потомков) постоянно меняется. Интернет является новым, более динамичным способом представления результатов текстуальных усилий.

Чтение уже предполагает изменение текста в уме воспринимающего. Умение читать у всех качественно разное. Написанный текст неизменен и в этом смысле «объективен» – но его восприятие может быть бесконечно разнообразным, и в этом восприятии он живет. Что касается чтения историков, профессиональных «читателей», то историк как профессионал читает в своих профессиональных шорах, со своей целью и заданностью, он изучает текст как «источник», препарирует его, кому-то подражает и т.д. Тексты рожают новые тексты в геометрической прогрессии. Возможно, перспективы развития науки заключается в изменении отношения к текстам и изменении их продуцирования. Компьютер и Интернет делают тексты еще общедоступнее, чем печатный станок, и это может повлечь за собой качественные изменения. Научный аппарат изначально предполагал наличие своего рода «гипертекстуальности», как наличие некоего общего текста культуры, к которому можно обращаться и на который можно ссылаться. Когда я цитирую даже себя, то вспоминаю о том, что сказанное некогда «вылетело» как воробей и существует в общем независимом от меня контексте, потому что высказывание – это своего рода поступок. Постмодернизм выражает тенденцию к игре цитатами в этом общем контексте или тексте. Характерная черта такой игры – отсутствие единого «дискурса» или хотя бы его неявность, его многозначность. Существует другая тенденция – к сиюминутности текста, как и переживания событий. Эту тенденцию можно сравнить с образом одноразового автомобиля, который служит для одной поездки. Можно назвать ее «антиисторическим поворотом» или сверхисторическим поворотом (историзм теряет стабильность, остается только текущее). Теку-

честь означает, что ничто не равно ничему, все повторяется и ничего не повторяется. Этот парадокс, как и все парадоксы истории, связан с существованием времени и с его природой.

История и философия

В какой мере уместно теоретизирование по поводу истории и тем более, теоретизирование в ходе исторического исследования? Чтение истории располагает к размышлению, но сама по себе это наука сугубо прикладная. В том смысле, что она изучает только индивидуальные и конкретные предметы. Задача исторической науки (как и всех наук) – формирование коллективных представлений, – но не решение практических задач (в отличие от прикладных наук). Прикладное значение истории состоит в формировании ценностей (на рациональной основе) для принятия решений и выбора самих целей. Прикладная функция истории (помимо генеалогии и т.п.) заключается, по-видимому, в издании общих, справочных и научно-популярных трудов, то есть тех, которые могут быть востребованы широкой публикой, не требуют специальных знаний для понимания и отвечают задачам просвещения. Но эти труды могут быть и академически-научными, то есть исследовательскими, только сочетать эти две задачи непросто.

История как таковая изучает общее только в его конкретных проявлениях, но, естественно, при помощи общих понятий. Такой же способ выражения отвлеченных идей через их предметное воплощение присущ и искусству: оно еще менее умозрительно, чем история, но и более абстрактно, потому что его предметы вымышлены или домысливаются⁹.

Здесь речь идет не о столько о философии истории, сколько о философии занятий историей.

Загадки. В истории нет загадок (загадки мы находим в ней сами), но в ней много парадоксов, потому что в идее и предмете истории есть масса противоречий. Понятие «загадки истории» вытекает из желания публики удовлетворить

⁹ Ср. ниже прим. 22.

любопытство или пощекотать нервы, но не из потребности в углублении знаний.

С точки зрения «науки» правильнее говорить об исправлении ошибок, то есть уточнении, изменении или опровержении устоявшихся представлений – но к этому чаще толкает не установление новых фактов, а их новые интерпретации, неизбежно появляющиеся с течением времени (то есть изменяется не столько объект, сколько субъект исторической науки).

Задача истории не в том, чтобы перечислить как можно больше фамилий и названий и вместить как можно больше «информации» в единицу площади, а в том чтобы объяснить какой-то минимум каких-то явлений, случаев, происшедших «событий» – в понятных для предполагаемого читателя терминах. Каждый, кто ставит вопрос не только где и когда, но и почему, в какой связи, на что похоже, или как назвать (последнее очень важно) занимается теорией, философствованием, в своем роде «говорит прозой». В каждом человеке заложена некая философия, тем более в его научных высказываниях. Не обязательно теоретизировать отдельно, но общее и частное так или иначе соединяются в любом тексте. История, как и философия, отличается универсальностью, то есть относится ко всему – в аспекте времени, но в более узком смысле – к жизни человеческого общества во времени. История, будучи сугубо конкретным изучением прошлого, такая же наука о самом общем, как и философия.

Задача истории – создание и опровержение стереотипов, опровержение старых и создание новых. Таково, наверное, движение всякой науки во времени. Что поражает в истории – она все время повторяется, несмотря ни на что.

Писаная история – то есть история в собственном смысле, занимает мизерную часть истории человечества, а именно, его становления как такового, в отличие от прочих природных видов, как природно-культурного вида. При этом темп перемен без конца ускоряется. Каков будет его предел? Технологические перемены увеличивают производительность

деятельности, изменение среды влияет на сознание. Никто, однако, кажется, не планирует искусственно ускорить темп смены поколений, наоборот, речь идет о продлении жизни. Впрочем, неизвестно, что в действительности будет завтра.

Еще о жанре и определениях

Сложность гуманитарных наук в том, что они имеют дело с очевидными объектами: их открытия не делаются под микроскопом (или телескопом), если не брать в расчет шкалу масштаба. Но очевидность окружающего обманчива, цель науки – выявить, что стоит за очевидностью. Причинно-следственные связи, в сущности, для историков не главное, то есть их поиск ради использования при составлении прогнозов на будущее не является прямой задачей историка. Пост фактум всегда обнаруживается море причин, которые до конца ничего не объясняют.

К вопросу об относительных преимуществах видения современников и историков: историку сложнее бывает восстановить горизонтальное измерение прошлого, в котором люди живут, действуют и принимают решения (то есть их «настоящее», одновременность событий), потому что современники держат в уме ряд продолжающихся цепей, текущие сюжеты, а в уме историка (потомков) эти цепи существуют в завершенном и обособленном друг от друга виде.

Изучение истории как науки не предопределяет наших поступков, оно лишь дает материал (картину) для ориентировки и принятия решений (общие соображения). Но и другие науки не дают окончательных формул. Попытки изучить историю с помощью математики натываются на субъективный фактор, который противостоит закономерностям и случайностям. Наличие целей, ценностей и знаний (смысла) порождает гуманитарные законы второго порядка, законы субъективности.

Существует деление наук на точные и все остальные. Точные науки призваны описывать явления непротиворечиво и однозначно, и даже с помощью математических моделей.

Но, на мой взгляд, точность применительно к науке должна вытекать не столько из установления конкретных данных, сколько из определений. Науку можно понимать как способ правильного употребления слов. История может быть очень точной в установлении отдельных фактов с точки зрения их достоверности, места и времени. Но определения используемых ею понятий не могут быть точными, потому что она описывает главным образом нематериальные явления, продукты духовного и культурного развития общества. Научная история занимается, безусловно, конкретными вещами, пытается воспроизвести уникальные феномены в их ускользающей предметности с помощью обобщающих понятий, с помощью языка. В данном случае речь идет о самом этом процессе, его правомерности и обоснованности. В каком-то смысле данный текст – книга определений, которые можно так или иначе использовать, которые могут служить инструментами для дальнейших изысканий и построений. В первую очередь, определений истории как науки и как процесса.

Новое и старое

Критерии творчества. Всякое творчество заключается в создании нового, притом, что нет ничего нового под Солнцем. Понятие «нового» для истории парадоксально, потому что она изучает старое. Тем не менее, даже копируя что-то, мы вносим нечто свое, может быть, и нежелательное. Смысл всякой культурной деятельности в том, чтобы идти по уже известным путям, или лучше сказать, к уже известным целям. Нет смысла стремиться к новому просто ради новизны, потому что не факт, что новое будет лучше старого. Изобрести нечто новое и одновременно лучшее чрезвычайно сложно. В общем, новое и лучшее – не синонимы. Новое относительно, старое абсолютно, вот в чем сила истории.

Философов интересует бытие, историков – со-бытие. Философия рассматривает вечное («бытие») и не может, при всем желании, отказаться от этого (от «метафизики», понятийности). История рассматривает движение и его моменты,

тем самым она описывает и бытие, вечное бытие, но через «как собственно было».

Всегда существует некий набор общих идей, так же как и приемов любой технологии – в готовом виде, от них можно отталкиваться. Ученый сознает их ограниченность. Новое в науке иногда заключается почти целиком в появлении странных условных терминов (например, – «классический», постклассический, неклассический и постнеклассический). Создать нечто новое в истории – не тексты и коллажи, а сказать свое хотя бы маленькое, но оправданное слово, очень трудно. Люди предпочитают ходить по избитым дорожкам, впрочем, таков механизм распространения культуры. Он обеспечивает «прогресс», то есть усвоение полезных технологий. Впрочем, и создать нечто абсолютно вторичное, не содержащее чего-то своего, пусть даже путем искажения чужих идей, добавления собственных ошибок также сложно.

Творчество существует в пространстве между нормативностью и свободой. Это относится в полной мере и к научному творчеству, в частности, творчеству историка. Нормативность, добровольное следование внутри прочувствованным, осмысленным, осознанным нормам – это и есть свобода в смысле благодати, то что предложено свыше. Та мера свободы, которая доступна, – одновременно уже задана. Такой парадокс.

Смысл в пределе есть завершенность, поэтому развитие науки не имеет конечного смысла.

Норма, возможно, одно из ключевых слов «эпистемологии» истории, но насколько она бывает нормальна, насколько обязательна? (См. об этом чуть ниже). Раньше это называли «законами». Почему мы, обращаясь к прошлому, ходим по одним и тем же дорожкам? Ведь есть и другие истории, бесконечное множество историй, о которых люди, видимо, забыли, которые отодвинули в сторону, занявшись «главным». Сегодня в этом, может быть, еще одна альтернативность истории – вспомнить о забытом, не вошедшем в «источники» (их сумма налична, но что-то есть и за их пре-

делами). Означает ли это право домысливать? Сегодня историки не пишут «историю», сегодня это «научный» процесс, продукт коллективного творчества ученых. Нет общей истории, есть много специализированных историй. Во всяком случае, для научного творчества нужна умственная раскованность, то есть отход от распространенных образцов.

Творчество заключается в следовании плану, проектировании будущего согласно неким имеющимся, выработанным или заданным свыше (извне) идеям. Техники создают машины, пытаются выбрать вариант, идеально соответствующий их целям, воображаемому результату. Художник работает примерно так же. Ученый как бы не имеет результата заранее, в этом смысле он ценностно свободен, для него только истина, сколь бы она ни была неприятна, является ценностью.

Историческая наука как творчество. Историк получает свои сведения из чужих текстов, в этом смысле он профессиональный читатель. Его профессионализм заключается в чтении и комментировании чужих высказываний. Предполагается, что материал истории – факты, а обобщения, если они допустимы, рождаются только из их суммирования. История, таким образом, на первый взгляд не может быть дедуктивной наукой и опираться на врожденное знание. Но все науки дедуктивны и в то же время на своем уровне конкретны. То есть имеют основные принципы, из которых все как бы выводится. В создаваемом тексте нет ничего абсолютного нового, но и ничего абсолютно не нового, банальной копии. Возможно, он состоит из одних цитат, из когда-то кем-то уже сказанного, но эти цитаты, как правило, присутствуют в преломленном виде, образуют другой контекст.

Чтение истории (общей, в событиях) рождает мысли, идеи. Из конкретного потока фактов возникают обобщения. Польза идей, которые сами по себе ничего не стоят, заключается в том, что они могут улучшать жизнь. Кроме того, они и составляют важную часть жизни.

Тезис о важности фактологических исследований, об учете всех имеющихся фактов противоречив, потому что

этот призыв невыполним. Поэтому в нем есть нечто демагогическое. Нужно учитывать все существенное, поскольку многие вещи повторяются. Вообще, познание строится на сопоставлении и отходе от конкретики в пользу обобщений. История же как вид познавательной деятельности занимается индивидуальным, то есть тем, как общее воплощалось в конкретном («как было»). Зачем это знать? – Потому что такова природа вещей, общее и конкретное неразделимы и дополняют друг друга.

Другое дело, учитывать все то из существенного, что, может быть, и противоречит твоей концепции, но надо быть объективным и потому учитывать *все* факты, всякого рода.

Ученый, в частности, историк, похож на дерево. Все происходящее с ним запечатлевается на ветвях, листьях и кольцевых срезах, а затем отражается и на трудах. Насколько необходимо при этом чтение книг и какую тысячу при этом выбрать из миллиона? Эта ситуация напоминает театральную – есть такие великие актеры, которые перед пьесой заламывают руки по поводу того, что они не в форме. Но потом выходят в форме.

Люди делятся, грубо говоря, на творцов и подражателей, что отчасти задано природой, но отчасти и результат выбора, кто чего хочет и ищет – поэтому грань переходима. Как оправдание верой и дела – вопрос: спасение только в благодати (предопределено) или зависит и от человека. Но, как ни странно, отрицание пользы дел (в смысле спасения) породило очень практичную Реформацию. Как бы то ни было, плодovitость не есть признак творческой одаренности.

О научной литературе, профессионалах и дилетантах

Вероятно, есть немало книг, так или иначе затрагивающих одни и те же предметы и проблемы. Но как используются книги? Допустим, что прочитываются, а впоследствии, во вторичном тексте они сводятся к названию (в перечне), ссылке, формуле, цитате, краткому пересказу и редко – к

анализу. Может ли быть иначе? В «естественных» науках с литературой проще, так как формы и цели исследований более унифицированы.

В фактографическом исследовании возможен прогресс в плане уточнения деталей, обстоятельств места и времени, последовательности; в «герменевтическом» прогресс условен – толкования всегда отчасти произвольны, потому что вписываются в общую картину мира данного человека – историка, читателя, писателя. Наука часто воспринимается как серия открытий сделанных кем-то: такой-то сказал то-то, другой – то-то. В естественных науках более акцентирована коллективность, а следовательно, и значительная объективная заданность этого творчества. Не ты откроешь, так другие, движение по пути предначертано, общая цель ясна. В истории, если и понимать ее как «науку», эта объективность смазана: конечно, не ты скажешь, так другие скажут что-то похожее – есть «потребности общества», даже вкусы. Как в появлении художественных стилей – они возникают, отталкиваясь от уже бывшего или развивая его. Но в этом случае субъективность – неповторимость индивидуального творчества – выражена сильнее. Критерии оценки творчества находятся вне его субъекта, но никто лучше него не может судить о соответствии этим критериям, поставленной задаче, идеалу. Критик может судить, но он судит со стороны. Творец так же одинок, как и умирающий. Никто не в силах помочь ему в его деле, можно только вчуже посочувствовать. Уважение к прошлому, привычный топос, заключается, между прочим, в уважении к мнению других людей, осознании их права на это мнение, для нас не всегда понятное и приятное. Его (прошло-го) право на независимость от нас – «объективность».

О субъективности науки

Должен ли историк высказывать собственное мнение? Что ему мешает? Мешает идея объективной истины, которую он должен воспроизвести – в данном случае реальность прошлого – и подтвердить так, чтобы его субъективность была

по возможности полностью устранена. Такая психологическая установка (абсолютная нормативность истины) как бы исключает творчество. Но сознание того, что всякая интеллектуальная работа еще и субъективна – так как существует движение, процесс накопления субъективных истин, – заставляет обращаться к самоанализу для поиска «объективно необходимого», детерминированного, не чисто эпатажирующего нового. Одно дело видеть во всем задачу, другое – проблему. Я вижу скорее проблему. Проблемные мысли приходят при чтении книг по истории, потому что это опытный материал для обобщений. Философия не возникает из ничего, а именно возникает из истории.

Заботой историков должно быть сегодня, наряду с прочим, – не утратить бы кое-что из уже накопленного предшественниками.

Ученый – это человек, который знает, чего он хочет (и добивается этого чего-то). Чтобы хотеть, иначе говоря, преследовать цель, нужно представление о поле исследования (невспаханное поле) и убеждение о пользе его вспахивания, или, если использовать другой образ, распиливания гири. Размышление о правомерности самих целей часто наказуется упреками в дилетантизме, ведь это выход за пределы науки. Дилетанты бывают иногда лучше образованными, чем профессионалы, но они поверхностны. Настоящий профессионал – специалист, чем более узкий, тем лучше, и главное, убежденный в своей правоте. (Правда, говорят и о том, что без сомнений путь науки невозможен). Профессионал – человек, имеющий диплом (патент). Также это человек, имеющий опыт, обладающий накопленными наукой систематическими знаниями в данной области.

Хорошая историческая (научная) книга должна содержать исчерпывающий набор ссылок на соответствующую литературу. Это вопрос библиографической части научного труда, которая помещает его в контекст сказанной кем-то предыдущей фразы, последовательности развития идей. При этом сами себе сноски вообще ничего не говорят, они носят

справочный характер, они полезны для сведения, причем сегодня Интернет снижает их ценность, делая легче доступными. Если раньше такой-то набор сносок в такой-то статье был полезен и по-своему, возможно, уникален, то теперь нажати-ем кнопки можно получить его в разных вариантах. Другой вопрос, откуда что взято и где предел повторений. Сколько людей, столько и «дискурсов», в том числе и научных. Дискурс – это индивидуализированная речь, можно сказать и целенаправленная речь. Само по себе слово означает «речь», в западных языках термин (поскольку он вообще имеет самостоятельное существование) не диссонирует с общим словарем. В русском это специальный термин, обозначающий субъективность той или иной речи.

Ученые слова. Заимствуемые из западных языков (научные) термины получают в русском языке другое значение, поскольку они для него менее родные, начиная с алфавита. В западных языках термины зачастую имеют и второе неспециальное, бытовое значение, точнее, ряд значений.

Иногда такое несовпадение в языке и хорошо, потому что термин отчуждается от бытовой речи и видно, что он «научный». Иногда же это просто лозунг или павлиньи перья. Например, коммуникация – в западных это ближе к простому «общение», в русском – специальное слово для философии общения (не говорю о других значениях). Или однокоренное коммуна (община) и производные – исторически разные – коммунизм, коммунальный, коммунизм. Другой пример – демократия, сегодня политический лозунг, оправдывающий в глазах сегодняшних политиков насилие и жертвы. Другое дело демократия в Средние века, когда выбирали даже глав католического мира, пап и императоров, но никто не думал называть феномен этим словом.

Чем плохи ученые слова? Тем что они таят в себе ловушку – подменяют явление названием. Названия создают иллюзию управления предметом, своего рода интеллектуальный («когнитивный») катарсис, но термин или понятие далеко не всегда и не полностью охватывают предмет, это в

принципе невозможно. Это тоже своего рода суррогаты, суррогаты вещей.

Можно сказать, что прогресс ведет к созданию все большего числа суррогатов, и заключается в замене природной, натуральной, естественной среды – искусственной.

Снова о названии «История и мораль»

Теории и методы лучше всего принимаются и воспринимаются обществом, когда у них есть особое название, тем более имеющее ученый вид. В данном случае речь идет не о собственно историческом исследовании, то есть изображении феномена во времени, а предлагаются рассуждения об истории. Поэтому были бы уместны определения типа «метаистория», «историология», «историософия». Но они уже обладают на сегодня некоторой определенностью и поэтому уводят в сторону.

Подход Л. фон Мизеса. Для рассуждений о роли субъективного, ценностного и морального фактора в истории и в познании можно было бы подобрать термин вроде «аксиологическая эпистемология» или «эпистемологическая аксиология», но и он не очень проясняет суть дела. Похожую задачу ставил перед собой австрийский ученый Людвиг фон Мизес, когда он формулировал свой подход к изучению общества. Он предложил два термина, тимология и праксиология¹⁰, которые по существу близки к тематике данной книги. Однако эти ученые термины так и не вошли в широкий обиход. Кроме того, есть важные отличия предлагаемого здесь подхода от фон Мизесовского:

Австрийский ученый сосредоточил почти все свои силы, чтобы продемонстрировать неповторимость и уникальность, присущие всякой целесообразной деятельности. На

¹⁰ См. об этом (русский перевод) в кн.: *Мизес Л. фон.* Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.

мой взгляд, это положение следует уравновесить несколькими другими.

1) Говоря о целях и ценностях, нельзя отделять животных и все живое от человеческих индивидов.

2) Целесообразная деятельность детерминирована, а идеи являются порождением внешнего мира. Один из главных вопросов, о которых здесь постоянно идет речь – откуда берутся идеи, чем они детерминированы?

3) Ценности поддаются изучению и измерению и наделены долей объективности. Ценность рождается из субъективности, претендующей на повторение, сохранение. Интересно, что австро-германские историки и философы, так сильно повлиявшие на современные подходы к человеку и обществу, начиная с конца позапрошлого века упорно оставались на грани перехода от субъективно-ценностного к объективно-ценностному¹¹. Возможно, это связано с новым политико-экономическим осознанием мира в европейской традиции после Маркса. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Мораль и разум

В мире все строится на простых началах. В том числе и мораль (моральное решение, принимаемое в рамках рационально-ценностного выбора, акта) восходит к простым познавательным действиям – соотнесение величин, тождество (идентичность), движение к определенной точке. Рациональный путь, разум – в языке отождествляется с нравственным, точнее «правильным». Нормальным называют разумного человека, и вместе с тем – поступающего так, как принято (ус-

¹¹ Ср. «идеалистическое» определение культуры у Я. Буркхардта: «Kultur nennen wir die ganze Summe derjenigen Entwicklungen des Geistes, welche spontan geschehen und keine universale oder Zwangsgeltung in Anspruch nehmen». *Burkhardt J. Weltgeschichtliche Betrachtungen*, Berlin u. Stuttgart: Verlag von W. Spemann. 1905. S. 57. (Культурой мы называем всю совокупность тех проявлений духовности, которые возникают самопроизвольно и не претендуют ни на какое общеобязательное значение).

ловлено, взято за правило, считается разумным); человек, резко отклоняющийся в поведении от нормы и, главное, от общепринятых целей, воспринимается как безумный. Излишнее упорство в общепринятом, впрочем, также бывает признаком тупости, как уже было отмечено выше.

Понятие нормы, возможно, одно из ключевых для «эпистемологии» истории. Вопрос в том, насколько норма нормальна. Насколько идеи присутствуют в природе, а разум – в развитии. Нормы – это способы, накопленные культурой, и постоянно совершенствуемые, то есть меняющиеся. Смена норм в культуре – это тоже норма.

Человек – существо физиологическое. Он полностью детерминирован состоянием клеток и органов своего тела, причем это состояние им контролируется в очень малой степени. Идеальная свобода для него бессмысленна, потому что полная свобода – это наличие абсолютно равного выбора, отсутствие смысла правильного выбора. Правильный выбор – выбор, наилучшим образом ведущий к цели, но если к ней ведут два одинаковых пути, (например, от середины стороны равнобедренного треугольника по другим сторонам к противоположной вершине) выбор может быть только случайным. Логически именно это и есть свобода (от любых принуждений), но в социальном и ценностном смысле это несвобода – это невозможность (отсутствие) выбора между хорошим и плохим. То есть свобода подразумевает наличие выбора, который может быть рационально и ценностно обоснован. Если есть «правильная» цель, то нет свободы, или свобода может заключаться лишь в уклонении от правильного. Образно говоря, спасение души не предполагает выбора. Если люди поступают неправильно, они ошибаются. Но что такое правильно и неправильно? Правильный выбор обеспечивает соответствие результата поставленной цели. Если эта задача имеет несколько решений, правильных выборов может быть несколько. Но это отвлеченная постановка вопроса, предполагающая наличие одной цели и выбора ведущих к ней средств. В реальности цели и средства конкурируют, средства могут

отрицать цель или становиться самоцелью. Люди могут ошибаться или отдавать предпочтение «ложным» ценностям. Здесь возможны две точки зрения: 1) Правильный вариант есть всегда, и «добро» в конечном счете торжествует. 2) Кому-то суждено пообедать, а кому-то (в конечном счете всем) – быть съеденным. На этом все заканчивается. Проблема заключается в том, чтобы согласовать эти две точки зрения – ведь в чем-то они сходятся.

Ценность ума. Ум и глупость выступают в значительной мере как нравственные понятия. Мы говорим – это глупый поступок, имея в виду его социальную несостоятельность¹².

Глупость разума (глупость от ума) – желание установить окончательную истину, которая юридически успокоит, как фактическая бумажка. История нерациональна, потому что люди поступают неразумно. Она (ее усвоение) не диктует правильные выборы, а только подсказывает то что желательно, чего бы хотелось. Природа, жизнь и космос построены не по (или не совсем по) законам разума, то есть не по правилам целесообразности. Рациональность и целесообразность – почти синонимы. Но у природы нет цели, а в истории нет заданной морали. Объективное – природа, внешнее – создает фон и дает возможность ставить цели живому, которое зарождается и закономерно, и случайно.

¹² При всем том ум воспринимается и как желание выделиться из общества: больно умный, почему такой бедный. Этот риторический вопрос выражает остроумие рыночного общества с его «успешными людьми» и пр., и собственно, заключает в себе и ответ: умен тот, кто хорошо стяжает – ум, направленный на другие цели, обречен здесь на бедность. В начале XV в. об этом именно в таком контексте писал Л.Б. Альберти в трактате «О достоинствах и недостатках занятий науками» (*De commodis litterarum atque incommodis*). Но это «вечный» сюжет. Например, А.С. Грибоедов в свое время говорил о горе от ума или уму, не разделяющему общепринятые прагматические правила.

Тупое желание знать «истину» (историческую правду) заключается именно в потребности успокоиться и поверить в высший разум и высшее благо. Получить формулы.

Ничто не предначертано и не предопределено, то есть не обязательно, не должно и не неизбежно. Вместе с тем все имеет причину, все обосновано или целесообразно, то есть имеет право на существование («разумно»). Почему так, почему не эдак, нужно ли подражать кому-то, нужно ли что-то менять в своей жизни, можно ли что-то изменить в своей жизни и вообще. Допустима ли смертная казнь, можно ли носить меха и есть мясо?

Морально ли изобретение компьютеров? (Зачем нужен телевизор? Несет ли он счастье?) Меняются орудия, меняется среда, меняются потребности и цели, запросы, меняется жизнь, меняются судьбы. Жизнь – сплав несовместимых вещей, но в повседневности об этом не думаешь. Неизменны, незыблемы только правила грамматики, но и с этим трудно согласиться, по крайней мере, многие будут возражать против такого тезиса, особенно если эти правила станут навязываться государственным законом.

О методе

В данном случае речь идет не столько о методе, позволяющем по-новому подходить к известным фактам, сколько о предмете истории (зачем она нужна). То есть рассматривается вопрос не как, а что изучать. Метод, который мне кажется правильным, заключается в том, чтобы переводить всякую проблему в более обширный контекст – во всякой частности искать общее. Это пригодно для всех наук и для всех рассуждений, в том числе и о ценностях.

О свободе, выборе и необходимости, неизбежности

К предмету рассуждений имеют прямое отношение уже затронутые вопросы о поступках, о выборах, о степени свободы, умеряемой законами природы, разумом, моралью, наличием денег. *Свобода есть мера возможности что-то*

Вступительные пояснения

сделать (то есть достичь той или иной цели) и соответственно, невозможности сделать.

Информация и истина. Следовательно, если прибегнуть здесь к термину «информация» – свобода ей противоположна. Полное владение информацией должно полностью предопределять выбор (если информация увеличивает вероятность наступления события, то полная информация дает стопроцентную вероятность).

Полная информация (полное знание), таким образом, есть полное отсутствие свободы. Если цели предопределены, то Буриданов осёл (парадокс свободы, абсолютно свободного выбора) невозможен, потому что всегда какая-то частичка перевешивает. Я могу знать твердо, что не подниму этот камень, но также и знать, что подниму его с помощью рычага. Знание, таким образом, расширяет поле возможностей и создает новые, для незнающего недоступные цели – делая их достижимыми.

Истина и информация - два вида отношений между субъектом и объектом. Истина всегда несет в себе свое отрицание, по крайней мере «научная» истина.

Информация – мера (точнее говоря, производное от) упорядоченности, то есть заданности, наличия правил, предопределенности, чередования причин и следствий, которые существуют вне субъекта и воспринимаются как таковые внутри него. (Увеличение вероятности получения известного результата). В чем тогда заключается свобода, равносильна ли она неведению? Это противоречие в понятии свободы можно разрешить таким образом. Информация дает субъекту знание о вариантах развития ситуации. То есть это неизбежность только в потенции. По принципу: если, то. Это неизбежность, отвлеченная от процесса движения, то есть перехода от точки к точке. Иначе говоря модель движения, перенос временной последовательности в пространственную. На деле процесс усвоения информации неоднозначен. Информация может пониматься также как сигнал об изменении состояния системы, тех или иных ее параметров, когда это со-

стояние требует – или нет – управляющего вмешательства субъекта, возможно, автоматического вмешательства – не осмысленного умом. Ум в живом существе – это неавтоматическая система реагирования, не рефлекторная, а рефлексивная, то есть соотносящая данные с библиотекой знаний и делающая неоднозначный выбор. Система, имеющая высшую степень свободы, и потому противостоящая информации в ее первом, принуждающем качестве. Ум позволяет вариативно реагировать на сигналы, в том числе вообще отключать реакцию. Полное и достоверное описание действующего индивида, тем более сознающего, невозможно; тем более невозможно полное и достоверное прогнозирование его поступков. История в этом отношении основательнее, так как описывает уже состоявшиеся факты и результаты этого поведения.

Историчность понятия информации. Насколько применимо слово «информация» к описанию человеческого прошлого? Приложение понятия информации к прошлому можно сравнить с тем же в отношении температуры – она была, но ее до определенного времени (до Авиценны или Галилея) не измеряли – было понятие теплоты, но не было градусов, которые впервые изобрел Цельсий. Идея знания была, но его количество (это и есть информация) не измерялось. Информация, как и температура, и другие научные термины, в своем субъективном, человеческом, неметафизическом бытовании имеет историческое происхождение, это своего рода, или наполовину артефакт, поэтому говорить, например, что египетские фараоны собирали тем или иным способом информацию неверно, неисторично, у них были способы собирания того, что они называли по-другому, а как называли – это важно, потому что они это (скажем нейтрально, сведения) называли, имели об этом понятие. А история общества как раз и изучает сознательную деятельность людей, в которой без понятий, со временем качественно меняющихся, не обходится. Применительно же к физиологическим процессам в организме термин «информация», на мой взгляд, подходит безотносительно времени их существования, поскольку в этих

процессах нет самостоятельного осмысления и определения понятий, как и соотнесения их с культурными моделями.

Называя что-то, мы ставим вещь в рамки, ограничиваем ее, но отсюда вытекает противоречивость высказывания – оно всегда заведомо в какой-то степени неточно, не соответствует предмету, неполно. Однако желание нарушать правила возникает из их наличия.

Информация также – это придание формы, понятие которой восходит к античной философии. Реформация – изменение формы (точнее даже ее обновление), информация – придание формы, информировать значит со-общать, делиться с кем-то известиями.

В живой природе информация – это генетические коды – сжатые шифры, по которым строится организм путем копирования и воспроизведения молекул ДНК. С точки зрения альтернативности «истории» информация безальтернативна. Она несет определенность. В жизни есть доля неопределенности и доля противодействия (пред)определенности – свобода. Мораль – это определенные способы противостояния определенности. Жизнь – самоопределение в определенных рамках.

Информация безальтернативна, но сама по себе не прескриптивна, она пассивна, как данные, сведения и пр. Более общее понятие истины (правды) подразумевает прескриптивность, поскольку предполагает знание о цели.

Если бытие благо, а небытие – зло, то свобода есть зло, поскольку свобода заключается в небытии, в неприятии – любой формы, последовательности, даже цели. Свобода – возможность иного, не того, что есть в наличии. В более широком смысле – возможность выбора. Но сделанный выбор отрицает свободу. Это, в частности, означает невозможность решения проблемы благодати (можно ли поступать нравственно без благодати, или можно ли быть свободным, не совершая зла). Существуют более конкретные понятия свободы – политической, гражданской, физической и пр. В пределе – это отсутствие связывания себя чем бы то ни было. Любое бытие тогда (в аспекте оценки, отношения) есть насилие, как

нечто претендующее, занимающее место в пространстве, требующее для себя чего-то – уже в силу существования. Обязывающее.

Свобода как принуждение. Свобода в человеческом, культурном понимании – это преодоление невозможности или создание новых возможностей.

Вместе с тем, реальная, неабсолютная свобода заключается в самоограничении – парадокс с точки зрения понятий «свобода» и «ограничение», но корень «само» выражает отношение субъекта и объекта. Это компромисс между абсолютной свободой как отсутствием ограничений – (формальное определение свободы) – и реальностью выбора между доступными вариантами. То есть это сознательный выбор. Но какими ценностями определяется выбор сознания? Ведь выбор делается на основании ценностей. При этом $2 \times 2 \neq 4$, большее не всегда лучше меньшего. Если человек делает глупый выбор из упрямства, это означает, что для него высшей ценностью в данный момент является самоутверждение или нечто подобное.

Точнее будет сказать, что самоограничение есть форма выражения свободы. Абсолютная свобода равна полному отсутствию выбора (отсутствию необходимости выбирать; это ничто, или также полная несвобода, полная предопределенность события или отсутствия событий). Соответственно, она равна полному отсутствию ценностей или отсутствию жизни. *Жизнь и относительная свобода* являются утверждением тех или иных ценностей и необходимости выбора на их основе.

Там, где отсутствует различие между бытием и представлением о нем (в неживой природе, где нет «рефлексии», отражения), нет ни свободы, ни истины, ни ценности.

Почему возникает расхождение между идеалом (желаемым, представлением) и действительностью? Может быть, это проявления общего принципа жизни – постоянной нацеленностью на бытие и ограниченностью последнего во времени. Живые существа не самодостаточны, как прочие предметы. Им нужно нечто сверх наличного в каждый дан-

ный момент бытия (вечная неудовлетворенность). Движение создает возможность свободы (движение в некотором смысле и есть выражение свободы – хотя в другом смысле оно принудительно). В живом мире нет ни абсолютной свободы, ни абсолютной необходимости.

Моральное значение «истины» – это мера свободы и несвободы. Истина многослойна – например, справедливо сказать, что люди с годами или что-то накапливают или что-то теряют. Это один уровень. На другом уровне понятно, что нельзя накапливать, ничего при этом не теряя. Все равно что идти по дороге и выбирать путь на развилке. Насколько странные выборы (выбор назло, или отказ от выбора) предопределены? В них тоже есть доля предопределенности и доля случайности. В чем тогда доля свободы? Человек идет за своей «путеводной звездой», внутренним голосом, интуицией, может быть, за собственным Я – но что это такое? Сегодняшнее «Я» детерминировано мной же вчерашним. Люди ходят по тем же дорогам, колеям, хотя и пытаются с них сворачивать.

Механизм функционирования общества обусловлен – он действует, как пружинки и колокольчики в музыкальной шкатулке. Общественное устройство представляет собой компромисс между справедливостью (равенством) и разумной необходимостью.

Всякая оценка может быть справедлива в определенном контексте, с определенной точки зрения, при наличии принятых критериев. Когда критерии установлены, можно говорить о правильности оценки, даже об «истинности» суждения. «Тоталитаризм» заключается в универсализации оценок, когда все рассматривается с точки зрения абстрактных «Мы». В таком случае возможно говорить о тоталитаризме диссидентства или любой секты, которая монополизирует истину.

Вопрос о том, когда умер (или родился) Наполеон к полной истине не имеет отношения. Ответ на него – это регистрация точки в системе координат, географическое реперирование. В остальном все условно – кто такой Наполеон, какой именно, не умер ли вместо него двойник, должен ли был

новорожденный стать «Наполеоном». Понятия рождения и смерти при всей их кажущейся абсолютности условны. Бессмертие уже потенциально существует как бессмертие вида, хотя и виды меняются и исчезают.

Смерть в моральном (ценностном) отношении. В самом факте смерти как небытия нет ничего страшного или аморального: бытие – основа морали (по сути единственный источник ценности), но без небытия его мыслить невозможно. Нерожденность и невоплощенность – это в некотором смысле философский или религиозный идеал слияния с вечностью. Страшной является физическая смерть как переживание и ощущение боли и страдания, а также отказа от всего, что привязывает к жизни. Это, между прочим, в значительной мере и есть содержание и смысл истории Христа, в которой сын Божий переживает участь смертного. Смерть в моральном смысле – насилие над волей животного, обман, проявление зла, заключенного во власти. Охота – частный случай такого насилия. Животные, которые охотятся, этого не осознают. (Но, возможно, ощущают). Отличие человека от животного заключается в том, что человек мыслит себя, то есть постоянно смотрит на себя со стороны. Вообще идея «Я» присутствует в любом живом существе (возможно, и как «мы»), но человек понимает себя отвлеченно, логически, как особое понятие. Это осознание себя как чего-то, не совпадающего с данностью момента. Охота – это одновременно и ролевая игра.

Всякая жизнь в каком-то смысле – охота на себя, в ней есть незавершенность и неполноценность.

В жизни нет ничего неизбежного, кроме смерти. Соответственно все вообще переходит в свою противоположность, это неизбежность движения, параметр времени, то есть изменений, циклов. Это положение банально, всем известно, что вещи движутся в ту или другую сторону. В живой природе они набирают силу или ослабевают, все строится на повторяемости кругового движения. Дети являются продолжением фактически бесконечной цепочки. Откуда идет начало передачи индивидуальных черт? Обрыв означает, что они

никогда не повторяется. Для мира это не столь важно. Индивидуальная жизнь могла бы быть бесконечной, но бесконечное однообразие – привилегия идеи, а не материи. Жизнь бесконечна путем смены поколений, индивидов.

Всевозможные «системные» подходы в конечном счете строятся на этих банальностях и пытаются выводить законы на их основе.

О полезности и ограниченности систем

Всякий исследователь и вообще всякий пишущий пользуется своей системой понятий и часто создает новые. При склонности выстраивать целую систему собственных взглядов он может устанавливать всевозможные связи между этими понятиями и приписывать ей «эвристическую» значимость, то есть считать что она отражает действительность истинным образом и может претендовать на всеобщность. На самом деле нет таких систем описания социальной действительности, которые были бы лишены натяжек и искусственности. Причина заключается во вторичности формирования понятий социальных или гуманитарных наук. Социальная действительность состоит из субъективных поступков, институтов, которые сформировались путем эволюции, в результате отчасти стихийных, отчасти сознательных действий людей, с помощью использовавшегося ими понятийного аппарата, своего для каждого времени, но обычно отражавшего некие реалии, на которые можно указать пальцем. Последний акт дает гарантии условного соответствия реальности (что-то и есть нечто, таким образом называемое). Абстрактные понятия являются вторичными производными, производными от идей. Для того чтобы принять их за реально существующие, необходимо сопоставить их с чем-то материальным. Но это невозможно. Общественный строй имеет черты, объективно ему присущие и потому абстрактно описуемые, но свойство такого описания неизбежно будет зыбким, неопределенным, меняющим очертания. Электрический ток и элементарные частицы существуют вполне объективно, а термины, которые

ми мы их описываем, являются первыми производными, то есть происходят от указания пальцем, хотя обыденное, ненаучное сознание до этих терминов не доходит. Это термины, может быть, образные, выработанные в процессе производства знаний, которое в Новое время получило название науки; они мыслимы в системе. Феодализм и классы тоже такие термины, но их предмет слишком субъективен, чтобы их чересчур генерализировать, эти феномены заметны только в формах конкретных обществ, которые строятся по сходным законам, но никогда не повторяют друг друга. Поэтому, например, дворянство есть во многих обществах, но сам приведенный здесь термин в данном случае идет от русского слова «двор», то есть его приложимость к сходным феноменам в других обществах уже по этой причине условна. (Потому что слово «дворянин» в русском переводе чаще всего соответствует европейскому термину «благородный человек», *gentleman*, *gentilhomme*, *Edelmann*, *gentiluomo*, может быть, от *gens* – известного, старинного рода). Это тот же вопрос о переводимости стихов или о переводимости историй – способность перевести на другой язык всегда ограничена, постольку поскольку существенна форма выражения, а не только суть; проявление, а не только сущность; исторический контекст жизни слов, то есть присущая им доля материальности, привязка к материальным предметам.

Соответственно, мы можем придумывать удобные для себя термины и строить из них свои конструкции (описания мира), и эти термины могут нравиться или не нравиться другим ученым, использоваться или не использоваться ими, однако все это очень условно. Собственно, наука и заключается в значительной степени в выработке понятий и приложении своего языка к описанию действительности. Этот язык не только дает ученым возможность понимать друг друга (как когда-то латынь), он полезен для практики. Но в гуманитарных науках слишком велик риск отклониться от истины, если принимать абстракции за чистую монету.

Например, операции с такими привычными для марксизма понятиями, как феодализм, капитализм, общественный строй (в меньшей степени) и производными от них – идеями об их смене, о классовой анджированности выглядят сегодня архаично, не отражают реалий в достаточной степени.

Собственно, в намерениях самого Маркса не было, как я понимаю, создать некую нерушимую систему. Даже понятие о классах и их борьбе опиралось на уже существовавшие представления, которые, впрочем, описываются по-разному. Конечно, Марксу приписывается переход от эмпирического описания к общественной науке как раз благодаря связности, систематизированности его описания общества и его развития. Но эта систематизированность на примере марксизма хорошо демонстрирует свою ограниченность.

Марксизм в своей позитивной части – это не столько описание мира, сколько учение о его развитии, о механизме этого развития, учение, которому непосредственно предшествуют представления Гегеля о саморазвитии мирового духа в его противоречивости.

То что определенному уровню производительных сил должны быть сопоставлены определенные производственные отношения – достаточно убедительная мысль, но предполагающая очень большие оговорки, не говоря уже о том, что, как всякие абстрактные понятия об обществе, эти термины могут толковаться очень по-разному.

Производительные силы можно понимать как совокупность всех наличных средств производства, включая знания, а можно и как только последние, то есть уровень технических достижений («уровень развития»).

Но определенные технические достижения существовали в разных обществах, социальный же результат был различным. В античности были водяные мельницы и много других технических изобретений, в Китае изобрели порох, компас, и книгопечатание, но «капитализм» ни там, ни там не возник. Достижения европейцев – огнестрельное оружие, впоследствии электричество и т.п. были восприняты в других

обществах, но европейский строй там автоматически не образовался. При желании можно в этой связи рассуждать об обратном воздействии идей («надстройки») на производство и даже «идеалистически» об их первичности (собственно, изобретения суть идеи).

Точнее, однако, говорить, во-первых, о развитии производительных сил как о некоей общей тенденции, заложенной потенциально в противостоянии человека и природы. Во-вторых, производительные силы, по-видимому, не сводятся к достижениям техники, а скорее, характеризуют способ производства в целом – это достижения именно организационного рода. Прогрессивная схема развития: рабский труд – крестьянский труд («крепостного») – труд наемного рабочего как винтика производства – полная автоматизация с помощью сегодняшних роботов и компьютеров) плохо работает даже в самом общем виде. При феодализме есть рабы, как, впрочем, бывает и сегодня, наемный труд есть везде, где есть деньги... Ссылка на взаимоналожение формаций мало что объясняет. Избыточный продукт, его количественное увеличение никоим образом не гарантирует сам по себе прогресса. Для освобождения рабов или освобождения крестьян необходимо, чтобы кто-то осознал аморальность (недопустимость в обществе) статуса рабства, для освобождения пролетариата надо, чтобы кто-то проповедовал аморальность его эксплуатации.

Согласно историческому материализму, в таких требованиях срабатывает механизм бессознательного в истории – проповедь свободы, равенства и братства на деле обеспечивает господство нового несправедливого строя и буржуазии. Санкюлоты думают, что сражаются за социальную справедливость, а на деле только пробивают дорогу исторической необходимости (или возможности – при тогдашних условиях) – только эксплуатации в других формах. Обратная реакция на такие утверждения – что «святой отшельник пишет о под-

вижниках, а не об общественном строе»¹³. (Ср. III, 1 и др.). Здесь срабатывает, однако, закон несоответствия поставленных и осознаваемых целей и получаемых результатов.

Компромиссный ответ применительно к техническому прогрессу заключается в том, что ружье может прийти извне, но для его изобретения нужна внутренняя потребность. Производство знаний становится постоянным процессом при определенном соотношении численности населения и ресурсов. Чем больше возможностей при данных ресурсах пропитать население, тем быстрее развитие.

Ясно, что люди копируют друг у друга и накапливают знания, схемы, рецепты как действовать в той или иной ситуации. Вопрос в том, заложен ли некий общий механизм в социальном развитии человечества, такой же, как в развитии организма, насколько естественные условия и требования жизни и обитания диктуют и подсказывают людям эти способы социальной жизни, как и способы производства материальных благ. В целесообразной деятельности живых организмов нет никакой двусмысленности, она подчинена необходимости и вытекает из нее. Если эволюция в природе ведет к возникновению новых видов, это не значит, что они «лучше» старых. С обществом несколько сложнее. Святой отшельник усматривает в людских делах руку провидения. Марксист полагает, что благородные революционеры расчищают дорогу лишь для нового вида эксплуатации. Мистика прогресса девальвирует разоблачение корыстного идеализма.

Вполне вероятно, что деление на бедных и богатых, на классы, иерархия, присутствующие на определенном этапе (после первобытных обществ, хотя и там была иерархия отношений между старшими и младшими, между полами) за-

¹³ Этот пример взят из книги Исабель де Мадариаги (*Де Мадариага И. Иван Грозный. Первый русский царь*. М.: Омега, 2007. С.16), он восходит к статье П. Бушковича «Житие святого Филиппа» (*The Life of Saint Philipp: Tsar and Metropolitan in the late Sixteenth Century // Medieval Russian Culture. Vol. 2, California Slavic Studies XIX, Berkeley-Los Angeles-London, 1994. P. 29-46*).

ложены в объективных условиях общественного цикла. Возможно, в общем виде оно обусловлено и развитием «производительных сил» (разделение труда, земледелие, скотоводство) и накоплением избыточного продукта. Появление политической власти и государства как арбитра логически объяснимо из этого, как, например, их появление в схеме Макиавелли¹⁴ о происхождении морали в процессе становления общества. То что недовольство людей, осознаваемое ими в определенных представлениях, прежде всего, моральных, ценностных, ведет к переменам, но как правило, не к тем, которые они желали увидеть, тоже объяснимо. Понимание будущего всегда расходится с его наступившей реальностью.

В самом общем виде – понятно, что для получения неких результатов нужны адекватные средства. Чтобы летать, нужны крылья, а если крыльев нет, то самолет, доступный только как результат долгого технологического развития. Нельзя изобрести самолет сразу (чудом), нужно перейти от мифа об Икаре (скорее, Дедале) к Леонардо, затем к Монгольфье, через массу промежуточных звеньев и развитие науки/технологии в целом, к созданию новых двигателей и т.д.

¹⁴ Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. I, 2. «Это чередование форм управления возникло среди людей стихийно: в начале мира, когда обитателей было мало, они жили рассеявшись по свету наподобие зверей; по увеличении их числа люди стали соединяться вместе и в целях наилучшей защиты начали отличать в своей среде тех, кто был сильнее и храбрее, назначая их предводителями и подчиняясь им. Из этого, родилось представление о разнице между делами с одной стороны, хорошими и пристойными и, с другой – вредными и преступными. Когда кто-либо наносил ущерб своему благодетелю, между людьми возникали ненависть и сострадание, они порицали неблагодарных и почитали тех, кто проявлял признательность. Думая о том, что подобная обида может быть нанесена и им, люди пришли к установлению законов во избежание подобного зла и к назначению наказаний для нарушителей, откуда явилось понятие справедливости. Все это привело к тому, что при избрании государя обращались уже не к самому смелому, а к тому, кто был благоразумнее и справедливее»

Чтобы жить в «благоустроенном обществе» также нужен эволюционный путь, помимо доброй воли, нужно понять механизмы добра и зла, условия, в которых функционирует социум, почему принципа «отнять и поделить» недостаточно (хотя и он работает, работает с самого возникновения государства, которое только и занимается теми арифметическими действиями, что отнимает и делит). К сожалению, государство хуже всего справляется с прибавлением и умножением, а лучше всего – с вычитанием (отнятием).

Нужно было изобрести огонь как инструмент, каменные орудия, земледелие и скотоводство, чтобы появились новые регулятивные механизмы (новая по сравнению с правилами животного стада мораль, верования в устройство мира свыше) и в конце концов государство, которое с тех пор является главным орудием человечества по переустройству общества на разумных (и «справедливых») началах. Марксизм придерживался идеи возврата к общественному самоуправлению, но децентрализация власти сама по себе не гарантирует благоденствия всех граждан. Пока мир делится на государства, центральная власть и армии необходимы. Но сам факт наличия государственного аппарата ставит людей в неравные условия. (А без него сильный все равно будет обижать слабого).

Один из главных вопросов, которыми занимался марксизм – произойдет ли переход к новому (прежде всего имущественному) равенству, при каких условиях это может и должно случиться, какие материальные (производственные) предпосылки могут и должны этому способствовать. В сегодняшнем мире господствует рыночная экономика с кризисами и перепроизводством, с сильнейшим неравенством, но до сих пор не придумано, как и чем ее заменить. Государственный социализм в своей истории продемонстрировал слишком много недостатков.

Марксизм учит не тому, что экономическая жизнь важнее политической и культурной. Он учит, что намерения людей детерминированы на разных уровнях. Поэтому те це-

ли, которые они перед собой ставят и к которым они, по видимости, движутся, отличаются от реально достигаемого и от результатов. Для этого не обязательно, чтобы кто-то или что-то манипулировали людьми. Просто понять все до конца невозможно. Один человек может понимать, что в общих интересах лучше сменить направление, но он не заставит сделать это всех. Марксизм не анализирует механизма перехода бессознательного/неосознанного до конца импульса, вызванного необходимостью, в осознаваемые и произвольные поступки. Он просто утверждает, что материальная необходимость берет верх через массу поступков. Человеческие цели как бы изначально и навсегда заданы. Человек меняет средства. Но на самом деле при этом меняются и цели, среда обитания, «мораль».

Аморальность. Безнравственность в истории так же поучительна, как и нравственность. Говорить о том, что история преподносит нравственные уроки, несколько старомодно. Говорить, что она позволяет установить закономерности, спорно. Она проверяет цену всего.

Об оценках в истории

Существует представление о том, что наука должна обходиться без оценок. Оценка есть руководство к действию – в принципе, по определению. Поэтому, если не объявить Сталина исчадием ада, значит «оправдывать тоталитаризм». Это цельный подход к вещам, не аналитический. Но от истории не требуется получения выводов такого или только такого рода, в ней есть рациональная сторона – как получилось, что...? В памяти народов запечатлеваются позитивные или негативные образы – Отечественная война, Холокост (это уже отчасти продукты интеллектуального производства).

Историк – не совсем профессия, как и писатель, поэт, художник. Можно научить грамотно писать – хотя идеал недостижим, но научить писать – навряд ли.

Нужна ли или есть ли в этом «философия»? Всякий поэт – философ, потому что отвлекается от текущих обстоя-

тельств, окружающей его суеты и мелочей, «воспаряет»; сколь бы конкретна ни была форма его произведения и повод. Содержание художественного произведения, как уже было сказано, – всегда отвлеченное размышление, возведение какой угодно сиюминутности в ранг обобщения, или эпическое повествование, к которому клонится исторический рассказ. Это содержание всегда этично, потому что подразумевает оценки и склоняет к ним.

Историк объективен тогда, когда он описывает свой предмет в общих для всех людей понятиях (абстрактные, «научные» понятия не должны быть идеологизированы, хотя они приобретают оценочность по мере того, как берутся на вооружение политиками). Можно быть православным, можно быть католиком, но быть сперва православным, потом католиком – уже нечто другое. Принадлежность к определенной вере, к определенному народу и даже к определенной культуре противоречит беспристрастности.

История – это исследование отдельных людей и одновременно исследование групп (коллективного человека, человека, взятого извне даже в его самых духовных проявлениях – «ментальности», обобщенного человека). История идей – «общественной мысли» – это история отдельных людей, их умственной работы. Больше история изнутри, образно-духовная.

Во всем есть общее, но история показывает его именно через индивидуальное. История – в значительной мере это объяснение слов. (Как рождаются современные научные понятия? Человек формулирует мысль, находит слово, которое ему кажется подходящим для описываемого им феномена. Затем оно приживается или не приживается).

Все понятия в своей отвлеченности относительны – об этом речь шла выше в связи с термином «информация». История возвращает понятиям все контексты. Мы не можем не смотреть ретроспективно, с позиций сегодняшних понятий и образа жизни. Но исторически необходимо возвращать понятиям и оценке событий также и их прежнее значение.

История во многом состоит из эмоций – вторично переживаемой боли (главным образом), радости и других.

В сущности, история – это и фантазии историков на определенные заданные и избранные темы, на предмет их представлений о прошлом, но фантазии, сильно ограниченные доступными знаниями и представлениями об истинном.

Повествователь, в том числе историк, до известной степени отождествляет себя с эпохой, сюжетом, отдельными лицами, которых он «изучает», каким бы сторонним наблюдателем он ни выступал. Есть выбор сюжета, отчасти продиктованный, отчасти произвольный. Всегда есть связь между вопросами, задаваемыми прошлому, и настоящим.

Слова и образы. История близка искусству тем, что она *показывает*, то есть «учит» (как всякая наука, словесность) через воспроизведение фактов (как в театре). Нарративно, а не дискурсивно. Но это другой способ мышления, не отменяющий задачи получения выводов. Однако показ через слова другой, чем через зрительные образы, в нем гораздо больше воображения, если словам не соответствуют в уме какие-то знаки. Всякое мышление, возможно, образно – то есть пользуется символами (или «гештальтами»), которые служат обобщениями и знаками вещей. Обобщение – присвоение вещи или явлению некоего свойства, или отделение от них этого свойства.

О театральности истории и о власти

Мир театр, но не все люди в нем актеры, есть и режиссеры. (А историки – театральные критики). Есть люди, востребованные на роли, и есть те, кто выбирает – пишет сценарий, подбирает труппу, главное – ставит спектакль.

Исполнение роли предполагает наличие сценария, вживание в него, усилия по воплощению. Зрелищность, которую мы предусматриваем, например, планируя выступление. Своего рода зрелищность мысли. И оценка ее на соответствие замыслу, требованиям, эффекту.

Что дает история историку, автору, творческому человеку, который предлагает обществу свою версию, эту (сегодня), в форме некой научной истины, рассказа о том, как было? История дает ему то же, что любому автору и творцу – иллюзию управления, некий суррогат власти, игру с куклами, оживающими под его пером. Хотя они ему до конца не подвластны, (но абсолютной власти не существует), эта игра, моделирование, режиссура, театр приятны и небесполезны.

Зрелищность и слово. Хороший оратор не слишком сосредоточен на себе и своем изложении, он сохраняет контакт с аудиторией, но это не заставляет его терять нить рассказа. То есть говоря перед публикой, он разматывает внутреннее сцепление тезисов, держит в памяти общую идею и картину того, о чем нужно сказать, и не поддается отвлекающим факторам. А они всегда возникают в силу «энергетических» взаимоотношений лектора и аудитории, артиста и зрителей и т.п. Выступление это всегда работа, затрата усилий. Здесь нужна постоянная подпитка, широкое дыхание, кантилена.

Бывает невзрачная внешность, но завораживающий голос, манера говорить. А бывает (но реже!) и замечательное содержание, убедительность мысли, способность внушения, которые воздействуют не хуже. Письменный текст может иметь похожие качества – но чисто вербальные, не материально-чувственные. Это мастерство *слова* как предмета не чисто духовного – знака, вызывающего определенную реакцию мозга, возникновение образов, наделенных видом, звуком, весом и пр. Но и не материального – все-таки знака, отвлечения, обобщения признаков. Просто выраженная мысль не обязательно банальна.

Некоторые определения истории

Определения, даже, возможно, в геометрии, нельзя давать в исчерпывающем смысле. Но для работы их нужно обязательно давать, чтобы объяснить, какую именно реальную часть данной вещи мы используем. История, как и

«жизнь» (синоним истории в смысле биографии) – это происшествие, цепь событий, связанных одним героем.

История – один из способов организации общественного культурного пространства с помощью отражения прошлого. Вместе с тем польза такого способа до конца не вполне очевидна. История – это изложение драмы, повторяющегося и одновременно уникального сюжета. Но из нее непосредственно вытекает «практическая» философия. Вся история распадается на частные истории, всемирная история – уже как будто не история, а нечто, имеющее к ней отношение (философия истории).

Историческое исследование строится на полноте данных, стремлении передать подробности, без которых картина неполна. В сущности, история как таковая (писаная история) есть не что иное, как *одна большая подробность*. Бывшее становится все менее существенным для сегодняшнего дня по мере удаления. Но история заключается также в выделении существенного (важного, ценного, полезного и поучительного).

Цикличность – общее свойство природы, которое распространяется и на историю общества. Кризисы в современной истории неизбежны, так как развитие рыночной экономики циклично. Наступает перепроизводство (в сегодняшнем случае, перепроизводство ценных бумаг) и за ним спад. Циклы – признак нерегулируемости, стихийности, природных процессов, «плавающих» вокруг одной точки, центра. Устранить природные законы и стихийность полностью невозможно, о чем писали еще гуманисты. Можно лишь сглаживать углы, спрямлять синусоиду.

Политический цикл – движение от сконцентрированной ответственности к распределенной и обратно. В монархии ответственность сходится в одну точку, вне которой *полный произвол* (или в которой – абсолютное право). Поэтому монархия развращает общество. В демократии ответственность равномерно распределена на все общество. Макиавелли хотел, чтобы мудрый государь дал законы и самоустранился, применив тот минимум насилия, который необходим для ис-

правления испорченных граждан. Но как показывает судьба всех революций, они меняют течение болезни, разрешают кризис, а новая система устанавливается затем постепенно, совсем не в том виде, как хотели революционеры. История всегда обманывает людей, они всегда слепы и не могут усвоить ее уроки. Не столько мировой дух пользуется ими для своих целей, сколько суровые законы повторяемости развеивают человеческие иллюзии. Можно лечить болезнь, не понимая ее истинной причины (а причин всегда много, целая цепь, в которой есть основные звенья). Историческая наука – *своего рода психоанализ*, который задним числом позволяет установить неверные шаги, травмы, ошибки прошлых поколений и тем самым дать более благоприятный прогноз на будущее. Хотя этот прогноз все равно иллюзорен. История – это бесконечное проговаривание прошлого в понимании его современников (которое она восстанавливает) и потомков.

Реализм заключается в описании вещей и явлений «как они есть», не предъявляя к ним «моральных» требований, без «идеализма». Но наличие последнего заставляет ставить вопрос о том, откуда он берется, заложен ли он в основаниях вещей и мира, существует ли более прочное и неизменное основание Вселенной, чем то, которое мы видим на поверхности явлений. То есть реализм не отменяет необходимости углубляться в сущность вещей, а это возможно только умственным путем, пусть и с помощью экспериментов. Таким образом, в основе познания лежит всегда умозрение, подкрепляемое опытом и исследованием, но сама возможность познания заложена в природе вещей, в строении ума и мозга, приспособленных эволюцией для восприятия вещей.

Резюме принципов природы, морали и порядка

Принцип живой природы – заложенное в индивидуе (и виде) желание жить. Это божественный, требующий жертв источник и корень жизни. Это принцип управления, который лежит в основе самоорганизации «живой материи». В обществе возникают ограничения (мораль, культура), которые по-

могут выживать – той же главной цели – но по мере развития эти ограничения меняются. Можно сказать, что в природе действует рынок – кооперация живых существ, где никто никому ничего не должен, но все друг другом пользуются. При этом все организовано на первый взгляд идеально, никто не ест лишнего, каждый играет свою роль. Есть два способа существования живой материи – управляемый и стихийный. В жизни человека заложена управляемая стихийность, определяемая параметрами: рождение – воспроизведение – смерть.

Общество по мере развития культуры пытается уйти от стихийности, организовать порядок, выработать собственные идеи, законы и циклы. Но этот внеприродный порядок пока что приводит к образованию не утилизируемых отходов.

Европейский рационализм. Из Европы идет, как считается, рационализм, стремление организовывать жизнь целиком на разумных началах. Его символ, в частности, – строительство дорог. Это сугубо «нравственная», то есть ценностная установка. В России она сочетается с условно восточной нравственной установкой – на нирвану, экономию сил, бесполезность усилий и преодоления внешнего, фатализм, философию гостя на Земле, скромность индивидуальных потребностей. В результате рациональных усилий по преобразованию России в ней утвердился криминальный социализм (он же капитализм). Можно характеризовать этот строй как социалистический капитализм или капиталистический социализм, с отсутствием твердой центральной власти («порядка») и сращиванием власти и «бизнеса».

Когда-то историю в нашей стране пытались ускорить, затем решили также в порядке уникального эксперимента повернуть вспять. Многие уже пытались перейти от капитализма к социализму, в основном, безуспешно, но обратная операция в таких масштабах проводится впервые.

Капитализм как общественный строй мифологизирован. Это всего лишь уклад, выработанная эволюцией форма (рынок, частная собственность, частное предпринимательство, разделение труда, машинная технология, крупная промышлен-

ность, стандартизация во всем, постоянный рост – парадигма роста, торговля деньгами – кредит, бумагами). Эти формы нужно использовать в мирных целях, как атомную энергию.

Проблема российской истории в том, что главным «эффективным» средством в ней был исключительно террор, причем скорее сверху. Насилие вообще в краткосрочной перспективе более эффективно, чем убеждение или стимул. Но оно малопродуктивно, не обеспечивает стабильности. Мораль «неэффективна», но на ней зиждется общество – ее основы глубоко естественны и рациональны.

Случайность, необходимость, предсказание

Случайности порождают только другие случайности. Случайность – индивидуальная форма (случай) проявления закономерностей. Гибель бабочки не случайна, это частное проявление закона жизни и смерти. То, что она гибнет, в определенных обстоятельствах может привести к исчезновению вида – но будут другие виды; к геологическому катаклизму – но будут другие моря и горы. Человечество изменится, но по сути будет тем же, пока оно есть. Земля и человечество конечны. Случайности и индивиды не отменяют (и не изменяют) законов. Мера случайности или субъективности свойств мира и общества задана, но ее можно менять. Человек действует в условиях задачи, он находит «правильные» решения на основе разума, то есть соизмерения целей и средств. Феномен целеполагания основан на отождествлении ценности с неким Я. Экспансия этого Я (возможно, коллективного Я, коллективность – условие познания, да и бытия) и есть принцип эволюции.

Живые индивиды стремятся обрести статус постоянства (феномен жизни – искомая неизменность во времени). Человек есть закон для самого себя. Отсюда вытекает вопрос о роли случайности и о том, меняет ли судьба одной бабочки судьбу мира. Этот вопрос важен только для конкретных индивидов, которые живут в определенном времени и пространстве, чьи координаты для них существенны. То есть

речь идет о судьбах субъективного, ограниченного мира, о судьбах какого-то субъекта в этом мире.

Иначе говоря, справедливо ли утверждение, что ничтожные события порождают грандиозные перемены? Должен быть некто, кто измеряет события и замечает перемены.

В восприятии времени превалирует метафора пространства. Говорят, что у древних египтян не было идеи прошлого и будущего в сегодняшнем понимании¹⁵. Но понятие о переменах было? Ведь их ощущают и животные. Одно дело – словесное оформление, другое – образы в мысли. Обратимость и необратимость – главные характеристики пространства/времени.

Мир завершен в его очевидности, или очевиден в его завершенности. Если бы не было изменений, не было бы и времени. Сущность человека заключается в противостоянии завершенности, или в попытке ее целенаправленного изменения.

Обратимость времени. Время для нас имеет смысл постольку, поскольку оно необратимо: люди прошлого отличаются от нас, они не пользуются всеми теми завоеваниями цивилизации, которыми пользуемся мы. В уме прочерчивается непрерывная линия, выстраиваемая за счет некоего общего «прогресса». (Живые поэтому всегда «лучше» мертвых). Но

¹⁵ Ассман Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации / Пер. с нем. Т. Баскаковой. М.: Присцельс, 1999. «Наша дихотомия времени и вечности основана на греческой онтологии и христианской догматике, а само понятие времени – на представлении, запечатленном в индоевропейской системе грамматических времен, различающей «ступени» прошедшего, настоящего и будущего. ...Египтяне, в отличие от греков, не различали «время» и «вечность», «бытие» и «становление». Для них решающая дихотомия проходила между космической полнотой времени» и преходящими «отрезками времени», отмеренными для всех жителей земли, или, что то же самое, между жизнью и смертью», с.171. «В египетской теологии истории отсутствует категория прошлого... и египетские «исторические сочинения» (если отвлечься от редких исключений, представляющих собой зародышевые попытки двинуться в этом направлении) никогда не описывают прошлого», с. 240.

на самом деле это неправильно, в этом смысле время обратимо, и в бесконечности оно может быть (позади нас) сколь угодно цивилизованно. История – как раз проявление двунаправленности времени, возможности движения и в обратную сторону (как в пространстве).

Время обратимо постольку, поскольку в природе заложено общее, или повторяемость. Конкретное событие (материальное) не может быть обратимым по определению, если оно состоялось, потому что в этом его смысл. «Я» в некотором смысле существовал/а/о всегда (и буду существовать всегда), как то общее, что во мне, в Я, заключено, и как то материальное, что не исчезает. Но соединение этого общего и конкретного, материального и духовного (это соединение и есть душа) уже не повторится. Человек есть своего рода событие, особенное соединение материи и духа. Материальные вещи индивидуальны и конкретны, то есть они – источник субъективности. Духовные (идеи) – безлики и отвлеченны. Вместе с тем духовное считается (в материализме) как бы отражением материального, то есть субъективным, а материальное – объективно данным, собственно существующим. Это парадокс, вытекающий из единства материи и духа.

Смысл вообще – нечто внешнее по отношению к субъекту, смысл появляется тогда, когда субъект начинает осознавать себя как объект, как нечто вне «Я». Смысл – это цель или причина движения, направленного перемещения во времени. Во всех поступках и событиях, помимо наблюдаемых перемещений и механики, есть и смысл (целесообразность, желаемое и пр.), что и делает историю осознаваемой.

«Я» во времени. Смысл закладывается извне, но рождающийся человек ставится в такие условия, что ему необходимо усвоить этот смысл и овладеть средствами его достижения в процессе социально-культурной адаптации. Это процесс как самого жизнеобеспечения, так и движения к чему-то новому. Вот это потенциально новое (хотя бы не теоретически, а в решении каждой конкретной задачи) и есть смысл жизни. Любая человеческая деятельность связана с некоторым

творчеством. Невозможно подметать улицу, как я уже говорил, не решая более или менее осознанно каких-то «эвристических» задач – как лучше идти к насущной цели. («Оптимизация»). Чтобы понять «я», нужно испытать отчуждение от него, представить все свое «я», как чужое. Я – ощущение вечности.

Люди живут в двух измерениях – в координатах конкретного времени и пространства, которые постоянно меняются, и в виртуальном метафизическом измерении, где существуют неизменные идеи. В том числе идея «Я», которое всегда сохраняется (вечно). Отсюда раздвоенность, или «шизофрения» сознания – способность делиться на несколько «Я». Мы не можем понять, что такое «Я», если вдумываться, потому что «я» существует и как отвлеченная идея, и как реальный человек, постоянно меняющийся (младенец, старик и т.д.). Что такое мораль? Это раздвоение – действие и одновременно его оценка сознанием. Человек при всем желании не может жить вне сознания. Если он думает, что свободен и может делать все что хочет, это не так, потому что все его импульсы контролируются сознанием. Отключение сознания – состояние зомби или управление извне. Единое неизменно, изменяющееся разделено, в природе этот принцип проводится, в частности, в разделении полов.

Время и действие. Действие есть изменение. Действие живого существа целесообразно. Оно имеет не только причину, но и цель (обе вместе дают смысл). Цель – это опрокидывание причинно-следственной связи, то есть следствие, которое становится причиной (в уме, в модели). Модель живого существа – записанная, запомненная задача. Хотение – это цель, ставшая причиной.

Мотив поведения. Людьюми движет потребность самоутверждения – всякий контакт требует и сопровождается автоматическим актом самооценки – как меня принимают – с плюсом или минусом. У женщин это выражается в заботе о внешности, у мужчин – во внутренней агрессивности, в готовности или неготовности нападать и защищаться. Общество

Вступительные пояснения

выработало здесь свои механизмы и стереотипы, но они восходят к принципу жизни и в основе таковы же у живой клетки.

Рациональность, разумность есть также и ценностный подход, целесообразность, то есть предпочтение одних обстоятельств возможного будущего другим. Это отношение к будущему и действия на его основе. Битье головой о стену обычно имеет какой-то смысл (причину, – порождающую цель). Нет четкой грани между моралью и видовым интересом, инстинктом у животных.

Животные умны настолько, насколько им нужно, их ум обслуживает их жизнь так же, как человеческий ум человеческую.

Животные достаточно умны (от природы), чтобы понимать свои интересы – цели – не хуже людей. Они менее изощренны только в отношении средств.

На людей (и животных) в конечном счете сильно действуют инстинкты (растительно-чувственная душа), гормональные регуляторы, которые затмевают их разум, предполагаемое нормальное и (то есть) разумное поведение. В СМИ можно встретить репортажи о медведях, ничего не боявшихся из-за голода. Сильные эмоции вытесняют все остальное. «Природа» управляет животным и человеком, оставляя им некоторую возможность выбора – человеку больше, чем животному.

Хитрость разума – инстинкты. Еда привлекает удовольствием, а не пользой для жизни (но между удовольствием и пользой есть связь. Голод – это форма ощущения отношения к жизни и смерти, как и другие «чувства». Это дериват, как другие подобные ощущения, форма истины, форма понимания всех вещей, хотя понимания неосознанного).

Свобода – это способность противостоять инстинктам (свобода от них), или, наоборот, возможность их неограниченного удовлетворения.

Все это будет подробнее рассмотрено в дальнейшем изложении.

I. Мораль как условие истории. Значение субъективности в истории и ценностного подхода в исторической науке.

1. Научные понятия

Слова как обыденного, так и ученого языка отличаются многозначностью. Наука как систематизированное и рациональное знание, то есть такое, в котором частное (в идеале) выводится из общего, а общее сводится к частному, стремится к определенности своего языка¹⁶. Всякая абстракция обладает своим уровнем конкретности, и всякое понятие, по крайней мере, в идеальной научной классификации, будучи абстракцией какого-то класса предметов, включает в себя все эти предметы. Например, понятие треугольника в геометрии (части плоскости, ограниченной тремя отрезками пересекающихся прямых)¹⁷ включает в себя все виды треугольников, а понятие математики как науки о величинах и числах включает в себя арифметику, геометрию, алгебру и т.д. В разных отраслях знания общее и частное соотносятся по-разному, и нигде, вероятно, нет идеальной иерархической структуры, соответствующей вышеприведенному положению. Однако такова природа знания и сознания вообще, что без абстрагирования, то есть отвлечения от конкретного и индивидуального, без

¹⁶ Профессиональные языки (фактически, лексиконы) в социальном отношении выполняют еще и группового (корпоративно-го) размежевания, они служат для распознавания и признания членов своей группы, ранга и т.п., и отсекают других, непосвященных, не знающих, не допущенных.

¹⁷ Начала Эвклида, кн.1, Определения, 20. «Прямолинейные фигуры суть те, кои содержатся прямыми линиями. 21. Из них треугольники суть те, кои содержатся тремя». Эвклидовых начал восемь книг. А именно первые шесть, одиннадцатая и двенадцатая, содержащие в себе основания геометрии / Перевод с греческого Ф. Петрушевского. Санкт-Петербург: Типография Департамента народного просвещения. 1819. С.18. Существуют, однако, разные определения и для треугольников.

использования общих понятий и без их «идеализации», то есть по возможности четкого определения, нельзя создавать «модели» – а это и есть цель познания, – и нельзя применять их в действии. (Есть слова, и есть их смыслы, которые полностью со словами не совпадают – отсюда варианты значений. Плюс есть «реальность», стоящая за смыслами).

Таким образом, определение понятий, специфики их употребления, осознание их ограниченности в каждой сфере знания является условием правильной научной работы. Строго говоря, смысл науки заключается в развертывании /содержания/ понятий. Поскольку границы понятий, в том числе и в науке, как правило, размыты, при обсуждении любой конкретной проблемы нужно уточнять для себя содержание тех терминов, в которых она формулируется¹⁸. В противном случае вместо диалога, который служит формой бытования и развития науки, возникает взаимное непонимание. Для гуманитарных дисциплин с зыбкостью и подвижностью их предмета выполнение этого условия важно вдвойне. Поэтому разговор о смысле занятий историей и о роли субъективности (свободной воли, «человеческого фактора») в историческом движении следует начинать с разбора основных понятий – истории, времени, ценности, морального, логического, живого, истины, культуры и т.д.¹⁹. В то же время любой текст, кото-

¹⁸ Есть еще вопрос (или ракурс рассмотрения понятий) переводимости: насколько одни и те же понятия соответствуют друг другу в разных языках. Например, дерево вроде бы везде дерево, но в России это береза, а в Африке – пальма. /И вообще, дерево не всегда отличимо от кустарника/. То же и в истории: «государство» сегодня и «держава» вчера – разные вещи. Все слова укоренены в пространстве и времени.

¹⁹ Правда, не для всех употребляемых и достаточно отвлеченных понятий здесь найдется место, чтобы о них говорить подробно – например, природа. Природа также представляет собой разноплановое понятие; чаще всего я говорю о ней как о мире

рый претендует на познавательность, является в большей или меньшей степени раскрытием таких понятий, наполнением их конкретным содержанием. В частности, данная работа посвящена осмыслению понятия «истории» как самоутверждения человеческого ценностного (и субъективного) начала в объективном мире.

Свобода – это отсутствие определенности; чем более понятие определено, тем сильнее оно связывает свободу исследователя (т.е. менее «эвристично»). Наличие четких понятий увеличивает определенность и заданность хода мысли.

О терминах и инструментах познания. Социально-экономические концепции

Сегодня историческая реальность описывается понятиями, которые стерлись при использовании, (как галька обтачивается водой), прошли через массу рук и нуждаются в обновлении (возврате к началу) или «деконструкции». (В своего рода обратном развертывании истории).

Например, такие понятия, как капитализм, социализм, революция, модернизация отчасти содержательны, отчасти же умозрительны. Это способы описания реальности, у которых легко оказаться в плену, приписывая им вещность. Употребление слова «капитализм» в историческом контексте влечет за собой слишком много производных и ретроспективных коннотаций (буржуазия и проле-

одушевленных и неодушевленных вещей, из которых выделяется человек, а в другом значении – как о сущности вещи (натура, естество. Наличие схожих понятий в разных языках говорит об их объективном существовании, но, возможно, и о единстве культурного развития человечества – филогенетическом или онтогенетическом). Ср. понятие «физическое» - тоже исторически и этимологически связанное с природой. (Или слово «вещь» – нечто существующее, не более того. Существование: одна из антиномий в паре бытие-небытие, с которого начинается любое высказывание).

тариат, промышленность, социальные революции, рынок, «империализм»).

Спор о том, означали ли войны в Нидерландах в конце XVI в. переход к новой формации (то есть пришел ли к власти другой класс, создались ли условия для «буржуазности», свободы рынка, развития промышленности) несколько схоластичен. Он предполагает отождествление политической «модернизации» с революцией. Но «модернизация» означает путь «революции сверху», реформаторский путь, не требующий политического переворота. Революция, напротив, предполагает более или менее радикальный переход власти в другие руки. Вопрос о формации является привнесенным, теоретической надстройкой, которая призвана показать причины и обосновать неизбежность такого перехода.

«Модернизация» в современном политическом лексиконе является одной из современных параллелей лозунга перехода от капитализма к социализму. В СССР был не столько социализм или государственный капитализм, сколько очередной виток насильственной модернизации, проводимой теми же средствами, которыми, условно говоря, строились египетские пирамиды. Это был образ жизни, натужно копируемый с чужого, западного, и понимается, другой, непохожий на «достижения» чужой культуры. Странный сплав разных черт. При этом он давал некоторые из требуемых результатов, о чем свидетельствуют метро, индустриализация, всеобщая грамотность. Это был плод человеческих усилий, чисто программного, культурного творчества в социальной сфере, утопичный вследствие чрезмерной веры в силу научной теории. Интересный опыт, доказавший прежде всего опасность больших скачков вперед. Сегодня западный мир предлагает другой социальный фантом в виде демократии, которая выступает в качестве абсолютной ценности, вроде рынка и частной собственности. Для описания истории такие громоздкие конструкции – переход к капитализму, переход к социализму, пе-

переход к демократии оказываются неудобными и слишком политизированными. Реальность не глобализуется. В то же время, частные явления могут быть поняты только с помощью перехода на более общий уровень.

Метод заключается, однако, не просто в сведении частного вопроса к общему, то есть, например, вопроса о феодализме к вопросу об идее общественного строя в целом. На любом уровне абстрактное понятие должно «деконструироваться», – нужно находить то его определение, которое подходит именно к данному случаю. Феодализм везде по-своему неповторим, но и всякий общественный строй неповторим – оба понятия имеют свои модальности или свои предикаты, через которые они описываются и описывают друг друга. Кроме того, они историчны. Если мы связываем общественный строй с производством, то и о феодализме мы должны говорить прежде всего как о «способе производства». Если мы говорим о «культурном укладе» народной жизни, то и феодализм нужно рассматривать в этническом, возможно, конфессиональном, а также культурном или цивилизационном аспекте. Или в правовом. Таким образом, без уточнения содержания общих понятий нельзя использовать относящиеся к ним как подвиды частные понятия.

2. История как наука. Условия и смысл истории

В системе научного знания, выработанной западноевропейской цивилизацией за последние столетия, история находится на особом положении (в том числе в сравнении с другими науками о человеке). Это связано с ее противоречивостью и даже парадоксальностью, которые, в свою очередь, вытекают из парадоксальной природы времени.

Время

Время представляется человеческому сознанию как мера изменений, состояние постоянной текучести («все течет»), которая присуща природе. В этом смысле оно выглядит объективной и делимой величиной, хотя физическое время, согласно теории относительности, не может быть полностью отвлечено от материи и энергии, то есть мы его мыслим как неизменную координату только идеально, абстрактно. Эта абстракция позволяет нам представлять себе обратимость движения во времени, как в пространстве, хотя сущностная характеристика феномена времени, то есть его природообразующее свойство, заключается в необратимости, в завершенности, в исполненности – это, в свою очередь, одно из условий существования «истории».

Количественный подход к времени как величине порождает проблемы, связанные с понятиями конечности-бесконечности и хронологии. Конечные вещи образуют бесконечную цепь, которую человеческое представление не может замкнуть. История не имеет дела с физической стороной понятия бесконечность, разве только с идеей бесконечности; современная цивилизация выработала достаточно стройную структуру или ось для мысленного передвижения по времени, начиная от геологического и заканчивая событийными схемами отсчета²⁰.

Современный человек привык абстрагироваться от необратимости времени; прошлое, в том числе благодаря усилиям «историков» (в широком смысле), выглядит, как

²⁰ События привязаны друг к другу по одновременности. Что такое событие? В широком смысле – любое изменение. В более узком – изменение в жизни общества, еще точнее, существенное изменение. Смысл понятия событие заключается в том, что события заполняют временное пространство, из них составляется картина прошлого. Собственно исторические события – уникальны. Повторяющиеся черты событий стирают их событийность, делают исторические события предметом рассмотрения других наук – не истории. Можно сказать, что предмет истории – события.

некая страна, которую можно посещать, – откуда идея машины времени (все это в силу повторяемости, похожести событий друг на друга и неизменности мира – в той мере, в которой он неизменен). В нашем представлении так называемые события прошлого представляются достижимыми и осязаемыми, а их неverifiedируемость отходит на второй план – ведь собственно вся деятельность ученых (историков) состоит в верификации этих событий и фактов. Доказательность исторической науки (как и других наук, но в большей степени), основана исключительно на неких условных допущениях, на феномене памяти, упомянутой повторяемости и неизменности, на потребности оценивать и классифицировать происходящее. Стало быть, эта доказательность шатка, поэтому история допускает любые спекуляции, субъективные и пристрастные толкования, чему свидетелями мы часто и являемся (это касается и хронологии, на первый взгляд кажущейся довольно основательной в своих построениях).

Время в человеческом сознании подобно линии, уходящей из сегодняшней точки назад и вперед, в прошлое и будущее. Это снова пространственный образ. Упомянутая точка неуловима и вместе с тем обладает протяженностью; в ней и протекает жизнь, это как бы порог, через который будущее и еще не бывшее перетекает в прошлое и сбывшееся. Будущее предопределено в своих сущностных, абстрагируемых нами, общих характеристиках, «законах», инвариантах, неизменных свойствах, проявляющихся, однако, в форме вероятностей. Вероятности воплощаются в индивидуальных, конкретных, реальных феноменах. В коридоре между этим сущностно предопределенным и феноменально реализуемым и лежит свобода воли и возможность истории. Прошлое – сфера состоявшихся событий и, для историка, реализованных выборов. В этом смысле история не знает сослагательного наклонения, но одновременно она только его и знает. Если бы возможности выбора не было, исторически нечего было

бы и изучать в прошлом, оно ничем не отличалось бы от настоящего и будущего. Научность истории заключается в том, что мы, живущие люди, судим «с высоты сегодняшнего дня» (хотя никакой высоты, вероятно, и нет); мы знаем, или лучше знаем ответы на стоявшие вчера вопросы; наш обзор шире, чем тот, который открывался перед современниками событий.

Описательность. Всякая наука описательна в том смысле, что она вносит вклад в картину мира, создает систематизированную классификацию, учит и изображает.

История описательна вдвойне в силу того, что ее предмет – индивидуальное, конкретное; отдельные факты служат ей не для обобщения или не только для обобщения, но они обладают самостоятельной ценностью в своей неповторимости (естественные науки сходны с ней в этом постольку, поскольку имеют дело с естественной историей, с описанием эволюции; процессов, имеющих определенную направленность во времени; своего рода всемирной биологией).

Описательность – одно из главных свойств исторической науки, которое вступает в противоречие с понятием собственно научности, подразумевающим в первую очередь исследование, разрешение проблем, сопоставление разных точек зрения. Явного противоречия тут, может быть, и нет, но поскольку исторической науке легче всего идти по экстенсивному пути, вовлекая все новый материал, опускаясь на все более отчетливые уровни подробности («микроистория»), то описание или нарратив, рассказ, масса материала всегда угрожают потопить собой исследовательский, организующий и аналитический элемент, который должен превалировать, так как именно он рождает новизну и движение в науке. Историки склонны мыслить конкретно, примерами, проявлениями феноменов, как бы индуктивно, хотя и это неточно, потому что элемент конкретности, как правило, преобладает над обобщением, он самодостаточен. Это вовсе не следствие дур-

ных наклонностей ученых, а особенность исторической науки, обобщения (и абстрагированные понятия) в которой специфичны. Абстрактные понятия, которыми она оперирует, не являются ее монопольными продуктами, это термины обыденного языка – такие как государство, рынок, политика и т.п., они не являются только и строго научными терминами. В лучшем случае их научные определения даются другими науками: социологией, экономикой, психологией, сегодня политологией и пр., для которых история имеет лишь вспомогательное значение как дисциплина, предвещающая их собственное исследование (так в любой науке). Являясь необходимой частью всех наук, история как бы распределяет по ним свой предмет и ставит под сомнение собственную самостоятельность – в чем еще заключается ее неповторимая специфичность, кроме развертывания любых сюжетов во времени?

Говоря о развитии человека и общества, история может строить свои обобщения на уровне преходящих форм упомянутых, в известном смысле метафизических, понятий – ведь не существует государства вообще, рынка вообще и даже человека вообще²¹ – во всяком случае мы всегда имеем дело с их конкретными проявлениями. Но и здесь, повторюсь, на практике историки как таковые редко занимаются столь обширными и отвлеченными темами, как феодализм вообще, рабовладение или периодизация, это скорее удел философов или теоретизирующих метаисториков, то есть это не собственно исторические исследования. (Поэтому для историков никакая точная периодизация не подходит – все они условны, как и используемые для них понятия).

²¹ Из этого, вероятно, исходят утверждения М. Фуко о «смерти человека», своего рода деконструкция этого понятия - «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке». *Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук.* / Пер. с франц. Н.Автономовой и В.Визгина. М.: Прогресс, 1997. С. 487.

Конференция историков, посвященная феномену феодализма, выливается в изложение каждым отдельным выступающим суждений о проявлениях феодализма или неприменимости (как правило) этого термина к периоду и месту, которые он изучает. В результате оказывается, что подобные понятия (или, например, Возрождение) очень условны и относительны, они суть продукты определенных культурных традиций и научных ситуаций, если использовать модные термины: «конструкты», созданные в определенных целях, некие «маркеры», имеющие скорее организующую и мнемоническую ценность. В общем, хотя сегодня размышления о природе истории в моде и востребованы, «практикующие» историки в глубине души считают их своего рода вынужденными издержками, прилагаемыми к серьезной, солидной, «фундированной» науке, нацеливающей поколения ученых на пристальное изучение частей дождевого червя. Что, разумеется, полезно и необходимо, и возможно, это и есть столбовая дорога познания – говорю вполне серьезно, хотя я думаю, что как обобщение, так и углубление в подробности должны быть двумя равноправными частями работы (в том числе и для) историков. Ведь слова и понятия, которыми мы пользуемся – это основной инструмент нашего «неразрушающего воздействия» на объекты изучения (воображаемые объекты, потому что, отринув слова, мы оказываемся перед чувственными образами).

Итак, если в своем понятийном аппарате история, как минимум, не совсем самостоятельна, в чем ее смысл? Не должна ли она ограничиваться накоплением, проверкой достоверности, систематизацией все большего количества материалов, которые послужат выводам других, более склонных к теоретизации наук, в первую очередь социальных? Конечно, для историка такое заключение было бы неутешительно. Но тут мы должны обратить внимание на еще одну принципиальную особенность истории как науки. Всякое обобщение – результат выявле-

ния некоторых постоянных качеств предметов, неизменно повторяющихся всегда или в определенных ситуациях. В этом и есть смысл науки – получить повторяющиеся и воспроизводимые результаты. Другими словами – предвидеть будущее. Выводы и описания любой науки распространяются из точки настоящего, в которой мы находимся, на прошлое, и, естественно, на будущее, на чем и основывается ее, данной науки прикладное значение. Выводы истории, как таковой, на будущее не распространяются. Ее главный и исключительный предмет – прошлое, но прошлое, как мы уже сказали, не постольку, поскольку оно имеет неизменные черты, переносимые и на будущее, а прошлое в его неповторимости, как бы запись уже состоявшихся игр, где выигравшие и проигравшие окончательно определены; прошлое как альбом семейных фотографий, которые приятно рассматривать, вспоминая о безвозвратно ушедших днях. В то же время это личное размышление над прошлым в поисках нравоучения. У людей существует двойное отношение к прошлому, к прошедшему и отошедшему, неактуальному; две противоположные его оценки. Во-первых, как к отработанному материалу, ненужному, как к мусору, бесповоротно (на первый взгляд) утратившему потребительскую ценность. Во-вторых, как к антиквариату, с течением времени только дорожающему. Последнее относится, в первую очередь, к предметам искусства, но не только: чем дальше от нас артефакты во времени, тем шире их круг с точки зрения важности для археологии (науки о древностях). Так вот, задача историка, очевидно, состоит в том, чтобы извлекать из мусора и ненужного – для того, кто только что им пользовался – хлама – нечто ценное и общественно полезное, превращать мусор в драгоценный металл. Это превращение удивительно как раз тем, что для истории с сегодняшней точки зрения в прошлом нет ничего, что не представляло бы определенного интереса.

Почему так происходит? Прежде всего, это связано с причастностью прошлого к нам, к нашей жизни и к нашему опыту. Вся история – это предыстория нашего собственного опыта, а он, в свою очередь – некоторое завершение предыдущей истории, точка в процессе накопления общечеловеческого опыта. Далее, знание этого опыта, воплощенное в предметах, его отражающих, обладает особой ценностью эмоционального и эстетического рода, примером которой служит коллекционирование и эрудитское собирание всех возможных сведений об ограниченном круге объектов. Такого рода удовольствие, доставляемое историей, имеет физиологическую основу – история представляет вещи в отвлеченном, «ненастоящем» виде; отрицательные эмоции, сопровождающие реальные события, в истории сглажены, они только щекочут нервы, позволяя ее читателям лишь до некоторой степени отождествлять себя с ее героями.

Названные особенности – воспроизведение человеческого опыта и эстетическое переживание, роднят историю во всей двусмысленности этого слова (совокупность событий прошлого и наука об этой совокупности) с искусством.

Родство истории и искусства

В познавательном отношении историю объединяет с искусством синтетичность способа мышления, или восприятие мира через конкретные, чувственно-воспринимаемые образы, даже в словесных искусствах. Различия заключаются в следующем – искусство служит для выражения и воспроизведения авторских чувств, эмоций и мыслей (в рамках известной культурной традиции, то есть и идеалов общества, отдельных его частей), в нем преобладает субъективная сторона. Наука всегда ориентирована на «истину», иначе говоря, на воспроизведение объективного. (Истина – посредница между объективным и субъективным). Хотя и в искусстве есть своя «правда»,

но она больше «примышлена», и она выражает отношение говорящего, она допускает и даже требует, по условиям задачи, фантазии как вымысла. При этом в вымысле есть своя истина, правила искусства и логика. Правда-истина, во всяком случае, – высший критерий и в искусстве, и в науке вообще, и в истории. Ощущение соответствия предмета искусства ожидаемому, узнавание, это и есть эстетическое чувство – сочетание созерцательности, разумного и волевого переживания. Правда – соответствие переживания чаяниям, которые плохо осознаются. В этом есть и правила, но правила абстрактны, а правда осязаема.

Если говорить об искусстве как форме мышления, то оно более абстрактно, чем наука, поскольку имеет дело с чисто вымышленными, хотя и конкретными предметами, как бы придуманными примерами, выражающими отвлеченную идею, которая может неотчетливо существовать в уме художника²². Творческая сторона – создание нового, это суть искусства в самом общем смысле, изначально-исторически; только «высокое» искусство избавилось по мере развития цивилизации от обязанности творить полезное и стало чистым самовыражением – относительно, конечно, – остались архитектура, дизайн и прочее. Но и они приносят пользу в эстетическом смысле, в плане эстетического удовольствия. (Некоторую параллель можно видеть в соотношении фундаментальной и прикладной науки). Указанная творческая и познавательная сторона были, вероятно, слиты в архаическом искусстве и, соот-

²² Эта мысль выражена в словах Аристотеля: «историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозою (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей, в стихах ли, в прозе ли), – нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой о том, что могло бы быть. [b5] Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории – ибо поэзия больше говорит об общем (τά καθόλου), история – о единичном (τά καθ'ἑκαστον)». Поэтика, IX. 1451. / Пер. М. Гаспарова.

ветственно, в античных философских теориях – у Платона любовь как порождение в красоте через познание идеи прекрасного, воплощенной в вещах (восхождение к ней через них). Историческому мышлению также была (и отчасти в тенденции осталась) присуща первоначальная нерасчлененная форма изображения человеческого, общинного прошлого с помощью непосредственно имевшихся (неотрефлексированных, не прошедших путь теоретизации) средств языка. Полезность записи событий (того, что выглядело несомненно таковыми) виделась в моральном наставлении. Значимость и императивность такого наставления, видимо, сказались и в том, что старейшие формы исторического рассказа имеют сакральный смысл (рассказывают о взаимоотношениях с богами) и поэтическую форму. (Эпос, раннесредневековые истории).

Творчество. Если говорить о творчестве как преодолении материала, а также о созидании «нового», то здесь нужно иметь в виду состязательную сторону, иными словами рассматривать творчество как социальный институт. Абсолютно новое творчество невозможно, так как оно не будет понято никем, даже самим автором (вдохновение всегда чем-то обусловлено, здешним или неземным. Слова и идеи подсказывает опыт, культура, развитие «цивилизации», назревшие потребности высказаться и предвидение/прогнозирование будущего). Творчество, понятное всем, – в котором нет ничего нового – банально. То есть здесь работает принцип: человечество ставит перед собой только решаемые, или назревшие задачи. Чтобы что-то оценивать, нужно держать в уме общие критерии, представление о «правильности» творческого движения. Условия созревают в социуме – коллективном индивиде, но решают задачу, добиваются нужного или приемлемого, возможного результата, отдельные, самые способные и «удачливые» личности. (Возможно, это применимо и к политическому творчеству).

Со временем социальное теоретизирование вытеснило художественное начало из исторической науки и повествования, заменив его специализированным копанием в мелочах (эрудитизмом) – на другом полюсе дополняемым сухими схемами. Но это живое начало, естественно, не исчезло, оно существует как бы полулегально на периферии исторической «научности». Вопрос в том, как его легализовать.

Театр, музыка, поэзия. Историю и искусство роднит парадокс времени. Желание остановить мгновение проявляется здесь в форме повторения ситуаций, которое доставляет художественное, эстетическое удовольствие (повторное переживание сюжета, сопричастность драме). Театральность – один из очевидных принципов «истории» как воспринимаемого процесса и как науки, откуда распространена метафора сценариев и разыгрывающих их актеров, что не лишает, очевидно, последних способности к импровизации. Игровой момент – условность происходящего, которая всегда есть и в «реальной» жизни, хотя мы не всегда ее осознаем, соревнование, доля вероятности и удачи, жизненный цикл – старт, дистанция и финиш.

Но эти черты присущи и музыке, самому отвлеченному из искусств, ее воздействие на психику строится на повторяемости звуковых ситуаций, любимые мелодии действуют сильнее, чем впервые услышанные (хотя всякое музыкальное сочинение можно возненавидеть, если повторять до тошноты, это, вероятно, вопрос физиологии). В обращении к историческому прошлому, как оно предстает перед нами в усваиваемой с детства традиции, тоже есть этот элемент узнавания.

Но в любом выдающемся произведении искусства есть нечто большее, чем узнавание, игра, поучение и эстетический импульс. В нем присутствует скорее в неочевидной форме, в скрытом чувственным восприятием виде то, что мы называем мыслью – момент или элемент, выражающий отношение человека к миру, или субъектно-

объектное отношение. Это не чистое отражение и не чистое действие, а соединение того и другого, то есть соединение «морального и логического». Вот в чем родство истории с поэзией, загадочной формой искусства, в которой простота может быть высочайшей степенью изысканности. Это достигается, очевидно, через философичность, присущую поэзии, то есть способность выражать сложные идеи о мире и человеке и об их отношениях метафорически, через словесные выражения и образы, в очевидной и вместе с тем таинственной (скрытой, иносказательной) форме. В поэзии происходит особенное слияние материи и идеи, существо сливается с образом, с формой проявления, и всякие истолкования этой идеи, смысла стихотворения, например, являются в лучшем смысле его бледной копией (как перевод). Поэтому «поэтическое» является также синонимом «художественного». Очевидно, выдающиеся произведения исторического повествования от Геродота до Мишле обладают таким поэтическим и художественным свойством труднопереводимости в другую форму. (Кроме того, и история, и поэзия являются некоторым подытоживанием культурного опыта, основываются на нем – каждая по-своему).

Парадоксальность истории заключается еще в том, что как вид словесного творчества она является не чем иным, как одной из разновидностей перевода. Ее служебная, общественно-полезная функция состоит в том, чтобы делать язык прошлого, отличающийся от сегодняшнего (что не всегда заметно), понятным для людей сегодняшнего дня.

Это проявление коммуникативности истории, которая соединяет отдельных людей, эпохи, страны и сообщества. История – форма общения. Слово – обоюдоострый предмет, требующий большого умения в использовании. Слова безлики и общедоступны, их неумеренное употребление вредно. Слова – это всего лишь слова, но слова – это и все остальное, а в истории, некоторым образом, нет ничего, кроме слов, потому что она «виртуальна»,

она происходит (воспринимается как связный процесс) в головах. Подбор слов обладает своей «истинностью», не только связностью, но и уместностью и точностью. В каком-то смысле истина – в словах, которые обладают своей мерой объективности (подсказанности) и субъективности.

История как поучение

История в своих собственных выводах, вероятно, ничему не учит, потому что формально история в широком смысле – это все прошлое. Но она учит в иносказательной форме, как библейские и прочие притчи, потому что в узком смысле история («наука») является обобщением прошлого, обобщением в виде извлечения из него «событий» и в виде размышлений о нем.

Практические выводы: нравоучение скучно, но литература и история «учат» иносказанием. История – во многом иносказание. Иногда легче высказать свои мысли не в прямой форме, а в качестве примечаний, например, в комментариях к истории.

Неизбежно нравственный и ценностный характер таких размышлений вытекает из того факта, что предметом истории является ее человеческое содержание, отношения между людьми. Отсюда ее преимущественно воспитательный и образовательный характер. Лучше всего люди воспитываются на примерах. Но нельзя воспитать любовь или патриотизм в процессе целенаправленного вкладывания в умы определенных идей. (Хотя именно в таком вкладывании заключается, например, прагматический смысл рекламы)²³. Подобные чувства, или противо-

²³ Это практическое подражание той же «хитрости разума», которая действует через восприятие образов, через питаемые ими чувства, «рефлекторно», а также через стереотипы мысли. Иначе говоря, без анализа. Многие вещи в современном обществе покоятся на ложных по сути представлениях, раздутых, как фондовый рынок. Реклама считается эффективной, поскольку якобы при вложениях в нее растут продажи. Но это вряд ли так. Одно дело, если вы сообщаете о наличии вашей продукции и ее достоинствах мно-

жеству людей, среди которых должны быть и заинтересованные в ее покупке. Это информирование. Другое дело, если вы пытаетесь внушить массовому потребителю идею о нужности купить именно это. Люди, по идее, должны становиться со временем все менее доверчивыми. Но стереотип, что внушение действует, сохраняется. Как в политической пропаганде. Люди «дают себя одурачить». То же и в шоу-бизнесе. Он воспитывает дурной и непритязательный вкус и сам к нему подстраивается. Но так ли падки на него массы? Суррогатные звезды собирают залы, толпа клюет на бренды. Это результат рекламы, или реклама использует массовые слабости? В сущности, все это феномены рынка. Они должны срабатывать и в финансовой сфере: депозитов, кредитов, покупки акций, вложения в валюты. В отношении «звезд» работает феномен сверхценности, стереотипа человека толпы, который отождествляет себя с кумиром в перьях и блеске, с кадиллаками и поклонниками. Своего рода болезнь сознания общества. Это потребность подражания чему-то относительно близкому и доступному, понятному, но одновременно далекому. (В глубине души и отрицаемому – покушения на кумиров. Здесь присутствует и сексуальная двойственность - обладать и отдавать.). Но в массе толпа равнодушна к звездам, это, в общем, вопрос воспитания и образования. Раз нечто ценят все и ходят, значит, надо ходить. О качестве этого нечто мало кто думает. Ясно, что сегодня успех зависит от вложения денег, от раздувания субъективной и стереотипной стороны процесса. Деньги вкладываются в средства, позволяющие достичь результата, который измеряется ими же и состоит в зарабатывании еще больших денег.

Чтобы заменить сегодняшние, не всегда удобные правила - рекламу, рынок, биржи, масс-культуру – нужно изобрести нечто другое, соответствующее потребностям человечества. Реклама – еще один вариант утопии, вера в то, что можно изменить мир искусственно, повлиять на людей. В пределе ее идеал – абсолютная покупаемость товара. (Вариант рекламы - «Накапливайте деньги, на них вы все купите». Он уже осуществлен с обратным знаком - берите кредит). Поэтому реклама мало совместима с социализмом. У нее свое светлое будущее – идеальная реализация и прирост прибыли. Рынок строит свой светлый мир по своим принципам - как работать, как отдыхать – корпоративно, что лучше (дороже), что хуже, что можно, чего нельзя. Кредит – устремленность в будущее!

Момент, когда конкуренция обеспечивала наилучшее качество и приемлемую цену товара, давно пройден. Теперь конку-

положные возникают в результате сложного внутреннего развития человека, как итог его собственного опыта, в который входят и исторические знания. Они, собственно, и есть обобщение опыта, которое образует личность в каждый данный момент времени. На негативном опыте человек, кстати, учится зачастую легче. Таковы условия земного бытия. Логически правильно научение через истину, а не приспособление мира к своему пониманию. Хотя давно замечено, что мы воспринимаем то, что нам доступно, видим то, что для нас заметно, и даже ожидаем того, чего хотим ожидать (но и чего боимся).

Поэтому, наверное, уместнее говорить сегодня не столько о воспитании и наставлении, сколько о внушении и внушаемости как средствах конструирования так называемой «ментальности». Внушение действует через привычные нам образы, цитаты, то есть наставляет (ставит на путь определенного целесообразного движения, формирует цель – результат этого заранее смоделированного движения) не в лоб, не прямо, а посредством влияния на неочевидные механизмы психики.

Цитата и реклама. Как происходит высказывание? Срабатывает определенный механизм, для выражения внутреннего состояния используются готовые клише – слова и цитаты. Это неотрефлектированное высказывание.

ренция идет в сфере наилучшего обмана (внушения) и рынок дает иллюзорное (воображаемое, суррогатное) счастье. Демократы и правозащитники осуждают тоталитарное насилие, а насилие рекламы в рыночном мире – многим ли оно лучше? Реклама – «демократическое» насилие. Ее можно использовать как инструмент для пытки. Реклама отражает рост внушаемости населения.

Отнюдь не все хотят быть в центре внимания, делиться даже только своими мыслями, сделать последние предметом рассмотрения, изучения, подражания и т.д. (Тем более свой темп жизни, свою постель и свое потение). Жить в закрытом мире уютнее. (Однако ненависть так называемых звезд к папарацци – разновидность привычной зависимости. Пить вредно, но без питья невозможно).

(Когда хочется произвольно что-то произнести, например, выругаться, это срабатывание нормы, вошедшее в автоматизм). Если человек задумывается (что бывает и с историком), он ищет слова и цитаты, наиболее подходящие для выражения того, что ему требуется и хочется сказать. Во всех вариантах здесь присутствует элемент долженствования, то есть некоторая нормативность (нормативность – один из вариантов заданности, заданная реакция на стандартные ситуации, в данном случае, языковая).

На самом деле трудно определить, что важнее – наличие мысли или наличие готовых, может быть, взятых из прекрасных образцов слов. Всё есть цитата, вся культура – цитата, но не только коллаж из цитат. Написать книгу – роман, детектив и пр. несложно, техника отработана, шаблонов много. И очень жаль.

Слово – (только) след живого человека. Человек постоянно меняется, слово и всякое произведение искусства фиксирует его «мгновенье» как бы навечно. Поэтому художник работает над оформлением этого мгновенья иногда годами. Зрители могут воспроизвести его потом, когда угодно. Пережить минуту. Что важно в музыке, в театре, в искусствах, использующих временную протяженность. Наука фиксирует идею, общее, истину не в ее казусном проявлении, а в отвлеченном, обобщенном виде. Но это может быть и формула, после долгих исканий выведенная на все времена.

Сегодня готовые формулы впечатываются с помощью разного рода рекламы, которая представляет собой преимущественно экологически вредный продукт рыночного развития, засоряющий духовную среду обитания человека. Массовые рекламные изделия, как и положено таковым, как правило несут мало так называемой «информации», то есть полезных сведений о наличии, качестве, цене товара – они чаще всего искажают их в интересах продавцов, и обладают маловысокохудожественной ценностью (ср. прим.23). Вдалбливание примитивных, да и

просто повторяющихся текстов должно вызывать пресыщение и отвращение к ним и к рекламируемым предметам. Но дело, видимо, обстоит сложнее. Рекламные тексты заполняют культурное пространство, которое формируется в умах в любом обществе процессом образования и воспитания. Они вытесняют цитаты, составляющие духовное достояние всякой культурной среды и используемые для освоения или обыгрывания текущих ситуаций – цитаты из литературной и художественной классики, и заменяют их собой, как правило, убогим суррогатом искусства. Своего рода рикошет этого приема – размещение цитат из классиков в общественных местах.

Внушение (вкладывание идейно-образно-оценочных комплексов) – механизм полезный и необходимый, но обоюдоострый, как уже было сказано выше. Оно является составной частью и так называемого научного, в том числе исторического дискурса, и работает, в первую очередь, в силу использования определенных языковых средств. «Научный» язык, нормализованная терминология, общепринятые формы бытования науки способствуют процессу научного производства. Но это только внешние формы, антураж, за которым следует видеть более глубокое содержание, и одновременно индивидуальность, без которой нет творчества. Творчество начинается с критического отношения к текстам, прежде всего, своим собственным, к их предмету, к декларируемым целям. К рекламе. Сейчас отношение к советскому прошлому часто бывает беспардонно до карикатурности. Оно выглядит (в нашем сознании) как эпоха какого-то умственного рабства. Хотя дело обстоит как раз наоборот. Когда существуют официальные идеологические пути, человеческая мысль старается их обойти. Когда все разрешено, сознание легче (незаметно и ненавязчиво) подпадает под предлагаемые стереотипы. Гипноз – не обязательно продукт усилий гипнотизера.

Человечеству угрожает психологическая деградация. Модели поведения, которые навязываются современ-

ным образом жизни, могут разрушить внутреннюю устойчивость личностей. Раньше люди усваивали принципы, сегодня они действуют под влиянием постоянно меняющихся факторов прессинга. В результате вырабатывается подспудное ощущение хрупкости реальности.

Элита. Во все эпохи существовало деление людей (может быть, только умственное, не обязательно социальное) на интеллектуальную элиту (только такая элита и является собственно элитой, «избранными» – так написано и в Евангелии) и толпу. С точки зрения демократии такое деление нехорошо, но ведь оно не обязательно предполагает социальный статус и даже занятия умственным трудом. Всегда были люди, не выходящие за пределы умственных шор, налагаемых традицией, идеологией, интересами и пр. (Среди них есть и академики, и герои и так далее). Другими словами, речь здесь идет об избранности как о внутреннем состоянии, ощущении ответственности, которое заставляет задуматься и побуждает к внутренним усилиям. С любой другой точки зрения нормальный человек не может причислять себя к элите, так же как умный человек не может называть себя умным – это будет первый шаг к глупости. Но в обществе существует иерархия, верх и низ, богатые и бедные, и «высшие классы» почему-то получили звание элиты, избранных, может быть, в силу монополии на власть, которая позволяет назвать себя по своему вкусу.

Власть – это узаконенное неравенство, но как бы во имя равенства (общего блага). Последнее понятие используется в риторике, прикрывающей частные интересы, потому что история не знает такого общественного устройства, при котором власть не использовалась бы и не могла бы использоваться в корыстных интересах. Исторически упомянутая «элита» в подлинном смысле, то есть люди, занимающиеся творчеством, всегда занимала в социальной иерархии место, зависимое от псевдоэлиты, от власть имущих, обслуживая в первую очередь их интересы. Но

такие люди понимали или не до конца осознанно ощущали, что в социальном плане «элита», люди, которые «лучше» других – это нонсенс, что те, кто называет себя «элитой» – это социальная пена, всплывающая наверх, часто просто отбросы. Во всяком случае это люди, типы людей и группы, которые якобы отличаются от других и имеют поэтому право на особые привилегии, но на деле не имеют никаких специальных заслуг.

Русская интеллигенция, будучи духовной элитой, приобретшей особый социальный статус, и пыталась разрешить социальные противоречия с помощью просветительства, хождения в народ и насаждения разумного, доброго и вечного. К сожалению, рыночная цивилизация, создавая всевозможные суррогаты, приспособила и вечные ценности к своим целям.

Реклама, однако – это морально устаревший способ продвижения товаров. Слово «морально» указывает здесь на необходимость перехода к другой, более справедливой, а то и даже более «эффективной» в сегодняшнем понимании системе. До сих пор преобладал стихийный способ развития, рыночная экономика с элементами государственного регулирования. Последнее показало свою несостоятельность при превышении определенного уровня воздействия (в частности, при социализме). То что придумывается глядя сверху, чревато административным идиотизмом, о котором писал Салтыков-Щедрин. Чтобы внедрить нечто новое, нужно его изобрести и предложить. Запрещать рекламу бессмысленно, необходимо заменить ее более «эффективным» способом воздействия на умы – а может быть, и более гуманным. Плохо, что эффективность, которая лежит в основе рыночного мировоззрения, сама по себе никак не гуманна.

Мораль и демократия, или вопрос об оценках и вкусах

Есть «аристотелевский» подход к оценке вещей с точки зрения их целесообразности. Вещь тем ближе к совершенству, чем она более пригодна для изначально, мысленно заданной ей цели²⁴. В природных вещах это ее идеальный образ, существующий от века, в искусственных вещах это ее образ, существующий в уме автора. В конечном счете оба этих образа сближаются. Этот подход основан на постоянном приближении к недостижимому в конечном счете совершенству идеала. Это принцип гармонии или соответствия. Более радикальный дуалистический вариант заключается в противопоставлении двух полюсов – абсолютного добра и абсолютного зла. Третий вариант состоит в плюрализме – признании равноправия (никогда не абсолютного, но максимально широкого) разных ценностей. О вкусах не спорят.

При оценке научного труда исходят из аристотелевского принципа заданного по умолчанию критерия – поиска все новых истин, понимаемого как приближение к полной истине, или, в более современном варианте, как вечное движение и смена парадигм. Последний вариант плюралистичен и релятивен, но какой-то критерий истинности должен сохраняться, чтобы система «науки» не распалась.

История исторического знания с точки зрения его целей, распространенности и доступности

Раньше у людей было мало книг и фактически любая книга была священным предметом. Записи вели жрецы, они же могли их прочитать. Священная история – Библия, сборник событий и одновременно поучений, уроков. В ней описывались взаимоотношения с Богом и заветы Бога.

²⁴ *Аристотель*. Метафизика IX 8, 1050a9 / Пер. А. Кубицко-го: «все становящееся движется к какому-то началу, т. е. к какой-то цели (ибо начало вещи – это то, ради чего она есть, а становление – ради цели); между тем цель – это действительность, и ради цели приобретает способность».

По мере развития технологии передачи знаний (это лучшее название, чем информационная революция) количество записанных текстов стало неуклонно расти, а степень их мудрости – неуклонно снижаться. Сегодня это количество находится на критической отметке, или даже перешло через нее. До масс доходят лишь отдельные тексты, причем не всегда лучшие и важные, а специальные книги становятся уделом узких же специалистов. В библиотеках лежат неразрезанные книги чуть ли не с XVII века.

Предположим, что важные знания, положения и даже информация доходят туда, куда нужно, разными путями, не обязательно через конкретные книги. Хотя считается, что не прочитав какие-то классические книги нельзя стать образованным человеком.

Но в конце концов буквы, слова, фразы и мысли колют из одной книги в другую и с течением времени эта повторяемость растет. С появлением компьютеров зыбкость книг и текстов естественным образом увеличивается. Поведет ли это к зыбкости мысли и принципов поведения?

Сегодня, если ты хочешь быть услышанным, недосаточно написать и даже опубликовать книгу. Нужно сделать ее запоминающейся и престижной, а лучше всего обеспечить ей продуктивную рекламу. Как и в других случаях, это способствует продвижению очень часто некачественного товара, в том числе и сочинений по истории.

Занятия историей не требуют специальных знаний, в частности, владения особым языком. (Если не говорить о ее отдельных отраслях). Поэтому все любят рассуждать об истории. В то же время слова «пусть историки этим занимаются» всегда означали, что тема утратила актуальность.

История и миф

История как жанр наряду с литературой должна давать людям пищу для ума.

Общество живет благодаря памяти, в том числе и о самом отдаленном прошлом. Но эта память не только избирательна, она очень субъективна и пристрастна. Народ создает свои образы истории, которые раньше были уделом устной традиции и эпоса. Писаная история отвергает выдумки и вымыслы, но у нее нет настолько объективных средств – языка, терминологии, знания мотивов и истинных причин – чтобы полностью избавиться от мифологии. Создание мифов, то есть устойчивых стереотипных представлений с большой оценочной составляющей есть одна из задач исторического сознания – хотя бы потому, что в памяти не может укладываться одновременно всё. Кроме «где» и «когда» историческая память фиксирует величины и оценки, сохраняет следы былых эмоций, драм, трагедий и комедий. Человек – это мыслящее зеркало, стереотипы и мифы не просто приходят извне, они рождаются в его сознании.

В памяти общества откладываются стереотипы, которые историческая наука может и должна опровергать. Но зато ее копание в мелочах и уточнение деталей утрачивает ту силу обобщения, которая есть в стереотипах. Например, понятие «Средние века» в таком виде не было введено гуманистами, и само по себе очень условно, но историческое бытование этого термина независимо от этих уточнений было и остается во множестве отношений продуктивным, в том числе для понимания Возрождения.

Историческая память в целом и исторический рассказ о жизни общества являются областью мифов (потому что без них невозможно обобщение), а историческая наука является областью их разоблачения, то есть критики и демонстрации «как было на самом деле» (но «на самом деле» всегда не так, как в действительности, всегда остается доля неизвестности) – фактически этот процесс бесконечен. Можно сказать, что историческое сознание существует между полюсом мифологии и полюсом научной критики. (Между ними нет чего-то среднего, только градации).

Объективность субъективному выбору в истории придает коллективный момент, массовость. Или повторяемость во времени/пространстве. Люди живут как отдельные клетки, но история описывает их деятельность как бытование коллективного организма (организмов). Что такое жизнь? Промежуток между повторяемостью и случайностью (внешним обликом повторяемости, изменяемой внешностью неизменности). Жизнь – это ощущение или переживание движения, то есть неповторимых и повторяющихся изменений.

История являет собой бесконечное множество примеров, но ни один из них в точности не повторяет другой (это существенно, в отличие от естественных наук). Поэтому, в частности, анкеты в социальных исследованиях могут быть только вспомогательным средством для познания общества и идущих в нем процессов.

Творчество и повторение. Каков механизм работы сознания, умственного труда, научного исследования, исторического исследования? Собираение материалов присутствует везде как идея объективности, наличия внешнего мира, независимого от нас и определяющего наши поступки. Вместе с тем мы уже состоим из этого мира как его часть. Предшествующий опыт – и нас, и мира заложен в виде, для нас не всегда понятном. Законы материи, генетика, воспитание, образование, история – этапы этой детерминации. Наука предполагает выделение специальной сферы для обобщения социального опыта и накопления систематизированных знаний. С одной стороны, это чистое отражение, детерминированная деятельность, идеал объективизма. С другой стороны, наука выражает человеческую потребность, целесообразность, определяемую более или менее осознанным выбором. Это совокупность знаний и приемов, отчасти материализованная во всем, что произведено человечеством, но в принципе виртуальная (сохраняемая в виде символов). Преумножение этих знаний идет в виде наращивания объема научной работы

(институты), но одновременно с ним идет и наращивание рутины. Все больший объем наличных знаний требуется перерабатывать, чтобы получать новые. Отчасти за счет специализации, неизбежной в силу этого роста. (Вообще составная часть эволюции – специализация).

Проблема оригинальности, гениальности, творчества и открытий в науке

Способности у людей разные, но эволюция их увеличивает. Все меньше возможностей творить в одиночку. Но чистых одиночек в познании никогда не было. (Открытия делаются тогда, когда они нужны обществу, и делаются разными людьми. В Новое время открытиям способствует усилившееся соревнование людей и наций). В конце Средних веков зародилась республика наук (*respublica litterarum, republique des lettres*). Она сохранилась и сейчас в меру присущего науке интернационализма, то есть отсутствия ее привязки к конкретным людям и народам.

Специфика истории состоит как раз в наличии такой привязки. Предмет истории субъективен – есть история человечества и своя собственная история. Это одно из противоречий исторической «науки». Знание непредвзято, объективно, таково его свойство, оно никому не служит как таковое и никому ничего не должно, как и чистое искусство, наука и культура. Его можно использовать, причем правильное (разумное, рациональное) использование равнозначно «успеху», неправильное (глупое, некорректное, неточное, «аморальное») – неудаче. Это чистая логика. История по логике, политической корректности, в силу морального принципа (аксиомы) не должна была бы показывать превосходство одних народов над другими. Реально их можно сравнивать и говорить о превосходстве в данный момент в экономическом, количественном и других материальных отношениях. Исторически же часто было так, что «наука» исходила, в соответствии с представлениями своих эпох, из идеи неравенства народов, позднее

расовой теории, которая теперь оказалась под официальным запретом.

История пристрастна как моральная наука, она является одним из приспособлений человека, противоречащих природе. Это надстройка к естественному стремлению продлиться, доводящая его до абсурда. Новизна в истории вторична, первично воспроизведение бывшего, возврат к старому. Новизну научной исторической работе придает ценностный момент, момент субъективной переоценки. Но наука требует обобщений, которые для истории недоступны, или доступны через конкретные образы, как в искусстве – только образы реальных вещей.

Революции и открытия в истории редки, если вообще о них можно говорить. Историк собирает все, что может: «источники», способы представления сведений (язык), литературу, может проводить опыты (раскопки), изучает state of the art, и пытается к нему что-то прибавить.

Историк ничем не отличается от художника в том смысле, что его цель заключается в поисках совершенной формы для передачи заданного содержания, в подборе точных слов. Разница лишь в том, что художник имеет право на вымысел, может придумывать свое конкретное, а историк – только воспроизводить реальное конкретное. Хотя и он постоянно домысливает.

Оценивать работу историка сложно, потому что он больше зависит от косной материи. Существуют какие-то критерии оценки художественного произведения, хотя сегодня их – в окончательном виде – как бы и нет. Но есть эксперты, общественное мнение, рыночная стоимость, марка, авторитет, имена. По крайней мере соответствие тому, чего ждет общество (экспертное сообщество), формирующее свои оценки на основании опыта, культурной традиции (или ее преодоления, что то же), господствующих идей, вкусов, потребностей, интересов, прошлого в целом и т.п. Сегодня на них очень влияют бизнес и рынок.

Похожие тенденции наблюдаются и в истории. У нее есть заказчики.

Хорошо выявлять тенденции, направление движения. В основном историки заняты конкретикой, рисованием картин и заполнением белых пятен.

История – обустроенное пространство прошлого, то есть пространственно она не существует нигде. В бесконечности будущее и прошлое сливаются.

3. Понятие ценности и его связь с живым.

Ценность и величина. Исходной точкой для определения ориентиров в историческом знании мне представляется понятие «ценности», которое связано, в свою очередь, с категорией величины. Последняя применяется в качестве количественной меры (и является ее синонимом) прежде всего в координатах пространства, но также и времени, возможно, по аналогии с пространством – потому что количество времени менее наглядно. Кроме количественной, ценность имеет другую характеристику, по пространственной аналогии сопоставимую с направлением. Это выбор принятия или неприятия, как плюс и минус. (Идея ценности у субъекта является таким же отвлечением, абстрагированием от «вещной реальности», отделением ее существенных свойств, как и категории пространства и времени). Этот выбор, однако, может мыслиться только в рамках представления о времени, о текучести и о процессе. Оценивая нечто²⁵, то есть принимая или отрицая, мы выражаем согласие с продолжением существования этого чего-то или желание, чтобы оно исчезло. Как бы выносим приговор: казнить или миловать. Иными словами, ценностное высказывание – волевой акт, накладывающийся на временной вектор – от прошлого (настоящего) к будущему.

²⁵ Всякое отвлеченное рассуждение восходит к постулату бытия – существует нечто.

Смерть. Ценность – основная характеристика живого, его сущностный признак. Живые организмы отличаются от неживых предметов тем, что их бытие, их существование во времени становится для них целью. Идея бытия заложена в них как ценность, небытие как антиценность, жизнь – абсолютное благо, смерть – абсолютное зло. Речь идет об исходных параметрах, на практике, как мы все хорошо знаем, эти вещи иногда меняются местами. Продлить себя в вечности – смысл, направляющий существование если не индивида, то вида.

Убийство является одним из базовых инстинктов, заложенных в живой природе. (Инстинкт – заданная характеристика поведения животного. Алгоритм, слабо контролируемый разумом). Убийство вытекает из инстинкта самосохранения (питания, размножения) – чья-то смерть – моя жизнь. Смерть – неотъемлемое свойство природы, условие (со)существования разных биологических видов. Ее рациональность вытекает из противоречия – желания жизни и наличия этого желания у всех живых существ.

И если инстинкт убийства загнан культурой в подполье, это не значит, что в обществе он не действует. Инстинкты продолжают быть принуждающими факторами как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Инстинктивное поведение бывает доминирующим, например, у маньяков или алкоголиков, хотя как бы в окультуренном виде. Можно сказать, что алкоголизм – «культурная болезнь», прививаемая в значительной степени воспитанием, средой.

Смерть может выступать для индивида как благо. Небытие само по себе не так ужасно, как переход к нему. Страшные сны – это репетиция (переживания) смерти; нарастание неизбежной опасности, никогда не переходящее грани с ничем.

Целесообразность. Здесь нужно сделать отступление о смысле, о понятии целесообразности, которое сродни ценности, но отражает больше ее объективную, внеш-

ною, логическую сторону. Понятие цели неразрывно связано с движением, то есть перемещением «чего-то» во времени-пространстве, даже если мы можем мыслить цель отвлеченно – неподвижно, как вершину некоей иерархии. Цель – завершающий момент движения, точка²⁶ или положение, к которому стремится (направлено, движется) это «что-то», предмет, объект (субъект)²⁷. В качестве цели указанная точка или положение должны обладать ценностью, или быть желательными для «кого-то». Желательность предполагает наличие субъекта и объекта: субъект имеет представление об объекте, его «модель», или во всяком случае находится во взаимодействии с ним. Такое взаимодействие называется обратной связью – изменения в объекте влекут те или иные изменения субъекта, однозначно определенные или варьирующиеся. Живые объекты имеют множество целей, которые по-разному соотносятся между собой и по-разному оцениваются ими как субъектами. Эта оценка имеет количественную сторону и качественную: выбор между разными, конкурирующими между собой и имеющими разную соподчиненность ценностями²⁸. Для того, чтобы сделать выбор, пусть даже однозначно продиктованный субъекту его набором ценностей, он должен располагать представлением об объекте, его схемой, отражением, копией, моделью или хотя бы

²⁶ Бесконечная делимость (апории) существует лишь в уме, как инструмент мысли. Как, наверное, и целостность, непрерывность, единство и множество. В таком геометрическом смысле **цели суть разрывы непрерывности**, точки во временном пространстве.

²⁷ Если мы говорим об «объекте», то предполагается, что мы наблюдаем движение со стороны, как направляемое (управляемое) извне. Субъект сам собой управляет. *Управление и есть движение к цели, целесообразное движение*. Разумное поведение.

²⁸ Конечной целью и объектом для субъекта в определенном смысле является он сам, жизнь есть самоцель. Ее условием является разделение целостности на субъект и объект. На этом основан и механизм любви – в любви другой объект отождествляется с собой.

механизмом, реагирующим на изменения объекта. С физической или «материальной» точки зрения этот механизм может иметь разную энергетическую природу – это может быть химическое или электрическое или механическое взаимодействие, но он имеет и другое, «духовное», отвлеченно²⁹-отражательное содержание, он служит для переноса и в процессе его работы происходит перенос того, что сегодня называется информацией. Информация, как считается, не имеет материальной природы, это собственно и есть субъектно-объектное отношение, его разновидность, как сведения, знания, данные и даже истина. Истина – это условная тождественность (субъективного) представления об объекте с самим объектом или его состоянием – устанавливаемая, разумеется, с определенной степенью полноты и в соответствии с какими-то критериями. Понятие истины отражает принуждающую сторону объектно-субъектного отношения – «так есть», но оно статично – в том смысле, что не является действием, реакцией субъекта на изменение состояния среды. Если говорить о возможной динамике, о приложении понятия истины к процессу, то истинным можно считать такое суждение, которое описывает, точно предсказывает его результат; то положение, которое мы считаем конечной точкой этого процесса. Представление о степени истинности прогноза влияет на поступок, по сути на выбор средств, но сама цель оно не определяет, цель задается ценностями, поэтому иногда встречающееся понятие «истинная цель»³⁰ внутренне противоречиво.

²⁹ Отвлеченное – потому что копируется какое-то из свойств или состояний объекта, он никогда не воспринимается целиком, разве только когда поглощается полностью, «съедается». Но и тогда субъектом он воспринимается, «рассматривается» как «пища», стройматериал для своих нужд.

³⁰ Не подлинная, в отличие от показной, а истинная в смысле единственно достойная – когда человек рассматривается как объект с целями, заданными извне: богом, исторической необходимостью.

Заданность и свобода. Изменения в мире происходят по определенным правилам, то есть с долей устойчивости, которую мы можем вычленить и назвать закономерностью. Конкретные проявления или результаты действия этих правил наделены случайностью, вариативностью (тем, что в Средние века называли акцидентальностью). В рамках между обязательностью общих правил и стихийностью конкретных событий существует выбор, направленная деятельность субъектов, руководствующихся ценностями. Это, собственно, и есть свобода в широком, философском смысле слова.

Например, всякое индивидуальное бытие конечно, в том числе и живое. Продолжительность этого бытия также может подчиняться правилам, но на практике сильно варьирует в заданных пределах. Эта конкретная продолжительность отчасти зависит и от выборов самого индивида, относительно детерминированных, относительно свободных. Поскольку самосохранение себя как индивида (или вида как совокупности индивидов) является признаком собственно живого, то эта абсолютная или высшая ценность руководит «свободными»³¹ поступками индивидов, хотя наличие такой ценности как жизнь не отменяет для индивидов некоторой возможности выбора, выбора смерти или ухода от жизни. (Смерть в момент такого выбора становится ценностью, – из антиценности, или негативной ценности, необходимо дополняющей позитивную в «сознании» субъекта, превращается в последнюю).

Это почти синоним внутренне противоречивого понятия «объективная цель», почти его синоним. Но цели, хотя с одной стороны они заданы, с другой – произвольны, субъективно выбираются, не могут быть стопроцентно «объективными».

³¹ То есть «осознаваемыми», имеющими вероятностный исход и степень выбора; не чисто механическими.

Управляющие факторы. Существует определенная иерархия «управляющих»³² факторов, с разной степенью принуждения воздействующих на поведение живых существ, начиная от общеприродных, таких как законы механики, и заканчивая эстетическими предпочтениями. На практике, правда, эти факторы переплетены, они действуют одновременно и в самых разных, в том числе совпадающих, направлениях, то есть их выстраивание в иерархию – продукт аналитической работы ума. Природные факторы, начиная с физических, принимаются во внимание преимущественно в так называемых макроисторических трудах, где речь может идти о географии, природных ритмах, климате, специфике временных циклов и датировок, даже об особых энергетических процессах, связанных с перемещениями больших человеческих масс (пример – спорная идея «пассионарности»). Пассионарность – квазинаучный синоним жизнеспособности). Это скорее взгляд на историю извне, что-то вроде естественной истории, оперирующей большими объектами. Однако имеется группа физических ограничений, действующих и собственно в рамках микромира, отдельного индивидуума, это физиологические ограничения. Это необходимость соблюдения определенных параметров «жизнеобеспечения»: температуры, состава воздуха, обменных процессов, правильного функционирования систем организма (здоровья).

Факторы, о которых было упомянуто, действуют (по-разному) на все живые организмы. Спецификой человека является инструментализация законов природы с помощью абстрактного мышления, часто говорят о противостоянии человека и природы, в котором, между прочим, и заключается сущность человека как особого вида. Переделывая, в известном смысле извращая природу – а такой переделкой является уже изготовление каменных орудий,

³² Управление и свобода – отчасти антонимы (свобода – управление изнутри).

люди проявляют свою свободную волю, иначе говоря, изменяют способ удовлетворения заложенных в них природой потребностей, а заодно и характер этих потребностей. Видоизменяется и характер и набор ценностей, способ обращения с ними. (Но, как уже было отмечено, на основе заложенных природой целей и ценностей).

К параметрам, определяющим поведение живых организмов автоматически, к генным кодам³³, прибавляются знания, накапливаемые в рамках культуры, которая образует новый тип генофонда человечества. Условием существования культуры является, во-первых, взаимодействие отдельных людей и групп в рамках социума, во-вторых, признание важности накапливаемого опыта. *Опыт в виде знаний*³⁴ передается из поколения в поколение и становится, помимо природных факторов, главным ориентиром поведения людей – собственно человеческим ориентиром. Можно сказать, что он накладывается на совокупность всех прочих принуждающих³⁵ факторов, которое в том или ином виде присутствуют и у животных - социальная жизнь, эмоции, язык, даже иерархия ценностей, – все, за исключением анализа, отвлечения понятий, по-

³³ Но генетические изменения опосредованно и по-своему, видимо, также отражают социально-культурные перемены.

³⁴ В чем отличие знаний от информации – знания скорее неконкретное отражение, обобщение ситуаций, отвлечение от конкретного. Информация о строении атома - уже не информация, если речь идет не о данном атоме. Парадокс истории в том, что она вроде бы изучает сугубо конкретное, то есть несет информацию. Но эта информация не есть информация в собственном смысле, совокупность данных, служащих для принятия решений в конкретной ситуации. Это сведения, которые *могут* использоваться и для принятия решений, в случае истории – для обдумывания похожих или продолжающих друг друга ситуаций.

³⁵ Принуждение - это не то же, что насилие. Насилие – изменение ситуации, состояния, стандартного хода вещей с определенной целью. Принуждение здесь – векторы, направляющие движение, граничные условия.

строения теоретических моделей и их использования. Можно сказать, что человек ничем не отличается от животных, кроме этого хитрого изобретения, позволившего ему узурпировать власть над миром. Жизнь отдельного человека, как и животного, начинается из небытия и заканчивается небытием, ее содержание заключается в постоянном воспроизводстве себя и своего вида. Его взаимодействие со средой и оказывающими на него влияние ее параметрами осуществляется через сознание и подсознание – последнее, очевидно, имеется и у высших животных, способных воспринимать мир в образах³⁶. Подсознание (бессознательное) реагирует на вещи с помощью ощущений и эмоций, которые направляют поведение прежде всего в положительном или отрицательном смысле и являются, по сути дела, объективным механизмом управления поступками. Объективным потому, что здесь среда выступает как управляющий субъект, а индивидуум – как объект ее воздействия. Не знаю только, правомерно ли здесь говорить об управлении, ведь управление все же предполагает наличие субъективной воли.

Управление – свойство только живой природы, оно заключается, как уже было сказано, в воздействии субъекта на объект с учетом изменений последнего (кибернетическая обратная связь). Это приспособление (целесообразность), которое возникает, однако, из принципа всеобщего взаимодействия, столкновений и «синергии», которые есть и в неживой природе. Управление – это целесообразное движение. (Ср. прим. 25).

³⁶ Животные духовно мало отличаются от людей – у них близкий набор ценностей, есть память. Но они не так думают – не обобщают, не видят некоторых связей между вещами, сходства и различия. У людей есть возможность выделять в предметах сходные черты, символически их обозначать, сопоставлять. Язык есть и у животных, коммуникации, сигналы. Но они не описывают мир в целом. История – высшая стадия памяти, после абстрагирования законов, когда нужно вернуться к конкретным фактам бывшего.

Инстинкт, власть и право. Разум

Страх, например, является механизмом прогнозирования, это не что иное, как прогнозирование неприятного исхода, гибели, боли, но это механизм, работающий автоматически; он может вступать в противоречие с другими подобными эмоциями и механизмами – любопытством, голодом, влечением. Эмоции – объективный механизм управления поступками животных, воздействия на их выбор.

Страх – это и эмоция, и механизм определения вероятности – природно-физиологический, ментальный, идейный, духовный – он имеет разновидности, может приносить пользу или вред, быть управляемым. И человек, и животное³⁷ могут преодолевать страх волевым усилием, и это будет актом субъективного управления; применительно к человеку можно сказать, властным или насильственным актом. Власть в таком широком смысле – это «насильственное прогнозирование», возможность предопределять положение вещей в наступающем будущем. В более узком смысле понятие власти как и понятие насилия применяются скорее только к человеческим отношениям³⁸. «Как должно быть» – применение некоего идеального представления, желаемого состояния модели к наступающему будущему – это содержание права. (Но только с точки зрения вариативности ситуаций, без «форс-мажора» или неизбежности, неотменимости результатов). Сознательное осуществление права, которое всегда является не-

³⁷ Но у животного один инстинкт подавляет другой, извращает его нормальное действие. Сексуальное влечение, например, может подавлять страх, и наоборот. Инстинкт – название цели для животных. Люди осмысливают свои «порывы» и подавляют их, на чем и строится культура, точнее, обосновывающая ее мораль.

³⁸ Хотя и в стадах или семьях животных есть властные отношения; они проявляются также при разделе территорий, в котором побеждают сильнейшие.

которым актом насилия над «реальностью», это осуществление власти. Естественно, что такое принудительное прогнозирование покоится на наборе ценностей и предпочтений, который в человеческом обществе формируется в ходе долгого и сложного культурного развития. Человеческое право в своем намерении исправить несовершенный мир далеко уходит от «естественного» природного права, в котором нет арифметической справедливости (сталкивается множество противоположных прав).

Разум существует в природе объективно, следовательно, потенциально он – в форме повторяющихся свойств, «закономерностей», присущ и неживой природе. Но разум как раздвоение предмета и его отражения, отделение свойств предмета в чужом представлении и появление цели, то есть состояния, к которому стремится предмет – есть только в живой природе.

4. Понятия морали и этического, их расширительное толкование с точки зрения ценностного подхода к истории.

С точки зрения ценностного подхода процесс истории представляет собой множество выборов, обусловленных способностью субъектов оценивать действующие на них факторы. Выбор в этом случае равнозначен поступку, или является сознательным поступком. Если говорить о людях, то они соотносят свое восприятие действительности с тем набором ценностей, если угодно, стереотипов, которые передаются из поколения в поколение. В него входит как образ мира (дескриптивная модель), так и «технологии», то есть стандартные способы решения постоянно возникающих или существующих задач. В более узком смысле термин «технология» связан с понятием производства, к сфере человеческих отношений он применим условно. Если мы будем говорить о производящем и самовоспроизводящем себя обществе, то мораль можно рассматривать как технологическое средство этого вос-

производства. Мораль – совокупность правил поведения по отношению к себе подобным. Такие правила в примитивном виде есть и у животных, они вытекают в конечном счете из наличия общего для всех живых существ набора ценностей, диктующего поведение.

У человека мораль, как и другие «технологии», подвергается отвлеченному осмыслению, она является вторичной ценностью, закрепляемой в коллективном опыте. Однозначно определить мораль, нравственность, их исторические рамки довольно сложно. В сознании современного человека мораль – это самые основные принципы поведения в обществе, которым желательно следовать, хотя и невозможно соблюдать их полностью. Мораль существует как бы вне человека или над человеком, но в его сознании, как фрейдовское сверх-Я. Как всякий принцип, она отчуждена от конкретного, от здесь и сейчас. Тем не менее, мораль является видовым признаком человека, (*homo moralis*, а также шире – человек оценивающий, *homo aestimans*), неотъемлемым от любого человеческого индивида, как бы он ни относился к ее постулатам. Поэтому можно определять человека как *homo moralis*: моральная «технология» вытекает из разумной технологии; способ быть моральным – это способ быть человеком вообще. Понятие разумности или знания в определении «*homo sapiens*» означает способность достигать предвидимых результатов, понятие моральности – способность оценивать эти результаты и пути их достижения с точки зрения социума.

Уже было сказано, что, отделяя себя от природы как данности и заданности поступков, человек вступает в противоречие с ней. Общие идеи как будто бы существуют объективно и в то же время отдельно живут только в уме человека. Следование и одновременно противостояние природе ни в чем так не заметно, как в моральной и ценностной сфере. Мораль (с точки зрения ее содержания) покоится на двух основных постулатах, которые вытекают

из природы вещей, но подвергаются человеческому перетолкованию: это отрицание смерти и принцип справедливости или равенства.

Возможность равенства существует в природе как возможность тождества двух величин, но полное тождество мыслимо только в идеале, абстрактно. Динамическое равенство возможностей заключается в том, что все сущее подчиняется одним и тем же законам природы. Природа наделяет своих детей жизнью и у всех забирает жизнь, при этом одни являются материалом для других. Абстрагируя понятие жизни, люди приходят к признанию ее абсолютной и непреходящей ценности, к запрету покушаться на жизнь и стремлению продлить ее до бесконечности, что, естественно, вступает в противоречие с их собственной практикой. Идея равенства, которая лежит в основе морали и ее золотого правила: прилагай к другим то же мерило, что и к себе самому, плохо поддается реализации. Объяснять это только людской испорченностью или недостатками воспитания, видимо, не совсем правильно.

Для истории все это имеет значение постольку, поскольку мы находим в ней элемент развития – не только «запись ходов», но и совершенствование стратегии игры.

В узком или собственном смысле мораль – это сумма предписаний и правил, которые регулируют отношения между членами данного общества и носят принципиально абсолютный характер. Однако в силу условности конкретных норм, расплывчатости их границ и перехода противоположностей друг в друга моральный смысл имеют все человеческие поступки, выражающие его отношение к себе подобным, в том числе и «аморальные». Это не обязательно осознанное отношение, напротив, осознанно и полностью продуманно нравственные поступки совершаются относительно редко. Мораль в собственном смысле отчуждена от человека и как бы враждебна (навязана)

ему³⁹. Мораль в расширительном смысле присутствует в подсознании, она автоматически (наряду со всей иерархией факторов) определяет его выборы и решения в ценностном аспекте, и не обязательно в пользу «добродетели». Скажем, она всегда присутствует. Люди не руководствуются моральными предписаниями, но помнят о них. (Они могут сознательно действовать вопреки морали именно из принципа, из вредности).

Некоторая специфика употребления понятия «мораль» в этом тексте, и синонимичных ему (в данном случае) понятий «нравственное» и «этическое» заключается как раз в этом расширительном его значении: под моралью я понимаю здесь не только сумму положительных предписаний, которые служат в конкретном обществе для различения добра и зла, но всю систему выработки и употребления нравственных критериев, независимо от того, положительный или отрицательный смысл им приписывается. Ясно, что без понятия «плюс» нет и понятия «минус», таким образом, само наличие некоторых человеческих⁴⁰ правил – а они есть в любой деятельности – говорит о присутствии «моральности». Короче говоря, нравственное, хорошее и плохое (доступное осмыслению) – синоним человеческого, так же как ценность – синоним жизни, это непреложный факт.

³⁹ Реальный источник решений и осознания ценностей - индивидуальный субъект, обладающий предметностью или вещностью. Существование коллективных субъектов скорее мыслится, «общество» есть абстракция, реализуемая через индивидов.

⁴⁰ Слово «человеческих» употребляется здесь для краткости как указание на гуманитарный характер морали. Мораль – это прежде всего социальная «технология», в отличие от технологий, направленных на природу. Впрочем, поскольку человек – часть природы, постольку во всякой технологии (например, науке) есть доля моральности, преимущественно общечеловеческого плана. Это относится к вопросу о моральности науки, о двойственности возможного применения ее результатов и т.п.

Мораль и разум. Существование морали – такое же обязательное условие истории, как наличие разума, собственно, мораль является производной от разума или частным случаем решения разумных задач. Если человеческий разум – это орудие приспособления человека к миру путем разложения последнего на отвлеченные понятия и их использования в целесообразной деятельности, то мораль – это то же самое применительно к самому человеку, то есть к обществу и индивиду. Если бы все поступки людей были однозначно предопределены, то истории в полном смысле слова не было бы, как уже говорилось выше, потому что ее можно было бы написать заранее, или она была бы бесконечным повторением одних и тех же событий. Отчасти так оно и есть, но запись собственно «истории» предполагает наличие некоторой ценности индивидуальных событий: целей, выборов и исходов. Если бы деятельность людей была только акцидентальной, то есть всецело определялась бы вероятностными проявлениями общих законов, случайным выпадением жребиев, в изучении истории также не было бы смысла, потому что конкретное было бы только материалом для установления этих законов. (И в этом, собственно говоря, заключается доведенный до конца естественнонаучный подход к истории, взгляд на общество извне, поиск управляющих им математических законов). Опять-таки, случайный и статистический характер, безусловно, присущ законам истории или законам социальной жизни. Но и это не есть собственно история, потому что в истории обязательно должен присутствовать личностный момент, самоценность конкретного. Возможность истории вытекает из наличия свободы выбора или свободы воли, смысл которых, в частности, связан с самоопределением по отношению к природным предписаниям, грубо говоря, еще раз, в отходе от природы, в том числе и от ее законов, действующих в обществе. Это своего рода законы медицины, прилагаемые к обществу-организму. Его истинная жизнь протекает за рамками параметров здо-

ровья, болезни, жизни, смерти, хотя они влияют на нее, как изначальные данности, правила игры. Эти метафоры нужны для описания субъектов и их состояния, но они не исчерпывают смысла жизни этих субъектов. Бог, или нравственный диктат находится внутри каждого и более нигде. Это вовсе не субъективизм, правила морали объективны, поскольку применимы ко всем. Свобода воли вытекает из неповторимости моментов времени и непредсказуемости индивидуального будущего, из отсутствия заранее заданных рациональных и моральных решений, хотя бы потому, что хорошее и плохое, полезное и бесполезное, правильное и неправильное могут бесконечно меняться местами.

Итак, история предполагает наличие субъектов (индивидов и коллективов), являющихся носителями ценностей или осознающих свою ценность. Они стремятся воспроизводить себя (что динамически, во времени, и равнозначно наличию ценностей). Существование таких субъектов не является простой данностью, а предполагает возникновение вторичной данности – моделей или программ, по которым строится их бытие во времени. Человеческое сознание конструирует такие модели с помощью вычленения понятий, прежде всего понятия объекта: внешнего бытия, реальности, данного, – и понятия идеального, то есть отражения объекта, статической модели. Человек – это единство материального, конкретного, ограниченного в пространстве/времени, случайного и зависимого, – и духовного, всеобъемлющего, производного, свободного, принимающего решения и делающего осознаваемый, детерминированный, но достаточно произвольный выбор.

Впрочем, слова «модели», «программы», как и «информация», применительно к истории анахронистичны. Это сегодняшние термины, которые могут по аналогии – но не всегда с достаточным основанием – прилагаться и к прежним феноменам.

5. Мораль, логика и истина. (Истина как взаимоотношение между субъектом и объектом).

Философы с незапамятных времен пытались определить отношения разума и морали⁴¹. Иногда они описываются через разграничение чистого разума и практического разума. Разум покоится на построении статической модели бытия (независимо от того, существует ли она до вещей, в вещах, или помимо вещей) и ее развертывании во времени и пространстве. Описательный момент в этой модели сливается с долженствованием постольку, поскольку нечто повторяется или существует неизменно, или закономерно. На самом деле неизменность есть тоже допущение, она существует только как идея, потому что в реальности все меняется. Единственная подлинная неизменность – это неизменность сбывшегося, прошлого, того, что уже состоялось. Хотя и она условна в том смысле, что когда в уме мы постоянно возвращаемся к прошлому, его образ для нас изменяется, и в этом идеальном смысле прошлое и будущее меняются местами. Во всяком случае, долженствование применительно к прошлому условно: мы можем полагать, что должно было быть так-то, но предполагаем, что в реальности как-то было, не обязательно именно так: так или иначе; как написано в книге о бравом солдате Швейке, «что-нибудь да было».

Долженствование выражает отношение разума к реальности: в частности, обязательную повторяемость тех или иных черт или вещей во времени, так же как возможность выражает необязательность чего-то. До сих пор шла речь о чистом разуме, только отражающем и наблюдающем, описывающем и никак не выражающем отношение какого-то субъекта или себя как субъекта к описываемому.

Иначе говоря, о существовании чего-то в «реальности», во времени и пространстве, и о существовании «вто-

⁴¹ Ср. об этом упоминавшийся выше сборник «Мораль и рациональное».

ричной данности» – разумной, идеальной модели этой реальности. Эта модель субъективна в силу своей вторичности, невозможности полного совпадения с первичной реальностью. Степень этого совпадения тождественна истинности модели. Истина в этом смысле – совпадение субъективной модели с ее объектом, с реальностью, наличие которой предполагается. То есть истина, как уже было сказано, – особое взаимоотношение субъекта и объекта. Истина может выражаться с помощью множества разных более или менее определенных категорий: представление, идея, образ, формула, величина и ее значение и т.д. Слово «модель», которое используется здесь для краткости (хотя можно говорить и о языке как средстве описания/освоения реальности) предполагает совокупность отдельных характеристик, образ чего-то целого, существующего во времени. Если состояние этого целого в заданный момент совпадает с моделью, последнюю можно считать истинной, если в чем-то расходится, в этом она неистинна. Абсолютно истинных моделей, очевидно, не бывает.

Если прогнозируемое событие в чем-то отличается от предсказанного, то прогноз в этой части был неистинным, ошибочным, а истинным становится то, что в реальности произошло. Вероятностный прогноз исходит из возможности нескольких вариантов исхода.

Практический разум. Перейдем теперь к практическому разуму, то есть разуму, в моем понимании, исходящему из понятий целесообразности и ценности. Это разум живого субъекта. Цель для него – это некое желательное состояние, ценность, результат, которого он добивается. Цель, таким образом, предполагает наличие некоторого процесса и некоторого качества, избираемого субъектом. Идея ценности и критерии оценок, о чем уже говорилось выше, заложена в субъектах природой, и соответственно, их выборы во многом предопределены. Знание о мире, теоретический разум, также служит для достижения целей, и тут оно в известном смысле приобретает характер

долженствования. Например, абстрактная истина или закономерность, выражаемая формулой, что кратчайшее расстояние между двумя точками – прямая, побуждает двигаться по прямой, если желательно перейти от одной точки к другой и если этому ничего не препятствует.

Совершенно другое дело истина и долженствование с точки зрения теории ценностей. Ценность мыслима только тогда, когда есть ее субъект, материальная точка отсчета. Представление о ценностях у отдельных субъектов может совпадать, например, они могут понимать равноценность друг друга; субъекты могут соединяться в надличностные общества (группы, человечество), но источником ценности всегда остается некоторое «своекорыстие». Отсюда противоречивость применения одной и той же морали разными субъектами, ведь мораль – разновидность ценности, набор ценностных установок. Иначе не может быть, потому что понятие ценности субъективно и относительно, оно абсолютно только по отношению к своему субъекту, а по отношению к другим субъектам применимо только по аналогии, в силу их сходства между собой (и «со мной»). Истинное благо, то есть желаемый результат, желаемое состояние, цель, которой приписывается ценность, это благо данного субъекта (в том числе коллективного). Мораль как общее правило как будто бы отрицает эгоизм, но нет такой морали, где доли эгоизма не было бы в принципе. Даже если она поставит во главу угла благо всего живого – подход, на практике не осуществимый, хотя логически законный, – источник ценности будет субъективен. Долженствование с точки зрения морали – это соответствие прогнозируемого состояния определенной ценности, то есть соответствие в динамическом ракурсе. Истина же – это долженствование в квадрате, или квадратный корень из долженствования, потому что это не то, что мы закладываем в модели, а то, что «реально» было, есть или будет. То, что будет, предсказуемо лишь абстрактно, частично, но слово «долженствование» мы

употребляем еще и как обозначение того, что наступит с большой долей вероятности, безотносительно к нашему желанию, то есть независимо от любых ценностей, в силу закона или логики. Впрочем, долженствование может выражать и прогноз поведения сознательного субъекта, основанный на анализе ситуации и (если прогноз делает сторонний наблюдатель) анализе ее понимания последним. Совпадение результата с предсказанием делает предсказание истинным. Такое же предсказание делает сам субъект, когда что-то предпринимает, и исход поступка делает предсказание истинным, если он соответствует намеченному результату. Субъект может увеличить вероятность истинности предсказания своими действиями, с помощью знаний и воли. Этот его вклад и определяется как сфера свободы воли. Знание законов и понимание вероятностей приближает к истине результата, но моральное долженствование, как и любое предписание, не имеет к ней отношения (если не предполагать, что миром управляет субъект, воплощающий собой высшее благо или гарантирует его торжество). В то же время возникают ситуации, когда выбор неоднозначен не только с точки зрения результата, или успеха, но и с точки зрения целей, в том числе и их моральности. Моральные принципы абстрактны и в реальной ситуации противоречивы. Получаемые результаты с моральной точки зрения часто отличаются от запланированных, а иногда вступают с ними в противоречие. В этом смысле можно говорить о правильности или неправильности выбора и сделанного предпочтения – с точки зрения соответствия высшим ценностям, определяющим природу человека (общее благо, человечность).

Утопия – описание мира, каким он должен был бы быть. Наука – описание мира, каков он есть (при допущении, что он есть). Человек осознает, что не он создал мир, и одновременно – соответственно – осознает его несовершенство, противоречивость, неудобство с точки зрения имеющихся ценностей.

Рациональность – это синоним целесообразности. Ценность с точки зрения целесообразности определяется движением к цели. Мораль – социальный репертуар целей, но одни цели противоречат другим.

Понятие истины несет в себе большую моральную нагрузку, исторически – поскольку есть религиозное представление о существовании объективно истинных целей, и логически – поскольку истина является высшим критерием поступков.

Объективность блага равнозначна его целесообразности (что соотносится с тезисом Гегеля о действительности всего разумного во «Введении к философии права» и блаженного Августина: «все существующее истинно, поскольку оно существует» Исповедь. Кн. 7. 15. 21). Здесь не идет речь о благе напрямую, но подразумевается, что бытие – благо.

Всякая целесообразность – в своем роде благо. «Объективная» целесообразность – заданное природой благо. Все цели происходят от природных потребностей, во всех них есть, следовательно, благо. Но благо для одного, это зло для другого, вот откуда неравенство единства и множества.

О природе зла. Добро и зло – это не самостоятельные сущности, а параметры восприятия мира субъектом, субъект-объектное отношение. Истина – констатация чего-то, что существует, добро и зло – оценка этого существующего. Разница между констатирующим и ценностным отношениями заключается в том, что первое выражает объект в восприятии (со стороны) субъекта, второе выражает субъект в его собственном потенциальном воздействии на окружающее.

6. Иерархия ценностей и природа (противоречивость ценностей).

В основе всего человеческого поведения, постольку, поскольку оно человеческое, лежат «общечеловеческие ценности», которые в конечном счете вытекают из присущей всему человечеству субъективности или общей природы человека как вида. Взгляд человека на мир (микроскоп в его уме) объективен в той мере, в какой он отражает этот мир, и одновременно субъективен, потому что человек не совпадает с миром и вступает с ним в какие-то отношения посредством своих орудий – органов чувств, мозга, тела, культурного багажа, установок, институтов, техносферы. Вся человеческая деятельность ценностна, причем основную часть ценностей, или ценностных принципов люди разделяют со всеми живыми существами⁴²: эти принципы частично заданы объективно (ценность жизни, данного субъекта, идея равенства), а другая часть была выработана ими в ходе собственного развития, эволюции, истории на основе упомянутых общих принципов. Это ценности культуры и выработанные обществом способы деятельности и учреждения. Такие абстрактные вещи, как государство, рынок, парламент или демократия могут преподноситься как объективно необходимые и позитивные, но на самом деле это выработанные исторически ценности, в своих конкретных воплощениях принимающие иногда очень причудливые формы. На самом деле их полезность может оспариваться, и с точки зрения морали в них обычно имеются серьезные изъяны. Мораль регулирует взаимоотношения субъектов с им подобными. Социальные институты суть инструменты, выработанные в ходе эволюции с этой же целью, как формы общежития и общего приспособления к среде. Понимание универсальной природы морали вырабатывается в религиозных и

⁴² Кстати сказать, не только духовных или виртуальных ценностей: материальный мир предоставляет условия для бытия всего живого, которые в процессе человеческой истории видоизменяются и даже начинают уничтожаться.

философских системах, на практике же точкой отсчета в истории являлся коллективный субъект: семья, народ, государство (в марксизме – класс). Интересы отдельных лиц и коллективных индивидов вступают в конфликты, поэтому «чужие» изымаются из своей морали, из своего круга морали. Однако сознание общечеловеческих и даже общеприродных (логических) корней морали всегда присутствует, не может не присутствовать как сознание факта – не как ценностная установка, – в силу сходства людей между собой и всего живого. Видимо, есть особые психические механизмы, исключаящие чужое из поля своего. Так же как в живой природе есть механизмы, заставляющие воспринимать посторонние объекты как добычу, пищу, врага – нечто, противоположное отождествлению с собой и состраданию. Они обеспечивают выживание, то есть служат изначальной ценности. Выживание, иначе говоря утверждение себя, это принцип ценности, а «правовое» отождествление себя с другим субъектом – это главный принцип морали. Логически эти два принципа сводимы к повторению и к равенству, это как бы логические (объективно существующие, заложенные в природе) основания жизни и ее развития. Здесь уместно также говорить о взаимодействии частей и целого, о совместном действии множества подобных (субъектов) в организме и в коллективе.

7. Природа и культура, их разнонаправленность.

Мораль родилась из запретов, то есть ограничений, налагаемых на определенные поступки, но иначе эти запреты можно представить как предписания выбора для тех или иных случаев. То есть мораль является, с одной точки зрения, ограничением свободы, а с другой – ее выражением. Ведь мораль – это только принцип, рекомендация, не обязательно подкрепляемая силовым принуждением и санкциями. Ветхозаветный принцип «не убий» вытекает из идеи ценности, абсолютной ценности живого. На деле

он распространялся только на определенный круг людей, и то с оговорками. Принимая этот принцип для себя как руководство к действию, человек признает и свою принадлежность к определенной общности.

Выражая определенные общие ценности, мораль вступает в противоречие, во-первых, с природой, потому что в природе вещей заложены конфликты, во-вторых, с реальностью, потому что никакой общий принцип не может быть пригоден на все случаи жизни, и, в-третьих, сама с собой, потому что ее предписания не всегда совместимы друг с другом – в силу двух первых противоречий. Итак, в лице человечества наблюдается что-то вроде шизофрении /раздвоения субъектности/ природы, которая перестает действовать в соответствии с однозначными предписаниями, как бы сходит с рельсов и начинает сама себе противоречить. Это раздвоение природной личности проявляется как раз в том, что человеческие правила отходят от того «естественного закона», который их породил. История, в частности, состоит в обращении времени вспять, а культура – в сотворении вещей, отсутствующих в матери-природе. В ходе эволюции скорость и размах отрицания существующего нарастают, происходит обесценивание прошлого и усиливается погоня за новизной. Переломным моментом здесь явилась эпоха Возрождения, когда впервые была осмыслена возможность выбора между двумя культурами, между разными культурными образцами, и утверждена самоценность собственной позиции, пусть еще и подражающей чему-то – античности или даже природе. Но Ренессанс все-таки (несмотря на приписываемый ему «индивидуализм») не дошел до отрицания просто ради отрицания, игры, ради освобождения от запретов (хотя это обсуждалось и в нем, и до него). В нем не было принципиальной неудовлетворенности сущим. В нем не было сегодняшней «свободы» как абсолютной ценности. (Как в «Человеке из подполья» Достоевского, который на место Fiat

justitia pereat mundus ставит «мне чтоб чай пить», самоутверждения даже в своей малости, в ничтожности своего Я).

Что касается индивидуальности – вопрос в том, когда она становится идеалом для образованных людей. Гуманисты только настаивали на необходимости быть особенными и создавать «новые способы» – в рамках разнообразия природы. Как писал П.М. Бицилли в очерке о Возрождении⁴³, они заявляли о праве на статичную индивидуальность в рамках этого разнообразия, как случайность индивида в рамках вида. Она еще не стала самоцелью.

8. Предполагаемая нерасчлененность бытия и историческое конструирование, возможность и необходимость бесконечного приближения к «истине», уровни исторического познания или исследования, взгляда, масштаб и увеличение микроскопа. Обоснование делений и классификаций. Синтетизм (анекдот). Жизнь как цитата и роль цитат в истории и в жизни.

Существует общая проблема науки (научной эпистемы) – «наука» является продуктом многоступенчатой структуры сознания, продуктом работы «разума», расчленяющего действительность, использующего «дедукцию и

⁴³ Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры. СПб.: Мифрил, 1996. «Идеальный человек Ренессанса – величина единственная, неповторимая. Его virtù не сравнима, не соизмерима ни с чьею другою. Он не может стать предметом никакого синкретизма, не может слиться с кем-либо другим в одном общем культе, как это бывало с античными богами и средневековыми святыми. Но его virtù, индивидуализированная, специфическая, единственная в своем роде, заполняет собой всецело его личность, вытесняет все ее прочие определения – и этом отношении идеальный человек Ренессанса столь же абстрактен, как идеальный человек древности или средневековья – и столь же неподвижен: в нем живет лишь его virtù. Только в новое время создается представление о конкретном человеке, существе, которого единственность, неповторимость в течение всей его жизни непрестанно становится, реализуется все полнее и полнее», с.62.

индукцию», отвлеченные понятия, особый язык и методы представления неочевидной «истины». Анализ и абстракция позволяют понять и освоить некоторые стороны вещей, законы, скрытые от «обыденного сознания» (хотя и оно заимствует постепенно у науки ее слова). Наука, как уже было сказано, тяготеет к выработке своего языка описания, удобного для нее, более сложного и «структурированного», чем обыденный, более подробного и нормализованного. В идеале это математический язык, описание в виде формул, цифровых моделей. При этом, естественно, теряется нечто, присутствующее в непосредственном восприятии, а именно (или в первую очередь), субъективность, сиюминутность, отношение и чувство. Для каких-то наук это не важно («общечеловеческих»), а для гуманитарных важно, так как они изучают субъекты человечества. В искусстве эта проблема восприятия также решается своими средствами.

В истории проблема анализа и синтеза связана с понятием ценности и субъекта, ценность индивида и переживаемых им моментов входит в предмет исторической науки, отсюда вытекает вопрос об историческом синтезе и о формах представления исторического знания. Выше уже говорилось о том, что сама возможность собственно исторических обобщений довольно условна, уже в силу индивидуальности отдельных ситуаций. Тем не менее возможно и воспроизведение (а следовательно, и обобщение) неповторимого с помощью обобщающих понятий, слов – так же как и искусство решает эту же задачу воспроизведения единичного с помощью своего языка. В определенном смысле ничего невозпроизводимого и абсолютно индивидуального тоже не существует («все люди равны/одинаковы»). Для суждений о реальности мы обладаем чувственными механизмами восприятия, рассудком и опытом культуры. Ими определяется наше сознание, которое существует как индивидуальное, но выступает одновременно и в виде общего. Человеческий индивид явля-

ется по сути дела единственным реальным приемником и передатчиком исторического знания (да и любого знания, только в других отраслях эта субъективность выражена в общечеловеческой форме). Поэтому он является и главным предметом истории – по крайней мере суждения о жизни коллективных субъектов проходят через индивидуальное сознание, иначе говоря, мы познаем историю через ее элементарные ячейки, взаимодействие которых и создает ее предмет. Использование «научного» языка (жаргона) еще не является гарантией и даже признаком научного «дискурса», то есть производства какого-то нового знания на основе уже существующего (и институционализованного в форме науки). Поскольку мы наделяем ценностью уже бывшее, уже состоявшиеся «события», и соответственно осмысливаем и считаем полезным переживать их снова, встает вопрос о формах такого осмысления и переживания, и о степени обусловленности (долженствования) этих форм. История, с одной стороны, является частью нашей картины мира, она описывает индивидуальные изменения во времени, то есть без нее эта картина неполна и неверна. Из поколения в поколение передавалось «важное» – допустим, имена (кто кого родил), сроки (кто сколько жил), семейные хроники. Затем стало передаваться то, что важно для многих: имена правителей, их деяния (войны, постройки, перемещения). Возможно, история всегда была связана с сакральным измерением, иначе говоря, важность событий определялась через их причастность к нему. При этом восприятие времени (повторяемости) могло быть иным – события, как считается (в мифе), могли восприниматься как обратимые или вечно повторяющиеся где-то в своей конкретности.

Создание образа мира, в котором живет данный человек (сознание), предполагает включение в него исторического измерения, и в сущности, из-за существования во времени, помещает в него любую вещь.

Сегодняшнее восприятие истории официально (в общественном сознании) зависит от парадигмы «науки». Любое знание мы хотим видеть научным, это придает дискурсу патентованность, основательность, своего рода власть. Но научный анализ показывает нам в лучшем случае только то, как работает та или иная структура, ее внутренние связи, идеальный образ, которого, очевидно, никогда не существовало и непонятно, какова степень обязательности существования этого образа в вещах. Собственно, событие и есть единица синтеза, комплекс или узел отношений индивидов во времени и пространстве, символически обозначаемый каким-то именем, несущим в себе и абсолютное и относительное, и сущностное, и случайное, и общее и частное. (Например, революции, Средние века, Империя, даже феодализм могут пониматься как всемирно-исторические события, будучи в другом значении абстрактными понятиями). Само существование человечества – это событие, ограниченное во времени и пространстве. Если принять событие за главный инструмент представления истории, то она выглядит как бесконечная масса ячеек и структур, вписывающихся друг в друга. (Впрочем, это характеристика истории со стороны предиката, а не субъекта, описание субъекта через его свойства). Событие – фиксируемое состояние субъекта, имеющее определенные рамки, прежде всего во времени. Жизнь субъекта, возможно, в некотором смысле событие в истории чего-то, хотя скорее всего, событие все-таки этап в существовании феномена, но не сам по себе феномен. Возрождение – этап в истории культуры, феодализм – (условно говоря) – этап в истории общества, но тут событийность сильно размывается, так как у события должно быть имя собственное, своя история. То есть это классы событий – Итальянское Возрождение – событийное проявление (частное) Европейского Возрождения, Европейское – идеи Возрождения вообще, обусловленное как обстоятельствами, так и законами (развития).

Одна из проблем, сегодня стоящих перед историками и осознаваемых ими, это проблема масштаба событий и, соответственно, их значимости. От событий или этапов в жизни человечества (каменный век, открытие Америки) мы можем переходить (и изучать их) к мельчайшим деталям жизни отдельных людей. Раньше историки не очень ломали себе голову, что записывать, а что нет, подразумевалось, что это более или менее известно «по умолчанию». Сегодня в науке господствует специализация. Так называемые вспомогательные исторические дисциплины давно ведут самостоятельное существование, не очень соотносясь со своей праматерью. А «традиционная» история разделилась на макро- и микроисторию, причем последняя, естественно, является куда более широким полем для занятий армии историков, каждый из которых может внести свой вклад в изучение очень узкого и специального предмета, но мало кому удается сказать нечто новое о целом. Это закономерно, но здесь есть проблема, потому что картину все труднее складывать из кусочков, а она нужна, ведь существует не только специализированное научное знание, решающее свои частные вопросы, но и «историческое самосознание» общества, доверху заполненное разнообразной мифологией. Один из путей решения этой проблемы цельности и синтеза связан с «человечностью» истории, ее человеческим измерением, с попытками преодолеть отчуждение человека от собственной истории, произошедшее в ходе развития исторического знания, включенного, наряду с другими областями науки, в научное производство. Собственно, это направление и ведет к рассмотрению истории как поля деятельности субъектов морали. Искусство также является разновидностью самопознания людей, по необходимости отталкивающейся от человеческого измерения. Как и в искусстве, размышления над событиями истории предполагают некоторую оценку со стороны субъекта на основании его культурного багажа, включающего в себя и набор готовых ре-

цептов, образцов, текстуальных цитат, формирующих его мыслительное пространство и позволяющих воспринимать текущее как уже бывшее. Человек может (и должен) самоопределяться по отношению к этим образцам, при желании он может сопротивляться их гипнотизирующей силе, но и обходиться без них вообще он не может, поскольку этот историко-культурный багаж формирует его, является частью его самого. В истории как науке преобладает критическое отношение к частностям, в предлагаемой ею обществу целостной картине прошлого статичный и мифологизирующий элемент по необходимости усиливается.

9. Идея прогресса и движения, ее противоречивость и необходимость.

Как уже было сказано, история вытекает из необратимости времени, или, иначе говоря, из существования движения, изменчивости всего. В ходе культурной эволюции появилась идея прогресса, то есть движения вперед. Понятия «вперед» и «позади» мыслимы только по отношению к субъекту, который движется. Очевидно, имеется в виду целенаправленное движение, так как бесцельному движению мы приписываем направление только по аналогии с направленным. Хотя элементы направленности в природе присутствуют, например, смена времен года и движение планет вообще. Это движение необратимо, но циклично, то есть по-своему обратимо, правильно, имеет меру, приметы обратимости. Прогрессом же называется такое движение, в котором субъект принимает сознательное участие. Культура является постоянно изменяющимся, прирастающим результатом развития общества, в том числе и вследствие усилий его членов. Прогресс, таким образом, можно понимать как элементарное накопление ценностей (хотя характер этих ценностей и отношение к ним постоянно меняются). В более узком смысле под прогрессом понимается совершенствование орудий, техники, способов использования, приспособления, изменения ми-

ра человеком. С точки зрения техники, основная цель, например, развития средств транспорта – увеличение скорости и усовершенствование других параметров передвижения и перемещения грузов, заложенные в самом смысле понятия «транспорт». Общая цель техники – увеличение энергетических и прочих производственных возможностей, цель развития средств коммуникации – совершенствование возможностей связи. Можно сказать также, что увеличение степени свободы человека по отношению к природе, в том числе и собственной, это и есть прогресс. Условность понятия «прогресс» связана с тем, что, как всякое целесообразное движение, он может мыслиться лишь по отношению к определенному критерию. Общечеловеческий прогресс должен выводиться из общей для всего человечества цели, если таковая существует. Общие для всех людей цели – счастье, благополучие, здоровье и т.п., не являются ценностями, достижимыми в результате какого-то процесса, это ценности-состояния, ценности, мыслимые как состояния. Нельзя сказать однозначно, что состояние человечества постоянно улучшается: увеличиваются его потенции, но в этом есть и негативные стороны. Парадокс целесообразности в том, что жизнь тождественна ей, всякое живое движение имеет цель, но не имеет конечной цели, то есть результата, к которому должно прийти всеобщее движение в конечном счете. Цель жизни – сама жизнь, то есть мыслимый идеал статичен, это как бы постоянный возврат к исходной точке и повторение, потому что существует время, диктующее всему свой срок. Жизнь – это постоянное самовоспроизведение и борьба с распадом, а не движение к какой-то заданной точке. В лучшем случае эта точка может мыслиться как вневременное состояние, божественное ничто (высшее благо). Тем не менее человечество, существующее во времени, как и отдельные (и коллективные) индивиды, создает для себя осознаваемые им общие цели, которые передаются из поколения в поколение уже не автоматически

биологическим, а культурным путем. Назовем то, к чему они сводятся, благом всего человечества, и спросим себя, происходит ли прогрессивное движение к этому благу. На этот вопрос возможен и отрицательный ответ, например, Жан-Жак Руссо пришел к выводу, что развитие наук и искусств не ведет к благоденствию человечества. Как бы то ни было, развитие наук и искусств (и вообще, разных отраслей деятельности) – объективный процесс, имеющий собственные закономерности, свою внутреннюю логику, и очевидно, свои цели, наличие и содержание которых заложено в «природе вещей», или продиктовано «мировым духом», в общем, не является чистым продуктом творчества отдельных людей, не зависит от их свободной воли, а подчиняется некоему идеальному образцу. Наличие этих специализированных целей создает возможность того, что мы называем развитием человечества, хотя по логике это развитие не может иметь общей впереди лежащей цели. Постоянная экспансия, рост возможностей, а следовательно, и свободы человека, очевидно, заложены в его природе как вероятные цели, но насколько они соотносятся с моралью, насколько безупречны с точки зрения абсолютного блага – это вопрос⁴⁴. Существуют механизмы, позволяющие вообще оценивать; оценивать жизнь, поступки и деятельность людей можно как количественно, так и принимая во внимание их собственные усилия, их личный вклад в общее дело (именно общее, потому что без общего критерия оценка невозможна). Мы применяем общий критерий к разным людям потому, что без него их моральная, человеческая оценка невозможна. Но если допустить пра-

⁴⁴ Прогресс морали включает в себя элемент некоей аморальности. Цель – не постоянное прямолинейное движение, а увеличение свободы, то есть определенной хаотичности, непредсказуемости, возможности отклонения от «идеала». Противоречие общего и индивидуальности – общее диктует правила, индивид по своей сути хочет отклониться от правил, чтобы проявить себя по-особенному.

вомерность использования таких общих критериев, абстрагирующихся от сугубо индивидуального (а все люди и каждая жизнь прежде всего индивидуальны), то мы можем прилагать оценки и к общей жизни, откуда и возникает история, куда бы она ни шла – вперед или назад. В господствующей (условно говоря, западноевропейской) парадигме стало привычным считать, что история идет вперед, причем с начала Нового времени понятие «нового» стало почти абсолютным благом. Параллельно с погоней за новизной, за «развитием», прогрессом и модернизацией, впрочем, существует и осознание ограниченной ценности этих целей. Древний совет «спешите медленно» актуален для человечества и по сей день.

Понятие нового и новизны. Устремленность вперед и погоня за новым имеют свои издержки. Вообще, всякая идея и всякая отвлеченность уязвимы уже в том, что представляя собой некую истину, они одновременно неистинны в той части, в которой абстрагируются от всего, что в них не входит, то есть от той части реальности, которая конкретна – если предположить, что первична и абсолютно реальна именно конкретность. Связывая отвлеченные идеи с целями человечества или отдельных общностей, люди находят для себя моральное оправдание, хотя на самом деле правомерность таких простых операций сомнительна. Такова бытующая до сих пор практика, особенно в политике (где ее декларативность очевидна), и стереотипы до сих пор срываются.

Вопрос заключается в том, существует ли какая-то общая цель или общность целей для человечества в целом, и соответственно, продвижение к этой цели.

Движение существует, объективно заданная цель существует, но она задает бесконечное движение по кругу. Индивидуальность воспроизводит себя во времени как нечто постоянно новое, в чем и заключается отличие живого от неживого. Живое проходит цикл от небытия к небытию, и это, судя по всему, относится и к его видам. Жизнь

это самоцель, (но и ее противоположность, смерть, может быть самоцелью). Однако получается так, в процессе эволюции и развития человечества, что эта самоцель получает все время новое наполнение. Меняются средства или формы – сохраняется принцип: жизнеобеспечение, например, питание, размножение, очищение – меняется и содержание жизни. Совершенствуются средства жизнеобеспечения, значит, в этом отношении, как в отношении каждого из них, существует прогресс. С оговоркой относительно утраты каких-то положительных – с точки зрения абстрактной человеческой природы – прежних качеств и свойств. С живыми лошадьми было, вероятно, интереснее общаться, чем с автомобилем. Отказаться от понятия абстрактной человеческой природы невозможно, тогда мы не сможем понимать других людей и вообще мыслить. В чем в таком случае заключается общий прогресс с точки зрения этой природы или изменения этой природы человека как человека? Есть ли общая цель, заложенная в генетике человеческого вида, или в генетике культуры (филогенез) как нечто, чего вид должен достигнуть (смерть, или нечто предшествующее смерти, идеальное приспособление к данному миру, земным условиям)? Если исходить из тезиса о том, что человек противопоставляет себя природе, то такая цель – изменение природы, «покорение природы» (и своей собственной), власть над природой.

Но так как самоценность жизни задана все-таки природой, вытекает из объективного закона и не является результатом свободного выбора или изобретением людей, возникает противоречие. Высшей целью человечества должно было бы стать создание некоего идеального механизма, полностью свободного от природных потребностей, искусственного бога, во всяком случае, лишнего человеческих несовершенств. Понятно, что это невозможно, но человечество движется (в техносфере) именно в этом направлении. Если говорить об издержках этого движения, то нужно иметь в виду исчерпание ресурсов и

«артификацию» человеческой жизни (начиная с урбанизации, создания искусственной среды). Возвратиться назад тоже невозможно; поэтому получается, что движением управляет что-то извне, некий закон и логика развития (логика самоотрицания).

Если полностью отказаться от «модернизма» (веры в прогресс), то что останется от истории и зачем она будет нужна? В умах историков по сей день господствует идея прогресса как движения от низших форм к высшим, как в известной мере шкала ценностей, от которой невозможно отказаться.

Строительство плотин губит природу. Свободен ли человек по отношению к лавине, которая на него несется, в том числе и революционной лавине? Неважно прогресс ли это или просто неизбежность. Выбор всегда есть.

Есть еще противоречие между ценностью сегодняшней минуты, неизбывного и необратимого, и прогрессом – будущим, ожидаемым и даже неизбежным благом. Протест против нравственных жертв высказан Достоевским в словах о слезинке ребенка.

О производстве

Рыночные механизмы работают в сфере технологий. Новое неизбежно сменяет старое, даже если оно по существу хуже. Здесь есть даже термин – морально устаревшее, хотя его применяют обычно к физически старому оборудованию, оборудованию прошлых поколений. При этом старые вещи считаются как правило более добротными – делали на века. Значит, это вопрос темпа жизни, новых рыночных отношений и механизмов, которые требуют постоянной смены, якобы постоянного улучшения – но смена уже самоцель. В конце концов люди будут сделаны из пластмассы и есть будут пластмассу. Продукты становятся технологически дешевле, но хуже. Смена «парадигм» влияет и на «ментальность» – «что старее, то хуже». Количественный рост (скорость, сила, разрушающая

способность, точность... даже рост населения) налицо, но является ли он абсолютной ценностью? Это парадокс «прогресса» – невозможно от него отказаться и невозможно им управлять. Прогресс умер в конце XX века, как Бог умер в конце XIX-го. Это смерть идей, которую следует воспринимать в точки зрения смены «парадигм», господствующих идей в понимании мира.

Прогресс – это процесс, который наметился и будет продолжаться неизбежно. Социальный прогресс – процесс модификации образа жизни (технологии, отношений – «модернизация», сегодняшняя замена старого термина), который развивается в силу выгоды, в силу преимуществ, которые дает новое. Хотя не обязательно это реальная выгода в далекой перспективе. Это в первую очередь выигрыш в энергии, силе, качестве производства.

Человечество движется от естественного состояния к неестественному (искусственному) – это и есть прогресс. Оно хочет как лучше, но сталкивается со множеством потерь.

Чем дальше человечество развивается, тем уязвимее оно становится. Общая технология жизни меняется в сторону удобства, но распределение этих удобств неравномерно как внутри отдельных обществ, так и между странами. Раньше люди жили по правилам, продиктованным природой, принимали сложившееся стихийно; по мере нарастания искусственности среды возрастают, как ни странно, и риски. Природа ухитряется все регулировать и гармонизировать, возможно, ценой больших и заранее запланированных жертв, во всяком случае, она этих жертв не замечает. Человечество пытается управлять своей жизнью, но на жертвы идти оно официально не хочет, это противоречит морали и самой идее прогресса.

Бог, мораль и идея обратимости. Человек всегда недостаточен (не соответствует моменту), постоянно меняется, никогда не удовлетворен, неполноценен даже в минуту наивысшей удовлетворенности (не целен, не един,

не прост). Отсюда возникает идея, или необходимость бога. Отношение к богу вытекает из отношения к действительности – если брать за основу конкретное, бог не нужен, если общее – это и будет бог. Если действие единично и неповторимо, бог ничего не исправит. Если все продолжается, бог исправит и оправдает все. (Если дьявол в деталях, то бог в общем, хотя бывает и наоборот). Смысл морали – предполагаемая обратимость действия, как исправление ошибок, заглаживание вины. Вера уповает на обратимость, неверие исходит из необратимости морального поступка (чем мучился Достоевский). Или я равнодушен к происходящему, или я его оцениваю. Ошибки можно исправлять, преступления – нет.

В истории есть живая и мертвая составляющие. Живая – воспроизведение сюжетов, ситуаций, как в театре. Мертвая – это завершенность прошлого – ничего нельзя изменить. С моральной точки зрения прошлое поучительно, с правовой – доказательно, с точки зрения памяти – прискорбно.

Отказаться от проецирования в будущее невозможно, это свойство сознания, оно же позволяет не только не соглашаться с сегодняшним худшим, но и надеяться на лучшее. Такую логику использовал Ф. Бродель, видя в любых событиях «лишь события». Допустим, распад СССР – «это лишь событие», которое не обязательно выражает секулярный тренд и вообще, закон жизни. Но что их выражает? Возможно, прогресс пробивает себе дорогу через общее тяготение людей к общим для них, то есть заложенным в природе, ценностям, к тому, что «должно» быть для них, как человеческих индивидов благом, – в целом и на данном отрезке истории. Отсюда и возможность представления об исторической справедливости – о том, что «зло» (логически) несет себе наказание в себе самом. Тогда вопрос успеха выглядит по-другому, сегодняшний успех может расцениваться как историческое поражение.

Но так ли это и когда вершится суд истории? В десятом колене? Увы.

10. Общее и различное в истории человечества. *Индивиды и коллективы. Невозможность истории по общему плану – потребность различения своего лица во всем. Привлекательность непредсказуемости.*

Наука имеет дескриптивную и прескриптивную значимость. В науках, выводящих общие законы, прескриптивность (прикладная сторона) вытекает из дескриптивности (акцидентальные параметры рассчитываются по общим формулам). Законы природы действуют одинаково для всех людей, и описания этих законов полностью переводимы с одного языка на другой. В истории дескриптивность явно преобладает, потому что:

- жизнь индивидов во всей ее временной полноте самоценна (тяготеет к воспроизведению в виртуальном /идеальном/ виде);

- события индивидуальны по сути и никогда не повторяются полностью, хотя мы описываем их общими понятиями, нарицательно;

- история говорит о постоянном изменении, ее понятия недолговечны.

Однако в истории заложена внутренняя прескриптивность, а именно моральная. Она учит не столько тому, как достигать тех или иных целей, сколько как выбирать цели. Это и общечеловеческая задача, и общая для каждого человека: чем руководствоваться в жизни и на отдельных ее этапах. Хотя прямых ответов на подобные вопросы история не дает, они могут вырабатываться человеком в сопоставлении себя с другими, в том числе и в прошлом.

Вопросы, которые здесь обсуждаются, еще раз: зачем изучать конкретную историю в деталях, если она никогда не повторяется и не дает общих выводов, позволяющих однозначно предсказать ход событий?

Возможные ответы: первое, мы находимся в том же процессе, который не закончен и в котором самые отдаленные детали могут влиять непосредственно или опосредованно друг на друга.

Второе: поучительность в моральном смысле и удовольствие.

Третье: поиск какой-то высшей цели и представление о ней как о чем-то большем, чем просто движение по кругу, именно оценка себя и своей жизни в ценностном контексте, позволяющем делать сознательные усилия, «подниматься над собой», подводить итог (с помощью надындивидуальных критериев) и оценивать прожитое. Хотя все такие критерии в конечном счете оказываются неабсолютными и условными.

Четвертое: самоценность и самодостаточность индивидуальности, существующей во времени, но стремящейся постоянно воспроизводить себя. Историк должен изображать индивидуальное лицо, в том числе класса, страны, народа. Лицо составляется не из повторения того, что всегда было, а из истории собственных поступков, принятых решений и результатов. Это моральная характеристика. (Отсюда вытекает сходство истории с драматургией, которая на живом материале проигрывает повторяющиеся и неповторимые ситуации).

Выбор, эмоции, поступки, сознание присущи коллективам, так же как и индивидам. История – это бесконечное множество примеров, каждый из которых неповторим и ничего в конечном счете не доказывает, но может иллюстрировать ту или иную мысль.

Человек – это существо, в котором природная конкретная вещь приобретает стремление сравниться с общей, воплотить собственную идею (бессмертная душа). Особая свобода человека – поступать рационально, но не-

логично, хотя это абсурд⁴⁵. Выбор цели может быть правильным и неправильным, достойным и недостойным, существует подсудность с точки зрения высшей справедливости (умственной, которую невозможно установить в законе). Мы действуем по образцу, находящемуся в уме. Последствия всегда непредсказуемы, это несоответствие (незнание дня и часа, приговора) создает возможность жизни и необходимость истории, то есть проверки задним числом соответствия намерений и результатов, истинности, в том числе и в целеполагании.

11. Хронология и этапы развития – их условность и объективность.

Во времени есть объективность, которая заключается в его равномерном течении. Равномерность позволяет измерять время, то есть придавать ему масштаб, и разбивать на равные отрезки. Историческое время – это характеристика качественных изменений. Чтобы установить хронологию, нужно добавить представление о том, что нечто движется, изменяя свое положение в пространстве и состояние во времени. Собственно история предполагает целенаправленное движение (живое), а поскольку это движение выходит за пределы существования единичных организмов, его можно делить на качественные этапы, имеющие объективное содержание и вместе с тем определяемые применительно к субъекту, о котором идет речь. Исторические субъекты устанавливали для себя различные точки отсчета (от сотворения мира, от Рождества) и различные системы летосчисления (по Олимпиадам, индиктам, правлению царей), различные периоды или эры (мировых монархий, возрастов человечества, формаций).

⁴⁵ Ср. ст. Герт Б. Рациональное и иррациональное в поведении человека // Мораль и рациональность..., с. 258 - 292. Рациональность в этой статье понимается довольно узко, как субъективная выгодность.

Но внутри них время членится все равно по астрономическому и арифметическому, обычно десятичному принципу. Это естественное членение времени привязано к особенностям нашей планеты и срокам человеческой жизни, то есть оно, будучи от нас независимым, в определенной степени и субъективно.

Сегодняшняя историческая наука исходит, во-первых, из традиционно существующих хронологий и классификаций, а во-вторых, из признания их условности. На место старых классификаций пытаются ставить новые, в основном, привязанные к самым общим противопоставлениям старого и нового – в области технологии или ее осмысления. Индустриализация, традиционализм и модернизм, со всякими пост- и до-. Один из вариантов связан с развитием знания и переходом к «информационному обществу». Размытость классификаций связана, очевидно, с отсутствием у человечества твердо заданной программы развития. Еще недавно казалось, а многим и теперь кажется, что такая программа, связанная с движением людей к Богу (концу земной жизни), абсолютному благу; справедливому общественному строю; с развитием мирового духа – существует и объективно выполняется. В природе законы поступательного и циклического движения распространяются на живые организмы, имеющие программу своего развития от небытия к небытию; при этом накапливающиеся изменения ведут и к изменению видов, которое можно считать совершенствованием – если мы избираем для него некий критерий и некую цель. Допустим, это появление существ, способных самостоятельно делать выбор между хорошим и плохим (то есть людей). (Устанавливать «истинные цели»). Но с появлением человека начинается, как мы уже говорили, отход от природы; этот выбор блага, хотя он детерминирован заданными извне (той же природой) целями: воспроизведением себя и вида, ведет, в силу накопления искусственных средств реализации этих целей, к изменению самого содержания последних.

Античность, Средние века, Новое и Новейшее время (на Западе – современность) – понятия европейской традиции, выражающие культурную в широком смысле преемственность, имеют обоснованность лишь с точки зрения заложенной в них идеи цикличности, присущей всякому природному развитию. Они говорят и о поступательном движении, хотя целесообразность такого движения трудно четко себе представить, или формализовать, а тем более обосновать. Можно сказать вполне определенно лишь то, что картина социальной жизни (вообще человеческой жизни) в каждую из этих эпох существенно отличается от других. Однако дать им определенные хронологические рамки, объяснить, почему с такого-то момента начинается другая эпоха, остановиться на очень ограниченном числе явно существенных черт для каждой из них попросту невозможно. В сущности, они отличаются лишь событийно, то есть их рамки задаются некоторыми особо заметными событиями, а «структурно» (по Броделю) эпохи переходят друг в друга и взаимно накладываются. Тем более, если говорить о структурах сознания и отчасти культурной традиции: здесь в умах могут сосуществовать продукты и характерные феномены из разных эпох (то есть в предшествовавших черты последующих, и наоборот).

Зачем тогда делить? Если история откажется от деления на эпохи, падет один из ее последних бастионов как науки; она откажется от каких бы то ни было прав на собственные обобщения. Впрочем, это не аргумент, все-таки в упомянутых общих «картинах» отдельных периодов есть, видимо, некоторая объективная сущность. Человечество куда-то движется, изменяясь, изменяя свое отношение к природе и к самому себе, значит, мы можем фиксировать эти изменения, устанавливать стадии, не обязательно привязывая их к всеобщей конечной и абсолютной цели (даже «прогрессу»).

Человечество не живет на той стадии цивилизации, до которой дошло теоретически, то есть не воплощает ее

принципы в поведении всех своих членов, но оно не может и резко опуститься в хаос, анархию, так как механизмы порядка, в том числе и ментальные, имеют общеобязательный характер. Общество не может вернуться в пещеру, хотя часть его – значительная – готова для пещеры и по уровню там и остается. Налицо стадийный дисбаланс.

На хронологии и вытекающей из нее периодизации строится собственно историческая классификация, связанная не с экономикой, политикой и пр. по отдельности, а только со временем, его особенностями, его «духом».

Парадоксальность бытующей и используемой историками и обществом хронологии в том, что она демонстрирует некоторую независимость от идеологии. Рождение Христово стало отсчетом новой эры, но не использовалось для периодизации гражданской истории. Вместе с тем этот отсчет сохранился и у всех светских историков. Историческая хронология – это окультуренное время – как бы заселенное людьми и историей, сбывшимся; то есть время выступает не как абстрактная мера количества /изменений, движения между прошлым и будущим, а как человеческое жилище.

12. Субъективность, ценности, мораль и структура исторических знаний. *(План дальнейшего изложения).*

В данном случае выбор точек отсчета и планов изложения задается идеей субъективного фактора истории, который я считаю и наиболее существенным для истории как науки. Он включает в себя действие объективных законов, факторов и условий, но пропущенных через сознание, обладающее понятием ценности и самооценности, целями, возможностями оценки и выбора (на языке роботов: «сбора, хранения, переработки и передачи информации»). Сознание обладает способностью изменять эти условия, использовать законы, переделывать мир и противостоять природе – с определенной целесообразностью, отчасти

заданной, отчасти вырабатываемой в процессе. История – запись выборов и результатов, оценка их соответствия планам и целям игроков и шире – соответствия целям человечества, как их понимает в данный момент общество, в частности, в лице «историка». Это и предполагает приложение морали к истории. Изучение истории исходит из наличия в ней определенного «смысла», некоей внеположенной (пусть хотя бы в уме историка) цели. (Такие цели есть во всех науках, но «полезность» других наук более очевидна. История же, как вера, обращается к основополагающим целям, к самой идее цели).

Речь идет о деятельности людей в целом, но встает вопрос о том, как соотнести присущую их сознательной деятельности способность самоопределения с исторической классификацией по горизонтали – с делением на отрасли, дисциплины и жанры. С «событиями», традицией историописания, в котором обычно превалировало политическое, этноисторическое или духовное начало, со сферами жизни: экономикой, политикой, социальными структурами, культурой. В данном случае в основу кладется история понятий, или метаморфозы понятий – в их вечности (преемственности) и изменчивости, в каждой сфере. Деление на отрасли условно, поскольку люди существуют сразу во всех измерениях. В разговор об отдельных сторонах нужно вводить напоминание об их единстве.

В нашем случае речь идет о принципах рассмотрения истории через призму ценностей, морали и субъективности, что и придает изложению единство. Ясно, что всякая история имеет дело со временем (по горизонтали и вертикали: современные события и течение вперед, как их изображать на бумаге – ведь процесс записи/чтения также протекает во времени). Затем, с пространством – опять-таки, по горизонтали (география – страны и области) и вертикали (верх-низ в смысле социальной структуры).

История должна быть единой наукой, хотя на практике существуют скорее частные истории (права, эконо-

мики и пр.). Это связано с дробностью, мозаичностью современного сознания; специализацией ума.

Еще один вопрос, проблемность и описательность, или фактология, как нужно соблюдать пропорцию между ними; между изложением событий с их внутренней интригой и контекстом, без которого их нельзя осмыслить, - и описанием «структур», которые и есть, вероятно, часть этого контекста, фон. История как описание поступков и человеческой деятельности упирается в классификацию деятельности. По традиции и логике мы можем строить эту классификацию на движении от материального к духовному (от плотного к бесплотному), или наоборот: история экономической, социальной, политической и культурной эволюции людей и мораль. Фактически получается история институтов и понятий, отчасти выпадает событийность, хотя события показывают вехи в истории этих институтов и понятий. В некотором смысле всякий институт и многие понятия/феномены (рабовладение, государство, Средние века, капитализм, партии), как уже было сказано, являются сложными событиями – постольку, поскольку они не вечны (по крайней мере их появление и исчезновение – события). Я считаю рассмотрение моральной стороны истории самостоятельной темой, и одновременно специфической для истории вообще по существу. Все воплощения того, что мы называем историей – это проявления сознательной и оценивающей деятельности людей, которая может полностью быть описана как бы извне, «объективно», но также полностью является субъективной (как всякое отражение, другими словами, если угодно, психологичной). Привязка к ценностям дает такой результат:

– Материальные ценности: наличные ресурсы, их преобразование (производство), распределение.

– Организация общества: собственность, власть, перераспределение производимого, обоснование.

– Духовные ценности (отражения): технологии, вера, право, искусство, наука. Эта схема не особенно оригинальна, но главными полочками в ней являются некие объективные и вместе с тем культурно-исторические (то есть выработанные цивилизацией) феномены: технологии (в материальных производствах, но и шире – во всех сферах, – накопление знаний и обмен ими), производство, рынок, собственность, власть, обмен, перераспределение и захват материальных ценностей, войны, сфера отражений (вера, искусство, наука, право).

Из сопоставления этой схемы с используемой далее более традиционной (хозяйственная, социальная, политическая и духовная эволюция и субъективный фактор внутри этих сфер) в очередной раз явствует, что все деления условны, и что сферы перекрывают друг друга. Это как бы (три) матрешки, вставленные друг в друга: вещественная база (предметы как воплощение объективных законов и субъективных идей, например, пища, готовая к употреблению); структуры (институты и их взаимоотношения внутри коллективов и между ними: политика, революции, войны, реформы, торговля; они и их функционирование также детерминированы, но степень субъективности больше); и отражения (структуры сознания): вера, искусство, наука, философия, право. Здесь налицо максимальная субъективность, при сохранении, естественно, детерминированности, поскольку речь идет об отражениях чего-то. Отражения всегда неполны, иногда сильно искажают предмет, но и их искажение или способ видения имеют свою целесообразность, они являются средством взаимодействия с «внешним» и его освоения. В сущности, в истории мы только с отражениями и имеем дело, вопрос только, в какой степени: просто отражения или отражения отражений отражений. Мера субъективности определяется, во-первых, естественно, субъектом: человечество выступает как единый субъект постольку, поскольку существует как таковой, то есть имеет общую физическую, фи-

зиологическую и прочую природу, среду обитания и «культуру» – законы духовного развития и общий багаж, образующийся в результате обмена. В то же время в «реальности» человечество состоит из множества субъектов, индивидов и коллективов, на уровне которых и существует, и вырабатывается «культура». Разнообразие условий материальной среды – география, климат, территории; и истории: разделение на этносы, государства и цивилизации показывает, что общечеловеческое является производным от них, иначе говоря, существует в форме частного. Впрочем, таково соотношение отдельных предметов и их «идей» вообще.

Истина есть некий внешний объект вообще, точнее, соответствие между ним и его отражением в голове субъекта, понятие о таком соответствии, «отвлеченное» уже в силу постоянной текучести времени. (Фиксация истин возможна в силу бесконечной повторяемости ситуаций). Ценность – это выражение желательной для субъекта повторяемости. Мораль – представление о социально и человечески должном, о правильном человеке, об истинной ценности. (Иначе говоря, мораль - это и есть идея «истинной цели» (выражение Макиавелли), а если ее - мораль - онтологизировать, считать мораль объективно заложенным в природе принципом развития, то из нее будет вытекать и идея «объективной цели»). Субъект этих представлений на сегодня – человек, отдельный и в целом, который приходит к распространению идеи моральной ценности на все живое. Разумеется, теоретически, в развитие идеи любви к ближнему. На практике люди готовы истреблять и истребляют в своих интересах все живое.

Простота исторического рассказа кажущаяся. Он как бы ведется понятным для слушателей языком, но при расширении их круга (от самого автора/слушателя) до бесконечности, и во времени и в пространстве, становится

все менее понятным⁴⁶. Сам автор может понимать, что нечто говорит его устами, в той мере, в какой его «дискурс» нормативен и императивен, то есть несвободен. Хотя в этом есть и доля свободы, обусловленная тем, что в уме формируется некий образец, идеал и цель, некий проект. Ценностность – это и есть момент долженствования; идея, управляющая миром. Задача историков, в сущности, сводится к тому, чтобы сделать рассказы понятными, начиная с обоснования смысла этих рассказов, почему они об этом, и кончая объяснением деталей в дошедших до нас описаниях, потому что с течением времени мы становимся все менее посвященными в их смысл. То есть это воспроизведение, но одновременно и объяснение событий прошлого. Место оценки здесь – 1) с точки зрения целесообразности: цель, средства, результат – успех или неуспех; 2) оправданности выбора с точки зрения каких-то критериев, помимо конкретной цели, то есть оправданность самой цели; 3) нет рассказа без морали, «информации» без смысла. Во всякой истории есть притча – читатель лишний раз задумывается, как себя вести.

⁴⁶ Сегодня историческая наука исходит из того, что существует множество языков (и как бы множество реальностей), полностью не переводимых друг в друга, но она занимается именно этим переводом. В этом смысле можно сказать (одним словом), что вчерашняя история была монологична, а сегодняшняя диалогична. Прежде всего диалог должен быть внутренним (хотя всякий диалог интериоризируется!): он начинается с осознания того, что кроме моего языка есть другие, равноправные, именно в истории, и что мы занимаемся переводом – с комментариями. Начинается с критической оценки своего языка – нет вневременных понятий. Всякий перевод с языка прошлого на современный условен; даже воспроизводя источник или касаясь пергамена с латинскими словами мы воспринимаем его по-другому, чем современники.

13. (Само)ценность индивидуального. История как наука о повторяющемся неповторимом. Эмпирическое знание и научное описание вещей – роль определения понятий.

Историческое подсознание – это нечто, что руководит (управляет) субъектами, не осознаваясь ими вполне: «закон» развития по заданной программе, согласно «проявлению» или «промыслу»; закон, преддрешающий выборы конкретных людей и групп. Но полное предрешение того, что еще не случилось – результата выбора – невозможно. Отсюда появляется возможность игры, типа игры в кости, где проигрываются вероятности успеха/неудачи. Наши представления являются отражением мира и продуктом культурного приспособления к нему, через них мы осознаем себя, свое место и свои цели – вечное движение и изменение.

На каком-то уровне наш конкретный мир или Вселенная индивидуален, так как общее понятие мира предполагает, что есть еще миры, бесконечное множество миров, имеющих такие-то общие признаки (идею мира, описываемую через другие идеи). Науки описывают одни идеи с помощью других общих идей; наука история описывает конкретные вещи во времени с помощью общих же понятий и имен собственных (которые также суть общие, так как принимают отрезки времени, в коих существует индивид, за нечто целое, признают его равным самому себе от рождения до исчезновения, хотя «все течет»). История описывает мир в его хронологическом изменении, не как нечто отвлеченно существующее в уме, в платоническом «умном месте», *ἐν τόλῳ νοῦτω*, а как нечто конкретно уловимое и в то же время неповторимое в каждый данный момент. Это главный парадокс истории, неразрешимое противоречие, делающее ее невозможной как «науку». Хотя, не будучи в состоянии предсказывать события (в

физическом смысле: результаты падения монеты⁴⁷), она может систематизировать факты, упорядочивать память о прошлом и тем самым придавать им значимость. Отдельные исторические факты и события не имеют значимости, или в своей конкретности ценны лишь с точки зрения участвующих в них индивидов, внутри своих процессов. История приписывает им значимость, соотнося с другими. Тут она сходна со всеми науками. Но это единственная из наук, главным предметом которой является индивидуальное в своей неповторимости. (А общее - в его изменчивости). История – это единственная реальность, потому что мимолетность получает в ней дополнительное бытие.

Другие дисциплины изучают индивидуальное лишь постольку, поскольку в них, науках, присутствует история, или с точки зрения его, индивидуального, повторяемости (биология, психология и пр. науки о живом и о человеке). История не делает вывода о том, каковы бывают революции вообще, или этот вывод в ней присутствует побочно; ее интересует в первую очередь как протекала эта, данная революция. Все науки стремятся выработать общие понятия или формулы, описывающие казусы; история не ставит такой цели, по крайней мере, как основной. Она способствует уточнению определений, и этот процесс бесконечен.

В этом смысле все приводимые здесь рассуждения метаисторичны.

Но история, как неоднократно было отмечено выше, не может обойтись без общих понятий, которыми она описывает конкретное, мыслятся ли эти понятия как метафизические идеи (что, по-моему, неверно), или как исторические, то есть общие для неких реально существующих

⁴⁷ Падение монеты на орел или решку – идеальный пример равной вероятности, но падение реальной монеты никогда не даст равной вероятности. Есть вероятность, кроме того, что монета улетит вверх или встанет ребром. (Как бы чудо. Чудо – событие, вероятность которого ничтожно мала или стремится к нулю. Бесконечно малая величина). Ср. ниже.

щих или существовавших групп индивидов, но имеющие начало и конец во времени, и собственный ареал в пространстве. Точнее, говоря, в этих понятиях (государство, рынок и т.п.) есть доля метафизичности, то есть абстрактной общности и вечности, без имени, проявление «мирового разума», законов, неизменности. И есть имя, укорененность в реальности. Поэтому рассуждения об этих понятиях являются необходимой частью всякой истории, или исторической теории, но без них (без их использования, без некоей «философии»), немислимо и никакое сколь угодно конкретное исследование, даже если эта философия присутствует по умолчанию. Вносит ли конкретная история (наука) свой вклад в разработку этой философии?

Возможно, вносит постольку, поскольку философия вообще является не только описательной, но и «моральной» (прескриптивной, или суггестивной) наукой. Собственно, об этом моменте перехода между данностью и желательностью я все время и рассуждаю. Есть объекты, которые движутся по рельсам, и есть субъекты, которые сами прокладывают для себя рельсы. Субъекты – это особого рода роботы, которые двигаются по определенным правилам, или вообще без правил – произвольно или даже хаотично. Но один раз проложенные рельсы уже в истории не перекладываются, хотя пути все время смещаются, пусть даже едва заметно.

Высказывания и их специфика. Люди как сознающие субъекты довольно автономны, в принципе им наплевать, кто что думает. В первую очередь они несут высказывания, и только во вторую прислушиваются к другим. Но для диалога нужны аудитория и общение. Убеждение основывается на принципиальной доступности для всех людей подразумеваемых истин (философия), потому что истина – это соответствие чего-то чему-то.

Проблемы описательных наук (в первую очередь, гуманитарных) суть проблемы языка.

В науке не бывает убеждений: только мнения. Принципы – другое дело.

Человек – это функция (роль), которая задается извне и на которую все люди так или иначе способны.

При создании текстов должна соблюдаться определенная мера ответственности, не стоит заносить на бумагу все, что приходит в голову. Когда-то эта мера соблюдалась в силу сакрального отношения к запечатленному (ли произносимому) тексту. Он обладал магической силой (действенностью). Театральность есть нечто иное, есть внешнее, «изображающее» то, что истинно (существует), и потому театральность является производной.

Всякий мыслитель (да и человек, «человек – это высказывание» – парадокс) есть функция своего времени, среды, истории, традиции, запросов общества и пр., поэтому в его высказываниях наличествует своя логика, своя правда, но и свои шоры. Потомки судят о них свысока, зная об их «ошибках» пост фактум. Но эти «ошибки» закономерны, зачастую они и не ошибки вовсе, не заблуждения. Это «дух времени», который великие люди выражают тем больше, чем они пронизательнее. Степень детерминизма и последовательности в истории очень высока. Всякий выбор есть и отказ от чего-то.

III. Некоторые из существующих теорий и способов объяснения истории.

Теория истории. Исторический источник.

Хотя размышления на тему о необходимости историописания всегда, наверное, ему сопутствовали, в какой-то момент теория истории стала самостоятельной дисциплиной. Проблема ее становления – это отдельная историографическая и научная проблема, связанная с пониманием науки и донаучного знания. Была ли античная «философия» (сам этот термин обычно используется в значении, приданном ему в Новое время) наукой или только ее прообразом? Насколько справедливо говорить о теоретическом осмыслении истории в религиозных системах?

Во всяком случае нужно разделить метаисторию (философию исторической науки) и историческую теорию (объяснение исторического процесса с позиций той или иной философии, то есть собственно понятийный аппарат истории, ее теоретический инструментарий), эволюцию этих взглядов (историю исторической теории). О последнем и идет речь в этом разделе.

Исторический источник. Почему историки мыслят конкретно («примерами»)? Потому что типология в истории не работает. Можно написать историю Европы в целом, но она будет иметь мало общего с конкретикой отдельных стран, хотя останется конкретной на своем уровне – на уровне части света. Две истории – общая и конкретная – разворачиваются параллельно. Всякое общее утверждение в истории противоречиво – всегда есть случаи, не вписывающиеся в общую картину, более или менее (иногда кардинально) противоречащие ей. Поэтому история как наука основана на изучении «первоисточников», их воспроизведении, переводах, комментировании. При этом исторический источник несет для нас сведения о том, что мы считаем событием (историческим), его восприятие субъективно, и его образ в этом восприятии явля-

ется конструктом. Объективность задается мерой нашей общей субъективности как людей и живых существ. Понятие исторического источника возникает из противопоставления целей его создателя целям истории как «науки», существующим в головах историков. Предполагается, что историки извлекают из текстов, написанных по любым поводам, нечто, что помогает реконструкции прошлого и пониманию закономерностей его разворачивания.

Реконструируя прошлое, историк, как было подчеркнуто в эпоху постмодернизма, фактически конструирует его заново, иногда очень сильно отклоняясь от того, что было. Особенно, когда он пытается систематизировать и обобщать накопленные данные. Он может и отказаться от обобщений, но это не меняет того факта, что «метафизические сущности» так или иначе существуют.

Считается, что переводы нельзя использовать в качестве полноценных источников. Дело не только в том, что одни переводы точнее, а другие менее точны. В источнике всегда есть нюансы, которые отчетливее будут выглядеть только в специальном переводе – для каждого данного случая, потому что текст в его «материальном» воплощении всегда допускает толкования – слово всегда многозначно, постольку поскольку является носителем мысли, а не самой мыслью.

Кроме того, понятие источника подразумевает другой уровень подхода к событиям, оторванный от обыденности. Круг вопросов, занимающих человека в повседневной жизни, один, круг вопросов, интересующих историю, другой – они пересекаются, но не совпадают. Взгляды позднейших «ученых» часто расходятся с тем, что считают важным современники. В уме действующего человека всегда находятся много параллельных сюжетов, варианты развития которых он постоянно имеет в виду. Потомкам сложно представить себе всю совокупность этих линий, одновременно присутствующих в его сознании. Но цель историка и заключается в воспроизведении злости дня, это

как бы журналистика, обращенная назад. Хотя отбор фактов может быть иным по сравнению с тем, что интересовало современников.

Зарождение исторического знания. Способы исторического описания – общечеловеческая или европейская парадигма

О праисторических знаниях, видимо, меньше всего известно, хотя это один из самых любопытных сюжетов. Вопрос в том, возможно ли человеческое общество, не имеющее исторических знаний – являются ли его примером первобытные народы? Судя по ним, такие знания существуют в устном предании и сливаются затем с языческой картиной мира, то есть имеют сакральный характер. Эпосы строго говоря не являются историей, это художественные произведения, представляющие события жизни, в том числе имеющие историческую подоплеку, в «образцовой» (придуманной, воспроизводимой в идеальных образах) форме, как кинофильмы.

Второй элемент, который выделяется в историческом материале, – политический, это записи и произведения, прославляющие великих владык. Появление светской истории, постепенно освобождающейся от мифологии, связано, по крайней мере, для европейской традиции, с великими греческими историками эпохи расцвета полиса. Параллельно ей развивается священная история у евреев, которая трактует взаимоотношения народа с единым Богом и в которой намечается общая концепция мирового развития, движение к определенной цели.

Иудео-христианская концепция истории человеческого рода.

Христианство явилось синтезом греческого, еврейского и более отдаленного восточного влияния (идеи недеяния, непротивления).

Встает вопрос, насколько можно говорить о христианстве, как о цельном явлении, при наличии огромного количества оговорок: хронологических, этнических, исто-

рических, идеологических и пр. Можно сказать, что в результате церковного развития (не уточняя, что такое церковь – совокупность верующих, институт) была выработана определенная «структура», в том числе духовная, покоящаяся на ряде догматических (не подвергаемых сомнению) представлений, на основании которых предположительно строится деятельность всех лиц, причастных к церкви (фактически, к разным церквам). Существуют священные тексты – Писание, предания – в общем, тоже эпос, притчи и своего рода история (особенно Ветхий Завет), породившие каноническую и неканоническую литературу, во всяком случае придерживающуюся определенного предполагаемого принципа – истины откровения. Эта идеологическая традиция, при всей ее внутренней неоднородности, сыграла, возможно, решающую роль в становлении европейской цивилизации, а благодаря экспансии последней – и в становлении современного мира.

Любая христианская концепция истории связана с моральной философией, поскольку Бог понимается как высшее благо и вся история человеческого рода и отдельного человека рассматривается под углом зрения отпадения от него или приближения к нему.

С точки зрения истории христианская философия решает проблемы конечности (смерти), связанного с ней существования зла (теодицея), жертвы (противоречия цели и средств); прогресса (приближения к Богу), непознаваемого, социальной несправедливости.

«Объективный идеализм»

Он вытекает из вопроса о духе каждой эпохи, то есть о некоей существующей где-то (в природе вещей) программе рационального развития. То есть развития, при котором определенные причины рождают определенные следствия и все происходящее сводимо к таким причинно-следственным связям и образует неразрывную цепь.

Источник всего – творчество, но земное творчество само по себе не абсолютно свободно, а является наведенным, индуцированным, подсказываемым свыше. Великие люди являются великими приемниками идей, то есть их устами говорит «мировой дух», всеобщая обусловленность. Дальше их продукция разносится «массовой» культурой.

Гегель и Ранке

Ценностная проблема, которая связана с творчеством Ранке, заключается в вопросе: зачем нужна частность, если важнее общее? Ставшая знаменитой и чрезвычайно популярной формула Ранке о том, что история рассказывает, «как оно собственно было», связана, вероятно, с его представлениями о гармонии части и целого, история – изложение частных, для которого идея целого служит моральным оправданием. При этом Ранке считает, что «в полном свете частность может выступить только тогда, если она будет поставлена в общую связь событий». «Только наш век, – говорит Ранке, – мог выработать понятие о всемирной истории в смысле изображения явлений жизни всех народов, во все времена, в их взаимной связи, насколько эти явления, сосуществуя друг с другом или следуя одни за другими в тесном преемстве, действительно образуют единое живое целое»⁴⁸. Проблема в том, чтобы показать, как из действий народов, обусловленных их характерами и предыдущей историей, возникает следующая история – детерминированная и непредсказуемая одновременно. Как, собственно, было – никак, это процесс, который никогда не кончается. Поэтому нельзя установить, как было, а только что было.

История – наука не столько о том, как «собственно было», а о том, как «собственно бывает». Прошлое не из-

⁴⁸ Цит. по: *Форстен Г.* Ранке, Леопольд // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXVI. СПб.: 1899. С. 268.

меняется, и не дает рецептов, но дает материал для принятия решений.

У Гегеля отдельные эпохи являются этапами поступательного саморазвития мирового духа. Ранке видит в истории воплощение божественного плана. Он отвергает хитрость Разума, который якобы исподволь направляет постепенно прозревающее человечество. «В основе учения о том, что мировой дух производит события как бы с помощью обмана и пользуется человеческими страстями для достижения своих целей, лежит крайне недостойное представление о боге и человечестве; в своем последовательном развитии оно и может привести только к пантеизму, человечество оказывается становящимся богом, который порождает сам себя посредством заключающегося в его природе духовного процесса»⁴⁹.

Однако всякая теория, если она выделяет из всей полноты исторического процесса некоторые движущие им факторы, должна признавать хитрость Разума. Иначе получается, что люди всегда сознают свои цели и смысл своих действий полностью. Отчасти так оно и есть, за вычетом «ошибок», и в этом и заключаются основания критики «историцизма», в смысле приписывания истории особых, высших и заданных целей. Но люди, преследуя свои конкретные цели, не всегда осознают, что их поступки детерминированы на многих и разных уровнях. Чтобы это осознавать, нужно полностью понимать устройство мира. Религии, марксизм, исторический психоанализ используют эту долю непознанности «законов», чтобы описать жизнь общества и людей как управляемую кем-то или чем-то извне.

⁴⁹ Цит. по: Лукач Г. Рецензия на книгу Эрнста Симона «Ранке и Гегель» // Он же. Политические тексты. / Пер. с нем. и венг. М.: Три квадрата, 2006. С 213-221.

Марксизм

Вообще сложно сводить историко-философскую теорию или теоретическое обоснование истории к набору идей; это неправомерно по отношению к исследователям, у которых всегда находится много исключений из общих принципов, вся история – сплошное исключение; это та же проблема общего (концепции в данном случае) и частного (ее приложения к реальности, то есть к истории).

Марксизм следует отнести к учениям, рассматривавшим в первую очередь внешние воздействия на человека; факторы, независимо от его воли определяющие ход истории, делающие неизбежным наступление ряда существенных для общества событий; он исходит из закономерности. В этом смысле он следует за Гегелем (и отличается от Ранке), причем для Гегеля, очевидно, осмысление людьми исторической необходимости должно быть даже важнее, чем для Маркса⁵⁰. Сегодня сложность восприятия марксизма тройкая: он никем по существу не опровергнут, но как бы оказался в целом несостоятельным, и непонятно, что в нем бесспорно, а что спорно. (В принципе, это относится и к теории, и к конкретно-историческим объяснениям).

С точки зрения морали понятно, что она в марксизме уходит как будто бы на второй план: нравственность оказывается в плену у неизбежности; люди поступают безнравственно по необходимости, а нравственно по мере возможности (так говорил и Макиавелли). Превалирует «истина» в прагматическом смысле. Хотя, разумеется, можно сделать много оговорок на этот счет против приписываемого марксизму демонического оправдания зла (например, у Бердяева) и по аналогии с кальвинист-

⁵⁰ Речь идет о совпадении идеи, идеальной модели, и реальности, ее воплощения в конкретных предметах. Ср. цитированную выше мысль Блаженного Августина о том, что все существующее истинно: «всё существующее истинно, поскольку оно существует» (Исповедь, кн. VII, 15 (21) / Пер. М.Е. Сергеевко). *Omnia vera sunt in quantum sunt.*

ским учением о предопределении, которое не отменяет человеческой инициативы, поскольку неизвестно, что именно предопределено.

Например, существование классов, то есть групп, занимающих особые места в структуре общества с точки зрения производства и особенно распределения, не подлежит сомнению, они были описаны всеми историками. Другой вопрос, насколько продуктивна именно такая характеристика социальных групп, насколько верна та роль в истории, которую приписывает классам марксизм; не слишком ли примитивно традиционно утвердившееся в нем понимание; правомерно ли делать основным субъектом истории такую размытую общественную группу, ведь ее члены ведут себя совершенно по-разному. Определяются ли их поступки только классовым сознанием, или подсознанием, независимо от их воли, и в какой мере действует то и другое? Безусловно, для описания исторического человека необходимо использовать многообразную гамму общих понятий, начиная от биологических и заканчивая психологическими. Все они были исторически выработаны и имеют разную степень приближения к реальности (ср., например, такое размытое и широко употребляемое понятие, как «народ», подробнее об этом ниже). Марксистская схема вызывает протест нарочитым до нелепости детерминизмом. «Развитие» (состояние) общества зависит от развития производительных сил, то есть способности данных конкретных людей решать материальные проблемы. Это положение выглядит убедительно, поскольку прогресс в «покорении природы» налицо и материальные возможности человека растут пропорционально успехам его изобретательности. В целом происходит некая экспансия, возможность которой как бы заложена в природе. Успехи в использовании и преобразовании энергии являются частным случаем этого же принципа. Но это подход чересчур общий и в конце концов недостаточно историчный. Для докапиталистических обществ он сомнителен. В це-

лом роль субъектности, представлений, вторичных факторов сведена к минимуму.

Эволюционирующее приращение знаний связано с производством, – знания постепенно – с Нового времени – становятся орудием производства, до этого они носили больше сакрально-ритуальный и регулятивный характер, можно сказать, «моральный»; нравственные критерии сменились технологическими.

Второе положение марксизма: при определенном уровне развития производительных сил (очень большие возможности производства плюс втянутость в него больших масс, всеобщая связь и взаимозависимость, что-то вроде глобализма) неизбежен отказ от частной собственности. В царстве свободы сбудется вековая мечта и общество перестанет делиться на бедных и богатых.

Как научное положение этот тезис может быть только подтвержден или опровергнут историей; закон в нашем представлении независим от воли людей, даже если он проявляется через их деятельность. Мы не знаем всех законов и не все понимаем до конца. Но мы так или иначе всегда понимаем главное для себя (для жизни) и руководствуемся этим пониманием; уяснив что-то новое в природе общества, мы пытаемся утвердить или обойти это новое. Есть два принципиально разных подхода: консервативный, толкующий все в пользу сохранения (и у гуманистов он еще преобладает: возврат к началу), и «прогрессивный», который ведет отсчет от точки в будущем; он восходит к эсхатологическим теориям, но утвердился в умах с началом Нового времени ввиду ускорения всевозможных перемен. Уязвимость марксизма связана с его пониманием (социального) прогресса и стремлением на него «работать». Но в общем это тоже данная нам извне (витающая в воздухе) социально-психологическая установка.

Социальные изобретения всегда связаны с «моралью» (ценностями). Право, культ, политические и образовательные учреждения обычно соотносятся с деятельно-

стью конкретных лиц, но типологически не являются ничьим изобретением, будучи продуктом стихийного, как бы «народного» творчества. В основном упомянутые институты возникают в ходе борьбы интересов, общего и частного, и направлены на их согласование. Мы видим, что они работают скорее не по принципу разумного, а по принципу возможного. Рационально ли социальное поведение людей и устройство общества? Очевидно, что оно менее рационально, чем области их деятельности, направленные вовне, на материальный мир. Рациональность предполагает деятельность, сообразную избранной цели (цель выступает как ценность). Общество иррационально потому, что его цели противоречивы: интересы коллективов и групп сталкиваются. Мораль предназначена для их примирения. Главная идея, которая каким-то образом в процессе истории утвердилась в умах – идея социальной справедливости, – безусловно присутствует в марксизме, но только как производное от его «научной теории». Прагматизм часто полезнее, чем следование высоким идеям.

Парадокс истории в целом – разумное человечество («ноосфера»), спорный, впрочем, термин – разум существует во всей природе как повторяемость причинно-следственных связей, как некое постоянство) не может основать свою жизнь на разумных началах. Существуют неравенство, отсутствие взаимопомощи, преступность. Причины, на которые может ссылаться «наука» – якобы нехватка ресурсов, незыблемые законы (но разум их и обходит), или нечто среднее – постепенность закономерного наращивания средств для благосостояния. «Прибавочного продукта» – этот термин имеет смысл только в рамках теории экономического материализма. Прогресс заключается в постоянном наращивании производства товаров выше прожиточного минимума. Но последнее понятие условно – один весит 300 кг, другой 50; один отшельник, другой спортсмен или воин. Здесь берется некий общий усредненный принцип, как с интересами – при прочих

равных люди поступают одинаково, их мотивы, эмоции и реакции сходны. Грубо говоря, все хотят есть (имеют аппетиты), и накапливать имущество. Вопрос о целях людей и их формировании, о противоречивости этих целей в марксизме решается как бы по умолчанию. Отклонения от нормы (вышеупомянутого принципа аппетитов) рассматриваются как проявления исторической необходимости, хитрости разума, подсознательного внушения «объективных целей». Монахи, удаляющиеся от мира, «объективно» выражают, таким образом, недостаточность средств для полноценного прокормления всех в условиях господствующего сельского хозяйства, уход от мира избавляет сферу производства от избыточных рабочих рук. Но при этом монастыри ведут продуктивное хозяйство, как некий фаланстер или киббуц. Это форма общественной жизни и общественного производства на определенном уровне.

Раб и в современных условиях может быть высокопроизводительным, если его дополнить механизмами. Существуют также интеллектуальные наемные работники. И то, и другое экономически выгодно.

Уровень развития общества. Если сравнивать каменный век, древний Египет и современность, очевидным будет не только развитие технологии в известном направлении (повышении энергоспособности орудий, производительности), но и некоторая связь общественных форм и сознания с этим ростом. Хотя, может быть, правильнее говорить только о разнице. Учение о прогрессе и о классовой борьбе показывает механизм упомянутой связи. Растущая производительность труда создает избыток средств и ценностей, за который идет борьба. Наверное, с наименьшим основанием можно говорить о том, что меняющееся сознание порождает новые технологии и новые уклады. Общественный строй в любом случае выглядит как продукт умственной работы. Своего рода прогресс в социальной технологии осуществляется не просто в силу наращивания производства и накопления благ, а вследствие

осознания «правильности», справедливости иных отношений (и несправедливости прежних). С точки зрения марксизма это осознание детерминировано отношениями собственности. Сначала на людей, потом на землю, потом на фабрики и заводы, потом на все в целом от имени общества. Это прогресс технологии социальной жизни, новые ее изобретения, возникающие закономерно и объективно, «поступательно», по мере субъективного осознания объективно заданных «принуждений». Собственность как продукт развития правового сознания – тоже «социальное изобретение», но оно вырастает из понятия субъекта, заложенного в природе. (Об этом в следующем разделе). Природа не меняется, однако заложенный в ней цикл при стечении определенных условий раскручивается, как пружина. Это могло быть миллион лет назад и через миллион лет (условно говоря). Закономерность эволюции – она идет в никуда, в бесконечность, но притом имеет направление – назад или вперед.

Собственность вытекает из понятия индивида, это его атрибут. Коллективный индивид является верховным собственником имущества, эксплуатируемого им. Сегодня считается, что коллективный (общественный) собственник неэффективен. Но в истории общественная и частная собственность всегда встречаются только в том или ином сочетании. Частная собственность во многих случаях неэффективна, поскольку она своекорыстна. Рынок – это на поверхности соревнование, но по сути это управляемое соревнование. Субъективный фактор в нем один из главных. Частная собственность на государство также была «эффективной» на определенном этапе развития, может быть, на определенном этапе развития «производительных сил». Эффективность в данном случае (для государственных образований) понимается как способность к выживанию, к сохранению и накоплению сил в международной борьбе. В конце концов на уровне общества в целом (в политическом организме) монархи оказались неэффектив-

ными собственниками (хозяевами). Владеть можно всем, и землями, и людьми, но эта собственность всегда условна. Никто не позаботится о судьбах человеческого общества как отец родной, кроме самого общества в целом.

Марксизм ставит вопрос о соотношении материального и духовного. В самые марксистские годы решающим фактором в войне признавался а дух, а не материальные ресурсы (при всем их значении).

Вопрос, подспудно постоянно задаваемый историком – как разумное (или неразумное, но возможное) становится действительным?

Человек может рассматриваться как игрушка «высших сил» – что-то вкладывает в него не только импульсы к действию, но и слова, идеи, образы, желание творчества.

Сексуальный инстинкт, видимо, дает более сильное ощущение того, что индивид является объектом манипуляции (именно инстинкт), по сравнению с инстинктом еды и т.п. Манипуляция – воздействие чего-то внешнего изнутри. Поэтому сексуальный инстинкт связывался также с дьявольским наущением, с проявлением дурного начала в мире. (Но и с грехом).

История, пожалуй, изучает не только индивидуальное и конкретное, точнее, она изучает общее в форме индивидуального еще в том смысле, что она изучает старые изобретения, способы жизни, их смысл и «эффективность» тогда. Ведь теперь они устарели, не нужны, не используются или вошли в состав более новых (как их «история»), и прежде всего это относится к способам общественного устройства – о них вспоминают, как о прошлом, но на них всё же учатся.

Чудес в истории не бывает, в том смысле, что все просто – из причин вытекают следствия. Но бывают чудеса в том смысле, что некоторые события выглядят совершенно неожиданными. Хотя объяснить их задним числом уже не так трудно.

Философии морали XIX в.

В XIX в. специальные философские теории, посвященные морали, возникают на почве религиозных (В. Соловьев) или социалистических (К. Каутский, П. Кропоткин) идей. Социализм и христианство восходят к общему корню: в духовном отношении это идея равенства, справедливости, общности. Одновременно получают популярность теории, связывающие мораль с природным, социальным инстинктом.

Распространяется представление о персональной ответственности индивида за собственное поведение, о его нравственной автономии, которая часто представляется как источник аморальности (Ф. Ницше, Ф.М. Достоевский). Бог умер, как казалось, окончательно, и человек остается наедине с безликой пустотой. Кто-то выводит из «индивидуализма» веру в безграничные возможности человека и общества, кто-то высказывает по этому поводу опасения, которые в полной мере оправдываются в XX, а теперь уже и в XXI столетии.

Современность

Язык истории, «ментальность», возврат к «человеку».

Особенность современной исторической науки я вижу в росте критического отношения к себе со стороны субъекта истории в лице представляющих его историков. В частности, это относится к основам исторического инструментария: языку, системе ценностей, философии истории и общественной жизни. Мы перестали воспринимать их как метафизические понятия, в этом смысле они потеряли абсолютную ценность и стали более историчными. Наше видение прошлого исторично (изменено) и отличается от видения его современниками событий, самими их участниками.

Монологичность была присуща истории раньше, диалогичность теперь: это признание равноправия разных языков для описания разных участков времени и критическое отношение к своему сегодняшнему языку, способу выражения, пониманию, оценкам, предпочтениям.

Историческая теория может только усовершенствовать язык описания, которым мы пользуемся, но все равно понятия и их содержание довольно разнообразны. Использование того или иного научного языка не является гарантией решения проблем. Понятия условны и вместе с тем, в своей совокупности, в системе языка наделяются достаточной степенью объективности, отражают действительные феномены, дают некоторую возможность описания изменчивых вещей с помощью фиксации их неизменных, структурообразующих составляющих.

Последние лет сто историки носятся с довольно странной идеей вернуть в историю «человека». Впервые, история как самостоятельная наука и не может изучать что-то иное, кроме человека. Другой вопрос, как этот человек понимается: у античных историков он был в центре их непосредственного внимания без особой рефлексии по этому поводу, так как политика и общественная жизнь не приобрели столь массового характера и не были так отчуждены от личности, как позднее. В дальнейшем, в поисках скрытых пружин истории и того, кто ею управляет, история отошла от рассмотрения отдельных поступков и стала видеть во всем глубинные предназначения providения, мирового духа или законов эволюции материи. Во время этого процесса конкретные события, намерения и взгляды людей были оттеснены довольно абстрактными идеями и общими, везде применимыми и нигде реально не существующими схемами. История с живыми людьми, их эмоциями, расчетами, трагедиями и переживанием осталась уделом исторических романов. Таким образом, призыв вернуть человека в историю, выдвинутый школой «Анна-

лов», был реакцией на этот схематизм, с одной стороны, и на копание в мелочах «традиционной истории», с другой.

Но, во-вторых, этот призыв, направленный в свое время на изучение глобальной или тотальной истории, то есть истории во всем ее многообразии, был также своего рода уходом от человека. Первичный человек индивидуален, как индивидуальны все живые существа и все вещи, общее (идея, понятие, схема) – вторично, для сознания это в любом случае «конструкт», орудие изучения реальности, хотя он, несомненно, несет в себе свою истину. Существование науки истории и есть доказательство важности и первичности этого конкретного и индивидуального, в обществе – с его сиюминутными интересами и планами, эмоциями и необратимостью времени.

Броделевская глобальная история изучала контекст этого происходящего и его собственно почему-то и считала главным. Освоение времени и пространства, обмен, структуры общества и повседневности, успехи цивилизации – все это характеризует ход истории, но больше как декорации, в которых разворачивается ее драма⁵¹.

Более поздний поворот к «ментальности» (и у нас к «исторической антропологии») был тем же выражением тяги к «человеку», но не менее иллюзорным, потому что речь шла о том же общем человеке, абстрактном, человеке вообще – пусть в его умственных проявлениях, стереотипах сознания, памятниках массовой культуры – но в конечном счете о том же антураже и о тех же декорациях.

Коллективные представления, ментальности, архетипическое, бессознательное

⁵¹ Это формулировка самого Броделя из предисловия к первому изданию его монографии о Средиземноморье, впоследствии опускавшемуся. См. *Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир...* Ч. I. С.15 -22.

Речь идет, в частности, о стереотипах, о шаблонах мысли, которые как раз и определяют оценки, поступки, слова и выборы – через них и действует «необходимость», определяющая настоящее и будущее через прошлое. Стереотипы – механизмы мысли, которые отчасти заменяют инстинкты. Инстинкты – это механизм управления, заложенный природой, природным разумом для рационализации поведения индивидов. Они как лекарства в сладкой или горькой оболочке – индивиды стремятся к удовольствию и избегают неприятного, но тем самым решают жизненно важные задачи – питание, размножение, самосохранение. Животные не ставят перед собой подобных задач, в этом смысле они действуют полуосознанно. (Для них это – «объективные цели»).

Стереотипы – нечто промежуточное между инстинктами и научными, то есть сугубо рациональными, проверенными, специально разработанными теориями. Они полезны и вместе с тем коварны, в ряде жизненных ситуаций требуется отходить от стереотипов. Они осознаются, но воспринимаются некритически, как нечто унаследованное и взятое извне. Стереотипы, как и инстинкты и теории – это разновидность «технологий», определяющих способы жизни и действий.

Постмодернизм выразил невозможность заполнения пропасти между реальностью прошлого и его описанием в языке; он, как и другие современные течения, отражает критическое отношение сегодняшних историков и гуманитариев к себе, к своему аппарату и возможностям. Сегодня возможно изучать памятники прошлого, только помня об их вторичности как продукта сознания и о вторичности нашего восприятия этого продукта, преломленного через множество сознаний.

Конечно, «человек» никогда не уходил из истории (в качестве ее предмета) в тех или иных своих проявлениях, но известная нам историческая традиция обросла таким тяжелым грузом многочисленных представлений,

схем, системных подходов, осмысленных или примысленных структур, что реальность почти погребена под ними, – то, что мы называем историей, очень удалено от действительности в ее простых, доступных обыденному сознанию формах, а они определяют отношение общества к прошлому. Конечно, вернуться к традиционному, «Геродотовскому» непосредственному или теоретически неотрелексированному историописанию, при всей его образцовости невозможно, и не стоит, потому что оно уже существует, в нем уже описано его время и в лучшем случае мы его лишь повторим. Сегодня мы можем осознанно судить о прошлом не только с высоты нашего якобы просвещенного времени, но и вникая в заново понятые механизмы элементарных поступков и работающего сознания, в том числе используя ценностный и этический анализ (в отличие от «информационного» – анализа внешней детерминированности). «Мораль» дает возможность понимания человека и его поступков в их простейших и самых сложных проявлениях.

Схему эволюции исторической науки (в современном смысле этого слова) можно представить в таком виде: от «как собственно было» к «почему было именно так, а не иначе» и теперь к «что бы это значило»? То есть к проблеме правильного понимания виртуальных, интеллектуальных, осознаваемых (потому что история заключается как минимум наполовину в сознательных, осознаваемых, главное, оцениваемых поступках) феноменов.

Бессознательное как механизм истории – привод от объективных «законов» к «субъективным» поступкам. Творение истории как сценария для импровизации.

О ценностях

Тенденция изучения человеческой субъективности в истории восходит, в частности, к немецко-австрийским теоретикам конца позапрошлого – начала прошлого века, создателям культурно-исторической школы. Несколько

поколений ученых, многие из которых накануне Второй мировой войны эмигрировали в США и Англию, создали актуальное до сегодняшнего дня направление в гуманитарных дисциплинах, в том числе и в истории. О роли ценностей в познании и описании субъект-объектных отношений писали, наряду с прочими, Макс Вебер и Г. Зиммель. Яркое проявление ценностного подхода к обществу и истории – творчество одного из столпов экономического либерализма Людвиг фон Мизеса. Мизес справедливо определяет специфику общественных наук как изучение целеполагания, субъективного процесса, присущего человеческому сознанию. Но он почему-то считает его абсолютно субъективным и непознаваемым. Он останавливается на целях, детерминированность которых исследовать, по его мнению, невозможно и бесполезно. Проблему несовпадения объективного смысла социальной практики и способов ее осознания исследовал Вильфредо Парето в своем фундаментальном труде по социологии⁵² (1916). Он обращает внимание на то, что естественные инстинкты и стимулы – чувства и интересы – смутно ощущаются людьми в виде т. наз. «остатков» или осознаются ими в более или менее превратном виде («деривации»). Парето ввел понятие «объективной цели» и классифицировал человеческие действия как логические или нелогические в зависимости от их соответствия таким целям. Кажется бы, этот путь открывает возможность объективного анализа человеческой субъективности, механизма «невидимой руки» законов, действующих на общество, «хитрости разума» (но не человеческого разума, по Гегелю, использующего природу⁵³, а мирового разума,

⁵² Pareto V. Trattato di sociologia generale. 4 vol. Firenze: G. Barbèra, 1916. Русский перевод сокращенного издания: *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

⁵³ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы / Пер. Б. Столпнера и И. Румера. М.: "Мысль", 1975. С. 12. «Какие бы силы ни развивала и ни пускала в ход при-

разума природы, использующей человека). Однако Парето видит в субъективности лишь помеху для научного познания общества, хотя и признает необходимость ее учета и исследования.

В конце минувшего века Жак Ле Гофф высказывался следующим образом: «исследование изменения ценностных ориентаций в истории Запада исходит из идеологии, признающей определенный смысл истории...»

История ценностных ориентаций... предполагает, что, несмотря на огромное давление исторических структур и тирании событий, человек как личность и как член общества способен влиять на общий ход истории и определять свою судьбу»⁵⁴.

Перспективным представляется сегодня такой подход к истории, который видит в ней объективный процесс, происходящий в субъективных формах, ряд событий, имеющих разумное объяснение, но не абсолютно детерминированных, обусловленных человеческими предпочтениями, ценностями и «моралью» – это и придает им «смысл».

Понятие эволюции, его логика, применимость к истории.

Является ли понятие эволюции сегодня общепринятым и общепризнанным применительно к объяснению и пониманию мира, его движения, его изменений, проте-

рода против человека – холод, хищных зверей, огонь, воду, – он всегда находит средства против них, и при этом он черпает эти средства из самой же природы, пользуется ею против нее же самой, хитрость его разума дает ему возможность направлять против одних естественных сил другие, заставляя их уничтожать последние и, стоя за этими силами, сохранять себя. Но самой природы, ее всеобщего он таким путем не может ни подчинить себе, ни направить в сторону осуществления своих целей».

⁵⁴ *Ле Гофф Ж.* С небес на землю. (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII—XIII вв.) / Пер. С. Голубева // *Одиссей. Человек в истории.* М., 1991. С. 44.

кающих во времени? Эволюция подразумевает не просто изменение, а направленное изменение, в каком-то смысле даже движение к цели, но заданной извне («объективной»), то есть как бы выполнение некоторой программы, изначально заложенной в вещах и определяющей собой происходящие изменения, пусть не на сто процентов, а статистически, через случайности. С другой стороны, эволюция может пониматься как предопределяющая только характер движения, а не его результаты; конкретный феномен может идти в непонятную и заранее никак не предсказуемую сторону. Хотя в принципе, по меньшей мере диапазон изменений должен быть предопределен. Разнообразие видов и подвидов в живой природе (а может, и неживой – но живая более подвижна в смысле эволюции, «развития») говорит о практически бесконечной возможности вариантов – однако бесконечность все же не совпадает с неопределенностью.

Понятие прогресса сегодня стало скорее одиозным, так как оно ассоциируется с прямолинейным движением по заданной колее. В то же время, представляя себе движение, ход каких-то процессов, нельзя обойтись без идеи о присущей им доле правильности, о вытекании последующего из предыдущего, но не просто причинно-следственной связи, а цепочки повторяющихся, в определенной степени предвидимых событий. Эволюция – это детерминированное извне и одновременно внутренне обусловленное движение. (Человек – разновидность живых существ, использующая в своей целенаправленной деятельности обобщенные умственные модели вещей. Бога можно понимать как управляющее начало в неодушевленных вещах, общее в конкретном, неподвижное в изменчивом. Как «объективную цель» – высшее верховное в иерархии вещей благо античной и средневековой философии). Для идеи прогресса, да и эволюции – правильного, направленного движения – необходимо наличие цели, способности соотносить наличное бытие с некими крите-

риями, с ценностями. В каждый данный момент живое существо имеет цель или цели. Эти цели внешне обусловлены. Люди совершенствуют свои цели и средства их достижения в соответствии с определенными критериями. Поэтому их деятельность причастна к общей эволюции природы, или хотя бы к эволюции человечества.

Насколько применимо и полезно понятие эволюции для истории? История не должна отрицать самоценности и завершенности каждого «данного момента» (от секунды до века), и вместе с тем по своей сути обязана рассматривать изменения, происходящие со временем. Слово «эволюция» задает направление движения и соответственно подразумевает определенную его закономерность, обусловленность внутренне/внешними причинами. Мир, очевидно, эволюционирует, то есть изменяется, и без участия человека, но человек, поскольку он существует, принимает в этом изменении посильное участие, и даже изменяет его ход, вводя принципиально новый элемент – перпендикулярное (или даже диаметрально противоположное) воздействие на себя и все окружающее. Эволюция не имеет очевидной цели, каждый ее продукт – для себя самоцель, однако получается, что из стихийного взаимодействия этих продуктов возникает нечто определенное и даже предопределенное. Понятие цели – собственно человеческое – возникает из отрицания однозначно заданной извне цели, или из отрицания природы (общих орбит). Возможность сойти с орбиты – но не стихийно и случайно, а ради чего-то понятого как ценность и желаемое. Фактически перейти на другую орбиту.

В конце концов, понятие эволюции в данном контексте может и не означать ничего, кроме происходящих в обществе принципиальных изменений, в которых важную или важнейшую роль играет как раз субъективный фактор, или мораль, усилия, в большей или меньшей степени сознательно прилагаемые людьми («актерами», действующими лицами) для достижения своих частных и группо-

вых целей, для обеспечения своих интересов, для выражения своего «я» и т.д. Возможность понимания внешнего в целом; наличного бытия и его «законов», освоения мира с помощью разума с целью воздействия на него (но это уже заложено в разуме – в системе законов мира и логики) – очевидна. Эта потенция присутствует в мире изначально, что тоже очевидно. (Двойственность, неоднозначность ответов особенно присуща гуманитарным наукам).

Есть ли в мире прескриптивность – «управление»? Управление заключается в предрешении будущего. Полная управляемость – полная возможность достижения поставленных целей (а может быть, и самой постановки целей). Но только в конкретной системе «ценностей», в рамках определенной *задачи* движения во времени и пространстве (таким образом, термин «управление» принадлежит к области движения).

Вопрос в том, применимы ли и насколько применимы эти понятия к истории (забегая вперед, чего им недостает)? Трудно согласиться с подходом к живой природе как к неживой: из него исходят теория управления (кибернетика), синергетика, всевозможные системные, вычислительные и коммуникационные подходы. Разумеется, есть общие законы, но существенна в нашем случае разница, хотя всякая наука исследует предсказуемость, а в обществе (да и в живой природе) она очень ограничена. Случайность есть везде, но в обществе есть отраженность особого типа, не просто обратная связь, но как бы двойная обратная связь. Обратная связь – способность управляющего субъекта взаимодействовать со средой в процессе достижения цели управления. «Двойная» обратная связь – способность на основании поступающей информации менять цель – не мишень, а смысл движения, принимать непредсказуемые решения. Польза синергетики в том, что она показывает наличие общих законов, действующих и в таких высокоорганизованных системах, как общества – законы не только распада, но и строительства, самоуслож-

нения. Это ничего не говорит о благе и морали; может быть, самоорганизация – прототип целесообразности, но откуда возникает заданная направленность, желательное состояние в итоге процесса? Есть ли это всеобщая тенденция, противоположная хаосу (некая разновидность определения бога?). О ней можно сказать, что она существует, как минимум, в живой природе, следовательно, ее предпосылки должны быть и вне живой природы. Существует ли все potentialiter? С точки зрения бесконечности можно утверждать и это.

Человек физиологически полностью управляем чем-то, у него есть программа развития и программа деградации (распада). Но его особенность – способность противостоять этой программе, воздействовать на нее, изменять ее. В конечном счете мир никуда не идет (идет по кругу). Те же причины рожают те же следствия. Возникают направленные цепочки. Всякая эволюция должна прерываться.

Существует предопределенность на уровне условий задачи и свобода в силу осознания противоречия бытия во времени: прошлое завершено (совершено, неизменно), настоящее – это переход данного в избранное, будущее возможно, но не неизбежно.

Управление равно наличию выбора. Все под контролем, то есть регулируется: можно закрыть кран, можно открыть. Тут есть и количественная сторона, и «качественная» (направление, выбор).

Управление в политике (и экономике) – иллюзия, которая существует, в частности, и ради самоуспокоения общества. Основная экономическая цель и содержание политического управления – это перераспределение благ. Что-то организовать или кардинально изменить государство не может. В момент кризиса политики суетятся, как моряки на тонущем корабле, показывают, что они что-то делают – еще и чтобы успокоить граждан. Классическое сравнение политика с врачом, в частности, указывает на

принцип «не навреди»; хороший политик – осторожный политик. В политике существует гораздо больше возможностей ломать, чем строить. После революций строительство начинается стихийно, слагаясь из множества частных инициатив. Грандиозный советский эксперимент, при всем его идеализме, был ужасен своей слоновостью, грубостью, тягой политиков всех построить. Обратный эксперимент по повороту колеса истории вспять отличается отсутствием управления.

Личности часто выступают в истории как носители «идеи», например, патриотической. Это своего рода мания.

Управление, история и информация

Что такое информация? Информация – это сведения о состоянии системы (систем). Знание – не информация. Ползет таракан – это информация (данные о состоянии «системы» в известный момент времени). Устройство таракана, вообще представление о его месте в мироздании – это знания. Информация входит в знания, как их особая разновидность – знание применительно к определенной ситуации.

Информационное воздействие заключается в целенаправленном изменении системы, в получении определенного результата на основании выбора из нескольких возможных. Это напоминает историю о том, как рассказывают анекдоты в сумасшедшем доме. Кто-то называет номер («анекдот номер такой-то») и все смеются. Здесь опускается процесс, который на самом деле тоже приносит удовольствие, и сразу переходят к результату, который должен вызвать смех. Но сама по себе информация неспособна вызвать смех, для этого субъект должен уметь оценивать несоответствие как нечто, могущее быть приятным, осознавать ситуацию как что-то отчужденное, как снятие конфликта. Противоречивость информации в рамках «системы» может вести только к сбоям в работе системы. Информация как связь субъекта с реальностью – то,

что позволяет предвидеть какой-то результат (количество воинов, соотношение сил), то есть влияет на принятие решения. Информация – это объективное представление субъективных процессов (вариант «истины»): в той мере и постольку, поскольку их дальнейший ход предопределен. Преимущественно количественный, математизированный расчет. Пример – Буриданов осел – при одинаковой информации справа и слева выбор формально невозможен. Но осел неформален, он существует в реальном времени (не в абстракции). Информация – рациональная детерминированность, вариант блага, совпадающего с знанием. Но есть еще «черный ящик» внутренней кастрюли, как проявление свободы воли.

Информация – десакрализованное знание. Вместе с тем это все же «нужное» знание, обладающее некоторой объективной прескриптивностью; необходимое для определенной цели, чтобы сделать выбор. Пилат мог бы сказать Христу: «Что есть информация?». (Или Христос мог бы сегодня ответить Пилату на вопрос, что есть истина – «Истина несет информацию», или «Истина есть информация». Но это не одно и то же). А правомерна ли сакрализация знания? Без нее пропадает внутренняя ценность, внутренний «бог».

Информация, в одном из вариантов определения – это устранение меры неопределенности, но есть ли это мера определенности?

Информация противостоит также концепции, теории, объяснению, истолкованию. Может быть много данных, но субъект должен установить в них связи.

Информация похожа на деньги, сама по себе, вне воспринимающего субъекта, она ничего не значит и не стоит. Она имеет обращение. Информация – следующая ступень отвлечения от действительности. Или те данные о действительности, которые поступают к субъекту. Это термин кибернетики, приспособленный к ее понятиям. К истории как таковой кибернетика неприменима.

Историков интересует, что движет людьми, в том числе «управляет» ими. (Например, Бог). Информация есть средство такого управления, но не его источник. Она также есть средство самоопределения, так как во всяком поступке есть доля или возможность непредсказуемости (странности). Ум состоит в том, чтобы поступать соразмерно законам природы и общества (не упираться лбом в стену, не ехать на красный свет). Но ум состоит и в том, чтобы их вовремя обходить, то есть в гибкости. Тупость (некоторых политиков, в частности) – это отсутствие гибкости, но и разновидность принципиальности. Мораль как нечто данное часто призывает к тупости (мудрость присуща змее, голубю кротость).

Вопрос – есть ли жизнь только форма переработки и переноса информации или что-то еще; другими словами, энергетические процессы только обслуживают это перенесение, сохранение информации (о ценности), или имеют «самоценность»?

Информация и наука. Общение историков, вообще ученых, вообще людей заключается не только в обмене информацией. Зрелища, например, разговорные шоу, ее почти не содержат. История несет не информацию (Двоичные знаки, в которых закодированы характеристики феноменов. Сами феномены и вещи действуют, а модели действия описываются с помощью языка и информации). Она (история) несет нравоучение, но не в прескриптивном смысле, а иносказательно. Она показывает противоречивость поведения людей. Не просто красть грешно, а почему и как все-таки крадут – разнообразие феномена. История показывает, что индивидуальные явления неповторимы. Это ее главная задача, и в этом ее обобщение. Все люди одинаковы с точки зрения принципов действия и прав. Но их жизнь самоценна. История не решает, что справедливо, а что несправедливо с точки зрения абсолютных критериев. Она представляет феноменологию справедливости.

История показывает, какие бывают случаи. Например, бывают азиатские тираны, феодальные тираны, революционные тираны, социалистические тираны. /Демократические тираны, наверное/. Что в них общего, что в них разного? Почему они все время появляются? Общий ответ, возможно, выходит за пределы собственно исторического знания. История нужна человеку, чтобы он мог понять, чего он хочет.

Жизнь, вероятно, информационный процесс, но она не сводится к коммуникации.

Цивилизация – это удобства, культура же – духовные запросы. Очевидно, это имел в виду Чаадаев, говоря, что Петр Великий только одел Россию в новый плащ. Примерно так же соотносятся информация и знание (наука). (Впрочем, надевая новый плащ, мы меняемся и внутренне).

Юридический закон информативен в силу как раз своей механистичности, он «увеличивает меру определенности» «системы». Он бессодержателен, поскольку фиксирует рамки постоянно меняющейся и никогда не повторяющейся действительности (это заметно, если рассматривать рождение права из казуистики). Конституцию можно и нужно менять, поскольку закон вторичен, он сам по себе (вне заложенного в нем смысла) ничего не значит, а смысл (цели -сообразность) он рано или поздно теряет. Законы нужны для соблюдения приличий. Уважение к закону важно, как уважение к праву, справедливости. Создают правила принятия решений в интересах общества (коллектива). Это и есть (юридические) законы.

Формульность науки равнозначна выверенности текстов, созданию норм – законов искусственного – неприродного порядка. Она всегда условна, не полностью отражает реальность, но в истории формулы вдвойне условны, так как ничего не повторяется. Отсюда и безответственность истории, ее многословность. Она наименее практична, хотя, как и всякая наука может предлагать некоторые формулы. Как и в искусстве, форма произведе-

ния, форма речи играет в историческом сочинении фундаментальную роль.

Формы речи. Речь соотносится с обликом, образом говорящего. Это элемент убеждения и даже внушения. Разница между письменной и устной речью связана с различиями визуального и слухового восприятия. Хотя и та и другая речь развертывается во времени, визуальный вариант позволяет охватывать большее пространство, облегчает работу с текстом. Звуки вызывают в мозгу те же слова, что и буквы, а в конечном счете и цельные образы, включая зрительную составляющую. Музыкальная речь (без слов) воздействует без информации, по крайней мере, в узком смысле слова. (Возможно, секрет неоднозначности понятия «информация», как и многих других, заключается в том, что они имеют и узкое, и расширительное значения).

Возможно, появляется электронная речь, которая рождается на глазах, как устная, но подлежит обработке, как письменная. Написанный текст в чем-то глубже и честнее устного, импровизации – он продуман и утвержден, он не случаен. Но его труднее устно воспроизводить и воспринимать. Литературные шедевры читаются артистами, как продукты устной речи.

IV. История хозяйственной эволюции человечества и субъективный фактор

– *Производство – возможность взгляда на историю как производство и воспроизводство человечества и его индивидов (народ, род, семья, группы). Стихийность и планомерность (закономерность) производства.*

Экономика предполагает взгляд на вещи с точки зрения их материальной ценности.

Можно ли понимать хозяйственную деятельность людей *не* как производство, альтернативно? Ее сущность состоит в *приспособлении* к природе и жизни. Никакое новаторство не отменяет этой необходимости приспособляться к заданному извне; человек, в отличие от бога, не может созидать из ничего. Хозяйственная деятельность – это стихийный (природный) и одновременно сознательный процесс (процесс производства на свет, деяния).

Жизнеобеспечение

Производство можно понимать как создание новых ценностей, или шире – как создание чего-то, вообще делание. Необходимость производства вытекает из порчи вещей, все нуждается в обновлении.

Хотя можно говорить и о производстве антиценностей – мусора, отходов, с которыми любое производство (любая целесообразная деятельность) сопряжено. Со временем все сегодняшнее становится вчерашним и утрачивает потребительскую актуальность, такова по крайней мере парадигма современного массового сознания. В этом смысле можно сказать, что человек – это животное, производящее мусор. Неплохой вариант определения для цивилизации в ее отличии от природы – это общество, производящее (неперерабатываемые) отходы. (Это не исчерпывающее определение). Отходы сопровождают любую жизнедеятельность, это то, что не годится для строительства будущего, то что остается после использования для

такого строительства, для получения энергии. Что касается творчества и созидания вечных ценностей, то устаревают не только здания и другие материальные предметы, но и идеи. В идеях, возможно, есть вечная сторона; вероятно, продукты духовной деятельности более причастны к вечности, к неизменным законам, чем продукты материальной. Но все же и идеи, как и чувства, представления, нормы являются порождением времени и обстоятельств и проживают свой век – меняются способы их выработки, меняется мода. Особенность человеческой культуры заключается в том, что она не отвергает эти отжившие духовные продукты как ненужные, а складывает их в свою копилку. Более того, некоторые из них возводятся в ранг классики, то есть нетленных образцов.

История как экономический процесс представляет собой *использование* ресурсов, то есть перевод их в отходы. Наука истории представляет собой обратный процесс – процесс реутилизации отходов, не подлежащих иной переработке. При этом речь идет в первую очередь об «отходах» духовной деятельности, о том, что сиюминутно, что не претендует на долгую жизнь. Но для истории все представляет интерес и все мелочи ценны, они могут приобрести очень большую ценность в контексте исторического исследования.

Понятие «мусора», связанное с производством и воспроизводством жизни, имеет ценностный характер. Мусор – это отходы чьей-то жизнедеятельности, поэтому они задевают окружающих. Нечто негодное, использованное, «грязное», отрицательное. Но эта сторона (оборотная) есть во всем. Прошлое может восприниматься как негатив вообще, по существу, как отжившее. История как культура и культура как история являются, наоборот, переоценкой, приданием ценности прошлому. В воспроизводстве живых вещей с точки зрения его субъективности и оценки есть

также две стороны – тупость, присущая сексу⁵⁵, и «стремление порождения в красоте». Тупость вытекает из механистичности, заданности, несвободы. Неприятная сторона секса, как и любого физиологического отправления (выделения, приема пищи) заключается в его эгоизме. Имеется в виду интимный акт обслуживания своего организма, со стороны воспринимаемый с неприятием. Это в принципе, в физиологии, а культурно-психологические переживания могут быть какие угодно. Изображения этого акта могут доставлять удовольствие в самых разных формах, от «низменных» до вполне «возвышенных», от порнографии до скульптур Кановы. Но здесь я пытаюсь ответить на вопрос, почему основополагающий природный принцип воспроизводства в некоторых культурах воспринимался негативно, причем не просто в рамках конкретных исторических религиозных и моральных норм и ограничений. Поскольку здесь речь идет о материальной стороне жизни, о ее производстве и воспроизводстве, в самом общем смысле и с точки зрения «морали», то есть оценивающей способности субъектов, то и ответ на вышеназванный вопрос связывается с самыми общими понятиями нового и старого, единичного и множественного, повторяющегося и неповторимого, материального и духовного. В акте размножения все это переплетено в противоречивой форме и изначально должно породить противоречивые оценки и отношения, хотя это на первый взгляд, может быть, не очевидно.

⁵⁵ Есть тупость еды – пережевывание жвачки, здесь существует сходство. Но сексуальный инстинкт, при всей его важности, не столь повелителен, как обычный голод, в нем проявляется свобода и вообще в нем заключена модель культуры, поэтому ум (интеллект), привыкший к свободе и к пониманию всех поступков, может чувствовать в чистой физиологии тупость. Отсюда вековое различие двух видов любви, двух Афродит у Платона. Любой секс в этом смысле есть (вос)производство и даже творчество. Человеку, согласно Платону, по природе присуща тяга к интеллектуальному творчеству.

В природе существует только воспроизводство: повторение форм жизни в биосфере. Вопрос о том, откуда берутся новые формы, классы, виды – появляются вследствие всеобщей изменчивости и непостоянства, путем эволюции, или являются результатом деятельности особого созидательного и творческого начала в данном случае, при разговоре о производстве в обществе и его отличии от воспроизводства в природе, не столь существен.

Производством, тем не менее, расширительно можно называть и любое бытие во времени – воспроизводство конкретной вещи в более или менее том же – и при этом изменяющемся виде. В этом смысле мир /вос/производит себя. В обществе производство рождается из воспроизводства, новые формы производства становятся средствами воспроизводства.

Таким образом, производство становится и необходимым условием существования общества после его выхода из «естественного состояния». (Элементы производства, видимо, возможны и в этом первобытном состоянии: например, создание жилищ, запасов животными – результат «производства»). Производство обеспечивает прежде всего материальные условия существования людей, хотя в нем с самого начала есть духовная составляющая – выработка новых технологий и новых способов самосознания и самовыражения общества. Деление на материальное и духовное, при всей его фундаментальности, так же условно, как на материю и форму. Конкретное производство и его способы соотносятся именно как форма и материя: в основе лежит идея – как производить, затем она воплощается и приносит некоторое количество получаемого продукта. Итак, производство является человеческой формой осуществления главных задач жизни: воспроизведения себя и вида (во времени); оно связано с выработкой технологий и его целью является потребление (употребление, истребление, использование, консумация), откуда вытекают всевозможные формы распределения и перерас-

пределения благ (воплощенных ценностей, результатов производства – продуктов). В более узком и собственном смысле производство связано с *обменом и рынком*, то есть «производство» – преимущественно создание ценностей, предназначенных для обмена.

Удовлетворение потребностей, в первую очередь, материальных, – безотносительное условие жизни, которое в природе обеспечивается без производства (не говорю опять-таки о зачатках производства – накоплении запасов и организации у многих видов). Поэтому любое производство есть проявление субъективного фактора, собственно человеческой изобретательности, и в нем накапливается коллективный опыт, разными путями передаваемые способы жизни. То есть производство – это база всякой культуры. (А культура – база всякого производства).

Есть сферы деятельности, напрямую не подпадающие под экономическое понятие производства: медицина, война, религия. Хотя в понятие воспроизводства они вписываются. Жизнь – это воспроизводство. Секс – род производства, или как воспроизводство человеческого рода, или как развлекательное занятие. Производство в собственном смысле – это неорганическое, искусственное рождение. Во фразе о том, что «бабы солдат нарожают» рождение приравнивается к производству.

Смысл понятия «производство». Как всякое понятие, слово «производство» имеет условный, необязательный характер, область его применения ограничена, даже (и именно) если брать филологическую основу слова: получение чего-то из чего-то, использование причинно-следственной связи в вещах человеком путем направленного на них воздействия, выполнения каких-то действий. Производство – абсолютно серьезное занятие, оно противоположно игре как сугубо прагматическая деятельность, направленная на однозначно определяемые цели. Возможно, искусство вносит в производство элемент игры. В войне и обрядах игра, то есть символическая репликация

реальности, всегда присутствует. Искусство (в узком смысле художественного творчества) – это чистая игра, потому что оно, как таковое, не ставит своей задачей производство материальных ценностей. Художественные и игровые элементы привносятся в производство как его противоположность, в то время как искусство и вообще игра тоже могут носить характер производства как противоположного себе рода деятельности, как некоего наложения.

«Эффективность». Эволюция производства заключается в том, что оно вовлекает в себя почти все сферы жизни и в определенной жизненной схеме становится основным вариантом смысла жизни – жизнь как производство. Цель производства – потребление, но оно в определенный момент становится самоцелью, так же как зарабатывание денег становится целью само по себе, а не для того, чтобы их тратить. Например, слово «эффективность» в сегодняшнем лексиконе, как правило, имеет положительный оттенок, как характеристика способности достигать цели быстрее, с меньшими затратами, с лучшим результатом⁵⁶. Это проявление веры в сознательную (оптимальную) организацию хозяйственной деятельности людей, хотя бы в ее возможность, которая на самом деле не доказана. Не доказана рациональность экономики, пока что по опыту наиболее рациональным является полустии-

⁵⁶ Отсюда распространенная характеристика капитализма и рыночной экономики как наиболее эффективного способа производства из известных. Например, Л. фон Мизес утверждает, совершенно обосновательно, что рыночная экономика наилучшим образом обеспечивает потребности наибольшего числа людей. В. Зомбарт, напротив, полагает, что именно в Средние века задачей хозяйства, мало затронутого рыночными отношениями, было непосредственное и оптимальное удовлетворение человеческих потребностей. Отсюда, вероятно, был выведен впоследствии основной закон социализма. Но для подобных утверждений требуется принимать потребности за одинаковые и раз навсегда заданные, отвлекаясь от факта, что потребности могут очень причудливо и даже иррационально меняться.

хийный, полурегулируемый рынок, в противном случае идеальной была бы чисто плановая экономика. Поведение людей противоречиво, оно руководствуется разнонаправленными импульсами, которые могут быть выстроены в иерархию, но лишь условно, не жестко. «Хитрость» мирового разума, о которой говорили со времен Адама Смита, заключается в том, что из хаоса противоречивых поступков, отчет в которых даже отдельные люди отдают себе не до конца, складывается общая картина, в которой прослеживаются некоторые закономерности. То есть отдельные индивиды работают на общее дело, возможно, сами того не желая, желая чего-то своего, отдельного и частного. Получается, что их успех зависит от понимания ими законов, установленных кем-то или чем-то («разумом») и до конца все равно не понятных. Хищник охотится за добычей (инстинктивная цель), но при этом поддерживает экологическое равновесие («объективная», точнее природная цель). Вторая цель, однако, не совсем цель, а скорее результирующая множества сил, вероятностный результат совокупности действий многих устроенных одинаково индивидов. Якобинцы отстаивают свободу, равенство и братство, а «объективно» расчищают почву для капиталистического рынка (логика марксизма).

Рациональность, таким образом, заключается в учете упомянутых противоречий при невозможности их идеального согласования; мораль – которая отвлекается от противоречий – в утверждении общих принципов поведения, идеала социальных отношений. Право – попытка фиксации этих общих принципов. В социально-хозяйственной технологии с точки зрения здравого смысла много глупостей или парадоксов. Самым рациональным способом производства были, вероятно, охота и собирательство. Они оставляли нечто на «развод» из рациональных соображений, хотя и представленных в мифологическом виде. Природа регулирует экономику аппетитом. Но у людей аппетит (аппетит в расширительном смысле)

безграничен. Нелепо, когда специалист не может найти работу – вообще феномен безработицы нелеп. Он появляется лишь как механизм конкурентной экономики. Возможен ли он, как и феномен перепроизводства, в чисто средневековом обществе? Само существование бумажных денег парадоксально. Это феномены экономики *соревнования*. С точки зрения соревнования наличие конкурентов нежелательно, но необходимо. Рынок держится на сотрудничестве – разделении труда, но и на соревновании. Кстати, социализм тоже развивался в соревновании с капитализмом. Идеальный капитализм, точнее, абсолютно эффективная экономика – это отсутствие затрат на производство, следовательно, отсутствие рабочей силы, получение прибыли из воздуха. Но при отсутствии рабочих не будет и потребителей, покупающих товары. Это парадокс, напоминающий случай с царем, превращавшим все в золото своим прикосновением – золото имеет смысл, когда есть что-то еще кроме него⁵⁷.

Эффективность вообще, – это термин именно из производственной деятельности, так как производство является не чем иным, как преобразованием реальности в желаемом направлении, созданием ценностей. Однако со-

⁵⁷ О богатстве и о деньгах ср. *Аристотель*. Политика / Пер. С.А. Жебелева, 1257b: «Под богатством зачастую понимают именно преизобилие денег, вследствие того, что будто бы искусство наживать состояние и торговля; направлены к этой цели. Иногда, впрочем, деньги кажутся людям пустым звуком и вещью вполне условной, по существу ничем, так как стоит лишь тем, кто пользуется деньгами, переменить отношение к ним, а деньги потеряют всякое достоинство, не будут иметь никакой ценности в житейском обиходе, а человек, обладающий даже большими деньгами, часто не в состоянии будет достать себе необходимую пищу; такого рода богатство может оказаться прямо-таки не имеющим никакого смысла, и человек, обладающий им в преизобилии, может умереть голодной смертью, подобно тому легендарному Мидасу, у которого вследствие ненасытности его желаний все предлагавшиеся ему яства превращались в золото».

мнительно, чтобы эффективность всегда была одной из производственных задач, по крайней мере, в так называемых традиционных обществах. Для признания эффективности абсолютной ценностью необходима определенная умственная установка, которая вырабатывается в Новое время. Это стремление к новизне и погоня за количеством. Экспансия, безусловно, присуща человеческой природе, как и природе живого вообще («рост», хотя бывает и вредный рост). Но для традиционных обществ понятие эффективности с точки зрения историзма неприменимо (как и «информации») в силу того, что их жизнь была направлена на воспроизводство, на повторяемость, на подражание прошлому. Или это была другая «эффективность». В сказках богатство фигурирует как некий неизменный атрибут, а не постоянный прирост. Мораль многих сказок заключается в показе диалектики избыточности, избыток добра переходит во вред.

Если волшебная мельница сможет производить сколько угодно любых товаров, общество развалится, в нем не будет бедных и богатых, не будет неравенства, пропадет внутренний смысл существования такого общества.

Сегодняшнее общество фактически располагает подобной мельницей, то есть теоретически (потенциально) может обеспечить необходимыми товарами, необходимым достатком всех своих членов. По крайней мере, оно могло бы добиться соответствия количества этих членов уровню производства и задаче обеспечить им более или менее равный и достойный уровень жизни. Но, несмотря на усилия благодетелей человечества, этого не происходит. Уровень численности населения регулируется, в основном, стихийно. Проблема экономики и общества заключается не в эффективности производства и не в его объемах, а лежит в сфере распределения, то есть относится к вопросам собственности и власти. Это, на первый взгляд, организационные проблемы, но в них-то человеческое сообщество наименее преуспело. Рыночный, стихийный, чре-

ватый кризисами способ производства – но точнее сказать, распределения, пока что является наиболее приемлемым, или наиболее выгодным, или «эффективным», во всяком случае, наиболее осуществимым – а это наводит на мысль о том, что решение экономических проблем находится вне сферы чистой экономики, в головах людей, в усвоенных ими способах поведения, может быть даже в их морали.

Люди не могут жить как птицы небесные – они должны поддерживать свою инфраструктуру, или обеспечивать свои все время растущие потребности. Но и птицы не живут как евангельские птицы – они добывают пищу и выют гнезда.

Производство как условие и важнейший аспект существования всякого общества отводит отдельным людям их функциональные роли. Понятия, обозначающие эти роли, характеризуют место человека и его «основное» занятие. Эти понятия функциональны – академик изрекает, пахарь пашет. Но на деле роли никогда полностью не соответствуют функциям, в том числе и в производстве. С точки зрения производства и общества в целом незаменимых людей нет. Но этот подход ограничен, он ведет, как уже говорилось, к абсурду. Мораль здесь вступает в противоречие с рациональностью, потому что в морали точкой отсчета является благо отдельного субъекта и коллектива, а в производстве – снижение издержек и получение прибыли, то есть достижение наивысшего результата при наименьших затратах.

Во всяком случае понятие эффективности (пригодности для достижения цели) в экономическом смысле (понятие хозяйства, связанного с обменом) становится двусмысленным; правильнее говорить о специфике эффективности в каждом случае, а применимость этого понятия к «традиционным»⁵⁸ обществам – под вопросом.

⁵⁸ По идее это общество, не стремящееся создавать новое. Но здесь есть упрощение, поскольку и это общество *передает* накап-

– *Демография. Фактор роста в истории. Экстенсивное и нерегулируемое развитие, его перспективы.*

Демографический, или количественный рост человеческого рода – один из главных факторов его эволюции, и в первую очередь хозяйственной. Это разновидность воспроизводства, которая принадлежит к числу внешних, объективных факторов и может описываться в количественных параметрах. Исходные биологические условия – относительная ограниченность физиологических возможностей воспроизводства человека; жизнь в коллективе, первоначально, по всей видимости, так или иначе связанном родством. Вместе с тем (несмотря на ограниченность возможностей роста) в нем появляются табу на инцест и браки между родственниками. Рост народонаселения идет параллельно – и в связи с – качественной и количественной эволюцией материального производства: умножением получаемого продукта, соединением усилий, разделением труда, использованием технических средств. Рост как цель является объяснением для тех теорий, которые связывают прогресс с увеличением производительности труда. Издержки роста объясняют функционирование механизма саморегуляции населения (избыток, коррекция за счет войн и бедствий, новый подъем).

Идея перенаселенности очень старая, и это, видимо, не случайно. В первобытных примитивных обществах должны были возникать конфликты из-за ресурсов, так как при первобытной технологии они быстро истощались. Конфликты в древнейших восточных земледельческих обществах обычно объясняются проблемами доступа к воде – если она была для них главным ресурсом. Также таковыми могут быть пастбища, лесные и прочие угодья (ср. споры из-за заповедных угодий в раннесредневековой Европе между королем и знатью). Теоретически мы мо-

ливающиеся ценности из поколения в поколения. Новое в нем – не только помехи.

жем все войны и миграции объяснять избыточностью населения, для которого не хватает средств и сферы приложения сил, а изначально – ресурсов. Эта идея возникает в конце Средних веков как попытка натуралистического объяснения катаклизмов. Она восходит, вероятно, к принципу естественного очищения, существовавшего в древней медицине. Макиавелли говорит об извержении избытка материи, накапливающегося в обществе, а до этого катастрофы объяснялись сверхъестественными причинами, в частности, испорченностью и прегрешениями людей. В сущности, «возврат к началу», самоочищение – вариант того же, но материализованный.

У нас нет оснований заведомо не доверять письменным источникам древних, поскольку это были по-своему ученые и добросовестные люди; кроме того, есть археологические источники, вполне объективные; но все же для суждений о производстве в древних обществах, а тем более, об их структуре, о численности, о росте и взаимоотношениях, данных слишком мало. Заманчиво предположить, что многие социальные (изобретения, институты) вещи гораздо древнее, чем мы это себе представляем, потому что субъекты прошлого по-своему неплохо приспособлялись к своей среде обитания.

Определенно можно наметить несколько линий развития, детерминированных как внешними факторами, так и субъективными намерениями людей. Последние на протяжении истории довольно-таки неизменны: в основе их заданные природой инстинкты (любовь и голод, стремление к экспансии), так или иначе преобразованные культурой, то есть общественной технологией и технологией использования ресурсов.

Экспансия или рост – один из основных принципов природы. Элементарное пространственно-количественное изменение во времени: увеличение или уменьшение. Биологический рост – прохождение определенных этапов, заданных для организма (закодированных), переходящее

затем в деградацию. Видовой рост – размножение (антоним – депопуляция). В хозяйственной деятельности человеческих обществ до сих пор рост остается также главным принципом, спонтанно действующим и подразумеваемым. Но он ограничивается имеющимися объемами ресурсов. Отказ от тенденции роста сегодня невозможен, так как движение идет или в одну, или в другую сторону.

– Технология как второй фактор хозяйственной эволюции, ее взаимодействие с внешними условиями.

Наверное, слово «технология» так же мало применимо в историческом смысле к конкретным феноменам древности, как и информация, и эффективность. Но некоторая общность в передаваемых тем или иным путем способах достижения определенных целей, преимущественно производственных целей, имеется у всех человеческих обществ, и даже у биологических видов (например, насекомых - пчел, муравьев). Поэтому можно говорить о разном использовании понятий – расширительном, с оговорками, и собственном – конкретно-историческом. Выражения «технология первобытной жизни» или «средневековой жизни» режут слух, но в расширительном смысле применимы для обозначения способов бытия, или приемов достижения стандартных целей. Однако здесь есть противоречие именно в самом понятии цели. Может быть, главное отличие доиндустриальных и постиндустриальных, или традиционных и «модерновых» культур и обществ состоит в том, что идеалом первых было следование заданному образцу, постоянный возврат к знакомому, а не постоянный поиск нового.

Люди всегда следуют тем или иным образцам, на этом строится культура. Образец – разновидность эталона, и даже закона, который диктует параметры движения. Через образец реализуются социальные законы, то есть правила, не имеющие статуса абсолютной необходимости и подверженные не только случайным, но и осознаваемым,

произвольным, выборочным, приспособительным изменениям. Этим обеспечивается возможность социального прогресса и «свободного» выбора. Вся жизнь и деятельность сознающего себя существа проникнута подражанием и ценностными взаимоотношениями с образцами. Диктует идеал, нечто «высшее», коллективное бессознательное, идея, выработанная коллективным субъектом и потому объективная.

Вера имеет свою прикладную сторону в культе и потому является технологией в смысле построения взаимоотношений с «высшими ценностями», с бесконечным, с миром в целом. То же самое относится и к науке (вера ведь тоже покоится на «учении»), которая (в европейском смысле, с XVII в.) дает знание обо всем, основанное на опыте и систематизации, и имеет прикладную сторону, которая даже, пожалуй, преобладает. (Поскольку речь здесь идет о производственных отношениях, я не говорю о властных механизмах, заложенных в культе, науке и искусстве, хотя это существенно для понимания их социального смысла).

В этом узком, прикладном смысле искусства производства материальных ценностей технология является содержанием, двигателем и мерилom прогресса. В ней проявляется свобода в плане способности человека выбирать и изобретать новые средства для достижения потенциально имеющихся, объективно заданных целей. В конце концов технология становится одной из самоцелей человечества, она развивается по собственным правилам и ведет к его нивелированию, то есть срастанию культур. Возникает идея технократического общества, где культурный обмен превращается в обмен чистой информацией, стандартизованными данными, необходимыми для принятия решений. Заданность технологии выглядит как несвобода, но усовершенствование технологий – проявление высшей свободы. Общество модерна – это общество эталонов, что звучит при сопоставлении его с традиционным обществом

как парадокс. Промышленное производство порождает новое нивелирование, нивелирование постоянного обновления, своего рода динамической застой.

Язык также можно рассматривать в качестве технологического средства приспособления, общения, (само)выражения, творчества, передачи знаний.

Хотя в известном смысле язык является преградой для общения постольку, поскольку он является внешним по отношению к индивиду, а стопроцентно собственного языка, как и культуры, никакой индивид выработать не может.

Такие вещи, как высказывание – формула – идея – (информация) – бестелесны и общедоступны, поэтому, когда они однажды высказаны, они мало чего стоят в рыночном смысле, они полностью воспроизводимы. Мелодия, картина, чертеж – это духовные ценности, – но и деньги как изобретение для хозяйственного обмена – тоже «духовная ценность», продукт ума. Все ценности духовны, то есть условны, условие – воспринимающие субъекты. Знание чего-то дает этим субъектам ключ к чему-то. Общее знание – общий багаж человечества. Поэтому духовные ценности – высшие ценности, ценности в собственном смысле. Ценности, которые ничего не стоят, как воздух.

– Движение от простого воспроизводства к рыночному хозяйству – его субъективная сторона – интерес. Обмен. Деньги – их условная, символическая сторона, мерило ценности, отношение к деньгам и их роль в истории.

В истории, которая для нас доступна на сегодняшний день через свидетельства и археологию, мы сталкиваемся всегда с производящим человеком, с человеком, использующим свою способность создания понятий во взаимоотношениях с природной средой, для достижения жизненных целей. Развитие этой способности было направлено не только вовне, на окружающий мир, но и на самого себя, на общество, являющееся частью этого мира. С точки зрения хозяйства развитие второй «технологии»

не менее важно, чем развитие первой; «изобретение» таких социальных институтов, как государство, город, рынок, религиозные культы /может быть, включая и негативные явления, скорее издержки, чем изобретения – преступность, проституция, войны/ и т.п. стало таким же продуктом противопоставления себя природе, отделения от нее человека, как создание материальных орудий, приемов достижения производственных целей по найденному образцу (идея), которое увеличивало возможности людей, но притом и меняло их самих. Здесь есть два плана: расширительный (всё есть производство и воспроизводство, и всё есть технология, искусство достижения целей, искусство жизни вообще), и собственно экономический – материальное производство и прикладная технология. Но эти два плана трудно разделить, поскольку все человеческое проникнуто идеей (смыслом – целесообразностью), и социальные изобретения (культура), авторство которых навряд ли можно установить (как это делала мифология), потому что – они продукт усилий поколений /но это применимо и к технике/ и находятся в определенных отношениях с техническими, что и пытался выразить, в частности, марксизм.

Экономика – особое сочетание указанных планов, экономическая наука рассматривает материальное производство с точки зрения общественной организации, с точки зрения развития вышеупомянутых институтов, затрагивающих внутреннюю сферу человека.

В основе хозяйственных отношений лежат понятия обмена, материальной ценности и собственности.

Обмен позволил развиваться такому социальному изобретению, как разделение труда, хотя оно возникло, видимо, автоматически (до обмена, независимо от него). Такие изобретения, как переход от эксплуатирующего на личные ресурсы хозяйства к их воспроизводству, то есть к земледелию, скотоводству (затем разделению обществ по этому принципу) восходят к доисторическим временам,

притом что их важность отражена в мифологии, например, греческой (где говорится об изобретении орудий и получении огня) и в Библии. В историческое время и по сей день обмен товарами, ценностями и идеями является содержанием понятия «прогресс». Если мы позволим себе говорить о таком прогрессе, то значительную часть письменно зафиксированной истории человечества составляло движение от натурального хозяйства к рынку, то есть от производящего и воспроизводящего себя мирка (хотя в чистом виде, между прочим, такой ячейки общества не может существовать; в семье или общине неизбежно возникает разделение труда) к товарному производству, нацеленному на извлечение прибыли. В этом смысле Средние века – действительно промежуточные в смысле перехода от натурального хозяйства к рынку, от природной заданности к коммерческому обмену.

Говоря об экономике, технологии и производстве, нельзя забывать, что действующими лицами во всех этих сферах и процессах являются человеческие субъекты, наделенные автономией и сознанием, то есть возможностью выбора, производимого на основании рациональных и ценностных умственных операций. Правда, рациональность здесь ступенчатая, – она выступает как бы во внешней оболочке, формируемой осмысливающим поступок сознанием, но это лишь вершина айсберга, за которой скрываются глубинные, не всегда доступные разуму мотивы. Мир человеческого сознания, заполненный символами и значениями, «коллективным бессознательным» и архетипами – сложен и запутан, поэтому поступки отдельных людей, как и будущее, в значительной мере непредсказуемы, в том числе и для них самих. Экономика из всех наук о человеке, наверное, больше всех склонна рассматривать его как «арифметическую единицу», а не носителя души, то есть чувств, привязанностей, идеалов и достоинства, не как личность. Впрочем, все науки, поскольку их цель – находить общее, закономерности, поня-

тия, к этому склонны (например, пациент, больной в медицине, даже в психологии – объект *манипуляций*).

Экономическая наука, как правило, исходит из того, что в одинаковых обстоятельствах все люди (хотя бы большинство) действуют одинаково, а именно, движимы интересом, или стремлением получить выгоду, приращение материального достатка. В общем это верно, в частности – не совсем. Экономические отношения, которые включают в себя не только производственную сферу, но и распределение, и потребление, опутаны сетью вторичных и более сложных отражений и ценностных ассоциаций, которыми сознание наделяет свои продукты. «Изобретение» денег по традиции связывается со стихийным процессом выделения одного товара в качестве заменителя всех других, но одновременно оно связано с осознанием их символической ценностной сущности, абстрагированной от материального содержания.

Деньги – это количественное мерило ценности, по аналогии прилагаемое и к таким понятиям, которые не имеют однозначной количественной характеристики (например, жизнь). Как и понятие «смысла», они имеют значение внутри определенной системы («рынка», где имеют хождение) и служат для ее функционирования. Сами по себе деньги условны и ничего не стоят (исторически, правда, их стоимость связана с монетами и драгметаллами), как и понятие «информации» само по себе ничего не передает и обретает смысл только при наличии принимающего ее и действующего *субъекта*.

Деньги как мерило ценности обретают собственную стоимость, поэтому когда слишком много денег расходуется впустую, не на создание реальных, общезначимых, «объективных» ценностей, они обесцениваются или перестают работать. То есть при их условности и инструментальности им присуща реальная ценность (в каждый данный момент).

Деньги – очень хороший пример наделения условного предмета ценностью в сознании, иначе говоря, пример действия «субъективного фактора», мнения. Покупательная способность денег покоится на кредите, то есть на вере в устойчивость существующих отношений. Эта вера, в свою очередь, основана на представлениях, знаниях и даже информации (то есть сведениях о последних изменениях ситуации, «мониторинге»). Торговая (коммерческая) сделка предполагает равноценность, и деньги в ней формально выполняют чисто служебную (количественную) функцию. В то же время сделка никогда не может быть абсолютно равноценной в том смысле (качественном), что каждая сторона получает свою выгоду, приобретая другой товар взамен собственного, ей в данный момент «не нужного». Еще один аспект сделки связан с возможностью ее нарушения. Чистый интерес, выгода, заключается в том, чтобы дав как можно меньше, получить как можно больше. В идеале это формула насильственного отнятия, кражи или грабежа (или войны). Это так называемое «внеэкономическое принуждение», потому что оно нарушает рыночный принцип равноценного обмена, по умолчанию здесь отождествляемый с идеей «экономики». Разумеется, никакое общество не может строиться на одном (неуправляемом, нерегулируемом) насилии, «идеальная» основа социума – договорность, предполагающая справедливость отношений (право). Но так как «естественное право» (естественный закон, закон природы) гласит, что в мире царит неравенство, и хищники должны питаться травоядными, в обществе вырабатывается (полустихийно, как в случае всех социальных «изобретений») система согласования и подавления природных инстинктов, которая воплощается в лице государства, под угрозой насилия исключаящего несанкционированное насилие, или упорядочивающего применение насилия в обществе.

В данном случае все это говорится к тому, что для функционирования денежных отношений необходим мир

(ср. средневековые ярмарочные миры) и всеобщее признание (хотя бы относительной) покупательной способности денег, а также некие органы, обеспечивающие этот мир и признание, в духовном, а главное, материальном отношении. Любопытно, что здесь субъективный фактор, то есть отражение объективных вещей в сознании, играет главенствующую роль. Потому что никакая сила не может заставить людей пользоваться деньгами, утратившими ценность – лишившимися той объективной опоры, из которой возникает кредит. Но здесь трудно провести грань между объективным и субъективным, виртуальные ценности до поры до времени (а может быть, и бесконечно) играют ту же роль, что и материальные. То есть обеспечением денег является авторитет (как правило) государства (ранее сеньоров, городов), вытекающий из его богатства и военной мощи. *Свобода, технологии и деньги*. Сегодня в понятие богатства входят интеллектуальные ценности и потенциал, сама *способность* данного общества производить товары и продукты не только материальные, но и духовные. Эта способность, которую сложно измерить, тем не менее, и есть *главный капитал* для экономики и производства. Американская экономика строится на монополии на производство технологий в широком смысле – на праве учить весь мир, которое иногда нужно подтверждать и военным путем. Государство олицетворяет волю общества к сохранению мира, порядка и является гарантом соблюдения существующих правил распределения и перераспределения ценностей. К сожалению, в силу «естественного закона» (коррупции в широком смысле) правила не идеальны, они не могут полностью соблюдаться и должны меняться. Само существование государства является нарушением справедливости и равенства, которые лежат в основе (идеальной, принципиальной) экономики обмена. (В государстве всегда есть элемент узурпации, присвоения власти, потому что власть никогда, ни в какой демократии не делится на всех поровну, а «делегирующее» лишь ка-

муфлирует это несовершенство. Возможность узурпации здесь заложена институционально). Кроме того, кредит, опирающийся не на золото, а на авторитет, постоянно подтачивается инфляцией (многофакторным явлением, связанным с развитием хозяйства и изменением ситуаций – «конъюнктур») и коррупцией в широком смысле, и в конце концов рушится в ходе «революций».

Во всяком случае, деньги – инструмент перераспределения ценностей в обществе. В них можно видеть орудие так называемой «демократии», поскольку теоретически рыночные обмены равноценны и обезличены; на смену феодальному и доиндустриальному принципу дележничества «по совести», то есть в соответствии с иерархией собственников, со званием, с положением в обществе (отчасти то же и при социализме; в Средние века часть добра полагалась и нищим) утверждается «капиталистический» принцип обезличенности перераспределения: все является товаром и все доступно всем – при наличии требуемой суммы денег. Сами деньги являются товаром и если их не просто закапывать в землю, как в сказке о Буратино и в притче о талантах, через определенное время они вырастают. Инвестиции – это абстрагированная возможность производить ценности, один из производственных механизмов современного общества, в котором субъективный, ментальный фактор приобрел необыкновенное, невиданное ранее значение – что еще не означает прихода царства свободы. Деньги безусловно являются сегодня мерилем свободы в отношении возможностей, хотя повсеместно утверждающаяся главная цель «демократии» – зарабатывание, получение прибыли как самоцель, как и всякая цель, делает человека несвободным в отношении других целей. Логически по-другому не бывает. Владеть чем-то, мы зависим от этого. Всеобщее средство превращается во всеобщую цель.

Зарабатывание денег создает иллюзию жизни и движения – все крутится, направляется к какой-то (важ-

ной) цели. Зарабатывание денег наполняет жизнь, создавая иллюзию ее смысла. Видимо, здесь необходимо сослаться на Г. Зиммеля, поскольку приоритет в констатации этой истины принадлежит ему.

Инфляция и кредит. Девальвация (инфляция) – это плата за прогресс, рост и развитие; ее противоположность («укрепление рубля») – сокращение производства, удорожание денег, их «недостаток», маленькие зарплаты и доходы – в цифрах. Это маятниковый инструмент развития – инфляция не должна быть слишком малой и слишком большой.

Безличны только наличные деньги, хотя у них есть личина, иногда портретные картинки, символы личной власти, властные личности. История есть только там, где есть личное начало. Безличные способы расчета увеличивают возможности контроля (через документы), а следовательно, и воздействия со стороны власти. В каком-то смысле это путь к «социализму», к контролируемому перераспределению средств.

Деньги работают, как кровь в организме, как *средство* обмена, переноса, передачи, коммуникации. Деньги суть кредит, но кредит есть необходимый элемент рынка. Кредит – это план на будущее, это обещание прироста, за счет ли труда или интеллектуального развития. Это расчет (и ориентация на будущее, характерная для Нового времени, возможно, глубинная характеристика сознания, порождающая и другие характеристики, определяющие интерес на заре этой эпохи к сюжетам о бренности, смерти и пр.). Расчет прироста закладывает и механизм инфляции. Она именно из него и вытекает, она создает возможность кредита – должник вынужден отрывать от себя часть доходов, того что он производит.

Кредит является естественным дополнением или обратной стороной инфляции, другим проявлением того же феномена, а именно существования – ценностного – во времени, или ценностной стороны времени. Деньги со

временем могут прирастать, то есть производить новые деньги, новую ценность – в цифровом исчислении. Отсюда возникает смысл кредита. При этом деньги и утрачивают постоянно часть стоимости, развивается *инфляция*, – удорожание товаров и падение покупательной способности денежной *единицы*. Это двоякий или двуединый процесс – количественное приращение денег в смысле меры произведенных ценностей и параллельно удешевление денежной единицы. Абстрактно идет прирост «ВВП», который должен делать деньги дороже – если не печатать новые. Избыток товаров увеличивает покупательную способность денег – на каждый рубль или доллар можно больше купить. Если произведено меньше товаров, деньги, при сохранении общего объема их массы, должны дешеветь.

Экономических законов, подобных формулам обращения планет, не существует. Они существуют лишь постольку, поскольку люди ведут себя одинаково в одинаковых обстоятельствах, иначе говоря, поскольку действуют одни и те же принуждающие факторы и стереотип срабатывания реакций на них.

Деньги и время. Деньги – символ ценности производительно («эффективно») используемого времени. В Средние века считали, что доход от продажи денег – несправедливый. Притом существовала рента, получение денег с земли и недвижимости – это рассматривалось, как естественный прирост. Труд считался менее благородным источником доходов, тем более наемный или заказной. Деньги дешевели (денежная единица, мерило стоимости), но монеты – драгоценный металл – дорожали, что сопровождалось порчей монеты, бунтами и утратой обращающимися деньгами покупательной способности. Ценность денег привязана к моменту – экономическим параметрам данного сообщества (рынка). Это показатель спроса/предложения, производительности и реально произведенного, и даже состояния механизмов «внеэкономического» перераспределения – налогов, эксплуатации, пре-

ступлений. В сравнении с другими – на внешнем, мировом рынке – показатель кредитоспособности страны, ее авторитета как богатого организма, с точки зрения накопленных, но и виртуальных ценностей – технологии, интеллектуального капитала, политического авторитета (силы).

Финансовый кредит - понятие, выражающее способность денег приносить доход. Ставка кредита выражает эту способность в данный момент на данном рынке. Это виртуальное понятие, хотя оно имеет объективное обоснование – наличие материальных ценностей, накопленных ранее и продолжающих производиться, в том числе «основных фондов», производственной базы – то есть расчет прогнозируемой на ближайшее время производительности и возможности получения товаров. В нем велика ментальная составляющая, поскольку все это достаточно условные расчеты, зависящие от многих факторов – торговли, природы – климата, погоды, ресурсов и пр., в том числе и ментальных факторов – самих расчетов. Большая избыточность денежной массы (обязательств, ничем не подкрепленных), внешнего долга, пирамидальное накопление обязательств – ведут к дефолту, резкому падению «реальной» стоимости денежной *единицы*, виртуальных денег, будь то наличные или безналичные. Их различие имело значение – и имеет – при распаде социалистической экономики, когда оно служило для перекачки капитала, в том числе в виде материальных ценностей, в частные карманы. Пока были ограничения в той и другой сфере обращения, между которыми существовала как бы стена, размывания не происходило. Похожая ситуация была с внутренним и внешним рынком. Снятие барьеров увеличило давление дорогой внешней валюты на дешевый внутренний рынок.

В рыночном обществе деньги становятся главным товаром. Кредитно-финансовая система сводится к торговле деньгами и может описываться через нее. Поскольку деньги – это невещественный товар, цены на них подвер-

жены резким колебаниям (кредитные проценты). Инфляция – темп потери покупательной способности существующей денежной единицей, темп удешевления денег. Это стимул развития, возникающий из общего желания производителей (и всех предлагающих услуги, в том числе государства) получать количественно больше.

Потребитель в сделке всегда проигрывает производителю (или посреднику), ему нужен товар, производителю нужно заработать, получить прибыль. Отсюда и возникает инфляция, постоянный рост стоимости товаров (в целом). Это механизм функционирования рынка, его развития.

Дар и жертва, ренты. Обмен ценностями, утрата чего-то в обмен на что-то иное – принцип всякого обмена, всякий обмен неравноценен. Деньги делают его более равноценным внешне, придают вид равенства, отсюда может возникать и представление о социально достижимом равенстве – условном. Дар – разновидность сделки, если под сделкой понимать любое отношение экономического обмена. Дар может предполагать две совершенно разные вещи: полное бескорыстие или расчет на ответный дар. Пожалование не предусматривает равенства, возможности ответить тем же. Жертва – вынужденный дар, компромисс, плата за благоприятный исход или за избежание неблагоприятного исхода. Выбор из двух зол меньшего, утрата чего-то ради сохранения остального.

Ренты – это одна из форм эволюции в том числе и обмена, формирования денежного рынка. Получение платы за то, что ты чем-то владеешь, и следовательно, за возможность извлечения доходов. Это проецирование абстрактной данной ценности – материальной – на будущее, на время. Тот же принцип у кредита. Земля приносит доход, поскольку она родит – но при условии затрат труда. Последнее первоначально не учитывалось, то есть фактор труда считался мало значащим, одним из последних. При феодализме земля является владением/собственностью вместе с прилежащими ей крестьянами – отсюда идея

прикрепления к ней, иногда выгодная не только для хозяина, но и для работника.

Принципы распределения: собственность рождает доход без приложения труда собственника. Парадокс феномена эксплуатации – кто больше всего имеет, меньше всего работает. Труд производит ценности, но в «экономической» системе он, как было отмечено Марксом, отчуждается от результата, накопленные ценности или присвоенные ценности позволяют эксплуатировать труд. Процесс отделяется от цели. Труд – средство производства ценностей, но наибольший доход приносит собственность.

Кредит выдается под будущий доход, деньги рассматриваются в данном случае как такая же ценность, приносящая более или менее стабильный доход, как впоследствии и дело, «бизнес». Но здесь все время увеличивается фактор веры, доверия, психологии, уверенности, что данные нематериальные ценности смогут приносить доход. Инфляция и кредит – это средства развития рынка, из прогнозирования рождается неустойчивость, поскольку всегда есть элемент риска в отношении роста или падения тех или иных показателей. Всякие рыночные предприятия – венчурные, то есть рискованные.

В основе современной экономической системы лежат преимущественно духовные («психологические», моральные) факторы. Это не идеи и не благие цели, а превратно осознаваемые (бессознательные) импульсы, заложенные в природе вещей, в живых организмах. (По Парето, остатки). Биологический обмен автоматичен, люди же конструируют свою жизнь, «отвлекаясь» от природных законов и данностей.

Роль власти. Производство и распределение – две стороны процесса жизнеобеспечения. Социальные проблемы возникают в промежутке между производством и потреблением. По ходу развития экономики и эволюции возрастает роль и объем оказания услуг посредников. Субъективный фактор в экономике – это вмешательство власти в

процессы производства и особенно распределения, условно говоря, «социализм». Идеальный рынок не предполагал бы вмешательства власти, но такого рынка нет. Посредничество – вопрос организации экономической системы. Банки, как и церковь, торгуют виртуальными ценностями.

Религия и корысть. В языческих религиях боги похожи на племенных вождей. Их отношения с верующими материальны и экономичны, строятся на выгоде – обмене. Жертвы приносятся как дань (хозяевам жизни и смерти). В христианстве бог становится воплощением любви и бескорыстия. Хотя в Евангелии есть противоречащие этому притчи о талантах. Христианство по идее – это отрицание корысти, материальной выгоды, самопожертвование, отрицание природного инстинкта. Вместе с тем это торжество идеи равенства бога и человека, их взаимной любви (как равных). В дохристианском обществе взаимоотношения богов и людей были патриархальными, как хозяев и рабов. Патриархальная любовь – это любовь высшего существа к низшему, хозяина к собственности, возможно, и очень глубокая. Хотя жертвенность предполагает также некое неравенство – в ценности лиц (соревнование в самоуничижении).

Любовь и корысть. Корыстолюбие. Любовь за деньги – это нонсенс, но скорее неудачная метафора. Любовь как человеческое, социальное понятие – отрицание корысти (родительская любовь, патриотизм). Любовь – синоним жалости, самопожертвования. Любовь скорее самоотдача, чем присвоение, если создавать культурно-антропологическую шкалу взаимодействий. Перенесение рыночных (экономических) отношений на все прочие неизбежно, но оно извращает их природу. Договорность не имеет отношения к любви, это сфера гражданского права, возможно, семейного.

Впрочем, если признавать существование «естественного права», или хотя бы возводить право к природным основаниям, то нельзя не сказать, что в инстинкте

размножения есть как агрессивное, насильственное и корыстное начало, так и жертвенное.

– *Влияние производственных отношений на структуру общества и его функционирование.*

Можно все человеческие отношения рассматривать как производственные, если считать процесс жизни закономерным-сознательным или детерминированным – с участием субъекта, (вос)производящего себя.

Субъективная сторона производства. В узком смысле производством, как сказано выше, считается материальное (но и виртуальное) производство, связанное с рынком, при котором всякой вещи присваивается количественная ценность (ценность, имеющая количественное выражение). Человеческое общество немыслимо без производства, можно сказать, *homo faber=homo producens*. Производство – это создание и улучшение материальных условий для непродуцированной деятельности. Производству в этом смысле может противостоять досуг (тоже отчасти воспроизводство жизненных благ), с точки зрения произведенных ценностей производству противопоставляются распределение и потребление. Производимые ценности являются продуктом культуры, то есть в них входит некий интеллектуальный капитал, накопленный обществом, человечеством, коллективом, индивидуумом, но эта часть всегда соединяется с преобразуемой частью – природной, заданной в виде ресурсов. Эта последняя часть наделена ценностью в одинаковой мере и для людей, и для животных – это необходимые условия их обитания, которые меняются и к которым они приспосабливаются. Животные – путем изменчивости, генетической эволюции и пр., то есть неосознанно. Однако их усилия детерминированы некоторым импульсом, волей, заложенной в них и дающей им право выбора (например, при питании, размножении). Природная детерминированность поведения людей уменьшается вследствие постоянного увеличения

их целенаправленного воздействия на среду, увеличения, пожалуй, интеллектуального капитала и его доли в производимых ценностях (артефактах). Иначе говоря, растет доля искусственных ценностей, не встречающихся в природе и производных от культуры, или от сильно видоизмененных природных инстинктов.

Прирост искусственных ценностей. В современной массовой культуре, в том числе американской, выращаются своего рода искусственные люди. В них очень сильно развит социальный инстинкт, внешне прикрытый так называемым индивидуализмом. По большому счету всем на всех наплевать, но все должны быть одинаковыми, то есть следовать общему образцу. Принципы поведения в большой степени навязываются извне. Быть самим по себе – тоже стереотип. Огромная роль отведена социальному внушению. Есть выбор, например, в политике – между двумя и более партиями, но это стереотип политкорректности выбора. Люди живут как бы в мясорубке, где провозглашено правило частной свободы. Но оно не позволяет не быть как все. Фильмы и мультфильмы – все реакции сто раз просчитаны и предсказаны. (Хотя появляется и заметное в них желание эти реакции высмеять). Психологический прессинг сильный. Главный стереотип – следовать правилам. Но это не всегда может срабатывать. Члены такого общества любят все сделанное, специальное, патентованное, фактически навязанное. Главная духовная пища – реклама. Общие правила диктуются очень жестко, их несоблюдение строго карается. Отсюда чувство угнетенности и неудовлетворенности, психологические срывы и убийства. Для стран с нерыночными традициями такой стиль жизни мало привычен.

Антипроизводство – разрушение, истребление, является в человеческом обществе, где и существует производство, фактически его частью. Всякое производство (созидание, творение) сочетается с разрушением чего-то существующего в природе, с изменением природных вещей,

которые вписаны в замкнутый оборот, с производством мусора, отходов, в том числе не восстанавливаемых. Как уже было сказано выше, *человек – существо, производящее мусор* и тем самым истребляющее собственную среду обитания. Эта проблема становится самой острой в обществе, не имеющем глобальной системы управления, которое не в состоянии заставить своих отдельных членов и корпорации соблюдать ограничения. Таким образом, производство, превращаясь в свою противоположность, может кардинально изменить структуру управления.

До этого времени производство только набирало обороты, становясь самоцелью («эффективность» как увлеченный показатель): увеличение количества и изменение качества товаров, изменение структуры потребления абстрагировано во все возрастающей власти денег – всеобщего мерил ценностей. В процессе производства и воспроизводства себя человек, общество и человечество становятся другими, меняются их возможности и потребности.

Понятие цели имеет как логическую составляющую – найти кратчайший путь к точке, – так и ценностную – получить результат. Производство есть средство, потребление есть цель. В традиционных обществах потребление никогда не становилось абсолютной целью, поскольку человек был встроен в определенную систему, порядок, иерархию; он должен был жертвовать, «делиться» с тем, кто дает жизнь. Освобождение от этой иерархии, от понимания того, ради чего производится нечто, равнозначно постановке задачи максимальной «эффективности», способности произвести бесконечное количество товаров. Человек начинает «овладевать природой» – во всех смыслах, то есть и своей собственной природой, но при этом изменяет или уничтожает ее. Тем самым природа остается неподвластной ему, она разрушается и разрушает его самого.

Всякая целесообразная деятельность связана с планированием и программированием, также с выбором ли-

нии поведения («политикой»). По Марксу глобализация производства (обезличение, разделение труда, развитие техники) приводит к обобществлению собственности (средств производства) и даже к всеобщей справедливости. На деле дальше капиталистической справедливости – равенства возможностей, всеобщей обезличенности – общество никак не может двинуться. Все попытки целенаправленного (государственного) воздействия ограничиваются контролем правил и экстренными мерами в случае кризиса. Товарность, договорность – лучшие изобретения человечества в этой области. В сущности, это уже не только принципы производства, но и распределения, не только экономики, но и политики и культуры. Производство без потребления и распределения бессмысленно, но в силу изначальной коллективности человека производитель никогда не совпадал полностью с потребителем, это было бы возможно только в обществе, состоящем из одного человека, иначе говоря, вне общества. Обмен в той или иной форме (хотя бы как разделение функций) существовал всегда, притом, что отношения всегда в значительной мере строились на насилии. Родственные отношения тоже не исключают насилия. Главная функция, в частности, государства – («мирное») перераспределение производимого.

Действие «рынка» – сам все поправит – обоюдострое. Предприниматели автоматически должны выжимать прибыль любой ценой – если не ты, то сосед. Но задача обезличенного сбыта заставляет их и снижать цену – чтобы больше продать. Объем производства и объем продаж определяется не этим механизмом (или этим в последнюю очередь). Так же, как и деньги – они только обслуживают рыночный обмен, а сами по себе значат что-то лишь в определенном социальном контексте. Производство и обмен вытекают из биологических потребностей, в количественном отношении детерминируются ими, а также состоянием технологии и наличием ресурсов. Рыноч-

ные механизмы сами по себе – идеальная конструкция, которая нигде в чистом виде не существует⁵⁹.

Рынок - особая система организации производства, распределения и потребления, имеющая внешние черты «демократичности» (идеологическое привязывание демократии к рынку повторяет марксистский постулат о связи экономики и политики). Предполагается, что это система, автоматически обеспечивающая прогресс и процветание обществ. Но как всякая «естественная», то есть стихийно возникающая система, она подвержена маятниковым колебаниям, которые в условиях развитой технологии производства и хозяйствования (деньги, бухгалтерия, кредит, акции) порождают парадоксальные с точки зрения здравого смысла ситуации. Кризис перепроизводства, например, когда товары, имеющие потребительскую стоимость, никому не нужны, излишни – потому что их количество превышает спрос, их нельзя продать. Способность быть предметом спроса определяет ликвидность вещи (товара). Это и есть одновременно потребительская стоимость, то есть нужность вещи – чем более она нужна (всем), тем выше ликвидность – способность быть проданной. Деньги обладают наивысшей ликвидностью, они суть синоним ликвидности и при этом, как абстрактное выражение ценности, не обладают первичной потребительной стоимостью. Их потребительная стоимость вытекает из того, что они являются суррогатом всех потребительных

⁵⁹ Экономика - это искусство возможного. Насколько можно поднять цену, настолько ее и поднимут. (Это и есть капитализм).

Отнюдь не конкуренция является причиной удешевления товаров – для этого число конкурентов должно было бы быть бесконечным. Все производители и продавцы заинтересованы только в повышении цены, конкуренция только ограничивает их аппетиты – что может быть достигнуто и административными мерами.

Главная причина удешевления – повышение производительности труда, а к нему ведут изобретения, технологии и, в конечном счете, наука.

стоимостей и поэтому приобретают вторичную потребительную стоимость – как денежного товара (наподобие ценных бумаг). Товарная стоимость денег образуется в силу фактора времени, заложенного в идее производства.

Говорят, что время – деньги, то есть время стоит денег. На самом деле только время и есть единственная ценность, только время порождает идею ценности, а через нее и идею рынка и обмена. Понятие ценности вытекает из существования времени, ценность – это наличие цели, то есть движение к чему-то. Можно ценить время, но вне времени ценить нечего.

Моральный фактор в распределении – это идея справедливости, то есть некоторое математическое, абстрактное представление о равенстве. Есть и другое понимание справедливости как вознаграждения по заслугам. Распространенный упрек в адрес «социалистических»⁶⁰ способов распределения заключается в том, что они поощряют иждивенчество. В Средние века справедливость понималась как природное неравенство (иерархия). Чем руководствовались средневековые и прочие властители и что представлялось им справедливым? Влияла ли на их справедливые решения корысть, или только принципиальные соображения, вера или ими двигала «объективная необходимость» усиления королевской власти, мировой дух? Объективная необходимость вытекает из законов природы, физики. Все прочее – субъективная необходимость. Историческая необходимость в реальности никого не волнует – централизация власти, создание великих держав – это, может быть, и объективные процессы, но они существуют в виде приземленных интересов, а выше-названные высокие мотивы, это позднейшее украшение, – как называл их В. Парето, деривации. В XV – XVI веках эта риторика (и то лишь в Западной Европе) только созда-

⁶⁰ В кавычках потому, что в действительности социализм проповедует распределение «по труду».

валась. Цели другие. Цели должны осознаваться. Без этого мы не можем понять истории по определению. Люди не всегда правильно понимают, что ими движет⁶¹. Но это во-

⁶¹ Объективной целью можно было бы назвать цель, желаемый, искомый результат, исход поступка, который неясен деятелю, допустим, животному, но у животного, даже у насекомого, должно быть некоторое знание этого будущего результата, постольку, поскольку они /животные/ являются субъектами поступков. Желание есть /быть/, кормиться - проявление не механического давления на физическое тело, но программы, заложенной и как-то представляющей в «уме» насекомого, или действующей на его поведение через ощущение удовольствия. Фактически между реальной целью («разумной») и ее представлением у субъекта существует дистанция, которую можно изображать как обман со стороны «мирового разума» или как иерархию целей. Ср. классификацию логических и нелогических поступков у В. Парето, основанную на разделении объективных и субъективных целей. Всякую неосознаваемую или осознаваемую не до конца цель можно называть объективной, но такая цель также не есть до конца собственно цель. Объективна всякая цель по своей идее, как нечто абстрактно заданное видовой программой индивидов; субъективна всякая цель в меру своей конкретности, всякая данная цель.

Ведь всякая цель субъективна, никакая абсолютно не объективна. Объективность цели заключается в ее общности данному виду, всем индивидам, т.е. в общем, в законе, который проявляется индивидуально. В чистом виде объективными целями можно считать цели мирового разума или высшего существа, которые неведомы земным существам и выступают для них в форме каких-то иных и частных целей. Но для этого нужно допустить наличие такого управляющего начала в мире. Объективная цель – это цель существующая, заданная природой, но не осознаваемая или субъективно, до некоторой степени осознаваемая умом. Это «сущность», своего рода предназначение. То есть это целесообразность, заложенная во всей живой природе, до человека - но и включая его. Человеческие цели отличаются от природных возможностью свободы – выбора средств или вообще отказа от их преследования.

Отсюда своего рода психоанализ – постепенное или эволюционное осознание целей.

«Объективная цель» – это благо, заложенное во всякой целесообразности, во всякой сущности. Всякая цель в своем роде благо.

прос психоанализа – структура сознания, вытеснение в нем асоциального начала. Марксистский психоанализ истории строится на положении о том, что наука позволяет увидеть «цели» сил, необходимостей, законов, определяющие поступки людей и «ход истории». Люди лишь отчасти осознают смысл своих действий, их цели – в значительной мере иллюзорные цели, ведущие не к задуманным результатам. Сексуальные табу, с этой точки зрения, каким-то образом связаны с уровнем человеческого воспроизводства. По Фрейду, существует культурный механизм вытеснения социально-негативных, отвергаемых культурой импульсов в подсознание. Психоанализ помогает выявить эти подлинные, в каком-то смысле «объективные» цели, действующему сознанию представляющиеся в виде безотчетных стремлений. По Марксу, политические страсти отражают экономические интересы, действующие через бессознательное и находящие в теориях и идеологиях неполное или превратное объяснение. Наука, открывающая завесу очевидности, призвана докопаться до последних причин социальных процессов и установить глубинные законы.

Мораль в этом научном контексте выступает в роли некоего довеска, в роли вершины айсберга, прикрывающей упомянутые подлинные и безусловные побуждения.

Психоанализ. Исторический деятель с чужой для него точки зрения не осознает своей цели. (Как отшельник не осознает, что он сочиняет источник по средневековой истории). Люди вдохновляются свободой, равенством и братством, а с точки зрения марксизма расчищают дорогу капитализму. Но это точка зрения марксизма, – равноправная с точкой зрения «идеализма» и морализации. Чингисхан истребляет народы и создает почву для связи цивилизаций и одновременно распространения чумы. На уровне описания это приемлемо. Проблема в том, что у истории как процесса нет целей, а в истории как «продукте» человеческой деятельности они есть, и есть моральные

критерии. Это реальное противоречие, противоречие того, как есть, и как должно бы быть. Компромисс со злом, несовершенство мира. Где предел компромисса? Людей нужно судить за то, что они делают, в соответствии с их целями. Объективная цель – деятель-орудие – не снимает ответственности.

Чиновники. Часто пугают словами «отнять и поделить». Но государство и вся армия чиновников только тем и занимаются, что отнимают и делят – собирают налоги и перераспределяют доходы. Социально-экономическая функция государства, как уже говорилось, заключается в этих двух арифметических действиях, а прибавляют и умножают другие.

Власть перераспределять порождает архонтократию. Чиновник – человек у власти⁶². На него действуют два вектора – эгоизм и долг.

Формула чиновника: «рад бы, да не могу». Это формула использования долга в корыстных целях, или для прикрытия нежелания отвечать. Чиновник по природе лишен свободы и инициативы, они для него чреватые ненужными рисками. При этом чиновник – абсолютное правовое существо: самое главное для него – соблюдение бумажных формальностей, правильное оформление бумаги, которое делает его функционирование стопроцентно эффективным и снимает с него ответственность.

Чиновники ничего не производят. Их производство – это отчетность. Они должны создавать видимость. Вот в чем преимущество капиталистического производства, с точки зрения чиновников – оно во многом покоится на видимости. Собственники должны получать отдачу, пусть даже в символическом виде денег. Клерки создают поло-

⁶² Чиновник - это краник, который может открыться сильнее или слабее, или вовсе закрыться. В этом принцип управления вообще, это управление потоками. Но чиновник, это мыслящий краник, имеющий интересы.

жительную отчетность или ее видимость – рост продаж, рост прибыли.

Бюрократическое государство. В нем есть противоречие между его главой (который может апеллировать к «народу») и аппаратом, тяготеющим к концентрации власти в своих руках. Хотя аппарат (бюрократы, чиновники) все делают по инструкции и не должны выходить за ее пределы, они используют инструкции фактически для их же нарушения, в силу доведения до абсурда, выхолащивания смысла. Это применимо и к судебной системе, правоохранительной, юстиции. Чиновник – чисто правовое существо в своей идеальной субстанции, это воплощение права в его парадоксальности: право – это порядок бытия, должное, расписание поездов, основа жизни. Но у жизни свои законы, которым право, теоретически, должно было бы следовать. Парадокс в том, что право себе противоречит, его формальное применение абсурдно (а другого не может быть без изменения правовых норм). Между правом и смыслом, то есть целесообразностью нормы, поступка, решения, существует разрыв. Право статично. Заложенные в нем цели самодостаточны, это самоцели, они не вписываются в естественную иерархию. Для того чтобы закон обладал абсолютной справедливостью, он должен совпадать с данным конкретным казусом. Как королевский указ, пожаловать тому-то то-то. Право – это сборник решений, фактически типовых решений, при этом оно рождается из казусов, а затем переходит на более высокие уровни абстракции. На деле это формализованная и подкрепленная властными полномочиями мораль; мораль, прописанная государством. Иерархия целей, установленная в интересах общества. Бюрократия аморальна по природе, хотя существует ради морали, ради общего блага.

– *Понятие собственности как третий фактор экономики.*

Собственное, собственность – присущее вещи, предмету, индивиду свойство, его принадлежность, его специфика, или то, что его составляет (уже – его отличие от других)⁶³. Но основное значение – не-Я, но то, что мне принадлежит. Присвоение, апроприация – это необходимое условие жизни субъекта, оно выражает отношение между ним и материальными средствами его существования. На низшей стадии жизни оно тождественно питанию – усвоению из окружающей среды веществ, из которых строится тело и без которых невозможно его сохранение. Хищник не может жить без добычи, которую он присваивает по «естественному праву» – он так устроен, или его так создал бог. В природе существует механизм, ограничивающий такое право собственности аппетитами индивидов – вполне скромными, минимально необходимыми, и наличием других хищников или видов, заявляющих о своих правах.

Собственность – это разновидность власти. (И наоборот, власть подразумевает собственность, хотя бы собственность на свое будущее время). И то и другое – свойства субъекта, проявления субъективности. Это отношение ко времени (желание зафиксировать себя и свое во времени, учитывая универсальную текучесть вещей. Разновидность тяги к вечности, продление себя). Можно сказать, что собственность – статичная сторона власти, полная собственность невозможна, потому что все вещи изменчивы.

Для общества феномен собственности чрезвычайно важен, поскольку осознание принадлежности, отношения обладания неразрывно связаны с отношениями ценности. Ценность по определению есть цель, к которой индивид стремится; если это предмет (не только материальный) –

⁶³ Вообще нужно разделить понятие в целом, и его имущественные и прочие значения.

он хочет сделать его своим. Собственность в широком смысле – это та среда, в которой он живет («мое», моя семья, моя страна, мои интересы, моя планета). Собственность в собственном смысле – это то, чем он владеет (имеет власть) и может распоряжаться, то есть потреблять, использовать выгоды, «плоды». С правовой точки зрения: нечто внешнее по отношению к индивиду, но неотъемлемое от него. В природе все принадлежит всем, то есть собственность ничем не защищена и апроприация обеспечивается только возможностью кормиться, «властью» или силой, наличием средств. (Это и есть «естественное право»).

Извращение или превращение природы в человеческом обществе заключается в выработке самой идеи права (о чем ниже еще будет говориться отдельно) как санкции – не обусловленной естественно (или не только естественно), а обосновываемой потребностями общества и конфликтующими внутри него интересами. Люди как вид предъявляют свои неограниченные права на природу – мир, и эксплуатация ими его ресурсов ограничивается только их возможностями потребления и их собственной природой. В частности, собственность подразумевает длительную привязку вещей к индивиду, что в реальности невозможно из-за всеобщей изменчивости, «несовершенства мира», зыбкости бытия. Собственность как отношение выражает процесс длящегося присвоения. Питание – необходимый процесс присвоения.

Частная собственность (собственность отдельных людей или отдельных групп – общины, например, хотя ее обычно отделяют от «частной») представляет собой условие и стимул для развития общества, поскольку дает возможность накопления ценностей и их сохранения. Сам термин не совсем корректен, потому что во всякой собственности есть элемент общего (не моего, или принадлежащего не только моему коллективу) и индивидуального или отдельного. Тем не менее, этим термином обозначается исторический феномен, не существующий в природе,

выработанный стихийно или наполовину сознательно, вследствие сочетания объективной необходимости и коллективных осознаваемых усилий. Кто-то когда-то огородил участок и сказал «мое», по Руссо, если так было. И Руссо видит в этом начало гражданского общества, почти как и Маркс – классового.

В качестве существенной черты понятия собственности отмечают также признание другими индивидами вещи собственника чужой по отношению к себе (к ним). Это вторая сторона отношения «свое-чужое». В нем заключается та же проблема, так как абсолютного признания собственности не бывает, всегда кто-то еще притязает на нее, как на свою. Здесь идет речь преимущественно о собственности в самом широком смысле, об абстрактном понимании собственности вообще. Что касается частной собственности, то этот феномен должен изучаться исторически и его конкретное наполнение может быть разным в зависимости от угла зрения. Нас в данном случае интересует правовой аспект понятия «частная собственность», то есть идея о том, что права собственности (всегда с теми или иными ограничениями) защищены законом.

Платон был противником частной собственности, потому что она является причиной раздоров, Аристотель защищает ее, потому что вещи, находящиеся в общей собственности, оказываются в небрежении.

Исторически, однако, частная собственность как юридическое понятие зародилась поздно, это как бы культурный институт, придуманный – выработанный людьми в ходе эволюционирующей практики. В первобытных обществах, наверное, ресурсами владели группы, которые пользовались ими и делили между собой территории, как ареалы делятся между животными (полустихийно-полуконфликтно-полуусловно). Главным предметом собственности всегда была земля или угодья, пастбища, водные источники. Логично, что именно пространство составляет основу собственности, так как время необратимо,

им нельзя владеть, это лишь параметр, ограничивающий права собственности. Будущим временем можно распоряжаться при определенных условиях. Время входит в состав собственности, так как любая собственность ограничена во времени, о чем несколько ниже.

Абсолютной частной собственности никогда не существовало и, вероятно, не может существовать, поскольку для реализации ее права необходима власть, а власть никогда не приватизировалась на 100%, это логически невозможно, так как (политическая) власть, именно противостоящая анархии, существует в интересах общества (логически) и всегда располагает высшим правом отчуждения собственности. Не может быть абсолютно атомарного, разделенного на полностью автономных собственников общества. Кроме того, всегда есть ресурсы (планета, воздух, вода, недра и пр.), которые используются совместно. И есть необходимые изъятия из права собственности, например, так называемые сервитуты.

Взаимоотношение собственности и человека. Это виртуальное отношение, устанавливающее привязку индивида к чему-то как его власть над чем-то. Но эта связь условна, в лучшем случае она покоится на праве, имеет юридический характер. Собственность имеет и обратный (двусторонний) характер – вещи и прочая собственность привязывают к себе человека и связывают его.

Собственность и ее понятие. Собственность при капитализме и при социализме – велика ли разница? Эти слова являются терминами социальных наук, то есть обозначают то, что существует не совсем «объективно». Отчасти в уме людей, отчасти является продуктом их сознательной деятельности (что важно с точки зрения субъективного фактора и морали). Но никто не «строил капитализм» до Маркса, с полным осознанием этой идеи, если не говорить о «духе предпринимательства» и политико-

экономических идеях и предпосылках капитализма⁶⁴. С социализмом другое, и начиная с этого времени вопрос ставится (например, в сегодняшней России) как бы по аналогии с социализмом и коммунизмом – как нам обустроить капитализм? Хотя уже идея «модернизации» так называемых отсталых стран фактически является синонимом строительства капитализма, об этом можно говорить в известном смысле и применительно к России при Петре Первом. Вопрос, можно ли и в каком виде пересадить такие растения с родной почвы Европы или Америки на чужую. Ясно, что те принципы (строительства) социальных взаимоотношений, которые лежат в основе «формаций», порождены некими объективными обстоятельствами (программой развития, эволюции, вегетативного роста, внутренней логикой, наращиванием технологии – производительных сил), и эти обстоятельства являются одновременно факторами, действующими в человеческом сознании («ментальность», «архетипы»), воспитание и образование – например, прусский «школьный учитель», который выиграл войну; экономические и политические программы).

В природе существуют популяции и ареалы, одни вытесняют других. Но абсолютного владения территорией не может быть – «собственность» и место совпадают в неживой природе – гора, море. Соответственно, в человеческом обществе собственность является понятием условным, она возникает в результате захвата, право собственности может опираться еще (кроме силы) только на традицию, обычай, древность. Понятие собственности возникает из присущего всему живому ценностного начала, совпадающего с идеей индивидуальности, личной и видовой. Оно связано с принципом идентичности и идентифи-

⁶⁴ Можно сказать, что до Маркса «капитализма» и не было, так как он не был осмыслен как научное понятие. Осмысление придает феномену другой статус. Впрочем, сам Маркс в «Капитале» употребляет термин «капиталистический способ производства».

кации, выражает отношение «Я» к миру (а не только «производственное отношение»). Собственность – это владение (совпадение) Меня с моим субстратом – телом, и с моими ресурсами – местом, где я живу, пищей, воздухом (хотя воздух – это «дух», а дух витает, где хочет, идеи принадлежат всем), водой и пр. Этническая идентичность – не чисто материальная, но и не духовная. Она связана с собственностью на «себя» и свою среду.

О понятиях. Коммунизма и капитализма не существует в природе, это абстракции, которые формируются в головах под влиянием каких-то реальных повторяющихся феноменов, но являющихся в значительной степени рукотворными. Феодализм – производное от некоторых факторов, но уже созданное усилиями людей. Человеческий (моральный) фактор в истории – сознательные действия людей не столько по устройению общества, сколько по тем канонам, представлениям, которые были выработаны коллективно и отражают известную степень осознания действительности. Например, крестьянин должен пахать, а воин – воевать. Это продукт воспитания, культурного багажа. Любая идея (набор понятий, инструкций, вкусов, способов, предпочтений) – руководство к действию. Зная эти идеи, плюс биологические и прочие принуждающие факторы, можно было бы предсказывать будущее (и прошлое). Но этому мешает элемент случайности – акцидентальность. Генетика определяет рост человека – в пределах от и до, но реальный (и в каждый данный момент) рост определяется другими моментами. Может быть множество разных коммунизмов и капитализмов, полностью отличных друг от друга и сходных только по названию. Но в содержании обоих терминов есть некие константы, выражающие нечто общее для всех капитализмов и коммунизмов и отличающиеся друг от друга, что и порождает различия институтов и ценностных парадигм, в том числе понимания *собственности*.

Такой парадигмой для кого-то может быть понятие свободы. (Или «демократии»). Свобода при капитализме, рабство – при коммунизме. Известно, что если ты свободен, ты никому не нужен и ничего не должен. Это аморальный или асоциальный постулат морали. Свобода самоограничения – парадокс, который неразрешим. Один из парадоксов социальной жизни, к которому мы привыкли. Почему заключенный в тюрьме как социальный субъект свободнее всех? Потому что он несвободен, то есть у него нет никаких обязанностей и забот, кроме заключения, ограничения в «праве». Полная свобода и есть смерть. Свобода заключенного – это гражданская смерть. Он не должен заботиться о пропитании, о труде (если ему не предлагают или его не заставляют работать принудительно), он ни за что не отвечает. Но таково и идеальное общество, где все проблемы решены. Где не сталкиваются интересы отдельных граждан. (Общество Великого инквизитора). Отнесение предмета к той или иной рубрике не решает проблемы. Требуется исследовать природу самих понятий, анализировать их происхождение, причины возникновения, необходимость и случайность, параметры движения, ограниченность, условность, расплывчатость. Например, переход понятия свободы в ее противоположность и обратно. По природе это понятие амбивалентно.

То же с собственностью. Чем больше ты имеешь, тем менее ты свободен. Собственность порождает необходимость заботиться о своем имуществе, поддерживать в порядке, охранять, преумножать. При этом богатство, на первый взгляд, дает большую свободу выбора. Полностью свободен тот, у кого ничего нет и кто лишен всех социальных связей (Христос говорил – оставь отца и мать). Об этом говорят мудрецы всех времен и народов. В этом также и смысл монашества, а не только в презрении к миру. Плюс понимание того, что богатство заключается внутри, в голове, в идее, в осознании богатства, счастья и пр., а не в обладании тем, чего ты не можешь удержать. У человека

может не быть самолета, но у него нет и крыльев. Самолет дает возможность летать, но для чего?

Насилие – происходит постоянная смена субъектов власти, а следовательно, и собственности. Насильственная незаконная смена номинального собственника – это грабеж, смена собственников под лозунгом введения новых порядков – *революция*. Революция – это узаконенный грабеж. Одной из важных отраслей истории может быть исследование перераспределения собственности во времени. Это широкая историческая проблема, включающая в себя все варианты собственности, начиная с философской идеи. Отождествление себя со средой обитания, антуражем, присуще всякому субъекту. Животные воспринимают ее часто как «свою». (Собственность – атрибут субъекта).

Человеческие общности также делят территории между собой, откуда возникает понятие родины-государства, отождествляемой с землей предков и с абсолютной принадлежностью роду/этносу. («Ни пяди земли...»). Получается, что патриотизм прямо вытекает из идеи собственности. Земля по идее не является продуктом производства или результатом процесса (если рассуждать абстрактно – но исторически она как собственность – «продукт» войн, и кроме того, в нее постоянно вкладываются человеческие силы). Поэтому она может находиться в пользовании, но не может принадлежать «вечно». Даже коллективные субъекты не вечны. Это к вопросу о частной собственности на большие территории и о ее продаже – что случалось в Средние века, да и позже – Аляска, мексиканские штаты. Впрочем, все что продается, не вечно, потребительская стоимость должна измеряться в понятиях времени пользования, времени износа. (Земли – «вечны»). Человек постоянно борется со временем – время противостоит людям – их желанию постоянства.

Экономика определяется необходимостью постоянной борьбы со временем, необходимостью постоянного обновления и пополнения запасов. Ее процессы сугубо

динамические. Отсюда и теоретическая невозможность полной собственности – из брэнности бытия (и отсюда все нестяжательские учения). Любопытна судьба политических образований с точки зрения собственности. По сути дела это конторы по эксплуатации ресурсов на определенных территориях. Любое государство – верховный собственник земли, территории, суверен (и в средневековом смысле тоже). Империя – конгломерат разношерстных собственников под одной крышей – сувереном. От всех империй остается только память плюс культурное наследие. Материальные объекты разрушаются, землю занимают другие люди, другие собственники. В этом экономический смысл революций. Мировые столицы – города, центры поселений, которые переживают государства, их породившие.

О земле – земля особый источник ценностей, в своем роде главный и единственный. Происхождение всего, территория (пространство жизни), который дает возможность существовать. Она кормит. То что в доиндустриальный период не ставилась задача выжать из земли как можно больше, было ясно как минимум Зомбарту, задолго во всяком случае до Чаянова. В Средние века существовала ориентация на обычай. Хотя прогресс в технологии в широком смысле был – древневосточная ирригация, подсечное, огневое земледелие, севооборот.

Собственность как наличное бытие, сам факт частного бытия, в котором только и существует целое, – объективная данность природы. (Я располагаю собой). Но собственность как принадлежность внешнего предмета данному субъекту, как присоединение этого предмета к нему – чисто субъективный феномен, существующий или исходящий только из сознания. Это условность.

Из этого момента и из того факта, что собственность всегда имеет ограничения, следует неабсолютный, ограниченный, практически распределенный (иерархический) характер собственности.

Исторический феномен частной собственности возникает именно из необходимости фиксации ограничений (или их отмены). Полная собственность проявляется лишь в момент уничтожения предмета собственности, то есть заключается в распоряжении бытием-небытием.

Отношения собственности с правовой (властной) точки зрения – это отношения зависимости (и свободы), именно властные отношения. Сама собственность (имущество) всегда зависит не только от собственника, но и от чего-то внешнего по отношению к нему – норм, публичной власти, обстоятельств.

Есть собственность в политическом смысле – собственность государства и территория. Государственная собственность – не частная, но фактически и не общая, в том числе и в «демократиях». Собственность отдельных государств при их взаимоотношениях уподобляется частной.

Суверенитет – право собственности определенной общности (субъекта) на определенную территорию. Независимость от других субъектов. Но и этот суверенитет всегда ограничен – физическими и моральными условиями жизни. Ради этого вида собственности приносятся человеческие жертвы, и это высоко морально («сладко и почетно умереть за Родину»). Но не менее сладко и не умирать. Умирать физиологически тяжело.

Эта собственность – тот же материальный интерес, многократно умноженный. Гражданство, национальность – предметы ли это собственности? Можно ли их купить, продать? Иногда можно, не всегда легально. В Средние века покупка территорий, как уже сказано, была довольно распространена.

Собственность имеет смысл в пределах рынка, то есть перераспределения. Если бы все сосредоточил в своих руках один собственник, это было бы нечто иное. Пропала бы всеобщая задача обогащения, цель деятельности «хозяйствующих» субъектов, накопительство. (При социализме собственность также существовала, были офи-

циально запрещены лишь некоторые ее виды. Во всех государствах логическим верховным собственником является общество в лице органов власти. Но утопичность социализма заключается в механическом вмешательстве в саморегулируемые процессы. Это не значит, что социализм, то есть общество справедливого распределения, невозможен. Просто его идеальную формулу сложно вывести).

Почему христианство (да и другие религии, философии) так настроены против собственности? Дело в том, что источник морали – представление о примате общего над частным, равенства над неравенством. Всякое превалирование частного интереса над общим – аморально по определению⁶⁵. В этом и сила христианства как мировой религии (как считается, в значительной мере определившей собой европеизм). Монотеистические религии вообще соответствуют интересам национальных (этнических) государств и общин – единый Бог – единое общество, корень, род⁶⁶. Моральной точкой отсчета является здесь этнический коллектив. Христианство идет дальше в своем интернационализме – это религия общечеловеческая, исторически – религия империй или вселенской империи. Но откуда тогда всплеск протестантизма, или православие, самодержавие, народность? Можно ли сводить их к бессознательному проявлению национальной идеи в готовой форме? Идеологии вообще можно приспособлять к чему угодно, поскольку «мораль» всегда служит ширмой для дурных поступков, иначе говоря, в идеологиях всегда есть некоторое оправдание, то есть моральность или «добро», благо.

Собственность и ценность. Разные виды собственности имеют разную ценность, но вообще всякая цен-

⁶⁵ Тезисы о правах меньшинства, отдельной личности, о природной иерархии прав, о гармонии общего и частного также, безусловно, являются моральными постулатами, но в конечном счете и они вытекают из идеи равенства, «справедливости».

⁶⁶ Ментально это, видимо, осмысление понятия «единого», стадия развития абстрактного мышления.

ность имеет в себе хотя бы потенциально признак собственности, потому что то, чего нельзя присвоить (использовать), не может иметь ценности. (Понятие «Я» – исходная ценность). Мир никто не может себе присвоить, но мы им пользуемся, поэтому он нам принадлежит, а мы ему.

По Марксу собственность – общественное отношение, а именно – производственное, из которого вытекают другие отношения, во всяком случае – представления данного общества о полезном, желательном, идеальном. То есть эти представления вытекают из *интересов*. Собственность на землю – нарушение «естественного права» (средневековый, традиционалистский коммунизм, признающий только условную собственность). Собственность на дома, орудия, прочие продукты труда⁶⁷, – проявление «естественного права». Промежуточное понятие – «земля для тех, кто ее обрабатывает».

Нации и государства существуют как исключение из идеального принципа естественного права (ведь все земли принадлежат всем, как бы по заповеди христианского Бога), и вместе с тем его конкретная реализация (земля принадлежит тем, кто на ней живет).

Собственность – краеугольный камень существования общества, почти как «Я». Попытка от нее отказаться, все равно что отказаться от части «я». Но формы собственности меняются.

Мораль всегда ограничивает собственность постольку, поскольку несет в себе регулируемое насилие, запреты, табу. Ограничение «я». Весь вопрос в мере. *Распределение благ и собственности*. Право на распределение продуктов труда вытекает не из самого труда, а из права собственности.

Собственность на идеи (патенты, авторское право, отождествление идей/открытий с людьми) специфична.

⁶⁷ На ранних стадиях и людей - рабов, жен (В декалоге – «не пожелай жены ближнего, ни вола его, ни осла»).

Идеи нематериальны, поэтому они принадлежат всем. В лучшем случае можно претендовать на цитирование авторства, которое принято в науке. Смысл плагиата заключается в присвоении чужого труда, затраченного на оформление идеи, но не в копировании ее самой – идеи могут вырабатываться разными людьми независимо друг от друга. Источник плагиата находится внутри личности, которая не может высказать нечто свое и неспособна или не хочет затрачивать на это труд.

Идея – это озарение, которое может приходиться в процессе творчества, умственной работы, но ее нельзя запатентовать, так как она безлика, в отличие от оформленной (воплощенной в конкретные слова, формулы, «материально» словесную форму) заявки. То что можно высказать разными словами (но это практически любая идея) невозможно запатентовать и защитить, хотя понять, что скопировано, а что оригинально, люди («эксперты») могут. Иначе говоря, чтобы приносить прибыль, идея должна быть не только высказана, но и воплощена. Произведение искусства может быть воплощено в текст или образ; абстрактные философские и научные идеи, несводимые к формулам, сложно запатентовать.

Это проблема права вообще, и патентного права в частности – зафиксировать то, что невозможно зафиксировать. Продлить существование мимолетного. Самая дорогая вещь, в том числе экономически, это идеи, но не просто высказанные, а реализованные, воплощенные в практику, в том числе в книги.

– Землевладение и рента, «естественность» процесса приращения ценности (или доходов – во времени).

О землевладении было говорено выше, что это, с одной стороны, база всякой собственности («жизненное пространство»), с другой стороны, – исключение, так как земля, пространство принадлежат всем (в том числе и другим живым существам, кроме людей). Это естественное

основание собственности, которое является и прообразом ее существования во времени вообще. Время несет с собой расширение или умаление вещей, то же самое относится и к собственности. Экономическое понимание собственности – это ее производящий характер, возможность получения пользы, доходов, прибытков (или, соответственно, убытков). Земля рождает плоды – вот принцип. Что касается ее обработки, вложения труда, он представлялся, в основном, вторичным (обслуживающим, не главным), по крайней мере в традиционных обществах. Физический и сельский труд считался низшей формой занятий (заработка), хотя этому вроде бы противоречат античные идеалы «Буколик» и «Георгик». Во всяком случае земледелие, сельское хозяйство было основой экономики до Нового времени. Параллельно зародилось представление о «рентах», то есть доходах, приносимых имуществом – недвижимостью и деньгами. Гипотетически рента – понятие связанное с оборотом, хотя его можно мыслить и в натуральном хозяйстве, как накопление продукта.

Под рентой можно понимать любой производственный доход с имущества. С точки зрения ценностей, рента – это социальное подобие естественного, материального прироста; получение ценностей на основе одного правообладания, в силу условного звания собственника чего-то. При этом имущество или деньги могут и не приносить количественно выраженного дохода, если я ими пользуюсь сам или не пользуюсь вообще. Рента связана с уступкой имущества и прав для производственных («предпринимательских») целей. Вообще принцип предпринимательства: деньги, имущество рожают деньги. Но это зависит от количества, здесь масштаб (соизмеримость с человеком, его мерками, как и в других случаях) рождает характер, качество. Овеществленные ценности, в которых накоплен труд разного рода, могут приносить доход в силу владения ими в течение какого-то времени. При этом часть вещей (практически все) теряют свою материальную

ценность от износа, эксплуатации, устаревания. (Полное использование – уничтожение). Стоимость вещей постоянно меняется, должна меняться и рента.

В экономике все постоянно меняется; оценивать национальное богатство⁶⁸ невозможно в силу непрерывного износа – есть «вечные» ценности – природные ресурсы, которые самовоспроизводятся или не меняются с точки зрения экономического потенциала; есть культурные ценности, в силу своей виртуальной природы со временем набирающие цену, и есть промежуточные между ними продукты общественного материального производства, которые начинают устаревать с момента появления на свет.

Виртуальная часть стоимости: если вы убеждаете покупателей, участников рынка, что ваша марка, бренд содержит в себе дополнительную ценность, она продается дороже. Эта дополнительная ценность входит в стоимость (покупательную способность) денег. Если авторитет страны высок, если у нее есть мощные рычаги влияния, то велик и кредит, хотя он обеспечивается виртуальными факторами.

Высокие процентные ставки по кредитам (да и депозитам) говорят о высокой инфляции, о лихорадке и недостатке доверия. Высокие ставки рефинансирования – удорожание денег (но на деле движение за инфляцией). В сущности они влияют на стоимость денег, но по-разному на внутреннем и внешнем рынке. Снижение учетной став-

⁶⁸ Что такое национальное богатство? Это прежде всего, авторитет, престиж. (Курс валюты). Политический вес, реноме. Вторых, «нравы», в смысле способов жизни, как люди живут, строят дома, питаются, убирают мусор. Ноу хау. Дальше, накопленные и производимые материальные ценности. Потом материальные ресурсы, которые могут использоваться, а могут и лежать без дела. В-пятых, это может быть «энергетический» потенциал, производное от всего предыдущего, способность жить и действовать. (В расизме - жизненная сила народов). В общем, национальное богатство – субъективная, воображаемая величина, определяемая в контексте международных отношений.

ки приводит к удешевлению денег на внутреннем рынке, но повышению внешнего курса, так как внутренние заимствования, в национальной валюте, становятся более выгодными. Повышение ставки снижает инфляцию, потому что государственный источник денег, запускаемых в оборот, иссякает. Особый случай в американской экономике, валюта которой обслуживает мировой рынок. Доллары можно печатать почти в неограниченном объеме, поскольку они обслуживают мировой оборот и как бы обеспечиваются наличием товаров на мировом рынке.

Сбалансированная инфляция – рост цен и доходов в цифровом исчислении, не связанный с реальным перераспределением благ. Избыток денег в обороте якобы способствует росту экономики. Возможно, в «рыночной» экономике опережающий рост условной ценности как-то подталкивает к росту реальной. Каждый субъект общества влияет на инфляцию своим участием в рынке, в рыночном производстве и потреблении. Инфляция – некоторый избыток денег на рынке, когда государство превышает свои доходы и тратит больше, чем получает ценностей. Часть денег при этом изымается их собственниками из оборота для накопления, как и часть ценностей, потенциально «ликвидных», но не продающихся. Вообще, противопоставление потребления и накопления условно, так как это динамические процессы, разные формы использования ценностей.

Кредит – двигатель экономики, прогноз и обещание будущего роста, того, что деньги будут приносить прибыль. Но это как обещание, с одной стороны, так и обязательство, с другой. Если процентные ставки (обещания развития) высоки, они спекулятивны, речь идет о высокой инфляции – обесценивании денег, государственной пирамиде (лихорадка, высокая температура), государство должно их снижать. То есть кроме развития, инфляция указывает на степень доверия в обществе. При высокой инфляции общество видит, что ситуация слишком нестабильна, изменчива, государство не справляется со своими

обязанностями. При низкой инфляции как бы нет стимулов для роста. Не хватает денег, платежеспособного спроса. Если ставки низкие – идет замерзание экономики, никто не гарантирует прироста. Следовательно, ставки кредита (и инфляции, которая с ним как-то связана), должны быть средними, исходя из средней «нормы прибыли». Деньги – условная ценность, прибавляемая к реальным ценностям (товарам и услугам), но живущая самостоятельно, то есть не только обслуживающая оборот, но и накапливающаяся, производящая прибыль. Это материя (кровь) рынка. Изъятие денег из оборота частными лицами, накопление вызывает потребность в увеличении их общего объема и в конечном счете ведет к их обесцениванию.

Банк, наряду с государством, является учреждением по перераспределению средств. Но, в отличие от властей, он их не делит, а собирает излишки и выдает займы тем, кто может приумножить эти средства. (Отсюда понятие резерва, запаса денег).

В чем разница между собственником и управляющим? В современной экономике управление предприятием строится, в основном, на кредите. Богаче всех банки, у которых не обязательно есть материальные активы или их может быть мало. Поэтому сегодняшняя частная собственность в гораздо большей степени, чем раньше, является виртуальной, она выражает некий виртуальный капитал, кредит доверия и власти. Собственник тем богаче, чем больший у него кредит. Деньги как ценность сегодня выражают скорее властные отношения, чем являются количественной мерой материальных благ. Происходит виртуализация экономики – в этом ее эволюция, и в этом эволюция всего общества в целом с точки зрения накопления ценностей. Ценности приобретают характер информации, наличия сведений, знаний, технологий в широком смысле. Но это меняет природу человека, увеличивает возможность манипуляции им, непрямого, неэкономического управления.

Собственник сегодня становится суррогатом собственника, так же как суррогаты в других сферах вытесняют натуральные продукты. Владение ценными бумагами – суррогат финансового богатства. Суррогаты в духовном производстве – реклама. В науке – продукты, создаваемые ради непосредственного получения доходов их авторами (я не имею в виду прикладные разработки). Все что делается не ради изначальной цели – питания, познания, облегчения жизни, получения эстетического удовольствия (искусство) – суррогаты.

Инфляция ценностей и история

Уровень жизни – понятие, не ко всем эпохам применимое, скорее, только к рыночной (где все можно измерять в деньгах). Как сравнивать стоимость лошади (коровы) сегодня и 200 лет назад, когда значение предметов было совсем другим?

Вернемся к культурологической роли мусора – с точки зрения ценности это ненужное, отбросы и отходы, вещи, непригодные для пользования, вышедшие из моды, устаревшие. Восприятие вещей в культуре в плане времени, например, в истории восприятие текстов как источников – это частный случай обращения вспять обычной установки человека на новое. Источники – это старые тексты, используемые для условно новых (сегодняшних) целей, реутилизация старого. Культура строится на постоянном запоминании ценных установок и знаний, и одновременно на поиске нового, заменяющего старое. Отношение к прежней, другой культуре как к подлинно *своей* ценности возникает в эпоху Возрождения – отсюда и ее имя; в Средние века прежняя культура была забытой, позднее, в Новое время, уже чужой, но после ренессансного периода подражания сформировалось представление о равноправности разных культур, идея культурно чужого как ценного. Культурные ценности противостоят материальным и виртуальным (деньгам), именно благодаря своей немате-

риальной природе. Они сохраняют ценность безотносительно времени, а их материальные воплощения (предметы искусства и другие памятники) со временем дорожают. Это результат противодвижения человечества во времени. Сегодня предметы массовой культуры древности имеют высокую ценность вследствие своей низкой сохранности и редкости. С сегодняшней массовой культурой должно быть иначе.

Развалины с эпохи романтизма, а фактически – начиная с Ренессанса приобретают высокую ценность. Под этим лежит диалог культур, новый способ получения новых знаний и ценностей. Это именно осознание мультикультурности развития человечества, ценности разнообразия и диалога в силу диалогичности познания. Лозунг «к истокам» скрывает за собой более глубокий и менее очевидный (неосознанный) принцип общечеловечности, важности каждой индивидуальности, персональной и социальной (гуманизм). В ходе технологического прогресса меняется отношение к вещам – в «традиционных» культурах старались продлить им жизнь, с точки зрения рынка это невыгодно, деньги должны рождают новые деньги, вещи становятся одноразовыми. Такая установка сказывается и на отношении к жизни в ощущении ее сиюминутности, сокращении устойчивых привязанностей, стремлении их обрывать. Если все становится товаром, то это переходит и на любые человеческие связи. Но есть и обратная тенденция – поиск долговременного вложения, которое будет гарантировать постоянный прирост доходов, как минимум нивелирующий инфляцию, – мать и одновременно порождение кредита.

Если не будет инфляции – не будет и кредита. В этом смысл разговора о месте посредников – банковской и финансовой системы. Идеальные и не меняющиеся в цене деньги будут не торгуемым товаром, а чисто количественной единицей измерения. При данной производительности труда все издержки предпринимателя и его прибыль будут постоянными в денежном выражении, как и закладываемая в эти издержки выплата процентов по кредитам и их

основной части. Но собственно кредит в таком случае становится лишь частью механизма обмена, обеспечивающей функционирование производства от изготовления товара до его реализации. Этот идеальный случай был бы равнозначен социализму, так как неподвижные отношения можно было бы зафиксировать и поддерживать извне. Но здесь не учитываются конкуренция, развитие технологий и повышение производительности труда. Все эти факторы должны вести к удешевлению товаров, то есть повышению покупательной способности денег, антиинфляции, условно, к прогрессу в потреблении благ (в целом с точки зрения «уровня жизни» человечества он и происходит). Парадокс в том, что рынок возможен лишь при условии постоянного роста, но это условие в конкурентной среде ведет к производству избыточного количества товаров.

Биосоциальный источник инфляции – жажда наживы. Любой общий рост цен есть инфляция – удешевление денег, то есть снижение их покупательной способности. При этом деньги как товар дорожают, растет стоимость кредита. Это один из двух факторов или тенденций рынка – удешевление товаров вследствие конкуренции и пр. – и вздорожание в результате «естественного» повышения цен. Предприниматели и вообще обладатели денег стремятся к увеличению прибыли, а это достигается путем игры – одни разоряются, другие – меньшинство – богатеют. Уровень жизни среднего класса соответствует данному уровню «прогресса», то есть достигнутому уровню производства и потребления материальных благ. Но скорее всего, главным источником инфляции является публичная власть и ее носители, постоянно увеличивающие свои расходы и перераспределяющие доходы в свою пользу. Гиперинфляция – рискованная форма изъятия благ правительством у населения, перераспределения ценностей внешне «экономическим» путем.

Инфляция – избыток денег, кризис ликвидности – недостаток. Революция цен в XVI в. – избыток золота и се-

ребра, их резкое удешевление, рост цен на другие товары. Но подешевел ли кредит? Денег не хватало для покрытия расходов Испании. Безналичный оборот предполагает все равно наличие денег, хотя и не металлических, то есть условной единицы измерения товарной ценности, соблюдения правил пользования которой гарантируется государством. Чтобы эмитировать эти деньги, государство должно иметь реальные ценности, их «обеспечивающие», иметь кредит (доверия), обеспечивать его для всех участников рынка. Денег должно быть столько, сколько совершается сделок.

Если американцы взяли на себя функцию снабжать мировой рынок деньгами (по Бреттон-Вудским соглашениям), то их огромный государственный долг закономерен – доллары должны оборачиваться в процессе создания мирового ВВП. Вернуть доллары как свои долговые обязательства США могут, например, продав Аляску (отдав за долги) – если она кому-нибудь нужна.

Деньги – это количественная мера ценности. Как информация – количественная мера знания. Но ценность – качественное понятие, то есть деньги – отвлечение абстрагирование от качественной стороны ценности. Знание предметно, а информация – отвлечение от предметности. Информация – не знание, а особый субстрат знания. Человек (и животное, и все вещи) – объект приложения внешних сил, которым он пытается отчасти противостоять. Так задумано в природе и эволюции. Он может что-то сломать, но не сотворить (хотя есть химический синтез). Общество – это коллективный человек, который желает вечного блага, но творит вечно зло.

Сфера идей при ее внешней изменчивости чрезвычайно консервативна. Отсюда мимолетность конкретного бытия и вечность идеи, отсюда же представление о боге. Психологические и социально-психологические структуры устойчивее вещей. Меняется мода, но не принципы жизни, особенно в базовых, природных потребностях.

V. История социальной эволюции человечества и мораль

Необходимость организации и распределения обязанностей

Социальность – условие и исходный пункт человеческого бытия (по известному определению Аристотеля). Вместе с тем она – продукт культурного, а следовательно, и исторического развития, формы ее бытования порождают человеческие институты (и сами порождаются ими). Из социальности вытекает принципиальная диалогичность

познания (не только обратная связь индивидуального «сознания» с реальностью, но и контакт с другими сознаниями, который позволяет проверять ощущения, понятия, восприятие – придает им единственно доступную человеку объективность). Условная социальность лежит в основе живой природы, потому что все живые существа так или иначе должны общаться с себе подобными, например, для продолжения рода. У человека социальность является условием его специфического способа приспособления к миру, взаимодействия с ним и его преобразования.

Устройство общества, его деление на группы, ролевое распределение (репертуар), представления о нем и о том, каким оно должно быть, являются фундаментальными характеристиками исторического описания, будучи продуктом как внешних факторов, так и усилий самих людей.

Социальная природа морали. Противоречия

Возникновение морали (здесь – в узком смысле слова как запретов, и во вторую очередь, предписаний) целиком вытекает из социальности. Мораль – условие и продукт социальности. (Мораль, как было говорено выше, изменяет природный закон – «естественное право» – требуя от человека отказываться от одних заданных его биологической природой целей ради других целей, которые можно назвать социальными – хотя они тоже восходят к биологическим принципам). Мораль – это совокупность запретов и предписаний, которые исходят из принципов равенства (или иерархии, порядка), существующих в любом сообществе (например, пчелином рое), но у людей получающих рациональное, то есть отвлеченное и осознаваемое, сознательное обоснование. В то же время это осознание и осмысление первоначально происходят в полубессознательных формах, символических, магических и религиозных. Их рациональность условна, но смысл связан с задачами выживания коллектива. (Жертвоприношение). Реальные поступки, естественно, часто или даже в

большинстве случаев определяются не моральными побуждениями (и часто противоречат запретам), – однако моральность, нравственность становится критерием оценки и мерой «человечности» человека.

Мораль выступает как внешнее (через сознание превращающееся во внутреннее) принуждение, и воспринимается как нечто, стесняющее свободу (которая, в свою очередь, является нравственной ценностью, воплощающей в себе независимость индивида, в том числе коллективного). Теоретически можно рассуждать о безнравственности поступков человека по отношению к самому себе, поскольку он, его сущность отождествляется с неким «теоретическим» (идеальным) благом – это выражается, например, в учении о спасении души. Пороки – болезни души. Проблема кодекса поведения соответствует проблеме внешнего и внутреннего. Индивид, отдельный и коллективный, является самоцелью для себя, но он осознает и такую же самоцельность и самоценность других живых индивидов, откуда – из этого рационального осознания, и возникает кодекс – писанный или неписанный закон поведения в отношении других индивидов. Опять-таки, нечто подобное существует и у животных.

Обобщенный человек, взгляд на него науки (медицина)

Повторяемость в субъективности. Материально существуют только индивиды⁶⁹, но их человеческое бытие возможно лишь в культурном пространстве, то есть оно виртуально с точки зрения человека как мыслящего существа. Люди являются носителями общих черт, в том числе

⁶⁹ По Мизесу в тоталитарных философиях «реально» существует только коллектив: *Мизес Л. фон. Теория и история...*, гл.3.3. Доктрина утилитаризма: новая формулировка.

и ментальных, духовных, что имеет как генетическую, так и культурно-генетическую подоснову. Человек – это набор интенций, процессов, протекающих одновременно и объединенных материальным субстратом. Субъективность в своем роде очень устойчива, кроме того, она направлена по своей сути на самосохранение, на самопродолжение.

Возможность обобщенного описания, нормальность. Внешний человек вполне поддается так называемому научному, то есть объективному описанию; у него есть параметры, которые можно оценивать количественно; вся его материальная и физиологическая часть управляема автоматически действующими законами, но она, несомненно, действует и на поведение в целом. Физиология и культура тесно связаны, однако физиология действует непреложно, это царство необходимости, а культура – царство выбора и даже вкуса. (Вкус, впрочем, явное следствие возможности осознанного выбора). Для врача как такового его пациент всегда «больной», а не личность (функция, как в библиотеке – «читатель»). Это неизбежное свойство разума обобщать (оно и есть разум). Или выделять существенную черту, абстрагируясь от других. Описание человека как личности не потому трудно, что его поведение строится на ценностях, а потому, что в нем присутствует момент непредсказуемости, вызванный богатством вторичных, культурных (не только физиологических факторов), действующих на него. В одном и том же ресторане я склонен заказывать всегда одно и то же блюдо, что говорит о детерминированности моего поведения, а не только о постоянстве пристрастий. (Или, может быть, лучше сказать, что детерминированность поведения в данном случае выражается в постоянстве пристрастий). Однако разнообразие, множество действующих факторов, которые проходят через фильтр сознания, позволяет предполагать исключения, тоже беспричинные, и вероятностные, но непредсказуемые. Когда человек поступает вообще непредсказуемо, о нем говорят, что он бесшабаш-

ный, или без царя в голове, или бешеный, или ненормальный. Власть над собой предусматривает способность держать себя в руках. Ненормальный не в состоянии это делать, у него нет власти над собой. Отсюда и неменяемость – в том числе и предположительная правовая. Человек многогранен, от природы в нем возникает желание убивать – оно естественно, хотя может быть и окультурено тоже. Об этом пишет, в частности, Достоевский. Мораль – подавление части естественных желаний, и агрессивных в том числе, она вносит в природные ценности человеческую систему. То есть в данном случае под моралью понимается окультуренная система ценностей – своего рода технология поведения. Понятие нормы говорит об общепризнанной детерминированности поведения людей, не только первичной – законами природы, физиологии и т.п., но и вторичной, социальной, разумной, сознательной, то есть превращенной, отраженной, включенной в культурную традицию, наполненной смыслами приятия-неприятия, целесообразности и ценности. Ненормальность – отсутствие обратной связи, заикленность на одной идее или цели, нежелание учитывать условия и обстоятельства. Но есть и более хитрая ненормальность, скрытое упорство при внешнем приспособленчестве – так называемый «иезуитизм».

В истории параллельно идут процессы обособления и нивелирования людей, формального освобождения их от внешних норм и психологического закрепощения внешними нормами. Процент технологичности в поведении растет, степень подражательности, видимо, тоже; увеличивается давление стереотипов, отсюда желание раскрепоститься, выделиться, стать таким, как «яркие» личности («звезды» – которые, в свою очередь, штампуются по одной болванке). Массы становятся более управляемыми, но растет и атомарность индивидов.

Предсказуемость. Жизнь общества, а следовательно, и история, является в некоторых аспектах гораздо более предсказуемым процессом по сравнению с жизнью

природы. Речь идет, правда, не об общих законах – притяжении, вращении земли (циклических), механике, физике, химии и т.д., а об описании реальных, конкретных, «индивидуальных» процессов. Тут действуют законы вероятности, случайное распределение свойств, качеств и событий – как в неживой, так и в живой природе. Но в живой природе, а особенно в человеческом обществе, к ним прибавляются целенаправленные усилия живых индивидов, совершающих свои движения – живущих во времени, с выбором и предпочтением, с соревнованием и игрой. То есть понимание целей, заложенных в индивидах или избираемых ими, увеличивает предсказуемость их поведения. Разумеется, наличие целей не всегда гарантирует получение результатов. На то и цель, что ее реализация *не* неизбежна. Но понимая эти цели, мы лучше предсказываем наступление тех или иных событий в обществе. Всегда делаются предсказания войны, экономических кризисов и пр., даже результатов футбольных матчей – иногда более точные, чем прогнозы погоды. Последние включают в себя элемент случайности, сильно влияющий на метеорологические явления. А общественные события содержат элементы, снижающие случайность – культурно-технологические – это как бы и есть содержание исторического процесса и прогресса – снижение случайности, произвольности, непрочности, брэнности, шаткости человеческой жизни – ее зависимости от внешних обстоятельств. В игре всегда присутствует элемент мастерства. То есть совокупности природных и генетических задатков с усвоенными навыками культуры и технологии. (Обратной связи). В соревновании этот фактор очень сказывается. Но всегда остается элемент случайности, а следовательно, вероятности. Вот его-то и хотят устранить те, кто обращается к астрологии, магии, гаданиям и т.д. Все это разные вещи. Астрология пытается устанавливать законы действия небесных тел на людей. Законы, впрочем, склоняющие, но не обязывающие. Если говорить только о связи неба и земных яв-

лений, почему бы таким законам и не быть? Если их можно достоверно установить и доказать, а лучше объяснить, это и будет наука. Другое дело, предсказание событий, которые в принципе зависят от воли людей. Любой человек может рассчитывать их вероятность довольно успешно, именно исходя из предсказуемости человеческого поведения. Но предвидеть будущее (как и прошлое) в точности в этом смысле нельзя, потому что его еще *нет*, оно зависит не только от расклада и случайностей, но и от воли. Жизнь не может быть полностью (индивидуально, конкретно) предсказуемой – в этом ее смысл, иначе она теряет смысл. Если я – некоторые индивиды, склонные к распорядку – захочу свою жизнь полностью запрограммировать, не говоря о том, что это будет скучно – но для людей, увлеченных целью, такая задача может казаться полезной – это невозможно. Есть хотя бы вероятность нарушений распорядка.

Когда речь идет о предсказании будущего, обычно имеется в виду будущее в его случайных подробностях – судьба конкретных индивидов, «как и когда» в точности. Картины будущего мира и прогресса также могут быть любопытны – как наше продолжение. Но наименее интересно с точки зрения конкретных предсказаний то, что есть и было всегда – общие законы жизни, повторяемое, хотя через их познание можно конструировать будущее.

Магия и наука. Магическое отношение к миру – попытка воздействовать на него, не понимая его устройства, не понимая механизма вещей и основываясь только на опыте, на пробах и ошибках. Но исходя из представлений о связи всех вещей и их образов/символов. Если некие действия дают как будто бы искомый результат (хотя бы вероятный), они правильны. В тоже время, общее понимание мира в магии есть – это антропоморфизация всего, приписывание тайных, человеческих, моральных свойств вещам.

Наука, наоборот, строится на полном (доступном) понимании механизмов и устройства того, что для нее

доступно (в принципе, всего). Прикладная наука создает приложения теории, механизмы, хотя до конца, разумеется, и она не понимает устройства мира. Но наука не может рассчитывать на еще непонятые свойства вещей, она исходит из понятного. (И достаточного для определенных целей). В этом смысл и надежность науки, ее достоверность – и этим питается «вера в науку».

История – запись ходов в игре, которая никогда не кончается (но имеет раунды).

Об альтернативной истории. Один из ее вариантов похож на военные и прочие игры со сценариями – проигрываются схемы развития событий по принципу «если бы» – к реальной истории это уже неприменимо. Компьютерные игры по истории в этом смысле очень полезны, как и игра в солдатиков. Только их нужно сопровождать углубленным изучением обстоятельств эпохи, места и времени, то есть истории. Задним числом может показаться, что вариант-то был всего один – в сражении или войне, например. (Разумеется, *искомый* вариант – исход сражения, например. Постановка вопроса о будущем, о событии, здесь сугубо конкретна). Это конфликты, где побеждает сильнейший, как в спорте. Но история не заканчивается с игрой – всегда есть возможность реванша. Еще один вариант – почти вся художественная литература. Это гипотетические истории, а не реальные – в большей степени, чем повествования историков – те стремятся воспроизвести в точности как было. Но и последним присущ элемент домысливания, то есть альтернативности (как бывает, ведь все повторяется, поэтому и возможно писать историю).

Предсказуемость в истории народов. Жизнь коллективных субъектов, в частности, народов, тоже такова. Она еще более предсказуема, так как здесь меньше вероятности, больше слияния воли, совпадения интересов. Народ живет общими интересами, которые должны обслуживать «великие люди». Другой вопрос – отсутствие взаимопонимания на этот счет между людьми и их группами.

История, действительно, в некотором роде предсказание, обращенное назад. Мы оцениваем вероятность случившихся событий, как и их современники, для которых они еще должны были случиться (хотя их взгляд для нас не совсем доступен), но мы видим и результаты, как все получилось. Собственно, участники событий предвидели войны и кризисы, даже планировали их, но никогда нельзя подсчитать, кто именно погибнет и сколько будет жертв. А это важно для индивидов. Нельзя точно сказать, кто выиграет войну, а это важно для коллективных индивидов. (Хотя можно сказать, что будет война, ее начало обычно мало зависит от воли индивидов, или не зависит вообще). Но альтернативная история бессмысленна потому, что нельзя идти дальше одного допущения. Следующее допущение уже почти утрачивает вероятность, так как внутри поля событий слишком много самых разных, недоступных учету сцеплений.

История – наука – заключается в сопоставлении планов, прогнозов результатов, в смысле предсказуемости. Ее урок – в бесполезности уроков, как потому, что люди действуют «в ослеплении» – глядя со своего уровня, не замечая того, чего им не хочется или не дано видеть. Так и потому, что будущее индивидуального непредсказуемо, события имеют вероятностную природу.

Событиями мы называем конкретное осуществление прогнозируемых на основе законов, человеческих стремлений, раскладов, обстоятельств и вероятностей – осуществление тех или иных положений, вернее, перевес чаши весов, результирующие положения, в которых одна из сторон меняет положение – выигрывает, проигрывает. Значительная часть вышеназванного (с точки зрения теории коммуникации) и является информацией. Но не вся, так как помимо конкретной «информации» о состоянии систем, мы должны обладать «кодами». То есть быть людьми – иметь структуры, обеспечивающие понимание жизни и взаимодействие с миром. Наше понимание зако-

нов, устройства мира, воспринимающие способности, способность истолкования, сравнения, отношения не суть информация. Наше «Я» – не информация. Его материальная основа – загадка жизни. Конкретное, «материя», субстанция вещей (единство субстрата и свойств, черт, формы, внешнего и внутреннего) – ставшее законом, общим, в потенции вечным.

Событие – вещь достаточно субъективная и условная, – то что мы считаем таковым, то есть значимым.

Человечество приспосабливается к условиям мира, того, что представляется ему внешним, то есть ко всему. Я – к не-Я, в том числе и понимаемому как Я. При этом способ его бытия все время усложняется, человечество пытается все больше застраховать себя от случайности (речь идет все время об аспекте предсказуемости) – но получается наоборот. Уязвимость систем, связей, сложных процессов производства и воспроизводства все время возрастает. Надо полагать, что чем сложнее система, тем более она уязвима. Но не все так прямолинейно. Человеческий (и любой живой) организм – сложная система (вопрос, сложился ли он стихийно, путем эволюции, или его создал высший разум, как люди компьютеры). Но он очень хорошо защищен, в этом смысл эволюции, как будто – в повышении защищенности.

Описание индивида (в том числе коллективного – история), событий его жизни по необходимости должно быть художественно, то есть неповторимо, история – роман из жизни народов. Конкретность и субъективность роднят историю с искусством, поиск объективной истины – с наукой. Жизнь собственно человеческого индивидуума, не как физического тела или организма, каковым он тоже является, должна описываться не в терминах «культуры» (культурной антропологии), а в ценностных параметрах. Нет мыслей, которые не несут ценностной нагрузки (сейчас это называют мотивацией; термин, используемый в психологии).

Наличие интересов в истории, как индивидуальных, так и групповых, заставляет говорить о пристрастности теоретиков. Это черта их субъективности, которая вообще присутствует в любой теории и в любом сознании (и в «науке»).

Эмоции, страсти – через них действуют законы, принуждения, как и через интересы, это фактически формы проявления интересов (чувства испытывают и животные – это физиологические реакции организма, сопровождающиеся химическими изменениями). Люди производят мысли.

Мое поведение детерминировано моими мыслями (и рефлексами), а мысли – «средой», в том числе генетической, как биологической, так и культурной.

История не должна быть описанием только внешнего человека и обобщенного человека, то есть социального (как и экономического). Но вопрос в том, каково соотношение ее частей. Описывая внутреннее состояние, мы делаем его внешним. Даже поэзия (художественное сознание, то есть придающее миру совершенство с точки зрения рассматривающего его человека) делает внутреннее и моментальное достоянием всех и непреходящим. История (так называемая «большая») – действие в культурном пространстве.

Снова о понятиях, описывающих общество

Понятия и описание исторической реальности. В социальном плане человек склонен оценивать свое положение как удовлетворительное или нет, то есть стремиться изменить его или даже устройство общества в целом. Вопрос: свидетельствует ли это о некоей общественной «закономерности», наличии в обществе предпосылок для перехода к «высшей» – хотя бы другой форме? Используя понятия, мы подразумеваем и «законы». Но где граница индивидуальности исторических периодов? Существует ли «социальный прогресс»? Двигается ли общество от более низкой технологии сосуществования к более высокой

(оптимальному «разделению труда», а заодно и доходов)? Имеем ли мы право настолько обобщать, чтобы говорить о капитализме и социализме? (Общественном строе). Ясно, что это «конструкты», но они имеют некоторое объективное содержание, и чем их заменить? Если есть слово (Бог, например), то есть и стоящая за ним реальность, хотя бы в той или иной степени вымышленная или домысленная. Если бы миром правили идеи, то принцип капитализма был бы действительно формообразующим для ряда обществ (или стадий их развития). Мы можем констатировать, что есть определенное движение и есть культурная гомогенность – то есть распространение культурных стереотипов путем передачи или путем сходства в развитии. Это относится и к конкретным ценностям (традиции), и к социальным изобретениям (парламент, демократия, рабство, тирания). У каждого времени свои слова для их обозначения (и свои историки и «хроникеры»), значит, проблема в истории слов? Если капитализм не умер, как предрекал его исследователь Маркс, значит, это был не капитализм, или не тот капитализм (как он описан), или он переродился во что-то иное, или за основу взяты не те параметры (производство, экономика и пр.).

Игра людей с понятиями ведется прежде всего в проверке последних на достоверность. Понятия, описывающие социальную реальность, не могут быть вполне внешними, объективными, это всегда уже некие изобретения.

Паровоз или автомобиль сконструированы людьми и являются плодом их коллективных усилий, но это не дает нам права отрицать их существование.

Капитализм и «Средние века» – понятия, сконструированные людьми, но они описывают историческую (преходящую, событийную, возможно, не повторяющуюся) реальность, то есть сконструированную людьми только наполовину, в процессе преследования «объективных целей». Информация и революция – как слова – продукты определенной школы или стадии сознания, как явления -

это продукты и воли/сознания, и объективного мира. Доля сознательного конструирования в социальных понятиях не так велика, чтобы считать их чистыми продуктами творчества, но и не так мала – как результат действия многих причин и усилий.

Термины, демократия. Есть еще оценочные понятия-образы – Отечественная война, Славная революция; национально-освободительная борьба, тирания. Это в значительной степени мифологизирующие инструменты политики и политиков. Они призваны зафиксировать историческую реальность в виде шаблонов.

Демократия в широком смысле – это отсутствие вмешательства в жизнь общества со стороны государства (в идеале это было бы полное отсутствие), самоорганизованное общество. Уже – распределенность власти, противоположность централизму. Но идеал недостижим, поэтому любая демократия прикрывает чьи-то бóльшие полномочия. В политической организации соотносятся две крайности – полная управляемость и отсутствие управления. В.Парето говорит о постоянном колебании исторического маятника между централизмом и распределенностью, но этот процесс не совпадает с эволюцией политической демократии (подразумевающей равенство прав).

Демократию следует противопоставлять не «тоталитаризму», а порядку: где есть демократия, нет порядка, где есть порядок, нет демократии. Политическое устройство современных государств пытается совместить эти две несовместимые вещи. Можно, конечно, говорить, что демократия и есть сознательно соблюдаемый порядок, но на деле всякий порядок ущемляет чьи-то интересы.

Социальное конструирование. Стадо – изобретение природы, коллектив – культуры. Стало быть, в последнем уже есть элемент сконструированности (производства), необязательности, хотя бы это было на 99% подражанием «природе». Иначе говоря, всякое общество не совсем стихийно, оно продукт сознательных, полусознательных, мо-

жет быть даже бессознательных, но целесообразных усилий людей. Тогда возникает вопрос о причине этих усилий (воспитании воспитателя). Ясно, что это в принципе заложенные природой цели, по-новому – качественно – достигаемые. Никак не удастся обойти вопрос об «объективности целей», то есть о провиденциализме. (Или предустановленности результатов. Но всякое движение ведет к чему-то предопределенному. Если я иду направо, то я не приду налево, впрочем, если не буду кружить). Человек может ясно не осознавать своего стремления, обычно восходящему к животному инстинкту, но он проявляет свою способность находить новые средства для его реализации, то есть снижает степень автоматизма. По Дарвину и автоматизм вырабатывается путем эволюции, стихийно, то есть он не вложен творцом, а развивается из бесконечного множества потенциалов, имеющихся в мире-природе. Но должна быть хотя бы бóльшая вероятность осуществления именно таких потенциалов перед другими (например, зарождения жизни, ее перехода в человеческую – осознаваемую стадию). Путь предопределен, но путей много, ступив на один из них, ты выбираешь судьбу. Выбор тоже предопределен, но степень свободы в процессе эволюции увеличивается. Полная свобода равна полной бесформенности (следовательно, информация уменьшает степень свободы, раз она увеличивает определенность, снижает уровень хаотичности. Порядок противоположен свободе). Но человек использует знания для изменения также и природы целей. Цели природы эгоистичны, цели людей моральны (социалистичны, альтруистичны – в меру). Продукт морали – страдающий бог, бог, страдающий из-за несовершенства созданного им мира. С точки зрения морали миг равен вечности, имеет такую же ценность, поскольку он, хотя и похож на другие, но неповторим, самоценен. (Как и «Я»). Модель будущего в человеческом уме идеальна; цели, существующие в представлении, вытекают из

природных потребностей, но отличаются от них, как любое отвлеченное представление от реальности.

Мы не можем усовершенствовать (сделать совершенным для себя) общество, поскольку оно остается внешним для нас, хотя мы в нем живем. Мы не можем усовершенствовать себя, потому что в нас действуют внешние принуждения. Но мы пытаемся всему этому противостоять, возможно, исходя из других принуждений. Свобода в известном смысле – это смерть, казнь (принуждение к концу жизни, ср. ниже) – освобождение от всех принуждений (Сократ, Христос). Люди любят распинать своих учителей, потому что учителей не только любят, но и ненавидят. Плод учения горек. Учитель наказывает, сечет. Сталин, по некоторым оценкам, хотел быть любимым учителем, и вместе с тем – вооруженным пророком. Идея справедливости не совпадает с естественным правом, но вытекает из него. Ведь естественных обществ (коллективов, социумов) не существует. Всякий социум «строится» на некоей идее справедливости, вытекающей из общепольности. В том числе и иерархической справедливости (разделение труда – оно предполагает отступление от идеи «арифметического равенства»). Но вместе с тем и общую для всех цель). В семье, первой ячейке власти, есть естественное неравенство – в кавычках «естественное», так как власть тоже конструкт, не только как понятие, но и как феномен. Отецская (родительская) власть – причинно-следственная, «благородная», благородство – критерий ценности, опирающийся на время. Есть разные аргументы в пользу справедливости того или иного положения. Естественность, природа – аргумент, которому противопоставляется со временем сверхъестественный аргумент. Ведь общество, люди – выше естества (это осознается с течением исторического времени). Природа вещей – аргумент, древний как мир. Надприродное начало – аргумент, объясняющий нестыковки между целями людей, их идеальным планом, и результатами. Первая нестыковка чисто

количественная – на всех не хватает. Вторая моральная – права равные не у всех. Общая причина несправедливости – естественное неравенство, несовершенство природы, точнее, реального мира.

Формообразование. Что же является формообразующим в мире, если в нем нет целесообразности, разумного начала? Хотя бы возможность есть – наличие времени предполагает возможность повторения и закрепления, отсюда понятие цели. Источник движения, энергия – на что она направлена? Что это такое с точки зрения порядка, разума, целесообразности? Энергия, по энциклопедии – характеристика движения и взаимодействия тел, их способности совершать изменения во внешней среде; количественная мера материи. Применительно к обществу термин употребляется скорее в переносном смысле. Энергия как источник движения сочетает в себе свойства материального и духовного. С одной стороны – количество, физическая сила, с другой – отражение, информация, сознание.

Энергетические проблемы в жизни человека и человечества

Энергия, материя, информация и жизнь. Условие жизни – энергетический обмен, физическая способность совершать действия, производить работу. Наличие ресурсов, их потребление, воспроизведение. Какова роль энергии в бытии живого существа? Нечто изменяется и при этом остается собой – до известного момента. Живые организмы остаются собой при условии определенных усилий – обмена со средой. Их движение не чисто пассивное, оно имеет направленность. Идеи жизненной силы и пассивности основаны на представлении о том, что деятельность организмов и народов определяется их энерге-

тическим состоянием. Мощность машины – ее величина плюс энергопотребление. Здоровье и болезнь – информационно-энергетические процессы. Человек может рассматриваться как субъект переработки информации, сущность человека – как набор информации. Но в нем есть еще энергетический заряд, колебательный контур, который вызывает к жизни эту переработку и ее обеспечивает. Человек и животное суть совокупности циклических процессов (как и бытие вообще). Материальное – энергетическое – информационное: эта схема воспроизводится и в обществе, жизнь которого осмысливается как состоящая из разных уровней. Для нее необходимы «материальные блага».

Ясно, что жизнь имеет материальное и энергетическое основание, то есть с определенной точки зрения является материальным и энергетическим процессом. Жизнь – это движение, имеющее цель. Энергия необходима для любого движения, но имеет ли она направленность? Координаты материальных тел – время и пространство, параметры энергии – сила (мощность), способность совершать работу, в том числе разрушение – то есть энергия не устанавливает ни порядка, ни беспорядка. Хотя согласно термодинамике запас энергии в мире, возможно, не бесконечен. Порядок существует объективно как нечто, отражаемое в голове как порядок – соответствие правилам и законам.

Все это применимо с поправками и к обществу как системе, где происходит материальный, энергетический и информационный обмен. Но жизнь этим не исчерпывается, не будучи чистым перетеканием информации. Бытует представление об особой форме энергии – живой энергии, или соединении энергии, материи и оценивающего начала. Божественной энергии. Организм использует энергию в материальной оболочке для своих целей. Следовательно, энергия – свойство и организма тоже. «Жизненная сила», жизнеспособность – категории, его обозначающие. Применительно к обществу была высказана идея «пассионарности», свойства народов и индивидов, близко напоми-

нающего жертвенность. Это способность совершать действия, работу по разрушению и саморазрушению. Энергия как более динамическое начало ближе виталистике, чем материя. Это потенциальный источник жизни, которая не может исчерпываться чисто духовными процессами (так как Я – не чисто духовное понятие, идеальное представление, набор информации, данных, это если не сугубо материальное, то энергетическое понятие). Творческая энергия – созидаящая (себе подобное, свое) и уничтожающая энергия, разрушающая, может быть, защищающая. Для распада и погружения в «хаос» не требуется энергозатрат. Но для уничтожения чего-то, разрушения порядка (например, «цивилизации» – феномена очень сложного порядка) нужна хотя бы энергия запала, начальной искры.

Возможен ли во Вселенной абсолютный хаос или абсолютный беспорядок (ничто не равно полному порядку)? Всегда есть какая-то форма организации и вместе с тем свободы. Свобода в этом «энергоинформационном» смысле есть противоречивое сочетание устремленности к хаосу и в то же время выбор известного порядка.

Человек есть своего рода машина, а машина своего рода животное, организм, в котором преобразуется энергия. Это человеческий вариант сотворения мира, другой мир с другими организмами. Машина приводится в движение человеком, как кукла, но она самостоятельно преобразует один вид энергии в другой. У нее есть пища (топливо), отходы, органы пищеварения и движения. Есть органы управления, только нет механизма самоопределения, но у роботов он появляется. Существует ли особая «духовная» энергия и чем она отличается от физической? Очевидно, что сознание чем-то подпитывается, имеет физический субстрат. Но его работа – не производство новой энергии, мысль – духовный продукт, не имеющий целью непосредственно двигать предметы. Мысль движет горы путем познания причин и законов, о чем ниже.

История и энергетика. Существует представление об особой духовной энергии, подпитываемое всевозможной паранаукой, шарлатанами и суевериями. Эта энергия якобы позволяет совершать некоторые материальные операции, недоступные для людей в обычном состоянии, не обладающих особыми способностями, например, двигать предметы, левитировать, читать мысли (это не собственно материальный процесс).

На самом деле мысль, а с ее помощью люди, имеют другие материальные способности, другой способ воздействовать на вещи – опосредованный, через создание моделей, выделение общих свойств, построения языка и понимание причин происходящего. Люди могут летать не как птицы – в результате, возможно долгих эволюционных поисков, а в результате сознательного, но не прямого подражания природе. Это резко сокращает путь к цели и позволяет овладевать теми видами энергии, которые скрыты от животных. Например, ядерной. (Что связывает части ядра, родственны ли эти силы притяжению, электромагнитному полю, вообще, не едины ли все виды энергии?) Бог, в принципе, должен был бы быть энергией, равной мысли – в нем мысль сразу воплощается в действие. В мысли нет энергии, это другое измерение вещей, энергия заключена в материи. Другое дело, что формы, по античной терминологии, неотделимы от материи (если идеи не существуют изначально), то есть для мысли всегда нужен материальный субстрат. Другими словами, разумное действие не энергетично, оно принципиально другое. Двигать предметы и сгибать ложки умом, все равно что телефоном забивать гвозди. Подобные утверждения по-своему исходят из первенства духа, который творит своей энергией материальный мир или хотя бы его формы, приводит все в движение. Движение – результат наличия энергии, сочетание потенциальной силы и работающей силы.

Что такое свет? Фотоны – его частицы, но присутствуют ли они во всей материи и при определенных усло-

виях (реакциях) выделяются, как на Солнце? Свет и тьма, божественный свет – ценностные символы, основы мироздания, далеко выходящие за рамки физики. Спектр цветов имеет определенный смысл, не сводимый к разнице электромагнитных колебаний. Энергия, если исходить из ее физической формулы, зависит от света.

Духовное принципиально отличается от физического, поэтому магия и мистика не имеют фундаментальных оснований. Прямой силой психики, без мысли ничего сделать нельзя и не нужно.

От рабства к свободе, от личности к массе. Количественный и культурный фактор

Понятие свободы отличается крайней неопределенностью и многозначностью. Это возможность разных действий, то есть незаданность. Хотя и отсутствие препятствий в однонаправленном и заданном действии (свободное падение). Для человека, как физического существа, существа, «обремененного материей», образ свободы представляется полетом, управляемым отрывом от земли, управлением законом притяжения. Это хороший образ, потому что он показывает неабсолютность свободы и одновременно роль принуждения. Птицы не изобретают крыльев, но их природное устройство позволяет им, при небольшом навыке, летать. Полет – это антипринуждение, зеркальное отражение принуждения, или использование принуждающего фактора, силы тяжести и других сил.

Свобода, деньги и прогресс. В социальном смысле (а значит, и моральном), свобода означает независимость от других людей, или их социальных проявлений. Деньги выражают одновременно и зависимость, и свободу – меру социальной потенции. Предполагается, что прогресс, движение общества к некоей, заданной эволюцией, потенциально присущей истории цели (как результату объективно обусловленных выборов «индивидов» и обществ, «объективному благу») заключается в увеличении свобо-

ды, то есть возможностей людей по отношению к миру, природе в целом, и их собственной природе в частности (физиологической, и что сомнительнее, социальной). В отношении технических средств это трудно оспаривать, в отношении социальных технологий с идеей прогресса трудно соглашаться. Во-первых, потому, что жизнь индивидуумов самоценна и не всегда поддается сравнению – но можно говорить об их множествах. Во-вторых, потому, что с приобретением связаны и утраты чего-то социально и человечески ценного. В-третьих, и самое главное, потому, что своекорыстие и прочие так называемые «низменные инстинкты» сохраняются в полной мере и в этом плане человеческая природа не изменилась. Единственное, что тут можно возразить, что 1) – история еще не окончилась и эволюция морального человека продолжается; 2) – изменились моральные требования, предъявляемые к людям, и именно здесь можно отыскать некоторый прогресс.

Является ли понятие свободы критерием морально-го прогресса?

Поскольку мораль прилагается к человеческим отношениям (и ко всему прочему уже по аналогии), свобода в отношениях между людьми далеко не всегда воспринимается как благо. Мораль есть ограничение. Вместе с тем это такое ограничение, которое обеспечивает взаимную свободу, то есть свободу в узком смысле, в смысле ненасилия. Полная свобода равняется отсутствию бытия или по крайней мере отсутствию действия (а вечное и неизменное бытие мыслимо только в абстракции).

Противоречивость понятия свободы. Следовательно, социальное (и моральное) понятие свободы имеет конкретно-историческое наполнение, и может иметь в разных ситуациях совершенно противоположное содержание. Чаще всего под свободой понимаются права изолированного индивида Нового времени, которые обеспечивают ему возможность действовать по своему усмотрению (в рамках закона, что уже существенная оговорка), но

и на свой страх и риск. В так называемых традиционных обществах индивид был сильнее встроен в социальные структуры, можно сказать, более закрепощен. Они формировались по принципу неравенства, или хотя бы различия функций, разная степень свободы была заложена в общественном устройстве. Но современная свобода не есть абсолютная моральная ценность, плата за равную свободу – взаимная изоляция людей в обществе. В этом смысле прогресс условен. Вместе с тем, в отношении истории можно сказать, что история показывает, как понятие свободы формируется в качестве нравственной ценности.

Помимо политико-правового аспекта свобода имеет философский – возможность выбора, фактически между хорошим и плохим, морально – между добром и злом. Релятивизм выбора заключается в том, что только по результатам можно понять, что было в действительности благом (и истиной), а что ошибкой. Но скрытое знание диктует нестандартный выбор (мученичество, конкуренция целей). То есть человек может выбирать фантастические цели, морально он абсолютно свободен (душу нельзя связать). Такая мораль не от мира сего и выражает тягу к абсолютной свободе.

Свобода внутренняя и внешняя. Внешняя – свобода от запретов и наличие возможностей. Внутренняя – главная – возможность оставаться собой, то есть сохранять волю: способность выбора.

На уровне принятия конкретных решений бывает правильный вариант, который может казаться не моральным, но будет более моральным (примерно это говорил Макиавелли о выборе того, что лишь кажется благом).

Свобода правописания. Хороший пример из области соотношения свободы и правил – правописание, правила языка. Правила языка – это наиболее бескорыстный критерий, идеальный с точки зрения бескорыстия принуждения. Так же как нецензурная лексика – хороший материал для упражнений на тему о свободе выбора, ее преде-

лах и значении. Удивительно, что современные объясняющие господа затрудняются в объяснении того, почему нехорошо ругаться матом. В правописании действует чисто культурное принуждение, имеющее и моральную составляющую: соблюдение правил.

Современная цивилизация наделила человека тягой к свободе, пониманием свободы и большим спектром возможностей осуществления себя – проявлению свободы.

Но она же по-своему диктует людям потребности, желание подражать кому-то (например, так называемым «звездам»), желание быть личностью, наконец. Это свобода безликих индивидов, или несвобода от свободы (ты *должен* быть свободным). Есть и свобода быть несвободным (от навязываемой свободы в чем-то, например, правозащитном, понимании). Сделав какой-то выбор, мы прощаемся со свободой (Буриданов осел, если он остается свободным, умирает. Свобода и есть смерть, а не «или»). Я здесь говорю о свободе в обществе, свободе в моральном смысле прежде всего. Человеческое существо в любом обществе ощущает бремя социальных обязательств, возможно, запретов, ограничений; вынужденных контактов с другими, своей похожести на них.

Сегодняшнее общество слишком скученно.

Свобода и естество. Есть свобода маньяка идти за своим инстинктом. Если инстинкт врожден, то по современным понятиям, восходящим к Просвещению, одержимого им человека нужно в лучшем случае лечить. Что-то вроде непреодолимой силы, форс мажор. Можно объявить асоциальные инстинкты нечеловеческими и считать истинно человеческой свободой свободу всегда поступать гуманно, следовать некоему идеалу. Но право отдельного человека – такой же постулат морали, как интересы общества; вторая сторона дихотомии «человека», который состоит из Я и Мы. Мораль как совокупность абстрактных правил до конца не реализуема в действительности. В сущности, она всегда компромиссна, она выражает ком-

промисс между желаемым и реальным. Реальное бытие отчуждено от человека как идеального субъекта; он всегда должен вспоминать, что его «Я» связано чем-то внешним и в конце концов самое есть нечто внешнее по отношению к самому себе. Я есть не-Я. Это начало шизофрении, присущей всякой культуре. Возможно, всякой любви.

Один из вариантов свободы – выбор в пользу того, чтобы ничего не менять, потому что ничего изменить нельзя. Есть басня о лягушках, попавших в сметану, выражающая противостояние восточного фатализма и западного «активизма». Но отказ от фатализма в пользу активизма, вытекающий из морали этой басни, является навязанным выбором, потому что исходит из априорного принятия жизни как абсолютной ценности.

Смерть – это переживание, аморально не столько убийство, сколько истязание, садизм. Смерть нейтральна, бытие ценностно и в этом отношении равноправно с небытием – это с точки зрения философии, разума, но не живого организма. Преследуемое животное вынуждено бежать, спастись, кричать – это унижительно, но предусмотрено природой.

Раскованность в творческой мысли – также вариация свободы, освобождение от стереотипов мышления, от проторенных дорожек. Попытка родить нечто новое – разновидность майевтики или шаманства, отчасти транс. Но тогда это и некое насилие над собой, а творчество не терпит насилия. Поэтому открытия рождаются во сне.

Идея социальной справедливости

Те идеалы свободы, которые провозглашаются революционерами, являются совершенной абстракцией, по сути дела фикцией, в которую сегодня трудно верить. (Вообще сегодня люди более критичны в отношении собственной мысли, языка, понятий и представлений). Конечно, эти идеалы встречаются с внутренней потребностью людей, с их ощущениями, которые являются осознанием скрытой,

загнанной в бессознательное неудовлетворенности, возникающей из множества актов насилия, из подавленных желаний противостоять запретам. Так должны работать пружины человеческой истории – старый порядок не соответствует новым представлениям о правильном, справедливом, достойном. Нужно ли говорить при этом о производительных силах, классах, партиях, прогрессе?

Представления и реальность. Представления не вечны, как и «человеческая сущность», они вырабатываются историей и имеют преемственность. Вероятно, они развиваются по логике возможного, а не по божественному и провиденциальному плану (то есть продиктованному высшей моралью и высшим разумом). С закономерностями сложнее. Движение имеет свои правила: если у него нет цели, есть вероятность направления и результатов. Живое и цель есть, в сущности, не что иное, как возможность, желание, задача противостоять механическому движению – но не хаотически, а вносить в него еще большую определенность. Это удвоение закона, как бы гармонизирующая дисгармония, определенность, возникающая из неопределенности. Выбор предопределен правилами, но не полностью, всегда есть доля странности, прихотливости в выборе.

Понятие революции, имеющееся сегодня, было разработано исторически и в собственном смысле приложимо только к так называемым буржуазным революциям, смене политических режимов, сопутствующей преобразованию так называемых традиционных обществ в модернистские. Здесь есть масса первичных и вторичных признаков, в частности, смена структуры собственности: вслед за изменением производства – средствами производства становятся машины, сельское хозяйство отходит на задний план, массовое производство заполняет рынок все более искусственными товарами. Общество делится на производителей и потребителей, пусть в одном лице, то есть условием дальнейшего развития производства – а на него на-

целено получение прибыли, психологический механизм, пружина деятельности – становится обезличенное распределение, через деньги, а не по «заслугам», благородству, достоинству, силе, наконец, владению землей или через отношения дарения. Дарение – предрыночный механизм, предполагающий вероятность обмена. Революции ведут к изменениям, к обновлению, иногда к новым порядкам, но не к «прогрессу».

Идея революции по Марксу. Реформы как бескровная революция исправляют существующую в данном обществе напряженную ситуацию, но чаще не радикально, не навсегда. Сущность революций заключается в насильственном перераспределении фундаментальных ценностей (собственности, власти), всегда во имя некоей новой, высшей, большей и т.п. справедливости, которая в конечном счете никогда не осуществляется, но, видимо, эти «моральные» притязания и новые представления о справедливости и «свободе» действительно вытекают из глубинных перемен в базовых механизмах жизни общества, в первую очередь, в экономике, и в технологии, и в использовании ресурсов; в способах. Революция и технологии – то, что хотел понять Маркс. Почему-то этот его пафос оказался не до конца востребованным, может быть, из-за неудачных истолкований и экспериментов. Но ответ на поставленный им вопрос так и не получен: как меняется способ существования людей (человеческих обществ), и главное, почему именно тогда-то и так-то? Революция – политическое событие, переход власти от одних людей к другим, но за ними стоят группы, а за группами – тенденции, «тренды», стало быть, и «принуждения», среда и технология, общие принципы, сменяющие друг друга. Мотор революций, всех изменений в обществе, как и всех «политических» социальных поступков – мораль, в смысле субъективного осознания ценностей. Но через нее действует принципиальная необходимость, то есть неумолимая стихия каменных законов. Люди суетятся, как муравьи, но

их направляет эта рука стихии. У них в головах рождаются, вырабатываются, костенеют идеи, якобы выражающие воли высших сил (или «законы производства»). Стало быть, идеи, отражения также порождаются необходимостью и в необходимых формах.

Революция вообще-то, как только что сказано, – порождение Нового времени, само понятие раньше не существовало или имело другое содержание. В ренессансном смысле революция – возврат к старому; по Макиавелли – возвращение к началу, к справедливости, к исходному принципу. Часто высмеиваемая социальная революция на пороге Средних веков все-таки была; может быть, это была не «революция рабов», но все же в широком смысле революция – глобальная смена собственников и власти произошла, и она повлекла за собой смену эпох и общественного устройства. Все это культурно (а не естественно)-исторические процессы⁷⁰, то есть можно ставить вопрос о том, обусловлены ли эти революции общей природой людей или заимствованиями и подражанием разных цивилизаций и народов друг другу. Наверное, и тем, и другим. Наверное, есть все-таки объективная логика движения как развития, перехода от «низшей» стадии к «высшей», от равнодушия к целесообразности и от целесообразности к морали. В природе нет справедливости в человеческом

⁷⁰ То есть вся проблема в том, что культура дает такую степень свободы, когда все данности не просто проходят через фильтр сознания (обратная связь, программа распознавания с командами – сложный процесс управления – это во всем живом), не просто сравниваются с идеальными моделями. Познание становится самоцелью как момент удовольствия и самовыражения. Накапливается столько внутреннего (человеческий или очеловеченный мир), что оно начинает преобладать над внешним. Осознаваемая цель не может быть объективной. Есть импульсы и выбор из них. Культура «обустраивает» природу своими поправками. Культура и есть синоним свободы, но не абсолютной, а внутренней. Однако она подражает природе и не может ее заменить.

понимании или эта справедливость относительная. Можно сказать рыночная. У всех есть стартовый капитал, жизнь и набор генов, среда обитания; дальше соревнуйтесь, кто кого сожрет. Это проявление естественного права.

От коллективных видов животных и первобытного стада (как и от клеток в многоклеточных организмах) природа требует жесткого сотрудничества между собой, разделения труда. Кто-то должен руководить, кто-то – убирать мусор. Этот принцип сохраняется и во всех «цивилизованных» обществах, только их взгляд на себя со стороны позволяет им ставить новые цели и находить новые средства. Главнейшие – понимание равенства всех людей, гуманность (сопереживание всему живому), свобода, закон любви. Эти ценности утверждаются через веру, через философские учения и искусство.

Революции и периодизация. Почему отсчет Средних веков не идет от утверждения христианства официальной религией? Видимо, потому, что в историописании главенствовал все же политический принцип: падение империи (да и в Новое время – падение Восточной империи, или революции – Английская, Французская. В то же время деление на Средние века и пр. – скорее культурный принцип, предложенный гуманистами). Марксизм заменил смену правителя, правительства, даже политического режима (тирания, демократия) сменой общественного строя – таково его понимание революции. Но сама идея общественного строя также вызывает нарекания или хотя бы нуждается в уточнении. Имеем ли мы право брать какую-то общую черту за основу и не принимать во внимание прочего (то есть исходить из соподчинения, иерархии факторов)? Производство, его «способ», развитие «производительных сил», отношения собственности (понятие историческое, по сути отношения к материальным средствам жизни, и не только, господство/подчинение, властные отношения – они тоже могут претендовать на главенство, ведь они не ограничиваются «политикой»). Другие клас-

сификации – «империи» (политическая), возрасты человечества – биологическая, раскрытие потусторонней истины – провиденциальная, прирост знаний – научная; технологическая, географическая, мореплавательная. В сущности, каждая отрасль знаний может претендовать на свою периодизацию и имеет свою схему развития, и это справедливо, так как у каждой свои цели.

История – наука о человеке не вообще, а о том и о тех людях, которые реально существовали.

Люди вырабатывают для себя идеи, начиная от верований и кончая идеальным общественным устройством (тоже вера), и часто прикрывают ими разбой, грабеж и садизм (самоутверждение через насилие). Есть ли в этом высший смысл? У природы нет целей, наличие «законов» развития никакой справедливости не гарантирует. История аморальна. Добро, то есть половина природы, противопоставляется другой половине – это отражательные конструкции, преломляемые через некое «Я», субъект. Мера или доля объективности добра (бог) – потенциальность, но не обязательность. Но и это закон природы. В принципе, постулаты марксизма не более фантастичны (но и не более реальны?), чем хорошая погода. Он выводит возможность и даже неизбежность социализма из законов природы: импульсы, получаемые человеческим умом и умами, статистически ведут к выработке специализированного производства и соответствующего ему распределения. Но строй, понятый как неизбежный и наилучший, может быть отвергнут, как более скоростной автомобиль в пользу менее скоростного. Вопрос состоит в том, возможно ли и нужно ли воздействовать на людей в социальном организме. То что нужно воздействовать, «управлять», – бесспорно, так как это организм уже не «естественный», он изначально построен по технологии, пусть и вырабатываемой на 99% стихийно, на ощупь, поколениями, как делаются все социальные, и не только социальные изобретения. В развитии технологии есть логика, которая ведет к

наращиванию параметров, к увеличению степеней свободы субъекта, она должна быть и в обществе. Люди применяются к внешнему, исходят из него, но и меняют его (Ср. «Тезисы о Фейербахе»). Почему же они не могут выработать такую общественную технологию, чтобы не было контраста между бедностью и богатством, несправедливости по отношению к отдельным индивидам и группам? Марксизм говорит: на всех не хватает, по мере увеличения придаточного продукта (развития производительных сил) растут возможности общества высвободить людей для других занятий и меняется структура распределения. Что мы видим: сколько бы ни росли производительные силы и производимый продукт, одним всегда не хватает, а другим всегда не достается – какие-то роковые страсти правят миром, любовь и голод, страх и жадность.

Есть настроения, которые находят себе выражение в идеологиях, в призывах и в предрассудках. Все можно оправдать, поэтому ничего не стоит оправдывать.

Революции поверхностны, структуры объективны.

Производство, собственность и революции. Все революции, возможно, порождаются двоемыслием. Расхождение между декларируемым идеалом и практикой, между идеализмом и корыстью. Чтобы изменить порядок жизни, нужно, чтобы люди захотели жить по-другому. *Революции* предполагают конфликты больших групп людей, в которых по необходимости действует «объективная вменяемость», то есть отношение к человеку по социальному признаку. На ранних этапах оно тесно зависело (не было полностью отделено?) от этнической принадлежности. В результате революции могут поменяться ролями конкретные люди, правила, способы поступать и оценивать. Устройство. Но суть вещей, закон движения, который приводит туда-то или туда-то, действует независимо.

В истории ничего не меняется, а революция – это желание что-то изменить. Ничего не меняется по сущест-

ву, по воле человека, природу нельзя изменить, ее можно только использовать.

Понятие «народа»

Понятие «народ» в русском, как и некоторых других языках имеет несколько разных значений. Основные из них:

- 1) Всё население одной страны, государства.
- 2) Совокупность людей одной национальности, синоним нации. («Народность» в XIX в.).
- 3) «Простой» народ – масса людей, занимающихся распространенным, чаще физическим трудом, особенно сельским (Россия, народники), в отличие от «высших» или «образованных» классов, «элиты» и т.п.

(Есть еще такие значения, как просто масса людей и другие).

Эти понятия так или иначе смешиваются и используются больше в политическом «дискурсе», поскольку народность, опора на народ, защита и выражение интересов народа в европейской традиции еще от античности воспринимаются позитивно. Казалось бы, народные интересы должна лучше всего выражать демократия, поскольку это слово и обозначает «власть народа». (Хотя у Аристотеля оно относится к неупорядоченной форме правления⁷¹). Но при современной демократии, особенно на Западе, о народе толкуют реже, чем о равенстве всех граждан или о правах человека, и толкуют скорее в церемониальном, торжественном дискурсе, когда хотят добавить в речь патетики.

Дело в том, что «народ и власть» сегодня как термины принадлежат к лексикону прошлого, традиционного общества, а именно, феодального, где главными дейст-

⁷¹ *Аристотель*, Политика, Кн. III, 5 (1279b) Пер. С.А. Жебелева. «Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия – выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет».

вующими лицами на политической сцене были государи, знать и народ. Из последнего выделилась буржуазия, которая сама стала «знатью» и постепенно вытеснила старую аристократию.

На самом деле народ – очень неопределенное абстрактное понятие (уже в силу взаимной противоречивости значений слова), из-за своей расплывчатости навряд ли могущее претендовать на статус научного термина. Одни и те же лица могут входить и не входить в состав народа или даже одновременно и входить и оставаться вне его.

В то же время в ряде контекстов понятие народа трудно чем-либо заменить: народы – субъекты истории, носители и творцы культуры, языка, государственного суверенитета, тем самым, очевидно, источники нравственных норм. Хотя все культурные изобретения (как справедливо замечает фон Мизес) должны иметь своих авторов, они одновременно являются и продуктом коллективного творчества, особенно в дописьменный период, когда понятие авторства как таковое не существует, все усовершенствования делаются путем подражания и копирования, постепенно и не очень заметно.

Народы как совокупности массы людей должны были бы существовать в реальной истории вечно, но народы как культурные единицы и исторические субъекты сходят со сцены, преобразуясь в другие или растворяясь в других. Как субъект, народ является источником морали для реальных людей, более конкретно – средой, порождающей неписаные правила; в истории моральные предписания распространялись прежде всего на собственные этнические единицы; взаимоотношения между представителями отдельных народов регулировались другими принципами, хотя исходные варианты те же – война и мир, вражда, гостеприимство, обмен.

Народ – носитель высшей власти или авторитета (суверенитета).

Когда Макиавелли говорит, что народ не ошибается в частностях, он приводит пример того, что римляне не выбирали худых людишек⁷². Это, возможно, связано с представлением о том, что претензии плебса на власть беспочвенны в силу его неспособности, «подлости», то есть с противопоставлением черни и народа.

В государствах всегда видели лучших людей, представителей «элиты», избранных, хотя на этот счет были и сомнения. Макиавелли впервые, по крайней мере в Новое время, заявил, что государи «профессионально» дурны, то есть, что их полезность заключается не в том, чтобы творить добро, а в том, чтобы обеспечивать порядок. Как постовых или палачей. Государь-покровитель выглядел просвещенным, арбитром искусств (это идет от античности и особенно от Возрождения), художник (иногда) мог считаться и с его вкусом всерьез. Но профессия всегда обязывает.

Национальность. Патриотизм

Национальность – это данность, которую современный человек получает при рождении, как биологический и культурный (потенциально) генотип. Его поведение и предпочтения в значительной мере (в отношении к другим людям) определяются национальной принадлежностью. Если ребенок попадает в среду другой нации, он становится другим по национальности, сохраняя свои ге-

⁷² Рассуждения о первой декаде Тита Ливия, кн. I, 47: Хотя люди и обманываются в общих суждениях, о частностях они судят справедливо. «Римскому плебсу казалось, что он заслуживает консульства, потому что составляет в городе большинство, подвергается наибольшей опасности во время войн и вообще стоит на страже римского могущества и свободы. Поэтому плебеи... любой ценой хотели добиться такой власти. Но когда пришел черед судить о своих выходах по отдельности, они убедились в слабости последних и считали, что никто из них сам по себе не заслуживает того, чего заслуживают они все в совокупности. Поэтому, устыдившись сами себя, плебеи обратились к более достойным лицам».

нетические задатки (цвет кожи, например). Он получает некоторые права и много обязанностей, в силу присущего людям свойства подражать окружающим он становится частью социальной среды. Общество строится на сходстве и различиях индивидов и их ролей; причем сходство, в основном, обеспечивается принадлежностью к одной нации, народу, этносу, группе. Чувством своего тождества с ней. Это и есть патриотизм. Патриотизм – привязанность к своему уголку, он противостоит общечеловеческим ценностям так же, как личный интерес – групповым.

Патриотизм и мораль. Патриотизм традиционно относится к абсолютным ценностям и столь же традиционно подвергается критике в своих худших проявлениях (фактически как национализм, или поверхностный патриотизм). Для моральной оценки патриотизма и национализма, как бы их ни называть, подходит *тот же принцип, который прилагается к поступкам и высказываниям отдельного человека.* Постольку поскольку каждый отдельный человек защищает собственное достоинство, отстаивает свои права от действительного или потенциального нарушения (свои права, равные правам других), то есть действует в рамках своей ущемленной или равной с другими правоспособности, он поступает нравственно. Когда он защищает свои амбиции, выступает в роли обидчика, нарушает права других – он поступает безнравственно. Разница в терминах – национализм или патриотизм, в большинстве случаев и подразумевает эту разницу в оценке. С точки зрения санкций и разумности поступки, противоречащие морали, сами несут в себе наказание, и потому не то что иррациональны, – они бессмысленны (иначе говоря, их сиюминутный смысл противоречит высшему, вечному смыслу). Инстинкты побуждают индивидов (в том числе коллективных) к самоутверждению. Мораль не отменяет инстинктов, а только ограничивает их в целях выживания человечества. Действовать морально выгодно в целях человечности, то есть чтобы оставаться человеком

в культурном (не биологическом) смысле слова. Но невыгодно индивидуально.

Национальность – это определение человека, для кого-то очень существенное, для кого-то нет. Объективно (в научных терминах) это обозначение отчасти биологического рода – подвид, определяемый генетикой, плюс культурной принадлежностью.

Расизм учит, что нация – это неделимое целое и что культурное развитие определяется генами. С «религиозно-научной» точки зрения – это предопределенность истории, с нравственно-научной и юридической – объективная вменяемость, типа классовой. Ты таков, каков есть и другим не будешь. В просветительской или гуманистической этике, откуда вырастает и либеральная, все люди одинаковы (что справедливо, как и обратное утверждение, все люди различны). Это заложено в логике и потому в историческом развитии, и в частности, в евангельском моральном учении, хотя в нем есть и элементы национально-религиозного эгоизма. Мораль по определению альтруистична. Источник ее – идея, источник эгоизма – материя.

Народы являются индивидами истории, которые действуют как большие семьи, причиняют друг другу обиды, объединяются, воюют, подчиняют и поглощают друг друга. Но это коллективные индивиды, больше всего их персонифицируют вожди наций. Если государь действует от имени нации и ради нации, ему прощается все – так мыслили (и теоретики, и массы тоже) в старину, да отчасти и по сей день.

Высший патриотизм заключается в критике недостатков своей страны, хотя внешне он выглядит непатриотичным. Вообще заявлять о себе как о патриоте не очень прилично, так же как гордиться высокими заработками. Гордость – не добродетель, она не должна выходить за рамки чувства собственного достоинства.

История – повод для размышления, и это размышление в первую очередь о себе в широком смысле, о себе

коллективном, о народе, его происхождении и положении. Цель истории – воспитание, но не внушение каких-то определенных идей, в частности, «патриотизма», а воспитание мыслящего, ориентирующегося в мире «культуры» человека, который не гордится, а думает. Сложность для исторической науки в этом плане заключается, в частности, в том, что она все время показывает, что все было не так, не совсем так – это ее движение. Природа морали такова, что ценности – в логико-философском смысле – могут быть только общечеловеческими, так как мораль, по определению, – совокупность «заповедей», защищающих интересы общего перед частным. Патриотизм утверждает ценности одного коллектива перед другим.

Большевики были диссидентами в свое время; теперь их осуждают за непатриотичность, но это делают выходцы из тех же современных диссидентов, которые были столь же непатриотичны по отношению к Советскому Союзу. Правильно ли быть патриотом? Да. Правильно ли быть патриотом Соединенных Штатов? Очень правильно, но только для их граждан. Вот в чем проблема эмигрантов: меняются основополагающие ценности. Но всякий человек может сочувствовать, например, героям фильма, вживаясь в их роль.

Патриотизм может выражаться и в желании свергнуть негодную власть.

Как может учиться патриотизму проигравшая войну сторона? Так же: извлекая уроки, что было хорошо и что было неправильно. Патриотизм – это обязательная любовь, отсутствие которой карается обществом (впрочем, нелюбовь к родителям тоже может наказываться). Это напоминает принадлежность к конфессии или членство в партии, род социальной адаптации. Но патриотом быть выгоднее, чем непатриотом, уже потому, что это значит быть как все.

Культура и нация. Тезис об исключительной национальности культуры – ложный. Культура имеет обще-

человеческий характер – в силу способности всех людей перенимать чужие способы жизни, в силу их общей природы – но исторически она существует и разрабатывается в национальных формах. Верно то, что культура всегда противостоит природе, хотя одновременно и «подражает» ей, то есть использует ее познание. Культура намного увеличивает степень свободы общества и индивида (по отношению к природе, условно – генотипу). Она сама себя ограничивает, или иначе говоря, создает другие – неприродные ограничения, в основном, социально-видового плана. Культура в своих моральных проявлениях ограничивает в интересах коллектива возможности индивида использовать завоевания технологии, способности воздействовать на окружающее с помощью разума и созданных им средств. Всякий разговор о национальных чертах и характере довольно скользок, потому что коллективного индивида не существует, его черты растиражированы в реальных индивидах. Эти черты придумывают как правило не сами их носители, а представители других народов, наблюдающие их со стороны. Для них естественно писать обобщенно. Склонность к агрессии («конфликтность»), психологический тип – это сравнимо с повадками животных – что отразилось в баснях, хотя последние столь же индивидуальны. В баснях животные выступают как носители одного характерного качества, наподобие маски. Психологические типы существуют в вероятностных пропорциях у всех народов, хотя их реальное распределение, видимо, действительно отражает некую генетическую общность, связанную с общим происхождением (а может быть, и историей – климатом, мутациями и пр.) Для человека, вероятно, невозможно создать такую же теорию биологической эволюции, как для других видов, потому что он сам себя преобразует и заимствует сознательно (подражательно) изобретения соседей. Культура и история разных народов близки и филогенетически, и вследствие контактов.

Раньше люди приписывали особые свойства именно чертам, унаследованным от предков. Происхождение (благородное и низкое) определяет характер, нравственные качества и социальное положение. Если народ происходит от одного родоначальника, у него должны быть и общие черты. Но откуда тогда сословное деление? Этническое объяснение происхождения социального неравенства имеет много оснований, но оно показывает лишь один из способов насильственного подчинения более слабым, неудачливым, малочисленным другим. То есть источники социальной «несправедливости» могут быть и внешними – войны, завоевания, переселения – и внутренними – разделение труда, неравенство индивидов. Несправедливость заложена в природе, как и справедливость, как различие и подобие, несовершенство и идеал, иерархия и равенство. Это прежде всего пространственные категории.

Роль институтов в социуме

Кардинальное свойство человека – свобода, то есть в данном случае способность организовывать свою жизнь не так – не совсем так, как заложено в его натуре. Жизнь в обществе организуется с помощью учреждений, институтов, фактически моделей, по которым строятся отношения – они одновременно и ограничивают поведение индивидов, и соответствуют целям, которыми те руководствуются.

Государство, семья, религия. Это базовые институты, из которых рождаются прочие организации – производственные, образовательные, культурные, политические (армия, госаппарат, органы власти и т.д.). Институты, или учреждения суть организационные формы, вырабатываемые обществом для достижения своих целей и поддержания своего существования. Они не являются продуктом чистой субъективности (ничто не является продуктом чистой субъективности), то есть не суть изобретения отдельных людей, «основателей», как учили в древности. Вместе с тем кто-то их вводил и изменял, постепенно преобразуя

институты «первобытного стада». Есть закономерность в их появлении, обусловленная стадиями развития (законы биологического движения, перехода от рождения к смерти). Можно сказать (как почти обо всем), что это – плоды коллективных усилий. Никто не изобретал собственности, но понятия о ней развивались постепенно, под влиянием в том числе меняющихся представлений о должном, об идеальных моделях общества. Можно сказать, что во всех институтах есть идеальная составляющая, выражающая представление об общих, социальных, коллективных ценностях (должное) и реальная, мотивирующая, во-первых, их появление (компромисс), во-вторых, ограниченность их возможностей.

Институты выполняют регулятивную функцию, то есть упорядочивают отношения, обусловленные в конечном счете биологической природой человека. Это прежде всего институт брака, упорядочивающий семейные отношения; институты власти, обеспечивающие возможность существования общества («справедливость»). Вообще, любой сфере отношений свойственна институализация, создание устойчивых форм общения. Это человеческие формы жизни, продукты социального развития, а следовательно, субъективных усилий поколений. Одновременно проявления и свободы и необходимости. Здесь, как и везде в истории, заметно нарастание субъективного вклада, «искусственности» в багаже человечества. – Хотя, собственно, весь этот багаж – искусство. Точнее сказать, что возрастает роль именно этого, культурного багажа в жизнедеятельности человека. Материальные ценности также накапливаются, но они являются производными от духовных. Первым свойственно устаревать физически, вторые выходят из моды, сменяются новыми изобретениями, новыми ценностями, выстраиваемыми на основе старых, но их заменяющими. (Вечные ценности сохраняются искусством). Это и есть прогресс. Но есть и такая необходимая ценность, как ресурсы.

Все искусственное становится дешевле естественного – ресурсы сокращаются, число суррогатов растет. Экономический закон удешевления и одновременно приращения прибыли.

Люди переходят в искусственную среду обитания, они заменяют наличные ресурсы природы еще более дешевыми синтетическими. Первобытный человек все имел, но ничего не мог, сегодняшний человек все может, но ничем не обладает. И первобытные люди, и современные конкурируют не только с природой, но и между собой. Эта вторая конкуренция порождает неравенство и является его следствием.

Любовь и сексуальность как метафора истории, политики, творчества

Любовь как содержание жизни. Любовь – третье пороговое состояние после рождения и смерти, точнее сказать, промежуточное между ними состояние, посредница между бытием и небытием. Отсюда определение любви как наивысшего проявления субъективности, самовыражения субъекта. С ценностной точки зрения любовь есть стремление к тому, что считается благом, уже – к продолжению рода.

Всякая любовь восходит к сексуальному принципу – переходу от небытия к бытию, который часто обращается в (или включает в себе) свою противоположность, самоотрицание. (Родительская любовь, жертвенность любви, мученичество, мистика, социальная любовь – «патриотизм»).

Можно рассматривать всякий инстинкт как любовь, и всякое культурное преобразование инстинктов как ее отрицание и сублимацию. Любовь – это все бытие человека между рождением и смертью, в этом смысле – сущность человека.

Она относится ко всем сферам человеческого бытия как источник творчества (платонизм), хотения и всякого движения.

Социальный смысл любви и религия. Сексуальная любовь включает в себя моменты непреодолимого желания, удовлетворения и фрустрации (модель реализации инстинкта), на их основе – чувства обладания (собственность, овладение, подчинение себе) и отторжения. Отсюда проблемы социализации любви через религию и другие способы ее осмысления. С сексуальной любовью изначально связаны какие-то запреты – инцеста, неупорядоченности, и, вероятно, у всех народов негативное отношение вызвано ее связью с «телесным низом». Такое отношение присутствует и там, где есть божества и культы телесной любви (любовь к богам требует жертв); как минимум формируется двойственное отношение к любви, осознание ее двойного характера, откуда потом возникает иудео-христианский дуализм с его странным на первый взгляд почти полным отрицанием ценности сексуальной любви. Языческий стереотип – полигамия, христианский – моногамия.

Насилие и свобода, инстинкт и отказ от него. Откуда идет осуждение секса? В нем есть насилие, это своего рода прирученное насилие, и насилие, которое может быть приятным. Приятность – хитрость разума. Секс – это принуждение, позволяющее преодолевать брэнность бытия.

Понятно, что оно вытекает из противопоставления духа и тела, царства земного и царства небесного; но за этим стоит и идея единобожия, или исключительности абсолютной любви, которая не терпит соперничества.

Любовь – это образ воспроизводства, в широком смысле – прообраз существования общества. Инстинкты преобразуются правилами поведения и институтами (семья).

С точки зрения морального и субъективного фактора сексуальная любовь формирует модель полной свободы и полной несвободы человека – высший стимул к самовыражению и неспособность от него избавиться (это и есть источник отрицания такой «эгоистической» любви в вероучении – отрицания похоти и материального размножения. Хотя в Ветхом Завете есть и другая заповедь –

«плодитесь и размножайтесь»). Концепция грехопадения, отпадения от Бога (гордыни и нарушения его заветов/запретов), равнозначного смерти – обременения грехом и смертной телесной природой, необходимостью умирать и убивать. Соответственно, возвращения к Богу, искупления, жертвы, благой вести, смерти сына Божия (самого Бога) и воскресения – все это связано с сексуальным влечением, с оплодотворяющей, дающей жизнь функцией Бога, – претворение воды в вино, кормление хлебами, воскрешение, исцеление – любое соприкосновение с Богом по логике должно было бы иметь сексуальную подоплеку, ощущение исходящей от него производительной, животворящей силы. Отсюда же параллель с разрешающей, целительной, «творческой» силой власти. Всемогущий бог не может не конкурировать с властью. Как потусторонняя идея он дает ей санкцию, как реально действующее лицо он ей противостоит (в Евангелии, в притче Достоевского). Власть Христа не от мира сего, но это власть абсолютной истины, а мирская власть воспринимает истину как нечто относительное («Что есть истина?»). Любовь как посредница между мирами отражает двойственность всего – жизни (рождения) и смерти, принятия и отрицания, удовольствия и пресыщения, добра и зла – и переход противоположностей, самоутверждения в самоотрицание, тяги к обладанию в отказ от него.

Это высшее проявление человеческой субъективности (избирательность), возможность управлять собой ради идеи, то есть отказываться от очевидных целей ради неочевидных. Все виды любви (то есть все побуждения) продиктованы человеку извне, вместе с тем в ней есть непредсказуемость. Свободный выбор – не обязательно выбор «лучшего» из хорошего. Само движение – то есть наличие выбора направления, неотвратимая изменчивость – есть зло, но движение – условие любви, в неподвижности ее нет.

Иначе говоря, все поступки вытекают из любви в ее разных ипостасях – влечения, инстинкта, страсти, порока,

самоотрицания, самопожертвования – причем в равной мере они выражают как несвободу, так и свободу человека.

Астрология и магия, предсказания будущего – все это строится на связанности человека самим собой, своим телом, чувствами, импульсами. Человек без любви и, уже, сексуальности, неполноценен и вообще невыносим – он может только заменять и видоизменять ее, как делали монахи, скопцы, мистики, евнухи и т.п. Физиологическая функция заменяется культурной, ненависть к «низшей» любви, инстинктивной, плохо управляемой, несвободной, ставит на ее место «высшую» любовь – к Богу, идее, свободе.

В похоти присутствует воля к смерти (одновременно к порождению *нового*), подготовка к убийству. У Платона существует градация, а не противопоставление земной и небесной любви. В любви есть и убийство/готовность к смерти, умерщвлению старого, как в еде – переработка. Но и открытие пути для нового, рождение. Отсюда и прекрасная, и безобразная стороны любви. Минимодель жизни. Интимность вырастает из неприличия акта любви, связанного со второй, безобразной стороной. Отвратительность похоти заключается в ее сходстве с этим потребляющим актом пожирания, убийства. Еще с механистичностью.

Отвращающая телесность, кстати, есть не только «внизу» – есть еще сопли и слезы.

Телесная любовь всегда строится на иллюзии, в том смысле, что любовь человека и отчасти животного – это любовь к образу реальной вещи на основе идеальной модели, существующей «программно» в голове.

Сексуальность власти – обладание, (реализация себя в другом), распоряжение чужой волей, подчинение себе. Стереотип мужского и женского, твердого и мягкого. Метафора власти (судьба-женщина), необходимость насилия для подчинения, достижения цели. Но все же это метафора.

Психологические и другие основания проституции.
В рыночном обществе любая услуга, удовлетворение по-

требности – товар. Это экономическая предпосылка. Проституция – имитация любви, порожденной не взаимным влечением, а сторонними стимулами. Хотя это определенное выходит за рамки традиционного понимания проституции. Как определить, где кончается влечение, которое никогда не бывает равным (даже в примерах, где любовники вместе погибают)? Традиционное – порождение экономической выгоды (но тоже не охватывает всего – храмовой проституции). Что такое проституция в ее экономическом виде? – Использование власти денег, ценности денег, выражающих ее в абстрактном виде, для достижения запретных, или малопочтенных с точки зрения общества, целей. (Главное противоречие в этом феномене, возможно, безликость, которая противостоит избирательности любви по сути. Неизбирательная любовь – насилие над кем-то. «Экономическое» принуждение. Но есть люди, для которых предпочтителен такого рода секс. Они его тоже избирают). Это не всегда можно назвать проституцией. Почему узнаваемый объект перестает быть привлекательным, по сути не отличаясь от других? Это та же коррупция всего, устаревание, необходимость «возврата к началу», или – восстановления иллюзии, так как сексуальное влечение – результат иллюзии, образа, возникающего в мозгу, не «абсолютно» отражающего реальность, отключающего какие-то детали. Структуры, возникающие в голове («идеи»), в результате биологических, культурных, социальных, житейских, психологических предпосылок – похожие, но у всех разные. Секс – одно из проявлений человеческой несвободы (как и высшей свободы – правда, скорее в его отрицании) – отсюда, видимо, негативное отношение к нему в некоторых культурах. Своекорыстие – индивидуальное удовлетворение. Почему другие потребности не вызывают такого отторжения (хотя еда – как излишество, чревоугодие, вызывает)? Еда – процесс достаточно интимный. Неприлично есть при голодном челове-

ке, как и заниматься сексом при людях. Секс – не сиюминутная потребность для жизни, а связь с вечностью.

Существуют психологические (во многом неэкономические) причины проституции – девиантное поведение, подражание семейным схемам, нарушение или искажение принятой социализации. Но преобладает женская проституция – это говорит о приоритете социальных факторов, отчасти обусловленных природной разницей полов.

Социально-психологические причины. Запретный плод, новизна (это ближе к адюльтеру); последнее объяснение – деперсонализация секса, если ей отдается предпочтение. Она вытекает из разделения (отрицания) сексуальности как низменного инстинкта в культуре, отсюда секс может противопоставляться строительству отношений, «духовной» связи, не сочетаться или плохо сочетаться с ней. Возможно, преобладает властный момент, который занимает, вероятно, главенствующее место в сегодняшней социальной культуре. Покупается власть над человеком, привлекает владение, обладание им. Отсюда садизм и мазохизм – самоутверждение через унижение другого и самоотрицание, вариант жертвенности. Общий механизм власти строится на насилии и подчинении, а также на их ограничении принятыми рамками. Презрительное отношение к проституткам – результат культурного процесса, начинающегося с противопоставления секса и любви, вытеснения секса в сферу табу. Сегодня существует индустрия секса, но проституция все равно считается злом, отчасти в силу традиции, отчасти вследствие объективной необходимости моногамии для семьи и продолжения существования общества. Логически возможны, и существовали, и есть множество других вариантов (первобытное общество, Восток – Китай, Япония, мусульманство, крайний коммунизм, коммуны, отрицающие собственность на жен, секты...).

Социальная природа коммуникации: (язык – средство общения), проституция совмещает в себе две формы

общения – сексуальную – заложенную в природе как способ воспроизведения вида, и торговлю – культурную форму обмена (при производстве). Дарение – также форма «социальной коммуникации», храмовая проституция – скорее особый вид дарения, как жертва, даже если предполагается символическая плата. Для удовлетворения просто потребности в сексе достаточно воображения или брака, но культурная форма удовлетворения потребности включает такой подвид, как проституция, на основании потребности в общении – с противоположным полом. Это сугубо социальный феномен – обезличение физического контакта из-за трудности осуществлять его с лицом, вероятно, чисто культурная трудность. Но не обязательно. Момент властных отношений включается, как разновидность овладения вещью – за деньги, апроприации. Отсюда вытекают распространенные случаи насилия над проститутками. Инстинкт власти и его реализация из-за неудовлетворенности. Возможно, привлекает внутреннее противоречие, парадокс, как в рабстве.

О даре и сделке. Любовь отчасти допускает и договорные отношения, обмен – в нем смысл деления полов. Сексуальная любовь – объективное принуждение, обеспечивающее продолжение рода, но не такое, как инстинкт дыхания или питания. Поэтому оно допускает значительные субъективные предпочтения. В нем заложено социальное отношение. Отсюда возможность сделки – в широком смысле обмена между индивидами. Экономический обмен регулируется правом (напр., оказание сексуальных услуг или брачный договор). Любовь в то же время по своей духовной природе не предполагает правовых отношений. Брак, скрепляемый обрядом, – таинство, а не сделка⁷³.

⁷³ Поскольку в христианском представлении тело – это храм, а брак – таинство, то проституция является святокупством и кощунством, осквернением храма и таинства (зачатия и рождения, мистерии Евангелий и вообще философии жизни).

Секс с точки зрения истории/морали, ценностей, субъективного – принуждение и вместе с тем проявление субъективности. Инстинкт слеп, но в сексуальности (особенно человеческой) больше всего проявляется выборочность. Импульс задан внешне, извне, но реализация зависит больше всего от индивида (отсутствие секса не смертельно) сравнительно с едой и другими потребностями.

Еда – элементарное проявление акта присвоения, одно из главных отношений живого существа с миром, условие существования. Осознание этого отношения в символической форме отражено в религиях (жертвоприношение, трапеза) и обрядах. А также в философиях – пир, сочетание духовного и чувственного удовольствия. Биологически и психологически половая любовь связана и с высшим чувственным наслаждением (оргазмом) и с фрустрацией – разочарованием, «послевкусием». Это между прочим, модель целесообразных действий – любая цель по ее достижению теряет в ценности.

С точки зрения «социализации» имеется та же двойственность – сексуальное влечение как форма коммуникации – это вид присвоения, как и влечение к пище. Оно так же связано с выделением (в пище – слюна, например, желудочный сок; в сексе секреты, не говоря о семени и пр.). Выделение имеет, в частности, функцию «маркирования» (модное слово из этологии переносимое и на людей), – животные помечают территорию, запах неприятный – чтобы оттолкнуть других особей. Хищники питаются, убивая других; элемент насилия есть и в сексуальной сфере – соединение активного (мужского) и пассивного (женского) начала. Здесь насилие играет созидательную роль, отсюда чувство избавления от навязчивого желания, даже боли.

Иллюзии. В основе сексуальной любви лежит иллюзия, которую лучше не разрушать, она помогает долгой жизни, как все иллюзии, которыми живут люди. Они поддерживают их в себе сознательно. Цинизм – отсутствие иллюзий.

люзий. (Иллюзия – самообман, более оптимистический прогноз, чем требуется, взгляд на жизнь через моральные очки). Иллюзия – не столько желание видеть вещи лучше, чем они есть (скорее – в соответствии с ожидаемым), сколько нежелание видеть, чувствовать и понимать неприятное.

Секс не более непристоен (греховен), чем смерть. Нагота, одиночество, бесстыдство и неприличие смерти.

Доступность и привычность – вопрос запретного плода – важен с точки зрения иллюзии, иллюзорности мотивов, управляющих поведением. Цели людей никогда не совпадают полностью с результатами поступков, но их направляет «невидимая рука природы».

Морально любовь есть синоним правильной «мотивации». Выражаясь отчасти архаически, человек бывает вынужден быть пакостным, скрытным, сложным, «гадким» – потому что при всей его обществуности он также и антиобществен – он полон эгоистических инстинктов. Это идея неприличия – почему секс неприличен или в чем он приличен? В нем есть эстетическая сторона, но и обман. Это символ иллюзии, иллюзорности бытия.

VI. История политической эволюции и мораль

Понятие власти и ценностный подход. Мораль, право и сила (власть) – противоречия между ними

Власть – это институт, призванный бороться с неизбежностью.

Относительный уровень свободы в обществе может поддерживаться только с помощью искусственных подпорок, каковыми являются государственные учреждения.

Определение власти и политики. Понятие «власть» целиком описывается категориями ценности. Власть, как уже говорилось, – это возможность (способность) субъекта воздействовать на будущее, то есть по своему выбору определять состояние объекта (в том числе и себя самого) в последующие моменты времени. Власть связана со свободой – власть – проявление свободы как самой возможности выбора и его осуществления, – и с собственностью – владением. Владение – отчасти синоним власти, так как владея объектом – присовокупляя его к себе, делая своим, субъект получает власть над ним, способность определять его «судьбу» (будущее). (Съедение как было сказано, – высший акт присвоения, а тем самым и власти – растворение в себе, переваривание, уничтожение путем поглощения. Хотя как образ слишком брутально. Но есть жрецы, жертвы, культ высших существ. Уступка материального духовному, но и духовного – материальному). Обладание властью позволяет санкционировать выбор тех или иных целей. Власть в широком смысле, таким образом, является способностью субъекта следовать своим ценностям – тому, что он принимает за таковые. (Это есть, между прочим, значение слова «политика», тоже в широком смысле – определение целей и средств их достижения. Цели тоже суть средства для чего-то).

Истина и мораль. Политика и нравственность. Истина выше морали, потому что мораль – в широком смысле как способ достижения гармонии с миром – не

может противоречить истине. Действительность аморальна как минимум наполовину, но цель морали – дать приемлемый выход в любой ситуации, даже губительной. Мораль – частный случай логики, это логика, направленная перпендикулярно действительности.

Политика же – это практическое применение нравственности (иногда парадоксальное). Сакральное и властное – почти синонимы. (Иногда просто синонимы). Евангелие было отрицанием земного мира и его власти, хотя и не абсолютным. Во всякой власти есть духовное – ее оправдание, ее обоснование; и светское – сила. Политика – чистая физика, пропущенная через символическую сферу.

Любовь и страх

Две модели отношений между субъектом и объектом власти (в том числе и отражение со сменой мест. Народ в определенном смысле имеет власть над государем как условие и предмет его действий). В демократии объект власти и субъект как бы сближаются до предела. В монархии народ – источник суверенитета только теоретически. Любовь (моральные ценности) во власти – покровительство, защита, поучение со стороны сильных, высших; повиновение, служение со стороны низших. Страх – вероятность насилия, принудительного изменения поведения, статуса кво. Страх наказания вытекает из принципа страха вообще – прогнозирования неблагоприятной вероятности. Страх Божий – боязнь наказания свыше, абсолютного наказания. Сначала по аналогии с земной болью, затем как гибели души. Но аналогия всегда сохраняется – иного средства познания нет.

Власть – физическое понятие силы, взятое в ценностном и правовом аспекте.

– *Насилие* – вид (в отличие от коррупции и соглашения) изменения – (или осуществления) – порядка, установленного природой или людьми – с нарушением интересов одной из действующих – страдающих (терпящих) – сто-

рон. Борьба заложена, предусмотрена в природе – соревнование. Однако порядок («естественное право»), при котором представители одних видов питаются другими, тоже установлен природой, и насилие, собственно, заключается в его осуществлении.

Упорядоченное насилие – в природе оно определяется «иерархией» видов, которую создал Никто. В обществе – властью (это система права, суд, наказание), которая отвечает за упорядочивание заданного природой насилия.

Гвоздь, забитый в доску – тоже своего рода насилие. Насилие – изменение вопреки чему-то, вопреки сопротивлению чего-то. Насилие в узком смысле – акт виртуальный, осознаваемый, хотя выражается в той или иной материальной форме. (Например, образ стихийного насилия – извержение вулкана. Изменение статической картины. Игра сил. Есть материальная основа насилия, но для его осознания нужен зритель. Это зрелище скорее резкого, бурного, моментального разрушения существующей формы). Существуют «принуждения» в смысле условий жизни и человеческих законов. Насилие есть разновидность принуждения. В самом широком смысле это любое бытие по отношению к небытию. Бытие согласно многим учениям существует благодаря власти Бога⁷⁴, его воле. Насилие – небытие. Но благо заключается в созидании, а не разрушении (а разрушение есть форма бытия через его отрицание). Насилие обычно понимается как разрушение, как атрибут дьявола. Созидательное насилие – его элементы есть и в Евангелии (жертва). Диалектика отрицания ради созидания.

В узком смысле понятие насилия предполагает взаимодействие субъектов, то есть живых существ, наделенных желанием, волей к жизни. Насилие синонимично злу, потому что его смысл заключается в причинении

⁷⁴ Бог с прописной буквы - единый, в отличие от богов со строчной.

ущерба личному началу (как иначе понять ущерб?). Вместе с тем существует отрицание этого зла как меньшего, во имя блага (цель и средства), причинение частичного ущерба ради сохранения целого. Благотворное насилие ради высшей ценности. Мораль заключается в отказе от чего-то (также потенциально ценного для субъекта) ради чего-то ценного для высшего субъекта, частного, ради, как правило, общего. (Приписываемый Макиавелли «макиавеллизм» в этом отчасти и состоит). Права личности, права человека, индивидуализм могут существовать лишь в определенных пределах, санкционируемых обществом. Эти лозунги прикрывают все то же неравенство, лежавшее в основе всех предыдущих обществ.

О проблеме царя и философа. Никакой любви между властью и подданными быть не может, какие бы иллюзии по этому поводу ни строили философы (царь-мудрец), гуманисты (вопрос о любви и страхе) и поэты («попробуем любовью»). Внушаемая царями народу отеческо-сыновняя любовь жертвенна, любовь жертвы, готовой идти на заклание, отчасти мазохизм. Но не такова ли природа любви вообще – равенство в неравенстве или через неравенство, слияние через самопожертвование.

Мазохизм и садизм в политике – это человеческие, социальные и психологические аспекты природного насилия, неравных отношений, заложенных в природе. Человеческие учреждения пытаются их облагородить, но для власти это невозможно (не в ее власти). Революционный садизм – оборотная сторона верноподданнического мазохизма.

Наука об обществе очень мало влияет на само общество. Этим подтверждается разность ремесла философа и царя.

Власть, успех и демократия. Макиавелли не пишет о том, что лучше всех профессия мыслителя, философа. Он ставит выше *vita activa*. Он считает, что профессия царя выше, а важнее всего основатели религий и госу-

дарств⁷⁵ – они совмещают в себе и Учителя и Вождя. До Макиавелли – республика и монархия не два вида государства, а *разные сущности*. Формы управления. Республика – синоним собственно государства (законов, правового подхода). Монархия – частное владение. Но чтобы быть осмысленной, разница между идеей государства как одного целого и частями, его составляющими, должна была быть воплощена физически – в лице единоличных и абсолютных правителей.

Понятие демократии противоположно понятию власти. Идеальная демократия – это безвластие, потому что демократия – распыление свободы принятия решений на множество субъектов, а власть – это сосредоточение ее в одном субъекте. Но с моральной точки зрения демократия предполагает равенство субъектов, согласование их интересов, а децентрализация/анархия – множество мелких деспотов, для которых закон – это они. В этом смысле любой закон – демократия.

Таким образом, понятие «демократии» выражает идею государства как института, призванного защищать права всех членов общества («общее дело», республика), а понятие власти и монархии – стихийный характер этого учреждения, возникающего из частного владения как принцип единого управления.

Насилие и благо

Жизнь вообще есть насилие, управляемое насилием, начиная от рождения.

⁷⁵ Рассуждения о первой книге Тита Ливия, I, 10: «Среди людей, достойных похвалы, достойнейшими являются родоначальники и устроители религий, затем основатели республик и монархий, а после них знамениты те, кто во главе войска расширил владения своей родины или собственные. К ним добавляются образованные люди, чья известность зависит от их положения, из которого вытекают их различия. Всем прочим людям, которым несть числа, снискивают в разной мере хвалу их ремесло и искусство».

Насилие социальное как ломка вытекает из несогласия с обычными, привычными, старыми принуждениями. Это ломка именно старых законов, правил, порядка, течения жизни и прав. «Модернизация» – форма мирного перехода к «капитализму». Да здравствует капитализм, высшая и последняя стадия социализма. (Я говорю о революции не в формационном, а в универсальном смысле).

В этом смысле, еще раз, всякая власть есть насилие, потому что она предполагает ограничение свободы отдельных субъектов в пользу подразумеваемых общих или высших интересов, в этом смысле и мораль – свод правил – есть и санкционирует насилие. Власть с точки зрения логики ее существования – это выполнение требований морали. То есть мораль вообще есть теоретическое насилие, но добровольность (в известном смысле свобода) ее принятия как бы логически его отрицает.

Насилие в человеческом, практически нравственном смысле – это унижение, намеренное причинение боли.

Благо (ценность) – это понятие, объединяющее экономическую, политическую и культурную стороны жизни. Человеческое содержание истории – запись игр, ставок, решений, рисков, усилий. Выборов, основанных на соотношении ценностей. То есть содержание истории «морально» в широком смысле – в смысле постоянной оценочности – если ее убрать, истории не будет. Не будет вариантов, усилий, субъективности, непредсказуемости. То есть история и мораль – это история и ее (человеческое) содержание. Но в смысле движения к благу история аморальна. Даже если объективно «природа» подталкивает человечество к духовному развитию, его счастье ничем не обеспечено и не гарантировано. Прежде всего в частных судьбах, которые преимущественно трагичны.

Насилие лежит в основе истории, поскольку человечество совершает его в отношении природы. Природа проникнута стихийным, инстинктивным насилием, человек приступает к осознанному насилию, санкционируемо-

му законами – природы и общества, необходимостью, высшими целями – выживания, патриотизма, семьи и пр. К моральному насилию – хотя это парадокс. История – это приспособление мира к нуждам человека, то есть насилие. Но это внешняя история, человека и природы, а собственно история – человеческая история – история взаимоотношений между людьми и их группами.

О Сталине. Называть Сталина «менеджером», все равно что приравнять к приказчику. Менеджер – это приказчик и слуга (народа? царя?). Поступки Сталина нужно оценивать «профессионально» и по отдельности. Властные отношения можно разделить на два вида: слуг и хозяев, и диспетчеризации/поддержания порядка/принятия решений. Первые отношения вертикальны – унижают одних и возвышают других. Если страна больна, она нуждается в лечении, возможно, и хирургическом. Сталин не столько повар, сколько хирург, и не высшего класса.

Подходящее сравнение для Сталина не менеджер, а супервайзер («смотрящий»). Грозный, Сталин – в некотором смысле чудовища, но порожденные общественной необходимостью, – необходимостью борьбы с «беспределом». Бичи Божии. Они несводимы к одной формуле, при этом их можно понять только анализируя их представления о себе, о своей роли. Это входит в «объективную» оценку.

Сталин был функцией; если бы не он, был бы (как сам он говорит) кто-то еще, может быть, менее мстительный и самоуверенный, но столь же единовластный. Может быть, «Ленин»? Троцкий – вряд ли. Но мировая война была в любом случае неизбежна (как столкновение социально-физических масс). Война есть помимо прочего феномен социальной и политической культуры. Война – всегда зло, но по традиции она считается благородным занятием. Таково самовнушение общества.

Цель войны – отнюдь не уничтожение противника, как казалось бы по форме (вооружение средствами убийства), а устрашение и подавление его воли для подчинения

своей власти. (Поэтому лучшее оружие – то которое никогда не применяется). Истребление людей как насекомых – это геноцид.

Возможности личности всегда слишком ограничены, чтобы ожидать от нее эпохальных решений. Вожди выполняют функции своего рода козлов отпущения, на них лежит, главным образом, ответственность за неприятные выборы. К решениям побуждает коллективная воля, но за ошибки отвечает один. Личные черты «тиранов» (Грозный, Сталин, Наполеон) – отчасти продукт естественного – исторического – отбора, но не они определяют политику. Как в футболе – есть лучшие нападающие и плохие нападающие, но игра все равно идет.

Сталин, как его сегодня изображают, был в своем роде конкретный пацан или пахан, а также военный вождь. В штатском после революции его никто, кажется, не видел. После войны его имидж изменился на маршальский, на некоторое подобие Наполеона, но не без скромности. Сталин умел завоевать мнение подданных.

Идея наличия врага, видимо, необходима для общества, построенного по военной схеме (в том числе и для церкви в подобном обществе). Так называемый «тоталитаризм» с вождями – одно из воплощений «народного» государства. Сталин в какой-то ипостаси – народный вождь, расправляющийся с дурными, коррумпированными «богатынями», (якобы) элитой, «подрывными элементами», мешающими строить идеальное или здоровое общество. Оба случая несколько скомпрометировали идею народности и социализма.

Сегодняшнее строительство общества социальной несправедливости служит неплохим оправданием для Сталина и даже сталинизма.

Но я против термина «тоталитаризм», если его распространять и на СССР и на гитлеровскую Германию. Этот термин идеологизирован и еще менее «объективен», чем капитализм и социализм. Если на то пошло, разве

христианское вероучение (в церковном и сектантском варианте) не тоталитарно? Ведь верующие в идеале подлежат полному идеологическому контролю.

Разница между Сталиным и Гитлером, между коммунизмом и фашизмом, так же очевидна, как и между цензурной и матерной речью. Эта разница заключается не в деяниях, за которые каждый несет ответственность сам, а в идеях, которые бывают правильными и неправильными. Неправильные идеи определяются не столько успехом или результативностью, сколько моралью.

Фашизм проповедует расовую ненависть, геноцид, неравенство; коммунизм – человеческую общность, интернационализм, равенство. Поэтому фашизм бесчеловечен, а коммунизм человечен. Реальное воплощение коммунизма в теории обострения классовой борьбы и «сталинизме» – отклонение, «перегибы на местах».

Уроки истории должны выражаться скорее негативно, в отрицательном опыте – не наступать на те же грабли.

Вкратце смысл «послания» Макиавелли таков: правильное решение не всегда тождественно «моральному» решению. Хотя на каком-то более высоком уровне оно морально. То есть оставаясь в рамках морально обоснованных – «объективно» хороших, соответствующих интересам человечества и человечности целей приходится им (принципиально) противоречить. Такова практика – жизнь. Но абсолют таков, что нельзя делать некоторых вещей. Проблема переступить запрет, как у Достоевского, это проблема неврастеника, подростковая проблема, и она целиком вписывается в эти, «виртуальные» рамки, рамки болезни цивилизации. Нельзя переступить запрет ради доказательства, что можешь переступить запрет. У Достоевского в «Преступлении и наказании» проблема пушкинского Сальери (гений и злодейство) превращается в «гений и есть злодейство».

Власть – большая обуза. Политические решения связаны с жизнями людей, политические ошибки ведут к

человеческим жертвам. (Принцип слезинки ребенка – жизнь – необратимая ценность, как и любое страдание, но страдание, в отличие от смерти, можно пережить. Этот образ противоречит вере в загробное воздаяние. Убийство нельзя искупить. Принцип «око за око» присущ конкретному мышлению, но в случае убийства применим и на высоко абстрактном уровне. Сам по себе этот принцип логически верен. Милосердие несправедливо. Оно выходит за правовые рамки).

Во время революций люди погибали, по существу, за собственность. За собственность убивают, и если сегодня смертная казнь официально отменена, то неофициально она практикуется именно по мотивам собственности. Фактически смертная казнь существует, но негласно, не как государственная мера. Если реальное государство не выполняет свои функции, то их начинает выполнять кто-то другой (ср. Парето), выражаясь «научно», механизм общественной саморегуляции, в этом проявляется «осознаваемая» необходимость. Все люди приговорены природой к смертной казни с неопределенной датой. Небытие не страшно, страшен переход. А также определенность даты – отсутствие надежды.

Злодейство и маньяки. Порок (и преступление) – это вроде сбоя памяти, в сознании присутствует мысль о запрете, но ее пересиливает тяга (похоть), дурная привычка, стереотип дурной воли.

Маньяк получает удовольствие не от простого насилия, или наказания кого-то, а от чужого унижения. («Надругательство»). То есть убийство – это не гибель от трамвая, – несчастный случай, а осознанное действие. Смерть вообще – не столько физическое понятие, сколько моральное, виртуальное – прекращение личности.

Великий человек – определение масштабности, хотя бы по размаху деятельности (говорят и «великий злодей»), по резонансу, памяти и пр. По индексу цитирования. Правители все велики уже по должности, предпола-

гающей ответственность за общество. Результаты их деятельности также могут оцениваться объективно – в каком состоянии принял страну, в каком оставил, профессиональные качества, потом уже моральный облик.

В XX веке появились прецеденты всемирного правосудия. Но оно все равно покоится на силе. Чтобы судить, нужно обладать властью.

Марксизм никто не отменял, изменились какие-то ценностно-субъективные установки в головах, а тексты остались, остались мысли, развитые Марксом и многими другими людьми, их разрабатывавшими, а возможно, и приходившими к ним самостоятельно, как это бывает во всех отраслях науки и знания, мысли вообще, в том числе художественной, искусства. Что-то ведь их диктует и к ним подталкивает?

Я хожу в церковь, ношу крестик, считаю себя христианином, значит, я верующий? Социальный аспект веры (конфессия) соотносится с объективностью определений. У меня есть партбилет, я изучал «классиков», значит я – марксист? Или важнее нечто, содержащееся и происходящее в голове?

Современное массовое сознание – присущее и «интеллигенции» – не может оторваться от религиозного взгляда на мир. То есть от использования готовых понятий, не подлежащих обсуждению, данных кем-то и лежащих за пределами «науки». Его не раздражают торжественные пошлости, вроде «дороги к храму», как и языковые штампы – «по жизни», «пафосный», англицизмы/американизмы.

Власть, государство и справедливость. Справедливость не является прямым предметом политики и ее решающим фактором, но является ее формальной целью, условием и аргументом. Политика равнодушна к отдельным людям, индивидуальностям (если они не имеют веса) – к «арифметическим единицам» (об этом свидетельствуют расправы с заложниками, «представителями» кого-то).

Слово «политика» в широком, в том числе житейском смысле означает чистую целесообразность, не считающуюся с запретами. Но «общественное мнение» – представление о справедливом, допустимом и нравственном играет в ней главную роль среди всех нематериальных факторов (потому что материальная осуществимость неоспоримо преобладает). (Дом горит – людей спасают; но еретиков сжигают. Разные моральные ситуации, один физический процесс. Можно греться, можно поджигать. От террориста до святого один шаг, все зависит от точки зрения).

О казни и справедливости. Мыслима ли казнь как справедливость? Если да, то убийца имеет право быть казненным. Милосердие – нечто другое.

В варварских правдах за убийство устанавливается вира, то есть принцип око за око нарушается ради имущества. Жизнь приравнивается к собственности, которая даже ставится выше жизни. С этим можно сравнить продажность должностей – как бы узаконенную коррупцию. Власть не должна продаваться, так как морально она выше денег. С современной точки зрения штраф за жизнь – это парадокс. Оценки и поступки зависят от господствующих в обществе взглядов, стереотипов.

Терроризм (индивидуальный – так как термин «государственный терроризм» – это идеологический уродец, противоречие в определении), – форма насилия, рождающаяся в ответ на беспредел государственного, узаконенного, но неприемлемого насилия. Правда, слово террор (устрашение) возникло из государственной кампании во времена Французской революции и сегодня обозначает почти исключительно организованные акции.

Революция – это проявление терроризма, оправдываемого исторической необходимостью.

Власть убеждена, что граждане существуют для нее – и хотя официально общепринят противоположный тезис, на практике обладание властью означает возможность делать, как ты хочешь, а не как предписывают некие

абстрактные правила. Но и тезис о народном суверенитете имеет под собой логическую основу. Поэтому граждане во время революций доказывают властям, что они – главные, а та должна им служить. В этом (идейный) смысл революций – приведение властей в чувство. (Есть, конечно, и другие значения, смена групп собственников и пр.). Что касается освобождения социального пространства под новый способ производства, под более «эффективные» и «прогрессивные» производственные отношения – оно может быть побочным действием революции, но объективной целью «природы» навряд ли.

Государство, в сущности, это набор функций, обеспечивающих существование («гражданского») общества. (Подавление, перераспределение, ограничение, война; более сложные – воспитание, организация экономики. В принципе, как абстрактное воплощение власти, оно должно следить за исполнением правил во всем. В этом его «тоталитаризм», узаконенное социальное насилие). Эти функции ассоциированы с правилами, определяющими, что полезно, справедливо и допустимо; они основываются на системе наказаний за нарушение этих правил, и на механизмах, осуществляющих функции. Перераспределение благ связано с последними. Если функции не выполняются, или выполняются плохо («неэффективно»), то общественная потребность каким-то образом ведет к замещению государственных, санкционированных на данный момент действий, к несанкционированным (от убийства до революции). Так здесь происходит совмещение объективного и субъективного. Если общество нуждается в смертной казни, появляются киллеры – якобы санитары леса. Источник революции – несправедливость существующего государственного устройства, осознаваемая частью общества. Тогда судья и преступник меняются местами. Следовательно, понятия права и справедливости лежат в основе субъективизации «объективной» потребности. Процессы протекающие *не в* головах, в том числе

энергетические процессы, принимают иное направление благодаря их осознанию и проверке на соответствие идеальным образцам.

Промышленность, финансы, сельское хозяйство, производство вообще, транспорт, путешествия, открытия, инфраструктура – это «материальная» база истории или их история и есть содержание истории? Для марксизма (исторического материализма) основное в этом содержании – отношения собственности, право, государство, развитие через революции. Соотнесение политических бурь и переворотов с поступательным развитием производства вытекает из чисто внешнего наблюдения, которое может фиксировать параметры процессов с помощью «приборов», механизм же связи детально не показан и не доказан. Изначально было ясно, что этот механизм, как минимум, противоречив, то есть что действие глубинных процессов только изредка прорывается на поверхность, как извержение вулканов, и между законом и его действием стоит, прежде всего, сознание. Декабристы вводят республику и освобождают крестьян, чтобы расчистить дорогу рынку и установить буржуазную (новую!) справедливость – это «объективная цель» или побочный эффект? Несоответствие эффектов и целей – вечный урок истории, но оно коренится в биологии. Шумы и затухание колебаний мешают передаче сигнала. Сегодня учение об исторической необходимости, пробивающей дорогу прогрессу через плохо осознанные интересы, выглядит чересчур «идеалистическим».

Экономическая история как аналог энергетической истории (не истории энергетики, а истории взаимодействия человека со средой – а также перетекания, перераспределения символических ценностей в обществе). Живое существо и человек в том числе имеют некий врожденный жизненный ресурс и способность его пополнения по аналогии с зарядкой/перезарядкой батареей. Это не чисто механические процессы, которые часто преобладают в количественных исторических описаниях (количественный

рост – убывание, простой подсчет и регистрация в таблицах и графиках). Циклы Броделя и теория хаоса суть попытки также уйти от чистой физики, объективности и прямолинейности – к доле субъективности через поиск заложенных в природе колебаний развитие-упадок, хаос-порядок. Пульсация жизни, ритмы, заряд-разряд, постоянный переход – мышление в таких параметрах ведет к биологизации истории.

Импульсы жизни, заложенные в человеке и движущие им (питание, размножение, самосохранение, также познание, творчество, экспансия, удовольствие, амбиции, власть, накопление /богатство/, общение, справедливость, воспитание и обучение, производство, игра/моделирование ситуаций) – все это взаимосвязано и пересекается.

Власть и произвол

Понятие ума, истина и мораль. Природа власти рациональна (а следовательно, и ценностна – причинно-следственные связи задают направление). Разумное действие морально, потому что выражает собой компромисс между абсолютной свободой, абсолютной благостью духа (которая равна небытию) и ограничениями материального, определенного, сущностного мира, связанного отношениями и свойствами. Поэтому слово «ум», «умный» несет ценностную нагрузку, и одновременно двусмысленно как нравственное качество, ср. *prudens* – более однозначно – «благо-разумный». Умный может быть хитрым, коварным, действовать в своекорыстных интересах. Больно умный. Но умный в собственном смысле умен как человек, нравственное существо, поэтому он избирает моральную истину, правильное. Прямолинейность – тупость, гибкость – и ум. Прямолинейность – нежелание считаться с реальностью, движение напролом. Ум заключается в понимании обстоятельств и умении ими распоряжаться. Приспособливаться. Ср. два качества с разными оттенками – изобре-

тательность и изворотливость. Упорное следование принципу превращается в свою противоположность. Но это относится именно к способам достижения целей. Целеустремленность сама по себе приносит плоды. Пары качеств выражают, по сути, стратегии поведения, доводимые до крайности; средние – возможность лавирования. У Макиавелли сочетание несовместимого – милосердная жестокость – выражает приспособление и компромисс между крайностями.

Разумность политика. Политик не может быть идеальным образцом (именем страны), поскольку это всегда человек, вынужденный принуждать, устрашать, по сути, как уже сказано, палач на службе общества. Идеалом может быть человек, создающий духовный образ, выражающий дух, убеждающий. Поэт.

Поэтому политик не может быть успешным, а только может создавать видимость успешности. (Не власть, а созидание – высшая ценность). Но он не может и быть неуспешным, потому что без этой видимости он не политик.

Власть заключается, между прочим, в способности назначать черное белым и наоборот, исказить действительность ради субъективных интересов. Если бы власть просто ориентировалась на справедливость (равенство), или следовала автоматическому алгоритму, прописанному в законе, она была бы не нужна. Но проводимый последовательно закон рано или поздно всегда превращается в свою противоположность, поэтому, во-первых, его всегда нужно «возвращать» к принципу, к началу. Во-вторых, собственно власть всегда есть произвол, произвольно принимаемое решение, отклоняющееся от стандарта.

Специфика власти в России отчасти связана с этой ее чертой – с вопросом о том, судить по закону или по справедливости. Закон нужно всегда соблюдать также ради справедливости, чтобы не дискредитировать его. Но это балансирование между двумя крайностями. В России

всегда заведомо допускалась всеобщая виновность подданных (кто Богу не грешен...), которая дает возможность терпеть нарушения до определенной черты. На каждого есть свой крючок – можно брать, но «по чину». Это тоже закон, но неписанный. Здесь очень существенна дистанция между писанным законом и неписанным обычаем. Система управления (не этот ли принцип имел в виду А.П. Волынский, когда жаловался на «систему»?) покоится на терпимости власти по отношению к подданным и к злоупотреблениям, пока не потребуется на них подействовать. Можно сказать, на компромате. Отсюда всеобщий принцип поведения – живи и жить давай другим. Причастность к власти стандартно воспринимается как право на произвол, хотя формально все понимают, что власть должна строго следовать юридическому праву. Право ограничивает ее, как мораль ограничивает произвол в общении и в жизни в целом. Опять-таки, произвол и есть проявление власти, точнее, обладания ею, так как закон объективен, а властью пользуется субъект.

Наличие в мире законов, то есть правил движения, ограничений, которые действуют постоянно и упорядоченно, еще не доказывает наличия управляющего начала, которое ведет этот мир куда-то или судит этот мир. Бог этого мира мыслим только как безликое и равнодушное существо (собственно, не существо, а общее в частном). Принцип ценности, из которого вырастает живая природа, противоречит или противостоит всему остальному, неживому миру, хотя живое есть его часть.

Ценности, экономика и политика. Ценность имеет количественную сторону (больше-меньше) и направленность (плюс-минус). Время есть ценность само по себе, исходный капитал каждого человека, который тратится автоматически, как шагреневая кожа. Время – это существование человека и всего прочего сразу в трех измерениях – прошлого, настоящего и будущего. То есть это вычленение в феномене времени трех аспектов, которые реально

неделимы, как Троица. Это парадокс движения. Все парадоксы связаны с движением и временем. Вопрос в том, как правильно расходовать время. Это вопрос о функции денег. Деньги – абстрагированная ценность, как и время, потенциальная возможность приращения ценности. Но это иллюзия, так как ценность условна – ее сумма в мире одинакова, она не возникает из ничего.

Кредитно-денежная система – механизм постоянного количественного приращения (которое на самом деле съедается инфляцией). Естественно, что задача постоянного роста, которая сейчас как бы по умолчанию ставится перед любой экономикой, и национальной и даже мировой – ошибочна. В силу только одной вещи – ограниченности ресурсов. Экономический подход к жизни – сопоставление наличных ресурсов и средств и способов их освоения – это формула развития. Тупик одного способа ведет к началу другого (и других ресурсов). Но это к тому же и иллюзия. С точки зрения ценности прогресса нет. То есть валовой прирост, скажем, демографический – прирост населения – не показатель ценности, или того, что нужно. Население больших городов избыточно, его постоянный приток нерационален с точки зрения развития общества, но обоснован экономически – выгоден, и неизбежен в силу действующих механизмов. Норма прибыли – чистая фикция, условная величина, вытекающая из динамики рынка, или необходимость постоянного прироста. Но прирост может быть и «гомеостатическим», то есть не постоянное увеличение, а то спад, то рост в известных пределах.

Цель экономики – производство, а не извлечение прибыли (в обществе происходит извращение «природного» смысла, впрочем, это стандартная подмена цели). В противном случае можно было бы утверждать, что смысл существования человечества заключается в получении прибыли. Экономически это сегодня, возможно, и так. Смысл современной экономики – его можно также приравнять к смыслу существования человечества, в другой,

менее одиозной формулировке, чем приращение прибыли, – непрерывный рост (хочется сказать, благосостояния).

Смысл предполагает отделение предмета от его движения; точного или динамического состояния от конечной или точно-динамической же цели. В неживой природе состояние не отделено от цели, от заданного «идеала», от желаемого, так как последнего попросту нет. Нет субъекта желания (если не говорить о Боге). Жизнь – в каком-то смысле (слово «смысл» здесь означает наличие разных предикатов у одного субъекта, например, жизнь есть то-то или то-то) – начало шизофрении природы, отделения сущности от существования не в бытийном отношении, где они всегда, вероятно, разделены, а в виртуальном, субъективном. Субъект постоянно ощущает свою недостаточность, свою отдельность от собственной цели.

Экономика, а вместе с ней все общество эволюционируют от зависимости – в традиционных обществах – кто-то сверху «кормит», начальство покровительствует, – к свободе. Предприниматель независим как источник инициативы и ответственности (либерализм).

Вопрос именно в рациональности морали – почему люди в целом поступают так нерационально/неморально? Вследствие неравенства. Но смысл устройства общества и его эволюции именно в поддержании неравенства.

Политика в узком смысле (социальная организация власти) возможна там, где есть неравенство между людьми. Хотя оно есть везде, но для политики оно должно выливаться в умственное подчинение. Человек, который хочет жить своим умом, для политики негоден и вреден. Условность политики выражается в поговорке «я начальник – ты дурак».

Право как выражение идеального плана или представления о жизни

Можно, как и бывало, рассматривать всю историю под углом зрения развития и реализации права. Изучение властных аспектов в жизни и истории сейчас в моде, на мой взгляд, вследствие того, что в центре внимания оказался вопрос о способности людей, вообще субъектов, управлять собственной жизнью, ее параметрами, содержанием, смыслом и устройством. Недостаток правовых подходов к истории в том, что они слишком рационализируют, а главное, формализуют ее понимание. Есть правовое оформление – есть предмет, нет нормы – нет и явления.

Что такое право? Есть два основных значения слова. Право в значении способности – право, которое имеют; способность (формальная, принципиальная, потенциальная, виртуальная, идеальная – но еще не реальная) осуществлять какие-то действия или бездействие в рамках системы предписаний. То есть в рамках права во втором значении – системы норм, каких-то моделей поведения, социальной действительности, имеющих нормативный, управляющий характер.

Таким образом, право есть чисто виртуальное, социальное, человеческое понятие, не существующее в природе, но опирающееся на объективные предпосылки человеческого существования (ср. понятие «естественного права»), а именно – общность человеческой природы (и вообще наличия сущностей, общих принципов вещей) для всех людей, их «устройства», целей и потребностей.

Всякое право в некотором смысле утопично, поскольку оно выражает идеал, идеальную схему поведения в реальном мире. Потенциально право нацелено на полное описание механически работающего мира, где все оговорено и согласовано. Но поскольку такое описание невозможно, право утопично. (Можно еще сказать, что право в первом смысле обретает реальность в момент осуществления). Право – высшее идеальное выражение морали и по-

литики в плане их компромиссного содержания, то есть согласование желаемого и реального. Но всякая компромиссность ограничена и условна. Отсюда пресность и, по сути дела, аморальность права. Число возможных ситуаций безгранично, описать их в праве невозможно (на что и требуются суды).

Закономерно обращение к высшей справедливости, если мы ее допускаем. Идея божьего суда заключается в управлении миром свыше. Или в вере в окончательную справедливость. Право задает рамки для действий в соответствии с принятыми представлениями о справедливости. Исторически видно происхождение права от казусов – люди мыслили конкретно, исходя из встречающейся практики.

Право определяет, что можно и чего нельзя. Мораль также определяет, что можно и чего нельзя. Отличие только в том, что мораль вытекает из какого-то понятного (интеллигибельного) и разумного принципа, который может вступать в противоречие с реальностью, но тот или иной выход из ситуации в соответствии с моральными принципами всегда находится. Право, само по себе, как таковое, определяет не принципы, а казусы – оно само описывает ситуации и выходы из них. По праву (юридически) можно руководствоваться только буквой закона, а не духом или справедливостью. Теоретически правовые положения должны быть разумными и справедливыми, но их последовательное проведение (абсолютизация) приводит к абсурду. Устаревшие и бессмысленные законы, а такие бывают, подлежат исполнению, пока они не отменены. На этот нонсенс указывает одно из евангельских правил – «суббота для человека», один из принципов евангельского гуманизма.

Противоречия права

Право – это попытка оградить общество от власти (от произвола власти), т.е. расписать законы, справедливые нормы жизни, ввиду того, что публичная власть – на-

силе – необходима для мирного разрешения конфликтов. Но это нельзя сделать в совершенстве.

Нарушение, за которое не понесено наказание, перестает быть нарушением (не стало таковым) или не есть нарушение с точки зрения права, пока не вынесен вердикт. Есть также срок давности. В морали нарушение всегда таково и срока давности нет.

Право абсолютно в своих предписаниях, хотя отдельные его положения могут противоречить другим (оговоркам) в силу противоречивости действительности. Всякое, даже малейшее отступление от предписаний, формально является преступлением против права, однако в силу происходящих изменений меняется и закон, поэтому вчерашнее преступление сегодня может быть вполне правовым деянием. С моралью такого не происходит – она как бы является неотъемлемой частью каждого поступка и его оценки, привязывается к здесь и сейчас, и вместе с тем покоится на самых отвлеченных принципах. В морали нет промежуточности между принципом и его применением, дистрибутивности, присущей праву. С точки зрения морали следование праву может быть преступно (так называемый «преступный долг», его вариант для криминального мира – соблюдение неписаных правил), – с точки зрения права всякое деяние, ему соответствующее, законно (и следовательно, морально, оправданно) и наоборот. Мораль, соответственно, выше права (а милосердие выше жестокости).

Неисполнение законов разрушает государство, подрывает его основу, потому что государство есть воплощение права («неправовое государство» – шайка разбойников, хотя и там есть свои законы). Однако существует необходимость смены законов, путем их реформирования или путем революции.

Сакральный характер права

Право (возможно, только на определенном этапе) опирается на представление о его особом, священном характере, на потустороннюю санкцию. Сакральность при-суща прежде всего морали, во-первых, в нравственном сознании, а потом уже институционально. Иногда право воплощается в особом человеке, монархе, который является его источником. Это субъект права, логически олицетворяющий коллективную волю, народ – народный суверенитет. (Народ и монарх – два полюса, теоретически сли-вающиеся воедино). Сакральность права заключается в его неприкасаемости, даже в атеистическом государстве су-ществует особый порядок изменения законов.

Право – рабочий инструмент людей в обществе, распорядок их действий в чрезвычайных ситуациях. Мораль – принципы (запреты и рекомендации) поведения в обществе.

Разнообразие права – от конституции до инструкций.

Невозможность идеального соблюдения всех зако-нов и предписаний – отсюда терпимость к некоторым на-рушениям, устранение которых вреднее, чем они сами. Это формула митрополита Платона⁷⁶.

Право и разум. Этимология слова «право» – от равный, прямой, правый как сторона.

Закон сам по себе бессодержателен, слово «закон» означает только некий набор или формулировку правил – что можно, рекомендуется, разрешено делать и чего нель-зя. Закон может быть совершенно бессмысленным, но по-ка он действует, как уже сказано, его необходимо соблю-дать (или изменить, если это в силах его создателей или пользователей). Предполагается, что законы разумны, но

⁷⁶ «Правительство лучше знает союз общества и оно же иногда основательно сносит таковые злоупотребления, коих истребление мож-ет быть произвело бы более худа, нежели самая злоупотребления». См.: *Семенников В.П.* Собрание старающихся о переводе иностранных книг, при Академии наук учрежденное Екатериной II. 1768–1783 гг. Историко-литературное исследование. СПб., 1913. С. 9–10.

природа вообще неразумна, точнее, разум (всеобщее в частном) в ней заложен, как возможность выбора и достижения целей, самих же целей нет. Бог неразумен, судя по созданному им миру.

Мир не то что создан из ничего, он непрерывно создается из ничего вследствие своей бесконечной изменчивости. Философский «идеализм» предполагает, что постоянное (идея) лежит в основе, а изменяющееся вторично. Это и есть «чудо», и теодицея, точнее, объяснение бога как источника бытия и блага. Объяснение и есть отчасти оправдание. Все разумное – действительно (благо).

Юристы и адвокаты. Умение и, главное, право «судить», предполагают определенный уровень знаний, которые являются частью авторитета. Своего рода властных полномочий, потому что власть может базироваться на знаниях (жрец, шаман, врач, ученый – люди знания. Даже юрист). И на силе.

Адвокаты малопригодны для политики, хотя они составляют ее кадровый резерв. (Ленин, Робеспьер). Нельзя доверять государство юристам – они полны иллюзий и думают, что государство существует ради права. Отсюда нередко их непреклонность на словах и аморальность на деле.

Адвокат по образованию и по наклонностям готов отстаивать любую точку зрения, с точки зрения диалогичности мысли это хорошо; возможно, и для суда неплохо, но это рождает беспринципность (хотя о двух вышеназванных политиках скорее можно сказать, что они были чересчур принципиальными). Адвокат склонен рассказывать басни, что роднит его с политиком и журналистом; отчасти но в меньшей степени и с историком, который все же меньше привязан к злобе дня. При этом хороший адвокат может убедить самого себя, то есть быть искренним.

Идея государства и практика

Градации власти, ее распределение. Демократия в сущности – это синоним распределения власти, поэтому в нее вписывается и феодализм. Понятие демократии парадоксально, потому что вытекает из парадоксального, внутренне противоречивого понятия власти (насилие ради нравственной цели).

Слуги и министры – слова указывают на происхождение бюрократии из «двора», из холопов.

Награды и наказания – ценностный инструмент власти, средство для достижения социальных целей, обратная связь индивидов с обществом. Но моральный поступок не связан и не вытекает сам по себе из ожидания вознаграждения или боязни наказания. Чисто моральный поступок – результат свободного и рационального выбора в соответствии с требованиями человеческой (моральной), то есть социально-мотивированной природы. Его цель – (само)утверждение коллективного Человека (как части живой природы).

Градации власти от абсолютной власти одного (власть всегда тяготеет к одному, к субъекту, к источнику) до предельно рассредоточенной, рассеянной власти – синонима «демократии». Чем больше субъектов власти, тем меньше ее самой, полномочий, реальной возможности – распыление власти возможно скорее как метафора, так как всякая власть находит свой источник и обоснование в самой себе, в своей субъективности как ценностном центре. Власть как способность распоряжения (владения) собой и тем, что субъекту принадлежит (собственностью), тяготеет к абсолюту – это ее смысл. В то же время власть никогда не бывает абсолютной, всемогущей, у нее всегда есть границы, если не идеальные, то физические. Идеальная политическая власть была бы равна ее полному отсутствию, то есть полному самоуправлению субъектов, всех человеческих индивидов.

Во время войн и кризисов римляне назначали диктаторов, централизованная власть обычно сильнее, хотя

есть и исключения, например, Греко-персидские войны. Но греки все равно кончили монархией, даже империей, и подражанием Востоку. Великие войны выигрывают, как правило, диктатуры (диктаторы). Европейские великие державы всегда губило соприкосновение с Востоком, начиная от греков – Александра, римлян, Византии, империи.

Причина падения Византии, прямой наследницы греко-римского мира, заключалась в ее положении между двух огней, между Востоком и Западом, как двумя мирами (не цивилизациями). При этом она была (стала в рассматриваемое время) не столько форпостом Запада, сколько конкурентом, буфером, который себя изжил. Хотя конкретно-исторически погубил ее все-таки Восток (турки). Обратный процесс – подчинение Востока Западу – начался с Крестовых походов, но реально с колониальными захватами и идеей «модернизации». Идея постоянного обновления, инноваций, утвердилась в Западной Европе, в том числе и как идея поиска новых «порядков и способов», но и новых земель, открытий.

К истории властных институтов

Демократия и договорность. Во властных отношениях есть два типа или основных аспекта. Отношения начальствования и подчинения и отношения договорности. В последнем случае преобладает равноправие, уступки делаются добровольно. Возможно, идея такой договорности существовала в античном мире, в полисах. Там власть просто делилась между всеми гражданами (полития), но это была лишь конституционная и верховная власть. Общественный договор предполагает, что властвующие и подчиненные равноправны, последние передают первым полномочия принятия решений, но и ответственность за них. (Кстати, исполнительная власть обладает большими реальными возможностями, чем конституционная. По принципу «не любит псать»). Это, в общем, демократия, демократия равнозначна общественному договору (одно из

определений). Власть одного тоже подразумевает договор, даже в самой безумной деспотии требуют, чтобы подданные признавали правителя своим благодетелем. Но там ответственность сводится к нулю, заменяется произволом.

После Французской революции договорность стала общепринятым идеалом, было поднято всемирно-историческое знамя «демократии».

Разные понимания слова «демократия» варьируют от простого этимологического «власть народа» до синонима справедливости, которая как раз может быть обоснованием власти одного (человека).

Первое значение восходит к греческому полису и его теоретикам, вслед за которыми демократией стали называть одну из форм «правильного» (но не по Аристотелю) государственного устройства, присущего городам-государствам. Другими формами были монархия и аристократия. Им соответствуют неправильные формы – охлократия, олигархия и тирания. Но монархия – признак скорее восточных держав-деспотий, империй. «Демократия» в противовес «тирании» в конце концов стала пониматься как наиболее подходящий и справедливый вид правления вообще, по крайней мере с точки зрения греков и их философов, хотя там были самые разные понимания терминов, а у них это переняли и римляне, также отдававшие предпочтение республике.

Это отношение к демократии сохранилось по сей день, через Возрождение и Просвещение перейдя к американским отцам-основателям – сегодня оно используется в чисто политических и идеологических целях для обоснования американского приоритета и образцовости в части общественного устройства.

На самом деле, как всякое слово, тем более запущенное в исторический и культурный оборот, демократия, как и политика, государство, монархия, абсолютизм и т.д. и т.п. многозначно и может пониматься и выступать в разных обликах. Ср. социалистическую демократию, страны

«народной демократии», например, – в противоположность западной.

Почему демократия стала синонимом самого справедливого политического принципа или строя? Всякая власть антидемократична и несправедлива в той мере, в какой предполагает отношения господства и подчинения. Тем более, что всякая власть как правило представляет собой подчинение большинства меньшинству. При демократии предполагается, что большинство делегирует меньшинству свои полномочия путем выборов, через представительство и другие способы и учреждения. То есть участвует в политике заочно, по доверенности.

Профессионализм политика. Древние (и средневековые) республики старались сделать участие граждан в политике действительно реальным, так как только в этом случае политика выполняет свою функцию «общего дела» (*res publica*), только тогда принимаемые решения соответствуют интересам всех или большинства и устраняются возможности своекорыстного влияния на государство в интересах отдельных людей, групп или семей. (Прямая демократия). В городах граждан привлекали к управлению по обязанности, выбирали по жребию или очередности. Профессионализация политики всегда ведет нарушению справедливости, потому что кто концентрирует в своих руках власть, тот концентрирует все ресурсы (мини-Бог). Но реально властью всегда владели «профессионалы». В Средние века – по рождению, целое сословие, политические нации, откуда сегодняшняя мода отрицать этничность средневековых народов.

Политика – не профессия и не ремесло. Политиками рождаются в буквальном смысле слова, потому что это привилегия, связанная с обладанием определенными полномочиями, передающимися по наследству. Поскольку во многих профессиях есть своего рода привилегии, по крайней мере особые выгоды, особенно сегодня, когда большинство репутаций становится дутыми, то часто родители

стараются закрепить за детьми свое ремесло, а дети пытаются им подражать. Но в политике это идет еще от античности и особенно Средних веков, когда права получали по рождению, по крови, по благородству. Что сопровождалось, впрочем, иерархической «демократией», признанием и уважением достоинства всякого места в мироздании.

Опять-таки, при любой тирании есть неизбежное разделение власти и делегирование полномочий. То есть элементы «демократии» вопреки централизации. Средневековые короли обращались к сословным парламентам и Штатам за деньгами и одобрением войн – оба повода часто совмещались; в остальном их власть ограничивалась судоговорением и жили они за счет «собственных» средств, как первые среди равных, плюс за счет распоряжения выморочным имуществом. Начало становления современных государств – секуляризация церковных владений. Государство – высший собственник.

Если рассматривать Средние века не как эпоху провалов, а как время своеобразного развития и продолжения того, что было создано и накоплено в Древнем мире (хотя кое-что и было утрачено, чтобы потом частично возродиться при Ренессансе), то нужно признать, что в политическом строении общества имелось много элементов демократии в смысле распределения власти, что обосновывалось в том числе идеологически и психологически.

Верховным правителем мира признавался Бог, его творец, но он присутствовал во всех творениях, ограничивая любую власть и одновременно узаконивая любую справедливую, то есть, согласно Августину Блаженному, нравственную власть). Средневековому сознанию импонировал принцип единоначалия, однако, сопровождающегося иерархическим распределением власти. Эта идея отразилась в феодальной политико-экономической системе – распределенности земель и власти. Но, что менее очевидно или общепризнанно, также в устройстве Церкви, начиная с выборности ее глав (папы), и заканчивая монастыр-

скими уставами. Не говоря уже о развитии городского республиканизма, где выработалась своего рода корпоративная демократия: граждане участвовали в политической жизни как персональным представительством, так и от имени тех корпораций (цехов, семей, партий, объединений, союзов), к которым они принадлежали.

Но особое право на власть (над людьми) давало благородство (врожденное качество, природа). Оно сочеталось с владением землей и древностью прав.

Вопрос о нациях и территориальной их привязке. Почему-то считается, что на определенных территориях «по праву» живут определенные народы. Это естественное право – биологический ареал. Но человеческое право в этом отношении основано на истории – на переселениях и завоеваниях. Ср. средневековое и ренессансное понятия о нациях – народы, занимающие те или иные географические территории.

Коррупция. Есть два основных смысла этого слова – социально-политический и философский. Синонимы первого – подкуп, разложение, использование власти в корыстных целях. Одна из форм перераспределения благ в пользу отдельных лиц, меньшинства, власть имущих. (Присвоение себе властных полномочий за рамками их идеального или правового назначения для получения частной выгоды). Но оплата услуг государственного аппарата так или иначе предусмотрена – в том числе в виде пошлин, налогов, привилегий.

Во втором смысле под коррупцией, исходя из этимологии слова, можно подразумевать свойство всех вещей ухудшаться, распадаться, в конечном счете гибнуть. В порядке вселенной это свойство необходимо для обновления, из элементов распада возникают новые вещи и организмы (которые ими и питаются). Поэтому для живых субъектов разложение зло (и гуманисты говорили о возврате к началу для продления жизни организмов), но для живой материи в целом – благо. Коррупция с натурфилософской точки зре-

ния – разложение, распад природных организмов, неизбежное явление, связанное с процессами увядания и обновления. Вообще – отход от правил, установлений.

События. Революции и реформы

События – не факты, которые однообразны (пыль), а синтетические символы, комплексы понятийно-индивидуальных образов.

События суть конструкции, поскольку в них прева-лирует субъективная сторона – мы сочли и назвали нечто событием. Объективно в нас заложено восприятие жизни как дискретности (наряду с текучестью). Сознание дискретно, и его элементы складываются в события – группы элементов. (Событие – идея, существующая «в умном месте». Запечатленное конкретное). Была ли неизбежна Февральская революция? А была ли она вообще? (Она была в марте по новому стилю). Обедал ли я сегодня? (Обед – это событие, более неизбежное, чем революция. Но революция неизбежно наступит рано или поздно, обед же может и не наступить).

В формировании идеи о событии есть некое таинство – автоматический механизм ранжирования происходящего в головах массы людей.

История состоит из фактов и суждений. Событие сочетает в себе обе стороны, так как имеет координаты времени и места; и с другой стороны – значимость, то есть оценивается по какой-то шкале, выработанной зрителем-коллективом, субъектом истории.

Бродель противопоставил событие процессам – он построил события в динамические циклы. Следствие этого – вектор направленности – вверх/вниз. Сходство с марксизмом здесь – неумолимость движения; знание направления (что все равно будет, для индивида – неизбежность).

Для нас события – войны, правление государей («политика», «традиционная история»); стихийные бедствия, плюс к ним экономика и социальные изменения, вос-

стания. Культура, конкретные тексты также являются событиями истории. В факте всегда есть нечто от суждения – тексты суть события. В сущности, история сегодня – это разбор и пересказ множества мнений (суждений), за которыми якобы стоит некий факт (истина). Объективное в этом – выработка коллективного мнения. Общего с «человеческой» точки зрения.

Реформы – это бескровная революция. Революция происходит помимо воли отдельных людей, рано или поздно, ее можно только пытаться сделать более или менее управляемой.

Есть как бы естественный ход событий в обществе – изменения происходят медленно, но закономерно, без осознанного и насильственного вмешательства социальных сил. То есть без социального проектирования, без намеренного преобразования общества. Люди как физические, биологические и социокультурные объекты руководствуются своими импульсами, интересами, социальными ролями и интенциями. Причем как в индивидуальной деятельности, так и в кооперации. Капитализм и рынок и суть плоды такого развития, то же теоретически относится и к другим «формациям». Но по мере упомянутого развития и роста упомянутой кооперации совершенствуется и социальная технология, которая является не чем иным, как разновидностью общей технологии жизни как взаимодействия человека знающего (накапливающего знания) с природной средой и – во вторую очередь – с обществом. Люди применяют свои взгляды на устройство мира и социума для их приспособления к своим нуждам. Это, собственно, и есть одна из специфических черт человека как общественного животного.

С возникновением феномена науки к XVII в. зарождается идея научного познания общества, которая привела к теориям его преобразования (вызов марксизма) или скромнее – к экономическим теориям или «политтехнологиям» и пр. Все эти «технологии» применяются, но не га-

рантируют результатов в силу непредсказуемости общественного развития. Всегда существует зазор между идеями, наличествующими в головах «актеров» истории, и реальными тенденциями развития, слагающимися из множества отдельных поступков и векторов. Отсюда расхождение между реальными трендами в экономике, политике, культуре и пр. и знаниями о них даже у лучших экспертов. А из понимания этого зазора возникают положения марксизма – об объективной сути действий людей и групп – якобы вытекающей из существующих закономерностей, или действительно вытекающей из не до конца понятных нам, но отчасти наблюдаемых закономерностей (классовая борьба, «структурирование» по типам производственных отношений, роль власти и пр.). И положения фрейдизма о том, что людьми в значительной мере руководит бессознательное, не принципы, выработанные культурой, а первобытные инстинкты – взаимодействие принципов и инстинктов, насколько мы его улавливаем, в большой мере определяет нашу историю.

Важность «морали» для истории в том, что история есть ее реальное поле и воплощение. В истории же нет ничего, кроме морали – в известном смысле – виртуальности, отражения в головах: не механические процессы, а осознанно-оцененные. Крушение самолета – механическое событие, но оно воспринимается как крушение – трагедия, в силу оценки. Самолет, правда, – продукт ноосферы. Проще говорить о природном явлении – эпидемии, урагане. Всякий (социальный) акт общения морален, в том числе и чисто внутренний, мыслительный.

VII. История культурной (духовной) эволюции человечества и субъективный фактор.

Культура – выражение субъективности человечества по отношению к природе. *Собственно человеческое.* Это «генетическая» память, то есть память, передаваемая искусственным путем.

Значение слова и мораль

Культура в целом является выражением человеческого фактора в истории, в виде результата обобщенных усилий, как коллективного, так и индивидуального опыта. Собственно история выявляет культурное, а значит и нравственное значение отдельных жизней и индивидуальных усилий.

Слово «культура», как и другие биосоциологические понятия, имеет специальные или расширительные значения – культура бактерий, все, что получено путем развития, археологические культуры. (Ср. также слово «культивировать»). В узком смысле – («культурный» человек), то, что не имеет практической цели, что направлено на украшение жизни (хотя украшение может пониматься и прагматически). Но это сужающий взгляд, так как культура есть всякое приспособление и преобразование природы.

История и мораль – слово «мораль» можно было бы заменить словом «культура», если бы оно не было еще больше затерто. Культура часто понимается как синоним ценности.

Вопрос о культуре с точки зрения ее субъектов.
Этносы, конфессии, группы. Отдельные культуры и общечеловеческая культура.

Прежде всего, любые понятия и достижения одной культуры доступны представителям других культур, заимствуются ими, а если представитель одной расы и нации

вырастает в другой, он ее полностью усваивает. Это говорит о том, что все люди устроены одинаково, имеют примерно одинаковое аппаратное обеспечение, способны усвоить все идеи и понятия, выработанные практическим разумом в ходе взаимодействия с природой. Не существует культуры вообще, это всегда конкретный багаж знаний, накопленный конкретными коллективами, включая заблуждения, предрассудки, предпочтения, приемы и способы и т.п. Отсюда вопрос о «правильном» понимании исторических форм бытования культуры.

Исторически культуру накапливали (вырабатывали) те человеческие коллективы, которые обменивались друг с другом, в том числе и путем торговли, путешествий, войн, переселений, эксплуатации. Коллектив – это Я как субъект морали, которая в данном случае совпадает с культурой (исторически существующей), с культурой как набором ценностей, системой, диктующей конкретные выборы и поступки – хотя они диктуются и природой, но через культуру – природу в преобразованном виде. Это схемы, похожие у всех народов в их разумных принципах, и различающиеся в силу природных и исторических условий – климата, почв, ландшафта, водной сети, наличия ресурсов, степени развития технологии, верований.

Может ли быть культура отдельного человека, культурная система, им создана – по определению нет. Как и культура партии, даже отдельного класса (пролетарская культура). Вообще субъект истории, а потому и культуры – этнос. Сейчас названного субъекта пытаются заменить менее этничным (генотипизированным) понятием «цивилизации». Но цивилизация в сущности – синоним культуры в ее историческом (конкретном и реальном) бытии, достаточно неопределенный. Цивилизация – это конгломерат культурных народов, связанный общей исторической судьбой, общим культурным багажом. Он может иметь разные политические формы и разные ареалы, но главная в нем именно культурная составляющая. Притом

мы обычно не говорим «средневековая цивилизация», тем более ренессансная или цивилизация раннего Нового времени. Современная, может быть, – в отличие от традиционной (другой уклад жизни).

Есть объективные правила ассоциирования субъектов и их атрибутов. Говорят: византийская культура или цивилизация, немецкая культура или культура этрусков, иногда употребляют конфессиональные определения – христианская, буддистская, исламская, протестантская культура. Термин «арийская наука» раздражает в силу подразумеваемого деления наук (и культур) на полноценные и неполноценные. Допускаются науки политических субъектов – российская, французская, американская. Но вообще наука зарождалась как продукт республики словесности, гуманизма, на конкретном этапе развития европейской «цивилизации», подготовленном античностью и христианством. Поэтому она была изначально космополитична.

Вера теснейшим образом связана с этносом – это взгляд этноса на себя и на мир, его убежденность в собственном вечном спасении, в избранности и пр., что заложено, например, в иудео-христианской традиции, в исламе, имеющем с ней общие корни. Люди верят в бога, потому что они думают, что боги управляют миром, но еще и потому, что им нужно верить в себя и на что-то опереть эту веру, эту надежду на будущее, на благо, на то, что «добро» в их понимании побеждает (или проигрывает в виде жертв). Это сознательно-субъективное отношение к миру. Опять-таки заложенное природой, потому что живое существо не осознает смерти (не верит в смерть), это базисная, экзистенциальная противоположность живого и всего остального. Этническая культура связана с верованиями, но это «традиционные» или архаические культуры, которые разрушаются «цивилизацией» Нового времени с ее требованием постоянной «модернизации», с ее нивелированием, с ее разрушением культурных барьеров. С начала Нового времени, а возможно, и с его истоков в XII – XIII

вв. начинается замена идеи частных культур и цивилизаций – всеобщей (глобальной). Впрочем, она восходит к идее универсальной религии – понимание всеобщности, общечеловечности разума и культуры исторически возникло и раньше – с античной цивилизацией, с христианством, возможно, буддизмом и конфуцианством. А логически оно, вероятно, заложено в идее Я, которое понимает себя только по аналогии с другими Я, своим продолжением, отражением или противоположностью. Но скорее всего понимание отвлеченной идеи единого приходит одновременно с философией или с монотеистической религией.

Идея общечеловечности, общего корня – это элемент осознания единства всех культур. Культура национальна по форме, но общечеловечна по содержанию.

Иисус Христос был в некотором смысле безродным космополитом и общечеловеком, по крайней мере в толковании апостола Павла. На смену этносу шла иная, конфессиональная общность, появилось противопоставление этноса и веры. Евангелие изначально написано, вероятно, на греческом, то есть сразу выходило за рамки одного этноса.

Что до носителей культуры, то отдельный человек всегда является продуктом нескольких культур, культурного взаимодействия. Он носитель культуры человечества как вида в данной конкретной форме и на данном этапе, но потенциально он (как модуль памяти) может быть носителем любой (человеческой, то есть доступной ему) культуры.

То же относится и к человеческим группам, которые являются как источниками, так и приемниками культурных знаний.

Можно ли говорить о культуре как наборе ценностей? Для людей их знания являются такой же (а по сути дела и главной, хотя относительно общедоступной) ценностью, как материальные ресурсы, которыми они обладают: земля, жилища, недра, биосфера, материальные

ценности вообще, унаследованные и созданные ими. Культура (цивилизация) – это в одном из смыслов синоним общества; цивилизация – совокупность культурных и материальных ценностей данного этносоциального коллектива, некий продукт относительно замкнутого, обособленного исторического, материального и духовного развития.

С точки зрения ценности культура есть прибавление или развитие того, что заложено природой. У всего живого одинаковые природные ценности, начиная с бытия – все, что его обслуживает. Культура (если брать ее духовную составляющую) диктует устройство жизни, это собственно общее содержание человеческой памяти вместе с его разумным потенциалом. В известном смысле это и синоним нравственности, потому что нравственность является сводом рациональных принципов поведения в данном обществе (конечно, есть «материальная культура», есть техника, искусство и вера, которые определяют отношение человека к внешнему миру, а не только к себе и себе подобным - но они проникают друг в друга. Здание в буквальном смысле строится и по законам «морали», то есть общечеловеческого удобства).

Формы культуры – вера (религии), искусство, наука

Вера, искусство и наука - выражения того, что раньше у нас называлось общественным сознанием. Это представления о мире в целом, высказывание своего отношения к нему и объяснение его с практическими целями. Они связаны друг с другом исторически и логически.

Есть элементарные законы – цикличность всего существующего: начало (рождение), жизнь (продолжение), конец (смерть). Это закон времени. Идея всего - идея изменения. Откуда берется и для чего (если исходить из целесообразности мира) нужно бесконечное и бесконечно множасьее разнообразие форм? Разум пытается свести

все к единому, но единое самодостаточно, ему не нужно проходить через цикл жизни.

Бог нужен для осознания отдельным человеком своей ничтожности, никчемности вне социума, структур, высших начал, освящающих общество.

Бог не оставляет человеку иного выбора, – правильного выбора, кроме веры в него, которая дает надежду на лучшее. Поэтому вопрос о вере не имеет смысла, если его ставить, то ответ предreshается. Разумна ли эта идея и действительна ли она? Это вроде веры в советскую власть – нужна ли она? Если нужна, то есть (или будет). Бог необходим для осознания человеком своей ничтожности и одновременно важности. Бог - великое единое – печется о мелком человеке и отчасти нуждается, по мысли некоторых теоретиков, в нем - как всякий любящий в своем благе – любимом. Бог стоит над миром и людьми, но он к ним не безучастен. Он обладает силой высшей справедливости, а в христианстве – всепрощения и милосердия.

Вера имеет дело со смыслом жизни, с нравственными ценностями, с примирением человека и его бытия. Не было бы зла, не нужен был бы и бог. Он выражает ограниченность жизни, ее незащищенность, необходимость компромиссов. Неважно, был ли Христос богом или только человеком. В его истории показано, что он обладал силой, но отстранился от ее употребления. Это выбор человека, в чем-то презирающего человечество. Он хотел показать тем самым, в частности, его негативную сущность, негативную сторону самоутверждения, особенно за счет других. Если это пример, то обращенный к совести людей.

В Ветхом Завете нет платоновской мысли о том, что вещи лишь отражают мир идей и вытекающего из нее положения о презрении к миру. Есть псалмы, Экклезиаст с представлением о бренности и обманчивости бытия, смирение перед Богом. Но до монашества отсюда еще далеко.

Вера – это *архаическая «наука»*, обслуживаемая архаическим искусством.

Конфессия и истина. Можно ли быть одновременно христианином и мусульманином, католиком и протестантом или православным? В этом специфика конфессии: истина абсолютна и она противопоставляет тебя (ее обладателя) всему миру. Так как бог един, он только один (едина и власть).

Отсюда противостояние науки и веры: наука не признает абсолютной истины. Истина веры моральна, то есть нравоучительна, ее прескриптивность состоит в утверждении чего-то вопреки..., истина науки «объективна», ее прескриптивность основана на технологии: хочешь того-то, поступай так-то. Иначе говоря, на целесообразности. Вера мало утилитарна, или упрямо утилитарна.

Случай с Ринальдески⁷⁷ связан с проблемой утилитарности веры. В «народе» – как толпе «простых людей», противостоящей элите, идеологам, интеллектуалам, высшему классу, ученым и т.п. – живет языческая убежденность в прямой выгоде веры – веры в сильного бога. Покорность воле божьей заключается в отказе от выгоды и от мирского блага вообще – фактически от любого блага. Она равна готовности умереть на кресте, принести себя и все свое в жертву. Казнь Ринальдески стоит сравнить с казнью Савонаролы. Почему последнего сожгли после повешения – признали еретиком и схизматиком. Савонарола был человеком, интеллектуально верующим, он отказался испытывать Бога (при испытании огнем). Поступок Ринальдески и его казнь, напротив, вытекают из одного принципа – веры в то, что всем управляет бог⁷⁸. В этом

⁷⁷ Коннелл У.Дж., Констебл Дж. Святотатство и воздаяние в ренессансной Флоренции. Дело Антонио Ринальдески. М., 2010 . (Первое английское издание: Connell W. J., Constable G., *Sacrilege and Redemption in Renaissance Florence: The Case of Antonio Rinaldeschi* // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. Vol. 61, 1998).

⁷⁸ Возможно, претензии Ринальдески именно к деве Марии обладают очень древними корнями и восходят к римским временам,

смысле он подлинно верующий человек. Это вера в хозяина мира. Измена влечет за собой казнь. Но казнь – земное наказание, а христианская бесконечная благодать дает надежду на вечное прощение. Из нее вытекает, что если Бог есть, все позволено. Кроме того, Бог настолько выше морали (будучи воплощением блага, чистым благом), что никакое суждение о нем не может его оскорбить

Сатана – это перевернутое Я Бога, пожирающее, дурное. Собственность есть частное единое, противопоставленное вселенскому единому. Логически она есть изобретение дьявола. Отсюда неприязнь к ней у отцов Церкви, хотя и не у всех.

Что такое христианство? Нечто, что содержится во всех конфессиях, признающих себя христианскими, общие для них священные книги, набор идей, якобы высказанных или принесенных или выраженных Христом (причем уже паулинизм отошел от них). Существует ли христианская (исламская, буддистская) культура и чем они отличаются от соответствующих национальных культур? Источник культуры – историческое бытие конкретного этноса. Но этнос – понятие довольно неопределенное. Поэтому мы заменяем его понятием цивилизации – еще более неопределенным. Определения могут быть разными, и мы оперируем ими, сознательно себя ограничивая в том или ином отношении – отказываясь от чего-то, что не входит в наше определение. (Все определения мифологичны). Но вместе с тем определения имеют объективное содержание. Связь культуры и исповедания та же, что и культуры и идеологии вообще – связь ее с властью, принятой – официально – системой ценностей.

когда Венера считалась, наряду с прочим, богиней удачи. Ср. римские термины игры в кости - Венерин бросок, шестерка – Венера.

Чуждость привычного

Чтобы увидеть чудо, оно должно совершаться на фоне привычного, обыденной жизни. Сегодня евангельские сюжеты воспринимаются вдвойне эзотерично, потому что для сегодняшнего дня та эпоха сама по себе экзотика. Но для современников и очевидцев она была средой обитания, поэтому они не хотели поверить в чудо без серьезных доказательств. История Христа – это история безоружного пророка, пророка, даже не вооруженного масштабными чудесами.

Математическая формула чуда: чудо – это событие, вероятность наступления которого бесконечно мала. Или предел, к которому стремится такая бесконечно малая вероятность – ноль. Существует ли отрицательная вероятность (возможность изменить прошлое, напр.)? Под чудом понимается обычно видимое нарушение физических законов, примерно то же, что фокус. Сам феномен жизни является чудом с точки зрения вероятности совпадения всех условий, необходимых для ее зарождения. Мы окружены чудесами, которых не замечаем, потому что они привычны. Саморазвитие природы чудесно, бесконечность органических форм, их взаимодействие, функционирование организмов, необыкновенная простота, достигаемая через сложность. Отсюда также возникает идея бога, как художника, творца, источника изобретений и сил, движущих миром. Мир выглядит созданным по разумным законам, но это не так. Они заложены в нем только *potentialiter*. Причинность порождает целесообразность при условии наличия субъекта, заинтересованного лица.

О душе

В предположении о существовании души или потустороннего мира нет ничего необычного – это естественное продолжение наблюдений над явлениями. Настоящее чудо, на самом деле, есть обратное, это существование Я и его телесность, но очень сложно представить себе

и понять конечность, ограниченность своего Я, увидеть его глазами привычной нам вечности, незаконченности. (Трудно понять конечность, а не бесконечность. Невозможно пространственно представить себе границу, за которой «ничего нет». А время понимается по аналогии с пространством).

Искусство

Ценность искусства в обратимости времени. Художественное творчество – в нем есть социальная сторона – познание себя в зеркале, как должно или не должно быть, как есть, но в идеальном преломлении. Искусство – зеркало общества (И.Тэн), это то, какими себя видят люди в целом и в частности, но не только как есть, но отчасти и как должно. (Как принято – есть такие-то персонажи, они действуют так-то. Это хорошо, или плохо, или просто вызывает некие реакции – оценочные). То есть в искусстве есть утверждение чего-то и отрицание чего-то. Это игра с ценностями. В социалистическом искусстве обязательно присутствовала некоторая идеализация – показ людей немного лучше, точнее, желающими быть лучше, чем они есть или чем им дано. Это важно, потому что человека и делает это желание, это суть морали. Иначе он оказывается гораздо хуже животных, которых ошибочно выставляют синонимом всего худшего в человеке. В животных понимание добра и зла инстинктивно. Благо для них определяется их потребностями как индивидов и представителей вида. Но у них возникают естественные нравственные проявления – чувства благодарности, преданности.

У людей мораль, выражающая в первую очередь именно видовые интересы, является орудием их выживания, их «власти над природой». Зло в людях – чисто человеческое, осознанно-инструментальное. Преступник вовсе не уподобляется зверю, или это сходство внешнее, так как зверь естественно мотивирован, он не разрушает просто ради зла. Человек сознателен, то есть виновен вдвойне.

Искусство – это выражение личного, себя, точки в пространстве. Выражение возможности быть иным, иногда вопреки канону, «благу». Отсюда «аморальность» искусства (как и науки, веры, истории, жизни вообще).

Каприз, прихоть художника – выражение наибольшего произвола, присущего искусству и требуемого от него. Это самая субъективная сфера, сфера самовыражения. Но там где есть критерии (так же, как и правила), нет свободы. (Об этом говорит гофмановский кот). Современное искусство выражает стремление уйти от стандартов, от усвоенных правил, это гипертрофированное чувство «новизны», погони за новым и за своим. Искусство всегда – игра со стандартом, с образцом, стремление превзойти его. Значит отойти от него.

Свобода художника (а свобода ученого имеет такую же природу) немислима без правил. Он свободен от правил не потому, что не владеет ими, а потому что ими владеет – банальная, впрочем, мысль.

Искусство не открывает никаких новых истин. Преимущественно оно утверждает вечные истины, их преломление в конкретном, здесь и сейчас. Хотя это не «примеры», а приобщение к вечности. Впрочем, и наука открывает лишь то, что уже есть в природе – в отличие от техники, изобретательства.

Ирония необходима для занятий наукой, ирония по отношению к себе, к научным выводам и процессу. Это игра, необходимая для познания, выход за свои пределы, взгляд на себя со стороны ради полноты картины. Это, может быть, и болезненность ума, но это свойство познания и человека. Именно не просто диалог, а игра ценностями, отрицание любой ценности. Ирония – пренебрежительное отношение к какому-то дискурсу, даже своему собственному. Ирония – выражение очевидного противоречия, но не прямое, не явное. Внутреннее взрывание текста, заведомое допущение иной точки зрения, иного «дискурса», не принятого говорящим, но находящегося у него

на виду. Природа смешного вообще – противоречие, но выраженное в игровой, «ненастоящей форме». Средневековому юмору присущ садизм. Была ли тогда ирония? возможно, это примета Ренессанса или сентиментализма.

Творчество. Есть образ индивидуального творца, не понятого никем художника или поэта (которого оценят только после смерти. Хороший художник – это мертвый художник). Но у него все равно есть некая аудитория – представление об идеальном собеседнике, к которому он обращается (вроде подобия себя самого), поэтому любое творчество не совсем индивидуально (или, как недавно было принято говорить, оно диалогично). Идеальный – значит, не существующий конкретно, но отражающий определенную модальность – не обязательно долженствовани-е, может быть, и отрицание, или хотя бы то, как художник, а в его лице и общество, мыслит свое бытие – поступки, которые совершаются, «модели», которые используются объективно (то есть долженствование внешнего закона – опять-таки в понимании этих людей). Принципы искусства важны для истории. Долженствование указывает путь, маршрут движения.

Искусство в узком, «собственном» смысле также выделяется из искусства вообще, как умения делать что-то. Искусство самом в узком смысле – это виртуозность, делание ради спорта, соревнования (сходство спорта и искусства, особенно некоторых видов, как игрового моделирования жизни). Ради украшения жизни, не имеющее целью удовлетворения иных потребностей, кроме «эстетических». При этом искусство становится высшим идеалом жизни, воплощением лучшего, что в ней есть, того, к чему нужно стремиться. Это внушенная исторической эволюцией парадигма, которая развивалась с XV до XIX вв., а теперь заменяется идеалом эстетизированного, то есть подаваемого в красивой упаковке потребления. Эволюция пришла к культуре суррогатов, производимых рынком, культура и искусство подчиняются теперь «бизнесу», зара-

батьванию денег, или приумножению прибыли. Эстетика проникает повсюду (дизайн), но как продукт массовой культуры, тиражирования, а потому заведомо банальный и к тому же двусмысленный – образ заслоняет содержание.

Отсюда развинченность современного искусства – художник не желает подчиняться образцам и тяготеет к пародии, отрицанию, «свободе», разложению форм, разоблачению (последнее было, впрочем, скорее в XX веке). Или к прикладному жанру.

Архитектура связана со зданием, с идеей строительства, строения, созидания дома, жилища, среды обитания, вообще мира. Архитектура приобщает к вечности, потому что строят обычно надолго. Если не убоиться банальности, то архитектура – каменный якорь среди человеческих волн. Или волн времени.

Музыка, ее смысл, образы. Подражание и навязчивое повторение в музыке и вообще в искусстве – тиражирование в конце концов убивает и истину, и наслаждение, делает их пошлыми.

Стереотипность, банальность, подражательность противопоставляются новизне в искусстве. Но оно невозможно без некоторой узнаваемости, востребованности, шествия художника на поводу у толпы, заказчика, критиков.

Музыка – пример чистого искусства, его материи, непосредственного действия на эмоции⁷⁹. Она создает ту-

⁷⁹ Автор может связывать со своей музыкой определенное ценностное (ангажированное) содержание, соединять ее с текстом – это один из способов такой связи и по существу синтетизация жанров. Но это произвольный акт, в самой музыке не может быть ничего идеологического или политического и вообще зримо определенных образов. Впрочем, в ней может быть историческая составляющая и конкретизация образов через реминисценции. Она воздействует на слух, чувство ритма, но не несет «информации» в узком смысле сведений. (Вообще искусство не есть способ передачи информации, хотя несет ее как вид коммуникации. Не это его цель. Через символы оно воздействует на чувства, чтобы вызвать пере-

манные образы, прелесть которых в их неопределенности, невидимости, отсутствии зримой формы. Жанры и тексты – это уже наслоение, гарнир. Музыка опирается на ритмы, выражает характер движения, воздействует на психику, обладает своего рода внушением через базовые механизмы функционирования организмов. Но мелодия – музыкальная мысль, ее понимание требует подготовки, причастности к определенной культурной традиции (разные культуры – разная музыка, с трудом воспринимаемая). Возможно, всякая мысль в своей основе музыкальна, так как музыка заключается в ассоциациях, и разум вытекает из идей тождества и различия, их чередования. Мелодии уже выражают некоторое мировоззрение, не говоря о культурных формах музыки, пения, синтетических жанрах.

История как упорядоченное движение – это музыка, написанная природой (раньше сказали бы Богом) при участии людей. В ней меньше хаоса, чем гармонии. Поэтому историки – музыканты, играющие по доставшимся от прошлого нотам.

Восприятие действительности подобно слушанию музыки, в котором без анализа, без специального усилия не воспринимаются отдельные партии. Это синтетическое восприятие. В силу каких-то причин или волевого усилия может включиться аналитическое восприятие, когда будет осознаваться или восприниматься партия гитары и т.д.

Teamp – также синтетический воспроизводящий жанр. Игра, мистерия, обряд - повторение действий, ин-

живания). Музыкальная информация - это определенным образом упорядоченные звуки (нотная запись - второй порядок, второе производное информации), которые в подготовленном приемнике, в воспринимающем субъекте, вызывают эмоции, состояния эстетического переживания, сложные комплексы, ассоциируемые с индивидуальным опытом. Сходство музыки с математикой - у той зрительные, пространственные образы, или числовые отношения. Это анализ реальности, вычленение в ней черт одного ряда, определенных форм - контуров предметов и количества.

триги, обреченность на движение по кругу. Театр близок истории тем, что он воспроизводит ряд событий, одно событие – сюжет, то есть наделяет его «метафизической» ценностью, непреходящей. Повторение события (событий), то есть подражание им имеет смысл в том случае, если возбуждаемые в зрителях (как в читателях истории, в слушателях музыки) эмоции и чувства доставляют удовольствие и укрепляют в каких-то идеях (нравственность). Все эти виды деятельности нерациональны, точнее, не чисто рациональны. Приобщение к вечности – это самоцель искусства, истории и музыки, как и жизни вообще. Это высшая рациональность, вытекающая из природы живого, а не из ее познания разумом⁸⁰. Эстетическое наслаждение – это наслаждение не чисто чувственной природы, а пропущенное через «разумные способности», наслаждение пониманием. Фактически, это слияние заданного, заложенного автором, одним субъектом, по определенным исторически выработанным правилам, содержания, с восприятием другого субъекта, зрителя. То есть удовольствие получаемое от общения, общения особого рода, с другим субъектом, но в объективированной форме, доступной для всех людей. Общение как бы с вечным разумом, игра вечного разума, поскольку он присутствует во всех людях, в известной мере во всем живом и даже сущем. Музыка способна пробуждать это особое ощущение, как и театр, и в своем роде история.

Эстетическое наслаждение рождается, вероятно, из «хитрости разума», как удаленный продукт приземленных потребностей, «объективных целей», скрытых за видимыми устремлениями. Но оно становится самоцелью, и как

⁸⁰ Цирк доставляет удовольствие своей необычностью, мастерством, которым не обладают обычные люди. Как фокусы. Постигание непонятого, отчасти сверхъестественного как сверхобычные способности человека, виртуозность музыканта, мастерство вообще художника, поэта, оратора. От слова «вирту».

всякая самоцель может идти во вред первоначальному, объективно заданным потребностям.

Вера тоже своего рода театр и разновидность серьезной игры, исторически связанной с магическими обрядами. Что остается сегодня, в обществе современных технологий, от веры, кроме музея? Философская или осознанная вера – необходимость допущения высшего существа для объяснения мира. Она, по сути дела, рациональна, но ее камень преткновения – этика, теодицея. Трудно доказать рациональность зла с точки зрения высшего разума. Высший разум должен быть или морален, или не всемогущ. То есть, если он всемогущ, то не должен допускать зла. Если он допускает зло, то он не всемогущ, но Бог ли это?

Воображение – источник человеческой морали не меньше, чем разум, так же как и источник культуры (противоприроды). С помощью воображения развивается сочувствие и со-переживание, способность поставить себя на место другого. В истории оно имеет развитие (юмор Средних веков – издевательство над врагом), но и в природе имеет основания (у животных есть чувство сопереживания). Если прогресс существует, то он существует в моральных стандартах. Технические усовершенствования и изобретения являются лишь продуктом вечного духа предпринимательства, они не меняют природы человека. Эволюция природы человека (в сравнении с насекомыми) выражается в способности поставить себя на чужое место, почувствовать чужие эмоции, это эволюция воображения⁸¹.

Для того чтобы родилось сочувствие и вообще мораль как приравнивание субъектов друг к другу, нужно

⁸¹ Чем тяжел труд забойщика скота и убийцы? Нормальный человек ставит себя на место жертвы – такова природа сознания и, наверное, восприятия вообще: /со-/переживания. Поэтому в данном случае им приходится переступать через это ощущение (страха, ужаса и пр.) и приучать себя к черствости и другим качествам, не присущим «рядовому» человеку.

умение пережить чужую ситуацию как свою. Нужно пережить ощущение собственной гибели, чтобы испытать сочувствие к тому, кого убивают, причем не умственное, а эмоциональное. Очевидно, это чувство воспитывается культурой, потому что для хищных животных другие животные прежде всего это источник пищи, переживание которой их не волнует. У них в этом случае (как и у «нецивилизованных» людей) эти объекты воспринимаются как абсолютно чужие, то есть никак «мне» не равные. В социальном смысле упомянутая эволюция выражается, в частности, в осуждении таких общественных институтов как рабство и крепостничество.

Сегодняшний театр вырождается в чистое зрелище (римская идея управления толпой, игра на «низменных» чувствах, щекотание нервов убийствами, насилиями, преступлениями) и чистый бизнес – технология получения прибыли, в том числе путем насилия над психикой, психологией, сознанием людей, эксплуатация слабостей и «пороков». Это шоу-бизнес. В мире нет ничего, кроме толпы, по словам Макиавелли, толпа всегда в конечном счете возобладает. Имеется в виду сила стереотипов, на которых строится общество, это его консервативная (не инновационная) сторона. Но в этом же и слабость толпы, которую используют власти. Властвует и пользуется большинством благ всегда меньшинство.

Феномен театра шире зрелищного искусства. Мы говорим о театре в политике, о притворстве в повседневных отношениях, о театре в жизненном устройстве (театр абсурда) как режиссируемых сценариях. То есть театр, будучи копией некоей, хотя и вымышленной реальности, становится метафорой в описании самой этой реальности как конструируемой действительности или истории. Режиссер подобен Богу, а Бог режиссеру, который пишет сценарий развития истории и каждой отдельной жизни. Как автор пьесы, он может менять сценарий, но хороший автор идет за правдой характеров и среды, он подчиняется

объективным законам, диктующим ход событий, или внутреннему голосу, божественному глаголу, музе и пр. Для истории это особенно важно, так как историк не должен отклоняться от истины. Хотя его пьесы уже сыграны, он пытается воспроизвести логику действующих лиц и необходимость поворотов сюжета, как если бы он не был написан. Общество строится на определенной театральности, роли предписываются как необходимые функции, профессии, должности, и ситуационно – исходя из правил игры, рецептов поведения – хотя это всегда импровизация. Хорошие актеры импровизируют от себя, средние – повторяют штампы. У тех и у других есть канва, от которой нельзя и не нужно отклоняться. Игра – эта та доля «свободы», которой располагают люди. Есть правила и обстоятельства, и есть мастерство актеров, которые их используют, применяются к ним и следуют им, но тем самым и овладевают ими – овладевают собственной судьбой и судьбой окружающих. Вопрос в том, есть ли здесь режиссер (высший разум) и какова его роль? Видимо, это лишь данность мира, правила и обстоятельства, законы – общее и повторяемость в вещах. Живое вторично и не режиссирует миром, хотя стремится именно к этому. Человеческие законы (право) – инструмент управления миром с точки зрения желаемого для общества и властей. Они вполне субъективны и пристрастны.

Идея богов и бога

История занимается тем, что не-общее. (Почему рождаются именно эти индивиды – именно Я. Шанс родиться – шанс сбыться у того или иного поступка). Бытие – бесконечная реализация идеи (общего), обязательного, в частном – необязательном.

Сакральность – особое властное отношение, абсолютная ценность, имеющая социальную санкцию.

Бог в общей идее – повелитель жизни и смерти. Христос (бог) – сострадатель жизни и смерти. Он в со-

стоянии только принять страдание на себя, в этом его отличие от других богов. Идея сострадания – мораль – гуманность – способность чувствовать чужую боль. Бог должен быть ощущением всей боли и страданий всех живых существ. Это объясняет распятие и оправдывает его (Бога) беспомощность.

В замысел Бога, по логике Евангелий, входило и распятие. По-человечески Христос не хотел мучений и наступления неизбежного. Но неизбежность сильнее нашей и его (?) воли. Это вариант ответа на вопрос о становлении и истории – тайна неизбежного и наше отношение к ней. Есть ли в неизбежности мораль? По Макиавелли⁸², все добрые поступки людей вытекают из необходимости. Она подталкивает (через разум) к «правильным решениям». Истина всегда моральна. Это и есть предмет, или один из главных предметов науки истории – понять правильность, или неправильность поступков людей в ту или иную эпоху. Но это совсем не обязательно «успешность».

Христос как литературный образ, литературный герой может быть сильно отличен от того, который существовал (если существовал) в жизни, в сторону идеализации. Но его привлекательность заключается именно в рядовой человечности, за которой кроется тайна; противоречие детективного характера, без конца обыгрывавшееся потом в литературе на евангельский сюжет.

Главная особенность христианства – жертвенность, то есть принятие мученической смерти, понятное как победа над ней. Бог всегда нес в себе животворящее, порождающее начало (античные боги-идеи), даже сексуальное, оплодотворяющее. Христос также дает жизнь – воскрешает мертвых, но его власть не от мира сего. Ему не нужно воскрешать, это фокус для язычников. Он знает, что ис-

⁸² Рассуждения, I, 1: «люди действуют по необходимости или по свободному выбору и доблести проявляется больше там, где выбор ограничен...».

тинная жизнь – это жизнь идеи, царство теней превращается в царство истинных вещей. Они имеют порождающую силу, но зачем порождать смертное и тленное? Смерть – это благо как ступень к вечной жизни. Добро и зло, благодать и предопределение, свобода и любовь – дуализм земной жизни, вытекающий из ее несовершенства, хотя воспроизводимый и в понятиях о загробном мире – как дань язычеству. Иначе выходит (как оно и есть), что бог потерпел на земле полный крах. Зачем искать в страданиях и несправедливости высший смысл?

Всегда ли боги делились на добрых и злых? В греко-римском пантеоне этого нет, что существенно (боги как люди, обидчивы). В восточных виден дуализм. Источник зла у греков и у евреев разный. Древнейший бог амбивалентен – раздает и добро и зло. В христианстве бог разделяется на два – абсолютное благо и источник зла. Возможно, от греков идет (Августинова) идея о благе как бытии и зле – небытии.

Знание и вера. Змей символизирует мудрость и зло, древо познания добра и зла (именно так – а не просто познания) – это отправной пункт для грехопадения. В Библии заложено недоверие к знанию, утверждение о его ущербности. Античность несет в себе рационализм; например, что существенно – у Сократа – тождество знания и правильного поведения.

Вера в Бога – вопрос чисто моральный, (хотя внешне это вопрос чисто «информационный», или научный, или философский. Но для науки нужно находить определение вещей). Философский – моральный вопрос – существует ли у морали внешний источник или это чисто человеческое изобретение. Вера в отсутствие Бога – это вера в отсутствие внешнего источника морали. Однако мораль имеет и объективные, в том числе (или) разумные основания.

Функция (идеи) Бога – поворачивать историю вспять, то есть возвращать истории ее истинный - именно

моральный смысл. Бог – средство примирения человека с миром. История, еще раз, – знание того, что было сделано правильно, и что неправильно. Исправлять сделанное настоящему невозможно, можно лишь пытаться не наступать на грабли. Пережитые боль и ужас ничем компенсировать нельзя, как и жизнь (о слезинке ребенка).

В природе утраченные жизни отчасти компенсируются процессом появления новых, воспроизводством, то есть жизнь утверждает себя при этом уже не на уровне индивида, а на уровне вида. Ее «цель» при этом не индивидуальное, а процесс. Индивид хочет продлить жизнь, сделать временное вечным. Это невозможно для него, но возможно для его потомства. Это предельный способ воспроизведения индивидуального (в живой природе), над которым уже надстраивается искусственное/человеческое – культура, искусство, память.

Проблема философии религии вытекает из того, что богом можно называть все, что угодно, и люди действительно поклонялись всему, что угодно – но бог не обязательно предмет поклонения. Идея власти не исчерпывает его понятия.

Бог имеет социальное измерение, тогда речь идет о культе, религии, вере предков, особом роде власти, сегодня – и особом «бизнесе», и все это серьезно. Это отчасти война. Но Бог имеет и внутрочеловеческое измерение, связанное с поиском истины, познанием, представлением о мире, о месте человеческого индивида, о том, как ему поступать, что можно, что нельзя. В этом смысле Бог – «святое» внутри человека, после полной десакрализации – все равно это синоним, пусть и метафорический, его главных ценностей. Но эти ценности не инстинктивны, они культурны, то есть внутреннее социализированы. Существует ли вера как чистое чувство, без разума? А существует ли человек как растение?

В Новое время произошла десакрализация всего, в первую очередь очевидно сакрального – жизни, смерти,

рождения, секса (любви). Это связано с рынком – все рассматривается как средство получения прибыли, следовательно, как товар. Десакрализация Бога. Но если он есть, как уже было сказано выше, все позволено, потому что из морали исключаются те, кто непричастен к сакральному и стало быть, отрицает его. (Кроме того, Бог все простит. Эта идея и породила Реформацию – Бог уже заранее не простил, приговорил, хотя, возможно, и сочувствует. То есть Бог не свободен). Зло является условием существования Бога – или он не может с ним справиться (устроить мир по-другому), или он сам – источник зла. Это если понимать благо и зло как нечто абсолютное, объективное, тогда Бог может быть просто синонимом блага вообще. Но благо в этом случае также немислимо без зла, это два начала мира. Если же благо субъективно, относительно, то Бог становится индифферентным, по ту сторону, то есть смысл абсолютного Бога исчезает – Бог несовершенен, как любой субъект. Следовательно, христианский Бог мыслим только как абсолютное благо, но его зависимость от зла как условие его бытия и бытия вообще делает его не всемогущим.

Все люди (и живые существа), как уже было сказано дважды, приговорены к смертной казни и тем самым к разгадке (осуществлению, пониманию как переживанию и полному усвоению) тайны бытия. Задача веры – примирить людей со смертью. Смерть – это переживание. Умереть может (должен) каждый. Все благо – только в незнании сроков. Почему-то бытие считается изначальным благом.

Вера и наука

Вопрос о вере некорректен потому, что перед его постановкой нужно определить, что такое бог. Вопрос о боге – это вопрос о соотношении материального и духовного, если они реально разделены. Точнее, вопрос о том, каково отношение бога к материальному миру. Управляет ли последним высшее существо, чистый дух (если бог су-

существует только как идея, спорить не о чем – он тогда существует, как любое уравнение. Но уравнение вторично, оно может быть верным и неверным. А бог – это такая идея, которая первична, это истина сама по себе, начало вещей, принцип, дающий им жизнь). Если бог, принцип, идея управляет – тогда встает вопрос о целях, так как управление – это движение к определенной цели, то есть к некоему благу. Есть ли у мира цель?

Должно ли верующему (может ли он) рассуждать о боге? Он ведь пристрастен.

Профессиональное знание исторически стало уделом определенного сословия. Это привело к сдвигам и в мировоззрении. Но есть разница между мировоззрением масс и мировоззрением интеллектуалов – она возникает необходимо и эта грань по сегодняшний день не стирается – это как бы вечный феномен. Народная вера имеет свой особый смысл – дело не столько в языческих пережитках. Бог источник жизни, и следовательно, всех благ; отсюда все чудеса и обращение за помощью к святым, магические практики. Это логическая вера, хотя исторически, возможно, она соответствует язычеству (многобожию) и более архаическим верованиям.

Если Бог – живое существо, то как он размножается, питается, рождается и умирает? Если о нем невозможно судить рационально, зачем об этом говорить, тем более создавать культ, приносить жертвы?

Бог – важная идея для того, чтобы продумывать целесообразность бытия.

Вера – сакрализация истины, наука – десакрализация. Но есть вера и в науку, например, медицину. Наука несет информацию не как абсолютную объективную истину, как в веровании, а как сведения для ориентирования. Информация – обезличение? Но нужен некто, понимающий язык, который состоит из символов и управляющих сигналов (отчасти они сливаются).

Вера – средневековый модус сознания – программа работы на том же компьютере, который работает и может работать и сейчас.

Во времена Макиавелли совсем не верить в Бога было бы «ненаучно», не соответствовало бы правильным представлениям о мире: у каждого времени они свои. Без того или иного представления о Боге картина мира была бы неполноценной, незавершенной. Бог, духи, звезды, очевидно оказывали влияние на земной мир, как природные феномены. Но в представлении гуманистов это был, скорее всего, безликий Бог, некое воплощение законов взаимоперехода добра и зла. Возможно, астрологию осуждали не в принципе, за «антинаучность», а за преувеличение влияния звезд вопреки свободе воли, за излишний «детерминизм», провиденциализм, фатализм. Правильную астрологию – не принуждающую, а склоняющую, предсказывающую – ученые не отвергали.

Бог создал пищу. Это всё.

Богов можно представить себе в виде существ, имеющих особую власть. Как хозяева для животных⁸³, или инопланетяне.

О Боге правильно говорить так – «А что, если его нет?». Бессмысленность толкования о боге в форме анкеты (есть, нет – нужное подчеркнуть, точнее – о вере – «не состоял»). Можно говорить о необходимости бога – откуда она берется – именно из иррациональности. Зачем он заставляет убивать друг друга, питаться друг другом. Разумно ли это? Или в этом высший разум? Но что значит «высший»? Только то, что кто-то стоит над человеком, конечность человека и всего живого не исчерпывает его сущность. Общее, идея – разумны, целесообразны и прекрасны.

⁸³ Домашние животные должны представлять себе людей в виде богов – помощников; верить в них, как уфологи в пришельцев. Высшие существа, всемогущие существа, недоступные (путем эволюции) существа.

Люди избавлены от той определенности, которая существует в природе. Они могут перевоспитать волка (и в себе волка) и сделать из него собаку – хотя природу не изменить до конца. Национальная идентичность связана с вопросом о предопределении – кто осужден, кто будет спасен. Лютер отстаивает особость, национальную в том числе, Рим – универсальность – средневековый ли это принцип или вечный.

Институциональная вера (религия, конфессия) есть насилие как идеология, навязанная обществом. Плюрализм – удел научной мысли. Социализированная вера – как бы материальная данность, объективное.

Религия – это ум среднего (простого) человека. «Простые люди» отличаются от «интеллектуалов» (в теории, а на деле люди состоят из того и другого – сейчас он интеллектуал, а через минуту – обыватель) не тем, что они глупее, а тем, что они только умны по-своему. У них коллективный ум, стадный инстинкт, привычка держаться общего. Отсюда особенности поведения толпы. Подражание, ум, который следует чужим примерам. Ум подражания.

Об ученых. Так же, как любой человек действует, по Броделю, на островке, так и «ученый» ограничен тем пространством, которое отвоевано или освоено предшествующими поколениями и современниками. Он может расширять его, но не способен оторваться, иначе у него не будет почвы и его не поймут. Другое сравнение – «слепота» людей, которые могут видеть только в пределах своей видимости и в рамках своего зрительного аппарата. Так как все это со временем меняется, люди прошлого отчасти «слепы» по отношению к нам, но и мы не все видим в прошлом.

Как измерить производительность труда ученого? Количество статей и книг отражает ее очень приближенно. Ср. число написанных художником картин или даже зданий, построенных архитектором. Чем ближе к идее (духу), тем меньше могут служить критерием физические и энергетические параметры. Индекс цитирования – в гумани-

тарных науках идея плохо отделима от оболочки (в том числе языковой). Они более описательны, их истина больше заключается в подробностях. Именно поэтому такие работы труднопереводимы. Диалог культур строится на том, что понятия одного языка имеют соответствие в понятиях другого (то же и в языках разных эпох). Но полного соответствия не бывает.

Отдельные науки и история

История как творчество. История должна быть экстремальной, чтобы быть наукой, то есть задавать новые вопросы и двигаться вперед. (Она отвечает только на те вопросы, которые мы ей задаем). Ее тенденция к все более подробному описанию мешает постановке общих проблем, мешает видеть во всем частном нечто общее, мешает дедукции/индукции. Создание гипертекста способствует двустороннему движению – от более общего к более подробному и «мелкому» и наоборот.

История (вообще наука) служит, чтобы задавать вопросы, но не получать окончательные ответы. Автоматизм жизни и поступков: не все, что поступает в оперативную память, осмысливается и осознается. Сознание – это как экран на компьютере, и в нем даже много окон, но многие впечатления вытесняются или не обдумываются. Психоанализ снимает действие травм через их осмысление. История также позволяет выявить скрытые в подсознании проблемы и механизмы оценки, влияющие на поступки. Но это нужно не для «покаяния», а для понимания ошибок.

Отношение истории к другим наукам: она присутствует во всех науках как их часть, то что было до сегодняшнего этапа, постановка проблемы («историография»). Но это не история в собственном смысле, а культурная память, разделенная на сектора человеческой деятельности. (Раздел «историография» заимствован из схоластики, которая сводила разбор вопросов к разбору мнений авторитетов. Подход историка - или разбор случаев, или раз-

бор мнений об этих случаях, но не отвлеченные рассуждения - однако и сами философы в основном работают как историографы, разбирая мнения великих и малых предшественников). Гуманисты отчасти заменили авторитеты набором цитат. Историк – это человек, знающий, что, когда и кто написал. Во вторую очередь, что, когда и кто сделал. Но сложнее всего «ранжировать», установить связи (может быть, и мифические, условные), свести человека и его творчество к одной формуле, показать единый процесс в едином интеллектуальном пространстве.

«Историк не должен думать». Точнее, он не должен замечать, что он думает. Историки делятся на тех, кто за то, чтобы думать и тех, кто за то, чтобы не думать (пилить гирию). Но интуитивно они чувствуют, что не думать сложно, поэтому они думают о том, как оправдать недумание. Если не думать, зачем вообще нужна история?

Животные думают, наблюдая. Они думают по заложенным в них программам, не рефлексирюя (это не значит, что у них нет сомнений). Цели конкурируют, но абстрактный багаж животных предположительно очень мал. (Хотя я не вижу резкой грани между ними и людьми). Вся разница – люди записывают игры, опыт с помощью символических знаков. Они анализируют вещи, разлагая их в уме на составляющие, затем изобретают новое (но это есть и у животных).

Ученый должен быть слегка сумасшедшим, подвинут на чем-то, чтобы добиться результата. Так изображают изобретателей – чудаков.

Слепота людей, в том числе ученых, заключается в их привязанности к сиюминутному, к обстоятельствам места и времени, и отвлечению от возможного, от того, что все бывает и совсем не так. Такова природа сознания, животные живут в основном данностью. Человеческое сознание способно отвлекаться, но чтобы решить какую-то задачу, нужно на ней, естественно, сосредоточиться. Наука пытается охватить все возможные аспекты, это на-

зывается фундаментальной наукой – отвлечение от практической задачи, от цели, следовательно, и от ценности. В этом смысле наука не моральна и даже не инструментальна (не «полезна»). Всякая оценка пристрастна, как и моральность, наука беспристрастна, в идеале равнодушна. Чего не дано правосудию, которое пристрастно всегда, а беспристрастно в декларации.

Поэзия как философия – это особая форма философствования, в которой индивидуальное ощущение выступает (представляется) в виде общезначимого. С помощью специальных художественных приемов, условностей – размера, рифмы, подбора слов, образов. Форма может быть самоцелью, как достижение «искусства» (ремесла), но за ней всегда стоит некая мораль.

Произведение искусства является таковым, если в нем есть поэзия. (Есть доля ремесла и доля вдохновения, гения, дара божьего. Сегодня мы их разделяем. Первое – то чему можно научиться, стереотипное, шаблонное, уже известное, но оттого не менее полезное. Второе – новое, свое, творческое, удача, плюс голос свыше, некий диктат космоса. То же и в науке).

Одна из главных особенностей истории как феномена и истории как науки является ее синтетичность. Конечно, в феномене истории главное и второстепенное не разделяются, но в пределе масса событий превращается в чистый фон, то есть перестает быть историей как таковой (ср. труды Ф. Броделя). В восприятии «бытийственная история» всегда абстрагируется от частного, всегда выделяет главное и второстепенное, направление и отклонения, обязательное и случайное. Она оценивает хорошее и плохое. Вообще, всякая наука оперирует абстракциями, имеет язык, описывает данность, но имеет и долю субъективности. Однако в гуманитарных науках их объект не существует вообще вне науки или другого субъективного восприятия, в отличие, например, от минералогии, отсюда их трудности, о которых говорят, как об особенностях само-

познания, как бы особом разрушающем действии на объект (хотя это понятие взято из опытных наук). История, поэтому, не может быть чисто описательной наукой, это иллюзия, вызванная отсутствием рефлексии. Она начинается с отбора и заканчивается суждением (оценкой).

История – это рефлексия над прошлым, то есть настоящим, уходящим в прошлое. Над настоящим особенно рефлексировать некогда, а над прошлым можно, потому что действия закончены и известны результаты.

Историк – человек, который имеет в виду, что будущее ничем не лучше настоящего. (Поэтому надежда на новые поколения иллюзорна).

История изучает («рассматривает») индивидуальное. Индивидуальное – то, на что можно указать пальцем. Иначе говоря – увидеть. Увидеть для человека – отчасти уже осмыслить (у-видеть, потому что можно видеть и не замечать. Именно наука делает невидное – неочевидное доступным умственному зрению). Описание – еще более субъективный акт, мы описываем в присущих нам параметрах, обращая внимание на то или иное. Осмысление – процесс отрицания индивидуального, подведения вещи под понятие класса. Дерево – это предмет, *увиденный* как представитель «вида». (Если цель вещи – возврат к ее идее, принципу, или их сохранение, то смысл – это содержание движения к такой цели). Описание – это придание смысла или смыслов, по крайней мере словесное.

Увидеть - не значит понять, хотя видение – первый шаг к пониманию. Понять – значит установить причинно-следственные связи, то есть представить предмет в движении. Если это живой организм, определить его цель как причину движения. (Целесообразность – усложненный вариант причинно-следственной связи, когда следствие/результат движения выступает и в качестве его причины – вариант притяжения – «любовь»).

История – это конкретизация общих понятий. Исторические исследования не просто вписываются в рамки

каких-то общих тем (формально) или иллюстрируют их; они должны служить решению проблем, показывая, как противоречия уже разрешались на практике (например, мораль и политика). Из истории желательнее извлекать пользу и нравоучение. Историк и художник – одно и то же, только второй больше домысливает. Из искусства тоже следует извлекать пользу и нравоучение, сколь бы художник ни презирал толпу. Сам он от пользы и нравоучения не свободен. Кумир Бельведерский выше печного горшка потому, что нельзя поесть ближнего – соответственно, варить его.

История, с практической точки зрения, – такое же пустое и бесполезное занятие, как и философия. (Роскошь). Ну разве что может развлечь. Но она помогает думать. Люди действуют на основании, грубо говоря, опыта, но опыт подсказывает только то, что все равно придется наступать на грабли. Все предопределено в плохом смысле. Ну, может быть, почти все...

Чрезмерное отрицание часто перерастает в утверждение. Отрицая философию можно попасть к ней в плен.

Историки и философы – историки изучают только примеры и казусы, их обобщения в лучшем случае простираются на особенности данного феномена в данный период. Они идут, как бы то ни было, путем индукции. Философы, наоборот, отправляются от принципов и иллюстрируют их примерами, это как бы дедукция. В остальном они близки. Поэзия – это философия в капле воды. Историк останавливается там, где нужно выходить за рамки рассказа о том, что говорили другие, как они поступали и как это соотносится со словами и поступками третьих. От говорящих голов (объясняющих господ) на ТВ требуется изречь, а не высказывать сомнения. Позиция политолога или публициста – объяснять, безапелляционно оценивать, предсказывать будущее. Специалист в их понимании – тот кто точно знает. Позиция ученого – сомнение во всем, всегдашнее воспоминание об ограниченности

данного знания, постановка вопросов, а не ответы. Ответы возможны всегда для данной точки во времени и пространстве, но процесс познания продолжается.

Знания о прошлом – в значительной степени это восстановление утраченных знаний. (В этом отличие истории от других наук).

Предмет истории - изучение практического разума другого – другого практического разума.

Люди лучше соображают, когда им нужно принимать решения по насущным вопросам, в понятных обстоятельствах. История – для потомков условные обстоятельства, иногда очень далекие. Вроде театра, игры, в которую можно или нужно вживаться. Это усилие историка, связанное с неактуальностью прошедшего. Можно сказать, обретение актуальности.

Три кита исторической науки: источники, историография, размышление (анализ, синтез, поиск, исследование, философия).

Иррациональность истории-реальности – зависимость людей от внешнего. Рабочий вариант деления понятия: история-реальность и история-отражение. Это как бы одно и то же, разница философская. Между бытием и отражением находится воля. И информация, истина, свобода.

Интеллектуальная агрессивность проистекает из убеждения в своей правоте, в знании истины. Верующие, особенно священнослужители, должны исходить из того, что они знают абсолютную истину (причастны к ней). Но истина веры рационально не доказуема, иначе это не была бы вера. Все истины науки должны быть рационально обоснованными и верифицируемыми. Поэтому в принципе наука и вера (религия) не согласуемы. Можно, наверное, совмещать занятия наукой, исследования и веру или конфессиональные правила. Но принцип разный. Хотя и науки абсолютно рациональной нет, любое рассуждение должно исходить из аксиом. Наука и вера – два пути от очевидного к неочевидному, к выработанному, иначе

скрытому знанию. Вера, допустим, интуитивна, наука дискурсивна. Вера предполагает безоговорочное принятие догм, наука – отрицание догм, постоянное сомнение. Источник веры предположительно сверхъестественный (откровение, ср. «открытие»), источник науки – опыт, эксперимент, разум. Открытие и откровение – как бы синонимы, но одновременно противоположные друг другу вещи.

История и метеорология. Метеорология – «физическая» наука, в которой должны действовать постоянные закономерности. Но ее предсказания очень приблизительны, что можно отнести на счет преобладания случайного характера процессов и действующих факторов. Здесь, возможно, применима теория хаоса и синергетика, притом с бóльшим успехом, чем в гуманитарной сфере, где все побуждения проходят через сознание (или подсознание). Впрочем, фактор сознательности, присутствующей в поступках, должен был бы увеличивать правильность, понятность процессов.

Как учить истории – запоминанию фактов или знакомству с разными мнениями? История и производные от нее – единственная наука, которая интересуется судьбой конкретных индивидов, неповторимым. Это роднит ее с искусством.

Еще раз о времени. Время у историков, как было отмечено выше, уподобляется пространству, делится на эпохи, ограниченные хронологически и повторяющиеся у разных народов несинхронно.

Время – это единственное и главное ограничение и принуждение для живых существ; мы можем планировать, надеяться и пытаться повлиять на будущее, но отменить то, что (что-то) случится, нельзя – как всегда что-нибудь было, так всегда что-нибудь будет.

История включает в себя всё – с точки зрения прошлого всего, – всех вещей, и растворяется в этом всем. Она должна выдавать справки о том, «как было» – на любом уровне обобщения. Но, еще раз, что остается собст-

венно истории, открывает ли она свои «законы», есть ли у нее свой отдельный предмет и свои приемы по отношению к другим наукам – ведь понимание развития «отраслей» требует специальных знаний в этих отраслях – в биологии, строительстве, собаководстве, каллиграфии? Историография, источниковедение, специальные дисциплины обслуживают историю, как историю общества, человеческих взаимоотношений, целью изучения которой является самопознание обществ в их реальной форме – этнической, государственной, социальной, культурной. В отличие от истории государства и права, социологии, философии, культурологии, экономики, политологии, психологии – которые изучают общество в том числе «метафизически», в его абстрактных «основаниях», история должна была бы создавать для себя (и других) только преходящие понятия-образы (Возрождение, голодомор, Славная революция) и использовать метафизические идеи (законы) других наук, давая для их обобщений лишь материал («как оно было на самом деле»). Но четкой грани здесь не получается. «Государство», «рынок» и пр. суть отвлеченные идеи или таковыми нам представляются, но в действительности они возникли в ходе культурной эволюции как «изобретения» человечества. Они существовали потенциально как возможность и этап развития (в уме бога, в мировом разуме, непонятно в чем – этап, заложенный в законах природы), но конкретно были изобретены так же, как колесо (или как дерево – этап эволюции жизни, «изобретенный» природой). Отсюда и вопрос – что вносят субъекты, что заложено в объекте, и где проходит грань между ними? Вопрос отчасти праздный, так как грани нет, – но есть различие, две стороны.

Говорить о политике, дипломатии, информации и прочих вещах, которые теоретически представляются вечными, но возникли исторически, для удаленного прошлого неверно. О колесе можно, если оно было, как о земледелии или металлургии – хотя это уже экстраполяция сегодняш-

них понятий на прежние эпохи. Сегодняшнее колесо не то, что прежде. Мы начинаем видеть всё больший разрыв между собой и прошлым, чего раньше не было. Но есть и общее – идея колеса, круга, повторяемости, человека и т.п.

Содержание всемирной истории как борьба держав за расширение своих владений, за «передел» – это стихийно-объективный, то есть естественный процесс. Конца ему пока не видно, несмотря на ядерную бомбу, глобализацию и мусор. Объединение человечества должно состояться не столько по рациональным мотивам (целесообразности, «эффективности») сколько в силу необходимости, для выживания, так как в результате «прогресса» создаются опасности для жизни. Все движение истории объясняется в первую очередь не рациональными, а тем более, не узко моральными соображениями, а необходимостью, которая диктует, в конечном счете, тот или иной выбор. Хотя вся история – противостояние человека необходимости, свобода, каприз, творчество. Можно сказать – вышивание по канве необходимости. Культура преобразует все потребности людей – от самых вегетативных до самых эстетических. (Эстетика – такое же самопознание человека на фоне пейзажа, как и история. Размышление, сопряженное с переживанием).

Созерцание чужого горя иногда успокаивает нас, вероятно, потому, что мы чувствуем статистическое уменьшение вероятности нашего собственного несчастья. Кроме того, это сродни утешению историей – наблюдение за жизнью со стороны. (Это не реальное «переживание», требующее физических усилий). Как в компьютерных играх.

Нет истории вообще, а есть много историй чего-то. Поскольку должен быть сюжет. Но среди них есть и история всего человеческого рода, так как человечество образует коллективный субъект (своего рода биологический вид) со своей судьбой и ее поворотами.

История и математика. Все можно обсчитать; это создает иллюзию, что все поддается подсчету. Количество – способ восприятия реалий с точки зрения величин, пре-

жде всего дискретно. Для истории актуальна динамика – расчет вероятностей. Все события и факты – готовые результаты вероятностей, порождающие другие вероятности. Свершившийся факт уменьшает, а иногда увеличивает вероятность совершения аналогичных фактов. Фактор сознания (воли, которая есть и у всех живых организмов) изменяет степень вероятности в сторону увеличения. Отсюда, может быть, идея информации, то есть свершившейся предсказуемости события.

Кроме самой идеи вероятности, необходимо осознание идеи факта, или события; нечто должно быть *понято* как факт, то есть включено в какую-то субъективность.

Жизнь и смерть организмов можно рассматривать математически как соотношение вероятностей. Рождение данного индивида – факт, результирующий из многих случайностей, то есть вероятный. Вероятность смерти с точки зрения развития организма нарастает пропорционально старению, но на нее действуют и внешние факторы, такие как эпидемии.

Подсчеты на самом деле не увеличивают «объективности» исторического исследования, потому что история в любом случае исходит из свершившихся фактов, природа которых вероятностна. Если бы дневников, описывающих события в Париже XVI в., было не 5, а 10, или если бы до нас дошло все, что написано о Париже – а все навряд ли дошло – мы бы все равно знали именно случайный результат, потому что объективно, «закономерно» – чего мы, кажется, и доискиваемся, могло быть иначе. Дошедший до нас факт – это факт сам по себе, факт того, что до нас дошло и нам известно. Стремясь подсчитать все, мы получаем конкретный и всегда случайный результат. Мы можем сравнивать его с другими, говорить о большем или меньшем, о направленности процессов более уверенно. Но самые массовые «источники» по природе субъективны, то есть подлежат интерпретации в рамках разума и «морали» (ценностей).

Помимо рассказа о том, что было, историк хочет установить, как должно было быть – неизбежность, желательность, предопределенность событий – следовательно, и степень ответственности участников; установить причины. Но все это в конечном счете равнозначно предсказанию будущего – что должно случиться и в какой степени вероятности.

Поле истории – зазор между взглядом современников и потомков. Живя в настоящем, люди делают и «историю», то есть формируют взгляды на происходящее, версии событий, придают значимость фактам. (Факт – это потенциальное событие в том смысле, что он может быть когда-нибудь осмыслен как событие, или может утратить этот статус). Затем историки добавляют иной, более отрешенный взгляд.

Нет (и не может быть) единственно верной (официальной) истории, которую следовало бы преподавать в школе и университете. Другое дело, что сообщество профессиональных историков пытается выработать общественно значимый и приемлемый взгляд на все события прошлого – приблизиться к истине, в том числе и оценочно, в каком-то смысле количественно.

Одна версия всегда неполна – краткий курс не обязательно искажает, но нужно знать другие толкования и версии, тогда и будет научная история.

Проблема всемирной истории в том, что за пределами Европы не было «истории». То есть рассказ о прошлом был, типологическая память культуры была, но не было «истории» в понимании европейской традиции. Последняя детально и по-особому разработана за последние века, в этом ее отличие от, например, японской, которая тоже разработана, но по-другому. Можно рассуждать о том, был ли город у кочевников, но город в его конкретном, материально-словесном наполнении – это историческое понятие «западного» мира. Все остальное по аналогии, так как нет идеи города «в умном месте». Важна так-

же разница между мифологией и наукой – она не преодолена и сегодня даже Западом, но до конца, видимо, не может быть преодолена. Всякое определение мифологично. Политически корректное стремление к объективности переходит в свою противоположность.

Есть проблемы, вопросы, которые считаются актуальными для данной науки в данное время (и в данной стране) или навязываются ей. И есть продукт, предлагаемый обществу в виде ответов на вопросы, хотя бы и не окончательных, может быть, даже в виде самих вопросов. (И вариантов ответов).

Есть разные формы исторической работы: проблемное исследование, обсуждение темы, свободная дискуссия. Не говоря уже о публикациях и переводах источников, доказательстве гипотез и т.п. В принципе всякий текст имеет право на существование, особенно если он исходит от мыслящего существа (не знаю, есть ли тексты, создаваемые животными, наверное, есть, как и все человеческое, в зачатке. Как, например, картины, якобы создаваемые животными – но картины по-своему тоже тексты). Что не означает, что тексты не надо совершенствовать, всякий текст создается с оглядкой. «Дискурс» – именно текст с внутренней оглядкой, даже «цензурой». Дискурс – целенаправленность речи, заложенная в ней система оценок.

Воинствующее невежество сегодня пользуется лозунгами свободы и плюрализма, иногда открытия нового и неизведанного. Его лозунги – свобода, плюрализм, истина. Впрочем, конечно, не только его.

В наше время люди все меньше хотят подражать (но основная масса живет именно так, и любой гений отчасти подражателен), и все больше хотят самовыражаться. Некоторые выражают себя только в надписях на заборе, или разбрасывая мусор.

Бремя историка – материал, хотя на первый взгляд это его главное средство и цель. Он подавляет своей мас-

сой и бесконечностью. Это борьба художника и материи. Историк должен склоняться к фотографии или живописи?

Анекдот хорош, когда рассказан в первый раз. Музыку, напротив, хорошо слушать, когда она уже знакома. История – бесконечное исполнительство музыки разными людьми.

Сходство истории с криминалистикой. Это сходство в расследовании, сборе доказательств, отчасти и в оценке (но приговор историка не влечет за собой административных и уголовных наказаний).

Разница между расследованием преступления и историческим в том, что детектив примерно знает, что он ищет, а историк не знает – не должен знать. Он не должен ограничивать себя вопросами. И он спрашивает себя не «кому выгодно», а какова цель.

Например, вопросы о том, кто виноват (расследование). Кто убил президента Кеннеди – Освальд, мафия, ЦРУ, политические враги, или американский империализм. Это разные уровни объяснений, как поводы («к войне») и причины войны. Следователя интересует прежде всего «исполнитель», историка – глубинные причины – своего рода неизбежность, детерминированность событий. Это категориальное объяснение; может быть, специфика суда истории. Вина возлагается как бы на то, что сейчас называют общественными «практиками» – обычаи делать то-то и так-то в данной среде. (Я скорее называю их «технологиями», хотя это не одно и то же, – практика – как поступают, технология – как рекомендовано поступать. Практика – технология в действии). Конечно, виноваты и понятия, и среда, которые обуславливают те или иные выборы, делают их почти неизбежными, но всегда есть и личная ответственность принимающего решение, его собственная «категориальность», собственный феномен. Лет 40 назад объяснение убийства Кеннеди американским империализмом в диссертации смотрелось бы приемлемым и даже правильным; сегодня отсылки такого рода к структу-

рам не в моде, но вопрос о роли «практик» остается, поскольку они находятся теперь в центре внимания исторической науки как способы жизни, самоопределения, самопонимания, ориентира и приспособления к миру. Наука изучает феномены, но чем шире подход, тем труднее давать им однозначную оценку.

Научное творчество более коллективно, чем художественное. Чем бы мог заведовать Пушкин или Достоевский, какой коллектив или союз писателей возглавлять? Были литературные кружки, отчасти похожие на ренессансные академии, но рынок еще не сложился. Журналы, впрочем, были формой коллективного общения.

При строительстве моста или здания необходимо хорошо знать ряд технических дисциплин с их правилами и формулами, если не соблюдать последние, постройка рухнет. Но архитектор, создающий проект (и, в принципе, знакомый с правилами), дает прежде всего волю фантазии; полет мысли ценится больше всего. То же присутствует и в истории, здесь тоже есть место полету фантазии, постольку, поскольку историк не только реконструирует, но и конструирует своего рода мосты и здания.

Поэзия и творчество. Поэзия – в сущности заклинание, убеждение самого себя, вызывание определенных мыслей и эмоций, создание настроения. Серьезная поэзия имеет тот недостаток, что поэт должен встать в (театральную) позу. Как пророк (*vates*).

Секс – тоже «дань природе». Это выражение эфемистично, и в то же время точно. Поэзия – это точность подобранных слов. В этом она сродни науке.

Условность любого словесного творчества – оно не выливается в материальные результаты.

Импульс к творчеству приходит изнутри, как осознание (желание) оформить – придать форму каким-то чувствам, мыслям, неожиданно или периодически будоражащим область сознания. Эти мысли и чувства, очевидно, детерминированы, но процесс их выработки остается в

подсознании, куда поступают впечатления, они сохраняются в памяти и как-то перерабатываются. Творчество заключается в переводе этих впечатлений и результатов их восприятия (применения к своему Я, то есть оценки, принятия/отвержения, эмоционального переживания) в осознанно воспринимаемые формы. Продукты творчества суть те же объективно данные вещи и процессы, но представленные как результат их восприятия в сознании и разуме индивидов. Детская склонность рисовать является результатом готовности принимать и осваивать впечатления от окружающего мира в виде зрительных образов. Рисунок говорит и об авторе и о том, что он видел.

Творчество – это процесс экстерииоризации (вторного овнешнения) интериоризированного внешнего. То есть это объективация субъективизированного объекта, иначе говоря, это *механизм истории*, механизм сопряжения ее принуждающих и произвольных, объективных и субъективных факторов.

«Инстинктивное» творчество, идущее только изнутри, обретая в ходе истории черты института, порождает в обществе «профессиональное» творчество («социализированное»), которое является совокупностью всевозможных видов культурной деятельности, следовательно, накапливающей знания, ценности, навыки, критерии, исторический багаж и т.д. Человек, имеющий склонность к тому или иному виду творчества (и побуждаемый к этому «природой и культурой», своим биологическим естеством и тем, что усвоено в социальной среде), вступая на профессиональный путь, принимает на себя определенную социальную роль – «поэта», художника, математика, историка. Это значит, что он будет преследовать цели, признанные социально и культурно значимыми, принимать и вырабатывать соответствующие критерии, планировать и выполнять работу, обеспечивающую достижение цели, и даже получать за свои возвышенные труды вознаграждение. Здесь возникает противоречие, потому что такой че-

ловек должен как бы искусственно возбуждать свое «вдохновение» или подчинять его извне задаваемым целям, иногда совершенно ложным и чуждым ему. Свобода творчества предполагает и свободу от внутреннего насилия, то есть от предвзятости, действия по строгому плану – она заведомо предполагает, что импульсы приходят извне, хотя воспринимаются уже как внутренние. Иначе говоря, непосредственный переход от объекта-мира к объекту-произведению через сознание и разум считается ложным; в процессе творчества должно быть некое таинство, прохождение через подсознательные и интуитивные стадии.

Вместе с тем заказ, сделанный в той или иной форме, может (и должен) срабатывать как пусковой механизм для творчества. Собственное, бродящее внутри автора смутные идеи, сюжеты или мелодии тоже могут рассматриваться как своего рода «заказы».

О гениях. В чем разница между «просто выдающимся» человеком и гением? Первый в совершенстве следует стандартам, запросам публики. Второй создает новые стандарты. Гений – не тот, кто знает и понимает что-то недоступное или неважное, или малополезное для остальных, гений тот, кто доступнее формулирует важное и полезное. Для историка стандарт – дать ответы на все возможные вопросы. Но откуда берется изобретение новых вопросов?

Гениальность и успех. Гения можно определить по тому, как он живет: чем хуже, тем больше шансов. Потому что гений одержим своими идеями и образами, они мешают ему делать карьеру и заниматься текущими делами (соотношение этих занятий у разных людей помогает о них судить). Это ответ на вопрос, который есть у Марк-Твена: а не был ли некий сапожник, щедро одаренный природой, выше Наполеона как полководец (и так он поставлен в раю). Но оцениваются не способности людей, а степень их реализации, потому что гениальность (дар) не просто дремлет в генах, а заставляет человека идти к оп-

ределенной цели, прямо или чаще извилистыми путями. Гениальность – это предрасположенность к достижению каких-то социально значимых, то есть вообще собственно человеческих целей, которая культивируется (или устраняется) путем воспитания. Можно сказать, что всякий человек универсально одарен от рождения в видовом отношении, но его склонности в одном направлении слабее, чем в другом. Можно достичь многого при желании, например, стать певцом, не имея голоса, слуха, музыкальности, (но не денег! – шутка). Лучше однако, развивать в себе то, к чему есть способности и природная склонность, для этого нужно прислушиваться к себе и идти за внутренним голосом. Гений не может быть «успешным человеком» (дурацкое словосочетание), потому что успешный человек внутренне – это средний человек, он устремлен к эгоистическим и своекорыстным целям, максимум к благоденствию семьи. «Великий политик» как минимум отрешен от этих задач средней «успешности». (Но тут уже начинают смешиваться гений и злодейство). Впрочем, бывают смешанные варианты, в силу недостатков человеческой природы. Успех в этом смысле – внешняя переменная. Социальный успех заставляет идти по проторенному пути, он противоречит не только скрытой сути, но и новизне. Макиавелли говорил о том, что успех – это всеобщий критерий, особенно в политике, но у него была идея новизны, он понимал, что новые способы и порядки плохо воспринимаются массами, поэтому все новое наполовину обречено на неуспех. Собственно, его идея – это идея новизны во всем. Новый государь должен утвердить свою новизну вопреки препятствиям. Новизна (но совпадает ли она с modernity?) «раннего» Нового времени – это возврат к началу. Новое утверждает себя, только становясь старым.

Идея успеха стала превалировать в умах в Новое время, успех несет с собой благоденствие, богатство, славу и власть. Но это внешнее, которое всегда вступает в противоречие с внутренним; цель человека – гармония и

внутреннее совершенство. Политический успех – расправа с противниками, власть, – по определению аморален. Власть всегда аморальна, если не служит «гуманности» (раньше – божьим заповедям). Потому что власть – это неравенство, виртуальное унижение, возможность «злоупотребления» (коррупции). Власть должна быть бременем, как профессия палача или мусорщика. Впрочем, во всяком труде есть бремя и неприятности.

Медицина как искусство и наука. Врачевание – это приведение организма в «нормальное» (здоровое) состояние на основе накопленных знаний и опыта. Эксперименты делают это знание «естественнонаучным». Но все организмы индивидуальны, хотя современная методика лечения уходит от этого принципа. Индивид не есть набор отдельных характеристик, отличающихся от других только количественно. Впрочем, всякая модель самолета тоже индивидуальна. (Неповторимое сочетание признаков. Их можно тиражировать, как клоны). У машин нет только стремления к самосохранению, пока.

Медицина лечит на чисто механическом или биохимическом – тоже вторичном, грубом уровне – то есть убирает внешние последствия внутренних процессов или последствия внешних воздействий. Причины болезней – серьезных, органически ведущих к смерти – внутренние. Можно сказать, что это информационно-управляющие сбои. Медицина – хорошая параллель к вопросу об обществе – как его лечить. Но можно сравнить общество и с машиной – чтобы исправить механизм, надо понять, как он работает, смысл, назначение, условия, вход и выход, каналы движения, параметры и пр. То есть в машине есть смысл и обратная связь, как в организме.

Хирургия – самый надежный, но и самый грубый способ лечения. Она лечит механически, а организмы строятся на информационно-управляющем принципе. Хирургия находит кратчайший путь, если сравнить с обществом – *революционный*. Политическая революция поэтому

похожа на хирургическую операцию, хотя она может быть очень тонкой. Она может осуществиться и в виде реформ. Макиавеллизм без кавычек сродни медицине, он также пытается найти тонкие методы воздействия (помочь организму справиться с болезнью самому, с помощью лекарств, внушения и пр.), но больше уповает на грубые – вынужденно.

Сталин и врачи - ирония истории. Политик не может управлять наукой. Правитель может строить пирамиды, распределять ресурсы, казнить и миловать, но он не властен над законами природы, а следовательно, и общества тоже. Хороший правитель, как хороший врач, может не навредить, но чуда сотворить не может. (Средневековое исцеление золотухи – не исключение). Даже грамматика выше политики.

Сталин в «деле врачей» вмешался не в свое «дело». (Возможно, это его в метафизическом смысле и погубило). Это, между прочим, интрига «Собачьего сердца». Медицина в качестве естественной, позитивной науки – вне политики и идеологии. Философия и история более субъективны и произвольны. В них легче и безопаснее наломать дров.

История моральной эволюции человечества и мораль

Человечество приходит к тому, что нет абсолютных ценностей, и критерии оценки в известных рамках достаточно зыбки. Поэтому никто не может претендовать на то, чтобы быть высшим арбитром морали. (В идеале это бог, а человеческий суд пристрастен). История – это постоянная выработка критериев оценки всего, а *история как наука - процесс выработки критериев оценки человечности на данный момент и вообще.*

Критерии оценки в культуре, ее роль в эволюции человечества

При оценке художественного произведения некогда существовал тот же всеобщий критерий истинности (например, птицы, клюющие зерно у Аеллеса, а в более декларативно символическом искусстве – выражение субъективной, ценностной идеи, которая также несет в себе какую-то социально важную истину. Поэзия – особое состояние ума, выражающее наслаждение прекрасным, ощущение причастности к истине). Сегодня субъективность как самодостаточная истина настолько на первом плане, что совершенство художественного произведения почти заслоняется «плюрализмом». Предполагается, однако, что существуют какие-то правила, восходящие ко всей исторической традиции и позволяющие художественно образованным людям (элемент образования и традиции, усвоения знаний и критериев как раз и позволяет судить) давать оценку произведениям искусства на «экспертной» основе.

Сюда примешиваются финансовые и политические моменты. Для науки критерием становится польза – возможность использовать наработки в производственной технологии и в конечном счете прибыльность. Для искусства – чисто рыночная стоимость. Рынок – одно из главных изобретений человечества, полезных, но и развращающих его. Не все, что имеет стоимость, является предметом высокого искусства, но этот критерий – редкость – может быть решающим при оценке культурных артефактов (для старины практически всего – черепки).

Политическая оценка представляет собой институционализированную моральную оценку. Власть есть концентрированное выражение «морали», то есть некоей императивной истины. Утверждение системы ценностей вопреки другим системам (даже в своем роде антимораль). В политической системе ценностей и вытекающих из нее оргвыводов могут быть и дуализм, и плюрализм, и нечто среднее между ними. В государственно-политической

жизни сегодняшнего дня существует мода на либеральную демократию, как своего рода общественный строй, противостоящий тоталитаризму, хотя при этом закрывают глаза на внутренние противоречия такого строя, парадокс навязываемого стандарта свободы.

В науке – особой системе получения патентованных истин, полезных для человека, общества и государства, демократия состоит в свободе мнений, без которой познание невозможно.

Однако всегда существуют какие-то более или менее гласные и четкие критерии – традиции, среды, школ, отражающие текущее представление об истине и служащие для оценки. Их размытость порождает плюрализм, необходимый для движения дальше. Но абсолютный плюрализм невозможен, как и абсолютная уверенность в своей правоте. В любом случае существуют какие-то действующие критерии и правила, моментальная картина мира, состояния общества, науки и искусства, соразмерность вещей, которые постепенно меняются, опровергаются и обновляются, но сознание их относительности (относительности их абсолютности) не дает повода просто отвергать их без особых оснований – без утверждения новых истин.

Если предмет, человек или животное так-то устроены, с них снимается ответственность за поведение, обусловленное их параметрами. Если гению приходят в голову какие-то мысли (откуда, от кого?) – это, по видимому, не его заслуга. Вообще, все что мы воспринимаем как факт или поступок, детерминировано и имеет причину. Вопрос о вменяемости равнозначен вопросу о наградах и наказаниях, заслугах и поступках, критериях оценки действий. Исходная точка – целесообразность, заложенная в живой природе (что естественно, то оправданно, – проблема теодицеи). Но можно плюнуть дальше и свистнуть громче – есть физическая (акцидентальная) разница, заложенная в той же природе, естественно обусловленное неравенство. Объективная вменяемость по отно-

шению к буржуям или контрреволюционерам вытекает из «научного» подхода к истории, деления людей на группы. (И оно не лишено оснований). Вопрос – как измерить заслугу (или вину) – субъективный вклад индивида (и коллективного тоже)? Только акцидентально (исходя из предположения, что общая закономерность все равно бы сработала) или сущностно также? Вопрос не имеет ответа и равнозначен сослагательному наклонению – в чем смысл субъективности в истории; где именно происходит история – в индивидуальном или в «безликом»? Важно ли, кто управляет страной? Судьба – понятие чисто индивидуальное. Важно ли, кто выигрывает, а кто проигрывает? (С точки зрения истории, а не только играющих). В любом случае у волка остаются зубы, а у зайца скорость. Но культура заключается в создании искусственных зубов. Это изменение исходного расклада сил. Вопрос – насколько это изменение закономерно, куда оно ведет, и какова роль его участников. Его закономерности, очевидно, и определяются моралью или развитием «морали», то есть того, что человеческое сообщество считает желаемым. Ценности заложены объективно, но они меняются в сторону, противоположную природным правилам игры. В природе, мире и истории нет абсолютного блага и справедливости (такова одна точка зрения – светская), и ничто не гарантировано (как успех, выживание, счастливый исход). Более того, добро и зло в смысле жизни и смерти уравновешены. Культура как будто бы пытается нарушить этот баланс.

Вся культура – это приспособление, для каждой данной эпохи она является выражением человеческого фактора в итоге прошедшей истории.

VIII. Заключение.

Роль морали, ценностного, этического, субъективного фактора в истории – эволюция. Свобода

Смысл в истории одновременно и наличествует, и отсутствует. Наличие смысла заключается в целенаправленном движении – человек – целеполагающее существо, как все живое. Отсутствие смысла связано с ограниченностью жизни и ее общей предопределенностью (неизбежностью). Практическая философия отвечает на вопрос как поступать, всегда и сейчас. Жизнь – это бесконечность выборов, хотя они всегда чем-то продиктованы, то есть отчасти заданы. В процессе истории происходит формирование и накопление ценностей, условных, но и важных для становления человеческих особей. История учит, как притча, художественным способом, ненавязчиво, не предлагая готовых выводов. Она, как и любая наука, не предсказывает конкретного будущего (даже метеорология дает лишь вероятностные прогнозы), тем более что такого прогноза не может быть, и он и не нужен. Но история поучает морально и как бы советом: что бывает, что может быть. То есть на уровне общего, абстракций (которые, впрочем, для нее суть побочный продукт, не совпадающий с индивидуальностями), на уровне вероятности. История может подталкивать и вопреки прогнозируемой или неизбежной реальности (мораль противостоит природе).

Невозможность полной свободы (в этическом смысле также) состоит в том, что мы не можем освободиться от себя, пока живы, а возможно, и после смерти. Несправедливость существования, несправедливость общества – парадокс, от которого мы не можем – или не хотим избавиться. Она закономерна. Технологическая сила науки и знания в целом убывает по мере воображаемого движения по шкале дисциплин от природы к человеку – имеется в виду, что человек успешнее действует на природе, чем на себя самого. Может быть, вследствие своей

заинтересованности. Искусственно конструируя себя, человек себя и убивает, по крайней мере того себя, былого. Развитие технологии оправдывается моральными целями, но оно же и отрицает мораль. (Отрицает мораль, постольку поскольку мораль – это отказ от чего-то, жертва, противопоставление себя как средства общечеловеческим целям). Рациональность расходится с моралью в том, что истина разума полностью совпадает с достижением цели, а мораль противопоставляет одним целям другие. Мораль – это социальная рациональность.

Индивиды опираются на опыт коллективного индивида – человечества, который (опыт) диктует им их выборы. Это движение противоречиво, оно отрицает свои собственные корни, некоторые заложенные природой инстинкты.

Зачем все же нужна конкретная (собственно) история, для расследования, построения «моделей», самопознания субъектов?

Специфика истории как науки в том, что она описывает собственно жизнь, в ее «практическом применении». Это сфера опыта и практики истории, область ее «экспериментов». Отсюда родство исторического мышления с политикой как практикой деятельности (выборов, принятия решений) и значение событийности для истории. «Как оно собственно было» имеет как минимум двоякий теоретический смысл – как бывает, это обобщение, и как уже было – это предыстория сегодняшнего, реальные корни.

Цель исторических исследований – размышление над парадоксами истории (жизни), в данном случае – над противоречием между устоявшимся (и отчасти обоснованным) представлением и теми деталями, которые этой данности противостоят.

Насколько человек, выросший в определенной среде (в городе, в современной семье, без особых насущных забот), может судить о совершенно другой среде (Средних веков, например), о которой знает только из книг, с помо-

щью механизмов культурной передачи? Он вынужден опираться на выработанные культурой и наукой стереотипы.

Прогнозы

Для рассуждений о будущем необходимо понять, насколько история (как процесс) управляема. Будущего нет, поэтому оно непредсказуемо. Но все повторяется, поэтому большинство событий (значимых фактов) в известной степени предопределено. Нельзя установить, где и когда именно нечто должное (вообще) случится (именно то, чем занимается история применительно к прошлому! Она знает, что возобладали такие-то моменты и причины, но всегда пост фактум). Нельзя также установить, как изменится качество жизни – что появится конкретно нового, хотя существует футурология – прогнозы в сфере технологии в широком смысле. «Модернизация» в экономике заключается в изобретении новых способов решения вечных задач и удовлетворения вечных потребностей, главным образом, для управления внешним миром. Управлять человеком и обществом труднее.

В истории общее не соответствует частному. Точнее, исторические обобщения (отвлеченные понятия) не описывают сущности исторических явлений, каждое из которых имеет неповторимое значение (ценность). Повторяется все, но все неповторимо. Люди (и животные) судят по общему (разум, соответствие причин и следствий, целей и результатов), но стопроцентного совпадения прогнозов – по месту и времени – не бывает.

Ведущая роль национального элемента в конкретной истории вытекает именно из несовпадения исторических обобщений и реальной жизни людей. Для народов их знаменитые завоеватели – великие люди, но для других субъектов истории они изверги. Это противоречие человеческой морали и природной субъективности (эгоизма), то что называется двойной моралью.

Смысл исторического знания, знания того что было, в злопамятности – вы тогда-то сделали нам то-то, поэтому мы теперь имеем право на то-то, или все должны покаяться, или осудить нечто и пр. Это судебная распря субъектов. Как ссорятся дети. Таков смысл всеобщей истории, погоня за справедливостью.

Историческая истина требует документального подтверждения и проверки всех фактов, такова установившаяся практика. Однако такая проверка до конца невозможна, а проверка довольно мелких фактов, которой посвящено большинство исторических исследований, показывает, насколько условное и запутанное дело – установление истины. Поэтому всякая общая (глобальная, тотальная, нарративная история) основывается на ряде существующих допущений, на компромиссе, предполагающем добросовестность предшественников и достоверность свидетельств. Тем не менее помимо добросовестности есть историческая и иная слепота (ограниченность), субъективность. История так же ненадежна, как расследование уголовных дел. Если бы не документы – документы составляют для повышения надежности обязательств, следовательно, они фиксируют отношения и увеличивают вероятность достоверности. Но документы подделывают. Право всегда ненадежно, правила всегда нарушают.

Предсказание событий имеет смысл всегда лишь в определенном отношении, всегда с точки зрения субъектов. Конечно, предсказываемое землетрясение или просто дождь суть объективные природные события, имеющие вероятность, притом вероятность может возрастать или убывать. Но людей (и животных) эта вероятность интересует с точки зрения их выживания, то есть само понятие вероятности, как, впрочем, и все другие понятия, достаточно субъективно, его смысл – в выборочном отношении к действительности. Вероятность объективна, но и условна, как и понятие чуда.

Заключение

«Экстремальная» история – это история, основанная на парадоксах, парадоксальности знания и процесса познания, на выявлении этих парадоксов, зазора, существующего между неизбежностью и произволом. Во всякой научной книге и статье («высказывании») есть парадоксальность. Как набор несомненных истин парадоксы не нужны, как незавершенность спорны. Выявление упомянутого зазора и противоречий проявляется в иронии. Всякое движение противоречиво (три части – прошлое и пр.). Текст обращается к векам, но прежде всего к сегодняшнему дню. В нем есть и прикладная технология (как «чищают ружья англичане») и теоретическая (философия мира, смысл жизни вообще).

История, в частности – поле коммуникации. История также – минное поле. Хотя там могут быть скорее коровьи лепешки. Коммуникация может пониматься и как связь поколений – передача культурного опыта. Коммуникация – это передача сообщений (информации), текстов. Отношение к текстам претерпело эволюцию. Сегодняшние тексты становятся все более эфемерными, точнее, изменчивыми, дву- и многосторонними. Текст как книга (лекция, доклад) сменяется общением, диалогом.

Сегодня люди, освобождаясь от умственных пут, снова тянутся к системе, синтезу, объединению. Проблема истории в том, что утрачиваются критерии, заданные по умолчанию, значения слов по умолчанию. Все базовые принципы подвергаются сомнению. Это и можно называть кризисом истории как науки – занятия ею требуют переосмысления ее основ. Постоянного размышления над целями. Но это можно считать и расцветом, открывающим новые перспективы. Так бывает во всех науках, для этого вовсе не нужно накопления фактов.

Мы не знаем, как будет дальше, поэтому воспроизводим прошлое, как будто это своего рода «дальше» в той мере, в какой еще не бывшее является повторением бывшего.

Конечный ответ на вопрос о цели – существуют лишь частные цели на каждом данном отрезке времени (пути), вопрос о высшей цели не имеет ответа, но имеет смысл, то есть существует идея цели вообще – куда-то все движется. Так же, как существует вопрос о начале Вселенной – внешне он имеет даже прикладную форму – узнать физический смысл феномена. Но на самом деле это вопрос метафизический – вопрос чистого знания.

Историческое сознание. Есть ли математическое сознание, физическое сознание общества (представление о строении мира)?

Мораль в моем понимании не есть довесок к прочим фундаментальным факторам, действующим в истории, надстройка к надстройке, пусть даже «относительно самостоятельная». Мораль – это механизм и сущность самой истории, самого исторического процесса, потому что она выражает и смысл эволюции, ее целесообразную и ее объективную сторону. Целесообразность представляет собой схему поступков, акций, движения, их механизм. В этом механизме заложен выбор целей – идеальных точек обратного отсчета во времени, заложена оценка самих этих целей и путей их достижения. Объективность состоит в том, что все человеческие субъекты (и группы) изначально, априорно устремлены к общим для них целям (пусть в разной, часто искаженной форме), к усовершенствованию своих форм жизни, и в этом их человеческая сущность.

Под моральностью применительно к истории понимается здесь установление и описание всей совокупности критериев и ценностных установок, руководящих выбором, свободой и необходимостью (долгом), оценкой результатов. У современников событий и потомков, представляемых более поздними историками, эти критерии отчасти совпадают, отчасти разнятся. Вторые знают результат, и это не только ловушка – подсказка для предсказания назад, для отбрасывания альтернативности, но и плюс, это собственно та самая доля научности истории, которая

Заключение

придает ей взыскуемую Новым временем экспериментальность. Это возможность видеть в истории общий эксперимент, точнее, бесконечную совокупность больших и малых экспериментов и, главное, знать их результаты.

Даже историческая память являет собой поле для сложных изысканий, требующих от историка так называемого критического подхода – нужно выявить, что было и что вышло на первый план, и почему. Первое очень сложно, потому что до нас доходит уже отобранное прошлыми поколениями – конечно, они отбирают, по всей видимости, главное, но их понимание неизбежно ограничено по сравнению с нашим, как говаривали раньше, «исторически ограничено». Своего рода исторический психоанализ должен показать, что было вытеснено, почему и как, и это было бы бесполезно для лечения болезней современного общества. Но он может показать еще и механизмы функционирования истории, осуществления тех больших циклов, (о которых говорил, например, Бродель), через отвергаемую им «событийную историю», на самом деле главную для людей, для живых существ. Через массу повторяющихся, похожих, детерминированных, но и свободных, то есть совершенных на основании осмысленных решений, выборов, оценки, поступков, действуют общие причины, даже на верное законы, определяющие и материальную жизнь и противопоставившее ей себя, но не освободившееся от нее сознание.

Исчерпывается ли содержание истории «моралью»? Ее материал – безусловно нет, не исчерпывается, поскольку он подразумевает обстоятельства места и времени, описание прошлого принятым языком. Но субъективность, которая и есть человеческий подход, проникает во все поры истории, и в этом смысле «мораль», будучи некоторым отвлечением от конкретного, представляет собой его виртуальное отражение, его исходный пункт и итог, его план и моменты его осуществления, то есть эта субъективность и эта «моральность» выступают как един-

ственное содержание истории. (История не есть просто скопище примеров, однако форма ее восприятия такова).

История вне субъекта немыслима (например, мы можем говорить об истории моря – когда оно сформировалось, когда оно погибнет, но здесь уже есть элемент антропоморфизации, во всяком случае, отделения предмета от его субъектной идеи, как бы взгляд со стороны). Поэтому всякая история проникнута оценкой, стало быть, и «моральностью».

Это не совсем то же, что и пристрастность. Проблема пристрастности и объективности, оправдания и осуждения заключает в себе одно из противоречий истории и парадокс исторического сознания. Оно должно представить «как было», но оно не может представить «все» без разбору, и это уже субъективность, необходимость выбора, наличия критериев, оценки и т.д. Историк как исследователь не может выносить приговор, выставлять окончательные оценки, делить деятелей на хороших и плохих.

Он представляет человечество в целом, идею человечества и человеческую субъективность вообще. Свода общечеловеческих норм в завершенном виде не может быть, есть лишь некие принципы, продиктованные природой вообще, живой природой и человеческой природой в частности, они также подвержены эволюции и проживают историческую жизнь. Для познания человечество выработало науку, это изначально ценностная и поучающая вещь, столь же несовершенная и незавершенная в своих выводах, как все земное по отношению к идеалу. Истина обладает непреложной моральной ценностью, пусть и в негативном для человека варианте, но отступая от истины он обрекает себя на поражение – не просто не успех, а на отход от «человечности». Что есть истина? Если у человечества нет целей, то моральная истина невозможна, то есть абсолютно условна, конвенциональна. Но все-таки у человечества есть некоторая «объективная» цель, то есть то, к чему все люди стремятся по своей природе, пока они

Заключение

люди, как все живое, что роднит людей со всем живым, а отчасти и отличает. Пусть это в конечном счете круговорот, бессмысленное повторение череды жизней, никогда не достигающей идеальной завершенности, равной пустоте, абсолютному покою, небытию. Из бытия рождается жизнь, а жизнь – это утверждение ценности.

Практический вопрос: как историческая наука должна оценивать «великих» людей, особенно великих уполномоченных злодеев, часто возвеличивавших один народ за счет многих других, а впрочем, и своему народу приносивших много головной боли? Лили ли такие деятели свою воду на мельницу прогресса, имели ли они «право», были ли они из другого теста, нужны ли титаны-основатели и как поступать в подобных случаях сейчас?

Нет такого человека, который осознанно отвергнет благо и предпочтет зло, говорил простодушный Макиавелли. (Вопрос о мере его простодушности и о том, был ли это его окончательный ответ, естественно, спорный. Ведь дальше следует союз «но»...). Как бы то ни было, история должна давать ответ на вопрос о мере. Неизбежного не всегда удается избежать, это учитывается даже и в судебных процессах. Видимо, деятельность каждого человека, а может быть, и каждого народа, следует оценивать отдельно, они имеют на это право. Каждая биография – результат личных усилий и личных стремлений, не чуждых, впрочем, и общим. Поэтому честная история – это история, взвешивающая внешние обстоятельства и внутренние императивы, благородные побуждения и низменные мотивы. Она подобна честному судье, но честный судья должен действовать по букве закона, которая не всегда совпадает со справедливостью. К счастью, история букве закона следовать не обязана, у нее свои критерии – интересы человечества и отдельного человека как его полномочного представителя. Между прочим, этот принцип «гуманизма» – не такая уж туманная вещь, хотя, наверное, и приятная. (Цитирую определение, некогда высказанное Л.М. Баткиным).

Приносит ли пользу палач, или достаточно указать на то, что палачи есть (надо же им кого-то казнить)?

В общем, история должна беспристрастно воспроизводить прошлое, но ее цель – не только показать «как было», но и извлечь пользу, то есть показать какие были люди, как они были людьми, как можно быть человеком и как нужно (желательно) быть человеком в данное время и в данном месте. Почему нужно всегда показывать именно как «собственно» было? Вероятно, потому, что идеи существуют лишь умственно, а мир состоит из «собственно» вещей. Если другие науки учат как покорять природу, как расправляться с природой или, скажем мягче, обходиться с природой в человеческих целях, то гуманитарные науки, в частности, история, учат тому же применительно к человеческой природе. Если из наук мы извлекаем технологию (это уже много раз употребленное выше слово), то из истории мы должны извлекать технологию быть человеком в видовом смысле этого термина. В этом тезисе, вероятно, нет ничего нового, (история – учительница жизни), но сегодня, во времена господства технологий, искусство быть человеком как-то отошло на второй план, а о роли истории ведутся бурные дискуссии.

В противном случае история остается источником собирания справок, так называемой информации, что для нее, как и для любой науки является только технической и вспомогательной задачей. Информация – это управляющие сигналы – как на светофоре, и правила их употребления. Наука изучает условия формирования самих правил.

Некоторые итоги.

Мораль и история. Мораль в моем понимании – субъективное представление о необходимом, должном и желательном. В более узком смысле – о должном с общей (общечеловеческой точки зрения). Инстинкты разумны, но не до конца осознаваемы, то есть они не обязательно проходят через фильтр сознания. Они работают через индикаторы, сигналы (как, например, боль) вызывающие автоматические реакции. Они осознаются как приятное или неприятное ощущение, вызывающее ответ. Это хитрость разума, природы или бога, которые принимают управляющие решения помимо живого существа. Но оно может подчиниться им, а может и не подчиниться.

История нужна для того, чтобы оценить соотношение целей и результатов поступков прошлого. В том числе и коллективных. Это и есть своего рода суд истории. В ней всегда есть вектор субъективной направленности, и, естественно, объективные тенденции, – они совпадают (перекрываются) друг с другом в очень значительной степени.

Мораль в смысле гуманности присутствует лишь на маленьком отрезке истории человечества (в основном, письменном), когда оно смогло позволить себе роскошь «гуманизма». Как и отвлеченной науки вообще.

История, социология и философия. История – субъективная составляющая объективности, или субъективная форма объективности. Иными словами, если общие законы, идеи вещей существуют вне времени, то история является их воплощением во времени, *случайным и произвольным*.

Формализующие подходы, получившие распространение с развитием и по аналогии с новоевропейским феноменом «науки» (в некоторых языках науку вообще отделяют от гуманитарных дисциплин), применимы к истории с трудом. Ее субъект (в узком смысле) – личность, живет в паутине связей, масс отношений. Все это зыбко, подвижно, конкретно.

Чтобы получать ответы на какие-то конкретные вопросы, нужно задавать другие вопросы, прежде всего более общие. Но есть и частные, например, заниматься философией, не думая о боге, невозможно, хотя не он – предмет философии. Точно так же заниматься историей, не думая о философии, невозможно, хотя история не ставит своей непосредственной целью разработку и решение философских вопросов. Философия не служит богословию, а история не служит философии, но их области в значительной мере пересекаются.

Социологи в некотором смысле дают простор фантазии, не ссылаясь на *все* источники. Историки нужны, чтоб подвергнуть критике их обобщения. Они знают, что ничего не повторяется.

Сложность истории. История описывает людей, а это почти невозможно вследствие их сложной природы и изменчивости. Главная сложность, но и путеводное звено – наличие целей, целесообразная деятельность. Она присуща всем живым существам, у которых есть «объективные» цели, заданные им свыше, не осознаваемые разумом. У каждого живого существа есть своя история, потому что есть цель и желания, но не все додумались до того, чтобы историю записывать. Разум в данном (узком) случае, человеческий разум предполагает способность работать с отвлеченными понятиями вещей (идеями) и построенными на их основе (мысленными) моделями. Описать людей не проще, чем воздействовать на них, как у Гамлета в сравнении с флейтой. Впрочем, содержание истории подается в основном как процесс управления и манипулирования людьми. Процесс, действительно отмеченный скорее немногими удачами.

Альтернативность. Альтернативная история напоминает о биржевой игре. Последняя строится на альтернативах будущего и ценностном подходе. Выигрывает тот, кому лучше известно будущее. Это чистая модель предсказания необязательных событий. Известно, что будут

цены на нефть, но будут ли они расти или падать в обозримом будущем, неизвестно.

Однако в прошлом кто-то уже выиграл, а кто-то проиграл. Гитлер напал на Советский Союз, а не наоборот, поэтому рассказывать, что все задумывалось, или могло, или даже должно было быть иначе, исторически мало доказательно.

Ценности и справедливость. Все ценности более или менее виртуальны, то есть формируются в процессе общения: нужен некто, имеющий критерии оценки. Но есть ценности данные (природные) и есть «рукотворные». Последние создаются трудом, каков бы он ни был, физический или интеллектуальный – в обоих видах труда есть доля телесных и умственных усилий. Критерии оценки становятся в процессе эволюции все менее «объективными», трудовое вложение учитывается все меньше, на первом плане – властные факторы, не только политические, но и масс-культурные.

Это похоже на вопрос об авторском праве – что принадлежит автору? Он хочет вознаграждения за труд, но как оценить последний? Есть договорные отношения в рынке, купля-продажа, и есть рента – «нетрудовые доходы». Насколько справедливо их получение?

Сегодня любой продукт, особенно интеллектуальный, нуждается в продвижении на рынок. Гречневая крупа в принципе не нуждается в таком продвижении, но виртуальный момент и здесь может сработать. Если какой-нибудь «ученый» (ученые теперь работают преимущественно по грантам, фактически под заказ) докажет, что гречка особенно накапливает радионуклиды и постоянно потребляющие ее люди не доживают и до 100 лет... Проблему можно решить.

Сегодня жизнь отождествляется с получением прибыли, это синоним некоей ренты. Кому-то удастся получить ее с общедоступных вещей. В этом есть несправедливость. Справедливость криминала, как и смерти – в ка-

ком-то смысле восстановление нарушенного равенства. Все подвержено риску.

Справедливость в жизни, в динамике – это бумеранг, вера в то, что плохое и хорошее вернутся к тебе. В этом есть мистика, вера в наличие таинственных сил или законов, которые обеспечивают равновесие. В конечном счете, это вера в высшее существо, судящее и воздающее. Но есть и безликий закон действия и «противодействия».

Хотелось бы, чтобы история как продукт человеческого разума подтверждала наличие такого закона.

* * *

Весь вышеприведенный текст в значительной мере уже состоит из выводов, поэтому его итог можно свести к небольшому повтору и перечислению.

В результате нескольких обсуждений этого причудливого сочинения (за участие в которых я должен поблагодарить сотрудников Отдела Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени) выясняется, что его отдельные положения вне контекста выглядят спорно и непонятно, то есть определенный смысл они приобретают лишь в рамках целого. Поэтому стоит еще раз подчеркнуть, что здесь есть некий общий подход, единый угол зрения.

Вернемся теперь к вопросу, поставленному вначале: что значит поступать «правильно» и можно ли вообще судить о правильном безотносительно к той или иной ситуации. С точки зрения разума правильно то, что ведет к поставленной цели. Понятие цели требует наличия субъекта, который ее выбирает. Если субъект выбирает правильную «стратегию» и достигает цели, он поступает разумно, если он действует нерационально и ошибается, он не достигает цели.

Цели, однако, выбираются не совсем произвольно, они заложены в живых существах природы. Что касается

собственно морали, то есть правил, задаваемых в интересах вида или коллектива, их смысл заключается, если коротко, в поддержании баланса между альтруизмом и эгоизмом, с некоторым перевесом в пользу первого. На практике это означает в самом общем виде, что если ты никого не обижаешь и не унижаешь, то ведешь себя морально. Если тебя кто-то унижает или обижает, ты можешь защищаться, не выходя за рамки необходимого – «справедливости». (Это относится и к коллективным субъектам, в том числе этносам). Примерно в этом суть так называемого «золотого правила морали», которое формулировали разные мыслители разных народов и в разное время⁸⁴. Но не только в обществе, но и в природе по-своему действует принцип справедливости или равенства. Ведь если у волка есть зубы, то у зайца есть быстрые ноги, у каждого свой шанс. В общем, объективная правильность заключается как в логике движения к цели («технологии»), так и в критериях выбора этих самых целей, они, или их корни вытекают из основных природных принципов, и это относится и к самым благородным целям. К месту вспомнить слова Тютчева о природе: «В ней есть душа, В ней есть свобода, В ней есть любовь, в ней есть язык».

⁸⁴ Например, т. наз. *Sententia Judaeorum*: «Если кто-нибудь сворачивал с дороги в чье-нибудь владение, то – в зависимости от достоинства этого владения – подвергался в его присутствии наказанию палками или розгами или же – штрафу; если же такие наказания были несовместимы с высоким положением виновного, Александр обращался к нему с самыми тяжкими упреками. Он говорил: "А ты хочешь, чтобы на твоей земле было сделано то, что ты делаешь у другого?". (7) Он часто повторял слова, которые он запомнил, услышав их от каких-то иудеев или христиан, и, наказывая кого-либо, приказывал глашатаю говорить: (8) "Не делай другому того, чего не хочешь самому себе". Он так любил это изречение, что приказал написать его в Палатинском дворце и в общественных сооружениях». Элий Лампридий, Александр Север // Властелины Рима. М.: Наука, 1992. (Перевод С.П. Кондратьева).

Все это, может быть, достаточно очевидно, и во всяком случае для понимания того, что значит «правильно», не обязательно писать книгу. Я полагаю, что знание правил морали, начиная с базовых принципов, присуще всем людям как по природе, так и вследствие их культурного усвоения путем воспитания и образования. Более того, это и есть собственная природа человека, которая действует во многом автоматически, как инстинкты, не обязательно используя рефлексивные фильтры разума. Разумеется, конкретное оформление базовых ценностных принципов и вырабатываемые на их основе правила и критерии поведения чрезвычайно разнообразны для разных эпох и народов, и тем более бесконечно разнообразны совершаемые согласно или вопреки этим рекомендациям поступки. Их совокупность образует поле истории, и историки, изучая прошлое, как и все прочие люди, иногда задумываются над целями, правилами, ценностями и т.д., иногда не очень задумываются, но всегда, как я полагаю, имеют с ними дело и иначе быть не может. Таков итог размышлений о роли субъективности, оценочных суждений и морали в истории, составивших содержание этой книги.

Подробное содержание.

I. Вступительные пояснения.

Смысл и жанр. – О жанре. – Вопрос о предмете и названии. – *Время и жизнь.* – Предсказуемость и целесообразность. – Детерминизм и свобода. – Свобода, разум и мораль. – Мораль и рациональность, их единство. – Разум и правила. – Необходимость и свобода, их связь с рациональностью. – Свобода и бог. – Оценка и физиология. – Ум и глупость.

Подробнее о предмете и цели книги. Творчество и информация. – Диалог. – Сознание и действие. – О книге и жизни текста. – История и философия. – Загадки. – *Еще о жанре и определениях. Новое и старое.* – Критерии творчества. – Историческая наука как творчество. – *О научной литературе, профессионалах и дилетантах. О субъективности науки.* – Ученые слова. – *Снова о названиях.* – Подход Л. фон Мизеса к целям и ценностям. – Мораль и разум. – Ценность ума. – *О методе.*

О свободе, выборе и необходимости. Информация и истина. – Историчность понятия информации. – Свобода как принуждение. – Смерть в моральном (ценностном) отношении. – *О полезности и ограниченности систем. Марксизм.* – Аморальность. – *Оценки и объективность.* – Слова и образы. – *Театральность и власть.* – Зрелищность и слово. – *Определения и история. Резюме принципов природы, морали и порядка.* – Рационализм Европы. – *Случайность, необходимость, предсказание.* – Обратимость времени. – «Я» во времени. – Действие, мотив поведения.

II. Мораль как условие истории. Значение субъективности в истории и ценностного подхода в исторической науке)

1. **Научные понятия.** *Термины и инструменты познания, концепции.*

2. **История как наука.** Условия и смысл истории. – *Время* как основной параметр изменений. – Бесконечность и задачи истории как науки. – Описательность. – Отношение к прошлому и будущему. – Эрудитизм. – *Родство истории и искусства.* – Творчество. – Театр, музыка, поэзия. – Язык и перевод. – *История как поучение* (размышление нравственного толка над притчами). – Цитата и реклама - психология. – Элита. – *Мораль и демократия, или вопрос об оценках и вкусах.* – *История и цели исторического знания.* – *История и стереотипы, мифы. Творчество и повторение.* – *Проблема оригинальности, гениальности, творчества и открытий в науке.*

3. **Понятие ценности и его связь с живым.** Ценность и величина. – Смерть. – Целесообразность. – Заданность и свобода (векторы, индивид и масса, их взаимосвязь, организация и управление в природе и в обществе). – Управляющие факторы (природа, физиология, культура – социум, традиция, стереотипы, эмоции, разум, предпочтения). – *Инстинкт, власть и право.* – *Разум.*

4. **Понятие морали и этического,** их расширительное толкование с точки зрения ценностного подхода к истории. – Мораль и разум.

5. **Мораль, логика и истина.** (Истина как взаимоотношение между субъектом и объектом, информация). – Практический разум. – *Природа зла.*

6. **Иерархия ценностей и природа** (противоречивость ценностей).

7. **Природа и культура, их разнонаправленность.**

8. **Предполагаемая нерасчлененность бытия и историческое конструирование.**

9. **Идея прогресса и движения,** ее противоречивость и необходимость. – Понятие нового и новизны. – *Производство.* – Бог, мораль и идея обратимости.

10. **Общее и различное в истории человечества.** Индивиды и коллективы. – Невозможность истории по

общему плану – потребность различения лиц. – Привлекательность непредсказуемости.

11. Хронология и этапы развития – их условность и объективность.

12. Субъективность, ценности, мораль и структура исторических знаний. (План дальнейшего изложения)

13. (Само)ценность индивидуального. История как наука о повторяющемся неповторимом. – Эмпирическое знание и научное описание вещей – роль определения понятий. – Высказывания и их специфика.

III. Некоторые из существующих теорий и способов объяснения истории.

– *Теория истории. Исторический источник.*

– *Зарождение исторического знания.* Способы историописания – общечеловеческая или европейская парадигма. – Иудео-христианская концепция истории человеческого рода. – Объективный «идеализм». – Гегель, Ранке. – Марксизм. – Уровень развития общества. – Философии морали XIX в. – Современность. – Язык истории, «ментальность», возврат к «человеку». – *Коллективные представления. – О ценностях.*

– *Понятие эволюции, его логика, применимость к истории.* – *Управление, история и информация.* – Информация и наука. – Формы речи.

IV. История хозяйственной эволюции человечества и субъективный фактор. (Экономика и ценности).

– *Производство* – возможность взгляда на историю как производство и воспроизводство человечества и его индивидов (народ, род, семья, группы). – Стихийность и планомерность производства. – *Жизнеобеспечение.* – Смысл понятия «производство» (и его необязательность). – «Эффективность».

– *Демография. – Фактор роста в истории. – Экстенсивное и нерегулируемое развитие, его перспективы.*

– *Технология как второй фактор, ее взаимодействие с внешними условиями.*

– *Движение от простого воспроизводства к рыночному хозяйству – его субъективная сторона – интерес.*

– *Обмен. – Деньги – их условная, символическая сторона, мерило ценности, отношение к деньгам и их роль в истории. – Свобода, технологии и деньги. – Инфляция и кредит. – Дар и жертва, ренты. – Роль власти. – Религия и корысть. – Любовь и корысть.*

– *Влияние производственных отношений на структуру общества и его функционирование.*

Субъективная сторона производства. – Прирост искусственных ценностей. – Рынок и справедливость. – Психоанализ. – Чиновники. – Бюрократическое государство.

– *Понятие собственности как третий фактор экономики. – Взаимоотношение собственности и человека. – Собственность и ее понятие. – О понятиях. – Насилие. – О земле. – Собственность и ценность. – Распределение благ и собственности.*

– *Землевладение и рента, «естественность» процесса приращения ценности (или доходов – во времени). – Виртуальная часть стоимости. – Инфляция ценностей и история.*

V. История социальной эволюции человечества и мораль

– *Необходимость организации и распределения обязанностей, заданная природой.*

– *Социальная природа морали. Противоречия.*

– *Обобщенный человек, взгляд на него науки (медицина). – Повторяемость в субъективности. – Возможность обобщенного описания и определения человека. – Норма и нормальность. – Предсказуемость. – Магия и наука. – Об*

альтернативной истории. – Предсказуемость в истории народов. – События.

– *Снова о понятиях, описывающих общество.* –

Понятия и описание исторической реальности. – Термины, демократия. – Социальное конструирование. – Формообразование.

– *Энергетические проблемы в обществе.* – Энергия, материя, информация и жизнь. – История и энергетика.

– *От рабства к свободе, от личности к массе. Количественный и культурный фактор.* – Свобода, деньги и прогресс. – Противоречивость понятия свободы. – Свобода внутренняя и внешняя. – Свобода правописания. – Свобода и естество.

– *Идея социальной справедливости.* – Представления и реальность. – Идея революции по Марксу. – Революции и периодизация. – Производство, собственность и революция.

– *Понятие «народа».*

– *Национальность.* – *Патриотизм.* – Патриотизм и мораль. – Культура и нация.

– *Роль институтов в социуме.* – Государство, семья, религия.

– *Любовь и сексуальность как метафора истории, политики, творчества.* – Любовь как содержание жизни. – Социальный смысл любви и религия. – Насилие и свобода, инстинкт и отказ от него. – Психологические обоснования феномена проституции. – Социально-психологические причины. – О даре и сделке. – Иллюзии.

VI. История политической эволюции и мораль

– *Понятие власти и ценностный подход.* – *Мораль, право и сила (власть) – противоречия между ними.* – Определение власти и политики. – Истина и мораль. – Политика и нравственность. – Любовь и страх.

– *Насилие.* – *Царь и философ.* – *Власть, успех и демократия.* – *Насилие и благо.* – *О Сталине.* – *Злодейство*

и маньяки. – О марксизме. – Власть, государство и справедливость. – Экономическая история и энергетика.

– *Власть и произвол.* – Понятие ума, истина и мораль. – Разумность политика. – Ценности, экономика и политика.

– Право как выражение идеального плана или представления о жизни. – Противоречия права. – *Сакральный характер права.* – Право и разум. – Юристы и адвокаты.

– *Идея государства и практика.* – Градации власти, ее распределение. – *К истории властных институтов.* – Демократия и договорность. – Профессионализм политика. – Нации.

– *Коррупция.*

События. – Революции и реформы.

VII. История культурной (духовной) эволюции человечества и субъективный фактор.

– *Культура* – выражение субъективности человечества по отношению к природе. – Собственно человеческое. – Значение слова и мораль.

– *О культуре с точки зрения ее субъектов.* – Этносы, конфессии, группы. – Отдельные культуры и общечеловеческая культура.

– *Формы культуры* – вера (религии), искусство, наука. – Бог. – Конфессия и истина. – *Чуждость привычного.* – *О душе.* – *Искусство.* – Роль иронии в науке и искусстве.

– *Творчество в искусстве и истории.* – Музыка как «чистое искусство». – О пользе истории. – Театр. – Воображение. – Театр – синтетический жанр. – Феномен театра.

– *Идея богов и бога.* – Знание и вера. – *Вера и наука.* – Об ученых.

Отдельные науки и история. – История как творчество. – «Историк не должен думать». – Интеллектуальная агрессивность. – История и метеорология. – Еще раз о

Подробное содержание

времени. – История и математика. – «Поле истории». – Сходство с криминалистикой.

Поэзия и творчество. – Гении. – Успех.

Медицина как искусство и наука. – Сталин и врачи.

– История моральной эволюции и мораль. – Критерии оценки в культуре.

VIII. Заключение.

Роль морали, ценностного, этического, субъективного фактора в истории – эволюция. – Свобода.

Прогнозы. – Историческое сознание. – Оценка великих личностей.

Некоторые итоги. Мораль и история. – История, социология и философия. – Сложность истории. – Альтернативность. – Ценности и справедливость. – Итоги.

Научное издание

Юсим Марк Аркадьевич

ИСТОРИЯ И МОРАЛЬ

**Ценности и время.
Субъективный фактор в истории**

Утверждено к печати
Ученым советом Института всеобщей истории
Российской Академии Наук

Подписано в печать 9 июля 2014 г.

Формат 60x84/16
Гарнитура Таймс. Объем 17,3 усл. печ. л.
Тираж 150 экз.

ИВИ РАН, Ленинский проспект, 32А.